

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Троицкий Павел Александрович

Терминология античной атлетики у Галена

Специальность 5.9.7.
Классическая, византийская и новогреческая филология

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Эвелина Вячеславовна Янзина

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Иерархия искусств: ἰατρική, γυμναστική, ὑγιεινή, παιδοτρική...	20
1.1. Рукописная традиция и история изданий Галена.....	20
1.2. Исторический очерк.....	23
1.3. Аргументация «Фрасибула».....	38
1.4. Педотрибика: определение.....	47
1.5. Гимнастика: определение.....	50
1.6. Две гимнастики Галена.....	55
1.7. Выводы.....	59
1.8. «Гимнастика» Флавия Филострата как ответ на «Фрасибул» Галена.....	66
Глава вторая. Τὰ γυμνάσια: практико-терминологический аспект.....	78
2.1. Понятие γυμνάσιον: определение и синонимы.....	78
2.2. Γυμνάσια: первая классификация.....	86
2.3. Γυμνάσια: вторая классификация.....	95
2.3.1. Борьба.....	99
2.3.2. Панкратион и кулачный бой.....	101
2.3.3. Бег.....	103
2.3.4. Вспомогательные упражнения.....	104
2.3.5. Спортивные снаряды.....	111
2.3.6. Классификация по общим признакам.....	120
2.3.7. Упражнения Милона Кротонского.....	132
2.3.8. Упражнения палестры.....	135
2.4. Античные термины борьбы в трактате “De parvae pilae exercitio”.....	138
2.5. «Фрасибул»: спор о терминах.....	146
2.6. Выводы: гуманная гимнастика.....	151
Глава третья. Атлетическая терминология: метафорика и риторика....	155
3.1. Спортивные метафоры в анатомии и физиологии (“De usu partium”).....	157

3.2. Медицинские агоны.....	162
3.3. Метафоры борьбы.....	164
3.4. Галеновская ирония.....	170
3.5. Γυμνάζειν и ἀσκεῖν: тело и разум.....	174
3.6. Выводы.....	180
Заключение.....	183
Библиография.....	190
Список иллюстраций.....	198
Приложение: Перевод трактата «Фрасибул».....	199
Индекс атлетических терминов.....	250

Введение

Общая характеристика работы

Спорт занимал видное место в частной и общественной жизни античной эпохи. На протяжении столетий физическое воспитание было важной¹, а первоначально и основной частью образования юного грека, обычно продолжавшего посещать гимнасий и по достижении совершеннолетия, а учреждение Олимпийских, Дельфийских, Немейских и Истмийских состязаний, воспетых поэтами, задокументированных торжественными надписями и позднее описанных видными авторами эпохи римского владычества – Павсанием и Флавием Филостратом, было одним из характернейших проявлений эллинского духа. Закономерным образом в древнегреческом языке появился и развился обширный спортивный лексикон. Некоторые вошедшие в него элементы были изобретены непосредственно в атлетической среде, другие были заимствованы из повседневной речи или из прочих специальных терминологических систем. Древнегреческий язык обогатился спортивной метафорикой, к которой прибегали как классические, так и позднейшие авторы.

Незаменимым источником по истории древней атлетики является корпус сочинений Галена (129–216 гг. н.э.). Так, в своем сочинении “*Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygiene*” («Фрасибул, или относится ли гигиена к медицине или гимнастике») Гален рассуждает о положении гимнастики в иерархии искусств, в объемном труде “*De sanitate tuenda*” («О поддержании здоровья») классифицирует и описывает физические упражнения, в трактате “*Adhortatio ad artes addiscendas*” («Увещевание к занятию искусствами»), он же “*Protrepticus*” («Протрептик»), критикует профессиональный спорт, а в трактате “*De parvae pilae exercitio*” («Об упражнении с маленьким мячом») рассказывает о преимуществах игры в мяч.

¹ Marrou H.-I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris, 1965. P. 181.

Настоящая диссертационная работа посвящена античной атлетической терминологии в сочинениях Галена. В первую очередь в ней используются материалы четырех указанных выше текстов, но помимо них привлекаются также многие другие трактаты, входящие в галеновский корпус.

Актуальность темы исследования и обзор работ предшественников

Обширное литературное наследие Галена рассматривалось с разных сторон: историков медицины интересовали его открытия в анатомии и физиологии, его комментарии к теориям Гиппократов и полемика с врачами-современниками, философов – место Галена в платоновской, перипатетической и стоической традициях, исследователей общественной жизни – социальные и культурные реалии, нашедшие отражение в сочинениях галеновского корпуса. Важнейшие научные работы, связанные с философскими, лингвистическими и медицинскими теориями Галена, собраны в двух относительно недавно вышедших кембриджских изданиях: “Cambridge Companion to Galen”² («Кембриджский справочник по Галену») и “Galen and the World of Knowledge”³ («Гален и мир знания»). Первое включает как биографические главы, так и разделы, связанные с галеновскими представлениями о логике и эпистемологии, анатомии и психологии. В сборнике “Galen and the World of Knowledge” содержатся статьи, в которых рассматриваются более узкие вопросы, например, отношение Галена к эллинистической традиции экзегетики или история собранной им библиотеки. Что до социологических исследований сочинений Галена, то здесь фундаментальной работой можно назвать “Die römische Gesellschaft bei Galen” («Римское общество у Галена») Г. Шланге-Шёнингена⁴.

² The Cambridge Companion to Galen. Ed. by R.J. Hankinson. Cambridge, 2008.

³ Galen and the World of Knowledge. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009.

⁴ Schlange-Schöningen H. Die römische Gesellschaft bei Galen. Biographie und Sozialgeschichte. Berlin, New York, 2003.

Вместе с тем лексикографическая работа в отношении его текстов не была до конца проведена, и атлетической терминологии это касается в наибольшей степени. Специальные исследования, в которых внимание было бы сосредоточено на том, как Гален использует спортивные термины в прямом и переносном значении, в том числе и в риторических целях, на данный момент отсутствуют, хотя отдельные весьма меткие замечания, как будет подробнее показано ниже, содержатся в трудах ряда исследователей. Этой лакуной в современном галеноведении обусловлена актуальность настоящей диссертации.

Терминология античного спорта не может рассматриваться в отрыве от практической стороны древней атлетики, поэтому нам представляется целесообразным указать наиболее влиятельные работы, касающиеся атлетики как таковой.

Долгое время атлетика находилась вне поля зрения ученых, хотя ее значение для нашего понимания культуры античного мира нельзя недооценивать: “Athletics stirred passion and rivalry <...> It played a central role, over a long period, within civic life and festival culture, within education, within art and literature”⁵ («Атлетика возбуждала страсти и соревновательный дух. На протяжении долгого времени она играла основную роль в гражданской жизни и праздничной культуре, в образовании, изобразительном искусстве и литературе»⁶). Серьезное научное исследование древнего спорта начинается только ближе к середине XIX века. Именно тогда выходят монументальные работы И.Г. Краузе, посвященные Олимпийским играм и древнегреческой атлетике: “Olympia oder Darstellung der großen Olympischen Spiele”⁷ («Олимпия или описание больших Олимпийских игр») и “Gymnastik und Agonistik der

⁵ König J. Athletics and Literature in the Roman Empire. Cambridge, 2005. P. 7.

⁶ Здесь и далее перевод цитат из научной литературы выполнен автором настоящей работы.

⁷ Krause J.H. Olympia oder Darstellung der großen Olympischen Spiele und der damit verbundenen Festlichkeiten, so wie sammtlicher kleineren Olympien in verschiedenen Staaten, nebst einem ausführlichen Verzeichnisse der olympischen Sieger in alphabetischer Ordnung und einigen Fragmenten des Phlegon. Wien, 1838.

Hellenen”⁸ («Гимнастика и агонистика эллинов»). Некоторые ценные замечания содержатся и в более ранней работе Краузе “Theagenes oder wissenschaftliche Darstellung der Gymnastik, Agonistik und Festspiele der Hellenen”⁹ («Феаген, или научное описание гимнастики, агонистики и праздничные состязания эллинов»).

В XX веке появились такие знаменитые работы, посвященные античному спорту, как, к примеру, “Greek Athletic Sports and Festivals”¹⁰ («Греческие спортивные дисциплины и празднества») и “Athletics of the ancient world”¹¹ («Атлетика античного мира») Э.Н. Гардинера, а также “Sport in Greece and Rome”¹² («Спорт в Греции и Риме») Г.А. Харриса и “Ancient Greek Athletics”¹³ С.Г. Миллера. Все эти работы служат важным подспорьем при анализе галеновских текстов. Кроме того, немалый вклад в понимание античных атлетических практик внес Ю. Ютнер. К его комментированному изданию «Гимнастики» Флавия Филострата¹⁴, а также его исследованию¹⁵, посвященному такой узкой теме, как античные спортивные снаряды, нам пришлось не раз обращаться при написании второй главы нашей работы.

Уже в нашем столетии увидела свет процитированная выше книга Дж. Кёнига “Athletics and Literature in the Roman Empire” («Атлетика и литература в Римской империи»). Кёниг последовательно рассматривает произведения греческих и латинских писателей первых веков нашей эры, связанные с атлетикой. Главы его книги посвящены Лукиану, Диону Хрисостому, Павсанию, Силию Италику, Галену и Флавию Филострату. В разделе этого труда, посвященном Галену, излагается контекст, необходимый для понимания

⁸ Krause J.H. Gymnastik und Agonistik der Hellenen: aus den Schrift- und Bildwerken des Altertums, wissenschaftlich dargestellt und durch Abbildungen veranschaulicht. Leipzig, 1841.

⁹ Krause J.H. Theagenes oder wissenschaftliche Darstellung der Gymnastik, Agonistik und Festspiele der Hellenen. Halle, 1835.

¹⁰ Gardiner N.E. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910.

¹¹ Gardiner N.E. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1967.

¹² Harris H.A. Sport in Greece and Rome. Ithaca, New York, 1985.

¹³ Miller S.G. Ancient Greek Athletics. New Haven and London, 2004.

¹⁴ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909.

¹⁵ Jüthner J. Über antike Turngeräthe. Wien, 1896.

интеллектуального спора II–III веков н. э., связанного с определением места атлетики в сфере компетенций врача. Этот спор подробно рассматривается в первой главе нашей работы. Одной из актуальных для нас тем, затронутых, пусть и вскользь, Кёнигом, является проникновение вокабуляра атлетики из своей специальной сферы в другие. Так, Кёниг описывает трансформацию значений однокоренных слов ἄθλεύω («состязаться») и ἄθλητής («атлет»): употребление глагола ἄθλεύω выходит за рамки спорта, и с течением времени он начинает использоваться и в значении «сражаться», а существительное ἄθλητής начинает обозначать человека, наделенного необходимыми навыками в своей сфере, например, добившегося определенных успехов ритора или философа. В другие области переходят и такие первоначально сугубо атлетические термины как γυμνάζω («упражнять(ся)») и ἄγών («соревнование»). Глагол γυμνάζω мог быть использован в значении «усердно заниматься чем-то» (в первую очередь, риторикой или философией), а существительное ἄγών приобрело значение душевной или моральной борьбы.

Стоит отметить, что истории значений глагола γυμνάζω посвящена статья “On the meaning of γυμνάζω”¹⁶ («О значении глагола γυμνάζω») П. Кристесена. Так, в ранних источниках, например, у Феогида это слово имело два основных значения: «заниматься упражнениями в обнаженном виде» и «испытывать, пытаться, изнурять». В трагедиях Эсхила это же слово употреблялось в значении «мучить», «терзать», при этом в текстах Платона, Ксенофонта и Исократа этот глагол использовался исключительно в своем спортивном значении. С течением времени сфера его употребления сильно расширилась, что лишний раз показывает, как сильно была связана атлетика с другими областями человеческой деятельности в античном мире: “Gymnazo accreted new meanings, most of which extended the notions of intense activity and training inherent in the original meaning <...> The close connection between military activity and gymnastics and the educational functions of athletic practice

¹⁶ Christesen P. On the meaning of γυμνάζω // Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum). 15, 2002. S. 7–37.

facilities such as gymnasia and palaistrai account for the subsequent widening of the verb's semantic field to cover training in arms and instruction of all kinds"¹⁷ («Глагол γυμνάζω получил новые значения, большинство которых выходило за пределы представления о напряженной деятельности и тренировках, присущего его изначальному значению. Тесная связь между военным делом, гимнастикой и образовательной ролью учреждений, предназначенных для атлетических упражнений, таких как гимнасии и палестры, объясняет последующее расширение семантического поля этого глагола с включением в него военной подготовки и обучения во всем его разнообразии»).

Что касается научных трудов, посвященных непосредственно древнегреческой атлетической терминологии, то здесь нужно в первую очередь упомянуть диссертацию М. Полякова "Studies in the terminology of the Greek combat sports"¹⁸ («Исследования по терминологии греческих спортивных единоборств»). Эта работа представляет для нас особый интерес, так как в ней описано и проанализировано множество античных терминов-агонимов, в число которых входят и некоторые термины, употребленные Галеном в его трактатах. Впрочем, Поляков, во-первых, как явствует из названия его сочинения, ограничился исключительно терминологией античных единоборств, а во-вторых, не учел ряд борцовских терминов, встречающихся в галеновском корпусе. Терминам борьбы, панкратиона и кулачного боя посвящен также ряд опубликованных в последнее десятилетие работ¹⁹ Э.В. Янзиной и О.В. Корнеева и диссертация Э.В. Янзиной «Античные спортивные единоборства в терминологическом, практическом и

¹⁷ Christesen P. On the meaning of γυμνάζω // Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum). 15, 2002. S. 16.

¹⁸ Poliakoff M. Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports // Beiträge zur klassischen Philologie, 146. Königstein im Taunus, 1982.

¹⁹ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // Вестник древней истории. №1, 2014. С. 102–131; Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. 20. С. 1143–1161; Янзина Э.В., Корнеев О.В. Оксиринхские папирусы как источник знаний об античных единоборствах (Р. Оху. III, 466; Р. Оху. LXXIX, 5204) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. Т. 29. С. 662–673.

общекультурном аспектах». Это, пожалуй, единственные отечественные ученые, затрагивающие в своих исследованиях древнегреческую атлетическую терминологию и античные спортивные практики.

На протяжении долгого времени – с эпохи Ренессанса и до первой трети XIX века – литературное наследие Галена интересовало в первую очередь врачей, пользовавшихся его трудами (чаще всего, конечно, в латинском переводе²⁰) в качестве учебников и практических медицинских руководств. В сравнении с текстами других античных авторов галеновские трактаты привлекли внимание филологов-классиков довольно поздно. Показательно, что первые исследования, посвященные четырем трактатам, которые будут рассматриваться в настоящей работе наиболее подробно, относятся в подавляющем своем большинстве к первой половине XX века²¹. Эти исследования крайне немногочисленны: «Фрасибулу», например, специально посвящена только диссертация Л. Энглерта²², речь о которой пойдет ниже. Рост филологического интереса к сочинениям Галена во многом соотносится, в том числе и хронологически, с развитием изучения античного спорта. Это не представляется случайным совпадением, ведь, как справедливо замечает Н. Ибаньес, “Galen is a figure of the first rank in the history of gymnastics and sports medicine in antiquity”²³ («Гален – фигура первого ряда в истории гимнастики и античной спортивной медицины»).

Самой, пожалуй, значимой работой, в которой подробнейшим образом рассматривается отражение спортивной проблематики в сочинениях Галена, является диссертация Э. Фельзенхельда “La médecine du sport chez Galien:

²⁰ См.: Fortuna S. The Latin Editions of Galen's Opera omnia (1490–1625) and Their Prefaces // Early Science and Medicine. 17, 2012. P. 391–412. См. также: Durling, Richard J. A Chronological Census of Renaissance Editions and Translations of Galen // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 24, 1961. P. 230–305.

²¹ Fichtner G. Corpus Galenicum. Bibliographie der galenischen und pseudogalenischen Werke. Berlin, 2019. S. 7–8, 36–38.

²² Englert L. Untersuchungen zu Galens Schrift Thrasybulos // Studien zur Geschichte der Medizin. Heft 18. Leipzig, 1929.

²³ Nieto I.J.M. Galen's Treatise Thrasybulos and the Dispute between Paidotribes and gymnasts // Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum). 16, 2003. S. 147.

corps athlétiques, corps sains, corps malsains”²⁴ («Спортивная медицина в произведениях Галена: тела атлетов, здоровые тела, нездоровые тела»). В фокусе внимания Фельзенхельда оказываются не только трактаты, напрямую связанные со спортивной тематикой, как те же «Протрептик» и «Фрасибул», но и десятки других сочинений Галена, имеющие хотя бы косвенное отношение к атлетике. Кроме того, Фельзенхельд перевел на французский язык трактат “De parvae pilae exercitio” «Об упражнении с маленьким мячом». Попутно отметим, что и русский комментированный перевод²⁵ этого трактата, выполненный И. В. Пролыгиной, появился совсем недавно. Этой же исследовательнице принадлежит и снабженный комментарием перевод²⁶ галеновского «Протрептика».

Работа Фельзенхельда разделена на две части: в первой подробным образом анализируется разносторонняя критика спорта в произведениях Галена, во второй речь идет, наоборот, о реабилитации спортивных занятий в галеновских сочинениях. Конечно, Фельзенхельд обращается к специальной атлетической лексике и ее употреблению у Галена. Некоторые его замечания схожи с замечаниями Кёнига: “Tout d’abord, la formation d’athlète et celle du médecin philosophe nécessitent l’une et l’autre la pratique assidue de nombreux exercices. Les deux activités partagent ainsi un vocabulaire commun composé de la famille lexicale d’ἀσκέω et de γυμνάζω”²⁷ («Прежде всего, и подготовка атлета, и подготовка врача-философа требуют тщательного выполнения множества упражнений, вследствие чего эти занятия пользуются общей терминологией, которая состоит из слов, входящих в лексическую семью глаголов ἀσκέω и γυμνάζω»). Однако лексикологический анализ не входил в цели работы

²⁴ Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011.

²⁵ Гален. Об упражнении с маленьким мячом. Пер. с древнегреч. и примеч. И.В. Пролыгиной // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, №1. С. 253–261.

²⁶ Гален. Протрептик. Пер. и комм. И.В. Пролыгиной // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 847–866.

²⁷ Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 527.

Фельзенхельда, и этот ученый в основном ограничивается или простым перечислением терминов, как, например, в случае с синонимами существительного γυμνάσιον («упражнение»), или замечаниями общего характера в духе приведенного выше пассажа. Вполне плодотворным представляется Фельзенхельду сопоставление текстов Галена с трактатами Флавия Филострата, а также с компилятивными материалами врача IV века н. э. Орибасия: “La confrontation détaillée du corpus galenique avec la traité Sur la gymnastique de Philostrate <...> et l’analyse des chapitres 11 à 18 du sixième livre des Collections médicales d’Oribase permettrait de mettre en évidence les permanences et les évolutions des problématiques liées au sport dans l’Antiquité tardive”²⁸ («Детальное сравнение текстов галеновского корпуса с трактатом Филострата «О гимнастике», а также анализ 11–18 глав шестой книги «Медицинского сборника» Орибасия позволили бы выявить спортивную проблематику поздней Античности в ее постоянстве и развитии»). И «Гимнастика» Филострата, и отрывки из собрания Орибасия привлекаются в нашей работе для сравнения с галеновскими сочинениями.

Возвращаясь к диссертации Энглерта, посвященной трактату «Фрасибул», необходимо отметить, что относительно таких базовых понятий античной атлетики как, к примеру, γυμναστής («гимнаст», т.е. спортивный тренер) в ней высказывается ряд соображений, которые дополняют замечания Ютнера из введения к его изданию «Гимнастики» Филострата. Однако в разделе работы Энглерта, озаглавленном “Zur Terminologie in Galens Schrift *Θρασύβουλος*” («К вопросу о терминологии в сочинении Галена “Фрасибул”»), рассматриваются только философские и медицинские термины. Надо сказать, что отсутствие должного внимания к атлетической терминологии является чертой почти всех научных трудов, затрагивающих специальные спортивные

²⁸ Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 586.

сочинения Галена. Так, например, в исследовании²⁹ трактата «Об упражнении с маленьким мячом», выполненном Э. Венкебахом, о многочисленных борцовских терминах, некоторые из которых отличаются исключительной редкостью, не сказано ни слова.

Наконец, из переводов галеновских сочинений, использованных нами при написании работы, кроме упомянутых выше, следует отметить английский комментированный перевод³⁰ трактатов «Фрасибул» и «О поддержании здоровья» П. Сингера, во всех отношениях, на наш взгляд, превосходящий перевод этих же текстов, вышедший в серии Loeb Classical Library³¹. В случае с «Протрептиком», помимо перевода И.В. Пролыгиной, нами привлекалось снабженное переводом и комментарием издание В. Будон-Мийо³². В качестве приложения к нашей работе будет представлен первый перевод трактата «Фрасибул» на русский язык.

Объект и предмет исследования

Объектом настоящего исследования является корпус сочинений Галена. Основное наше внимание сосредоточено на четырех трактатах, имеющих прямое отношение к атлетике: “*Thrasybulus sive utrum medicinae sit an gymnasticae hygiene*” («Фрасибул, или относится ли гигиена к медицине или гимнастике»), “*De sanitate tuenda*” («О поддержании здоровья»), “*Adhortatio ad artes addiscendas*” («Увещевание к занятию искусствами») и “*De parvae pilae exercitio*” («Об упражнении с маленьким мячом»). Кроме того, в ряде разделов нашей работы привлекается трактат Флавия Филострата «Гимнастика», а

²⁹ Wenkebach E. Galenos von Pergamon: Allgemeine Ertüchtigung durch Ballspiel: Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Bd. 31, H. 4/5, 1938. S. 254–297.

³⁰ Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (*De sanitate tuenda*). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023.

³¹ Galenus. Hygiene. In 2 vols. Vol. 2. Hygiene II. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball / ed. and trans. from the Ancient Greek by I. Johnston. Cambridge, London, 2018.

³² Galien. Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. Texte établi et traduit et annoté par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000.

также сочинения Гиппократ и других античных и византийских врачей – Антилла, Афиней Атталийского, Орибасия и Аэция.

Предметом исследования является античная атлетическая терминология. Атлетическая терминология включает понятия из базового спортивного обихода, такие как γυμναστής, παιδοτρίβης, γυμναστική и παιδοτριβική, набор прилагательных, используемых Галеном для классификации физических упражнений, к примеру, σφοδρός и εὔτονος, а также существительные и глаголы, связанные с конкретными видами спорта: бегом, игрой в мяч, боевыми искусствами (δίαυλος, κυλίνδειν, τραχηλισμός и др.).

Цели и задачи работы

Цель нашей работы состоит в изучении античной атлетической терминологии в корпусе сочинений Галена. Под этим мы понимаем лексикографический анализ спортивной терминологии в галеновских текстах, уточнение или реконструкцию значений терминов, и, наконец, исследование галеновского употребления атлетической терминологии вне ее специальной сферы.

Для достижения этой цели необходимо выполнить несколько задач:

1. Дать точные определения базовых понятий античной атлетики у Галена (γυμναστής, γυμναστική, παιδοτρίβης и παιδοτριβική), опираясь на материалы трактатов «Фрасибул» и «О поддержании здоровья».
2. Сравнить галеновское понимание этих терминов с предшествовавшей традицией и современными Галену тенденциями. Выявить сходства и различия, позволяющие выделить общие черты эллинского взгляда на атлетическую культуру времени Второй софистики.
3. Установить особенности спортивной терминологии, употребленной в описаниях упражнений трактата «О поддержании здоровья», борцовой терминологии трактата «Об упражнении с маленьким мячом», а также

критических замечаний относительно используемых в атлетической среде терминов, которые Гален высказывает во «Фрасибуле».

4. На основании проведенного анализа определить новаторскую концепцию тренировок, предложенную Галеном, сравнить ее с имеющимися свидетельствами о современных ему атлетических практиках.

5. Определить функции заимствованных из атлетической сферы метафор, употребленных Галеном в качестве средства художественной выразительности и в качестве риторического средства.

Методология

Для выполнения поставленных задач в исследовании были использованы классические методы лексикографического, в том числе корпусного, анализа. Атлетическая терминология, встречающаяся в текстах Галена, была рассмотрена с привлечением корпуса греческих текстов Thesaurus Linguae Graecae и ряда словарей (“A Greek–English Lexicon”, “Diccionario Griego-Español”, “W. Pape’s Handwörterbuch der griechischen Sprache”, “Dictionnaire grec-français”, русские словари А.Д. Вейсмана и И.Х. Дворецкого). Для корректировки значений спортивных терминов были помимо этого использованы античные и византийские лексиконы Юлия Поллукса, Гесихия и патриарха Фотия. Для уточнения значений ряда терминов также были привлечены существующие английские и французские переводы галеновских сочинений. Кроме того, для поиска необходимых древнегреческих контекстов активно задействовалась программа Διογένης.

Научная новизна

Данная диссертация – первое комплексное исследование античной атлетической терминологии в корпусе сочинений Галена. Авторы существующих научных работ, связанных со спортивной тематикой в галеновских текстах, либо не касались терминологических вопросов, либо рассматривали их очень поверхностно.

В настоящей работе атлетическая терминология, начиная от основополагающих понятий, часто встречающихся в античной литературе, и заканчивая редчайшими словами, употребленными только Галеном, причем иногда единожды, изучена систематически и с привлечением обширного материала, включающего помимо четырех основных названных выше трактатов, десятки других сочинений, принадлежащих Галену и другим античным писателям. Прделанный в настоящей диссертации лексикографический анализ позволяет проследить взаимосвязь различных терминологических систем древнегреческого языка, а также углубить наше понимание атлетической метафорики. Кроме того, значение некоторых атлетических терминов уточнено или восстановлено нами на основании галеновского словоупотребления. Наконец, на основании проведенного исследования атлетической терминологии в текстах Галена нами установлены его представления, касающиеся спорта и физической активности как таковой.

Отдельно стоит подчеркнуть, что в качестве приложения к диссертации представлен первый русский перевод трактата Галена «Фрасибул», введение которого в научный оборот может быть полезно не только для филологов, но также для историков медицины и спорта.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в том, что проведенный анализ дает возможность усовершенствовать научное понимание:

- 1) древнегреческой спортивной лексики;
- 2) словоупотребления Галена и некоторых других античных медицинских авторов;
- 3) развития античных медицинских и философских учений, связанных с атлетикой;

4) повседневных спортивных практик римской эпохи.

Практическая значимость нашей работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при аналитическом чтении сочинений Галена и составлении к ним комментариев. Последнее, заметим, представляется нам особенно важным, так как комментированные русские издания подавляющего большинства галеновских трактатов пока что не выпущены. Помимо этого результаты, достигнутые в нашей диссертации, позволяют дополнить древнегреческо-русские словари, в которых отсутствуют не только предлагаемые нами значения атлетических терминов, но в ряде случаев и сами эти термины. В перспективе можно говорить о создании объемного словаря античной атлетики, который будет включать не только термины, встречающиеся у Галена, но будет охватывать также словоупотребление классических, эллинистических и даже христианских авторов с учетом данных эпиграфики.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения:

1. На момент создания галеновских трактатов древнегреческая атлетическая терминология, несмотря на существование многовековой медицинской и спортивной традиции, находилась на этапе формирования, и Гален выступил не только в роли систематизатора атлетической терминологии, но и в роли ее создателя. Если для некоторых общеупотребительных базовых понятий (например, γυμνάσιον) он дает подробные определения, то ряд встречающихся в его сочинениях спортивных терминов является, по всей видимости, его нововведением (πιτυλίζειν, ἄλωσις, ἀποστήριξις).

2. Трактат Галена «Фрасибул» служит свидетельством разгоревшегося в римскую эпоху спора о месте гимнастики и медицины в иерархии искусств. В этом сочинении Гален предлагает дефиниции для дискуссионных понятий γυμναστική и παιδοτρική. Гимнастику он определяет как знание эффектов,

которые производят физические упражнения на человеческое тело. Искусство педотриба, в свою очередь, низводится им до положения полностью подчиненного гимнастике ремесла, связанного исключительно с выполнением борцовских приемов и массажем.

3. Традиционную характеристику упражнений как «легких» и «тяжелых» (τὰ κοῦφα и τὰ βαρύτερα) Гален усложняет введением антонимических пар εὔτονος–ἄτονος («напряженный» – «расслабленный») и σφοδρός–ἀμυδρός («интенсивный»–«вялый»), при помощи которых он классифицирует десятки упражнений. Эти прилагательные Гален переносит из медицинского лексикона, в котором они использовались для обозначения видов пульса, в атлетический. При этом некоторые употребляемые Галеном термины (ἄμμα, τραχηλισμός) были, наоборот, заимствованы в медицинский лексикон из атлетического.

4. В трактатах Галена богато представлены метафоры, заимствованные из атлетической сферы. На примере его сочинений можно увидеть, что для древнегреческой медицинской традиции характерно использование спортивных метафор при анатомических и физиологических описаниях (например, метафоры бега и беговая лексика: δίαυλος, δόλιχος, καμπτήρ и др.). Кроме того, атлетическая терминология, в первую очередь, борцовская (λυγίζειν, στρέφειν, πτῶμα), активно применялась Галеном в полемических целях, причем значение терминов (например, κυλίνδειν) могло изменяться для риторического эффекта.

Апробация работы

Основные положения работы отражены в четырех научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология. Предварительные результаты исследования были представлены к обсуждению на следующих

международных и всероссийских научных конференциях: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2025 г.); Международная конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти профессора И.М. Тронского)» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2023, 2025 гг.).

Структура работы

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка иллюстративного материала, приложения и индекса атлетических терминов.

Глава 1. Иерархия искусств: *ιατρική, γυμναστική, ὑγιεινή, παιδοτρικὴ*

1.1. Рукописная традиция и история изданий Галена

Подробный анализ рукописной и издательской традиций, связанных с многочисленными сочинениями галеновского корпуса, выходит за рамки настоящего исследования, поэтому мы ограничимся общей характеристикой рукописей, содержащих главные интересующие нас тексты («Фрасибул», «О поддержании здоровья», «Протрептик» и «Об упражнении с маленьким мячом»), и использованных нами изданий этих трактатов.

В предисловии к своему изданию «Фрасибула» Г. Хельмрайх пишет, что в его основание был положен созданный в XII–XIII вв. пергаменный кодекс *Laurentianus plut. LXXIV 3*³³. Эта рукопись значительно, по мнению Хельмрайха, превосходит поздние кодексы *Marcianus append. V 45* (XV в.) и *Parisinus 2164* (XVI в.): первый отличается большим количеством ошибок, а второй не привносит ничего нового в сравнении с кодексом *Laurentianus*, будучи, по всей видимости, переписанным непосредственно с него или с одной из его копий³⁴. *Editio princeps* «Фрасибула», вошедшее в пятитомное издание Галена³⁵, осуществленное в типографии Альда Мануция в 1525–1526 гг.³⁶, как пишет Хельмрайх, следует рукописи, подобной кодексу *Marcianus append. V 45*³⁷. Текст «Фрасибула» был также включен в многотомные издания Р. Шартье³⁸ и К. Г. Кюна³⁹. Оба они были использованы Хельмрайхом при подготовке его собственного издания «Фрасибула». Надо отметить, что издание Кюна, несмотря на то, что с момента его появления прошло два

³³ *Claudii Galeni Pergameni Scripta minora*. Vol. III. Ex recognitione Georgii Helmreich. Lipsiae, 1893. P. IV.

³⁴ *Ibid.* P. V.

³⁵ *Γαληνῶν. Galeni librorum...* Venetiis: Aldus, 1525–1526.

³⁶ Подробнее см.: Perilli L. Risky Enterprise: The Aldine Edition of Galen, the Failures of the Editors, and the Shadow of Erasmus of Rotterdam // *Early Science and Medicine*, 17, 2012. P. 446–466.

³⁷ *Claudii Galeni Pergameni Scripta minora*. Vol. III. Ex recognitione Georgii Helmreich. Lipsiae, 1893. P. V.

³⁸ *Operum Hippocratis Coi, et Galeni Pergameni, medicorum omnium principum*. Lutetia Parisiorum, 1638–1639.

³⁹ *Claudii Galeni opera omnia*. Ed. curavit C.G. Kühn. Lipsiae, 1821–1833.

столетия, по сей день остается самым полным собранием галеновских сочинений, однако несомненным недостатком этого издания является отсутствие критического аппарата. По этой причине при переводе и работе с текстом «Фрасибула» мы пользовались изданием Хельмрайха.

Сочинение “De sanitate tuenda” пользовалось в Средние века популярностью, поэтому до наших дней дошло немалое количество рукописей, содержащих этот трактат. К. Кох, подготовивший издание⁴⁰ “De sanitate tuenda” для Corpus Medicorum Graecorum, сообщает о двух основных ветвях связанной с этим текстом рукописной традиции (a и b)⁴¹. Ветвь a восходит к более древней редакции текста и представлена только одним, причем частично испорченным, манускриптом Marcianus 276 (XII в.). Существовали и другие рукописи, относящиеся к этой ветви, о чем косвенно свидетельствует латинский перевод трактата, выполненный в XIV в. Никколо да Реджио, который имел, по всей видимости, доступ к утраченным на настоящий момент манускриптам⁴². Что касается ветви b, то она представлена в первую очередь двумя рукописями XV в. – Reginensis 173 и Marcianus 282. Манускрипт Reginensis 173 был привлечен при создании упомянутого выше editio princeps. Кюн, равно как и его предшественники, пользовался в своем издании рукописями, восходящими к традиции b. Кох, напротив, первым предложил опереться на более древний Marcianus 276. Самым, пожалуй, заметным результатом этого нововведения стало возвращение отрывка пятой книги трактата, посвященного упражнениям в пожилом возрасте, на его изначальное место. Как и в случае с «Фрасибулом», текст “De sanitate tuenda”, предложенный Кюном, почти не уступает тексту Коха, поэтому нами привлекались оба издания.

⁴⁰ Galeni De sanitate tuenda libri VI. Ed. K. Koch // Corpus Medicorum Graecorum. V 4, 2. Lipsiae et Berolini: In aedibus B.G. Teubneri, 1923.

⁴¹ Ibid. P. VII.

⁴² Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 90–91.

В случае с «Протрептиком» исследователи также выделяют две основные ветви рукописной традиции. Ветвь а связана с текстом, принятым в *editio princeps*, и латинским переводом трактата, выполненным Эразмом Роттердамским, неоднократно сетовавшим на качество греческого текста, изданного в типографии Альда Мануция⁴³. Впрочем, еще до появления *editio princeps* А. Полициано выписал несколько отрывков «Протрептика» из не дошедшего до нас манускрипта ветви а. Эти отрывки вместе с другими извлечениями из античных авторов входят в состав *Codex Monacensis Latinus*. Манускрипт, легший в основу *editio princeps*, также был утрачен. Вышедшее в 1538 г. базельское издание Галена, в сущности, полностью повторяет *editio princeps*. Определенное представление о ветви б дает латинский перевод Л. Беллисарио, увидевший свет в Венеции в 1541 г. Греческую рукопись, с которой работал Беллисарио, постигла та же участь, что и манускрипт, послуживший основой для *editio princeps*. Латинский перевод Беллисарио в ряде случаев позволил улучшить существовавший на тот момент греческий текст⁴⁴. К этой же текстуальной традиции относится и латинский перевод Дж. Б. Разарио, появившийся в 1562 г., а также критические пометки Дж. Кайуса, сделанные на полях базельского издания Галена. Установлено, что Кайус пользовался переводом Беллисарио, однако другие его источники трудно реконструировать. Экземпляр издания с пометками Кайуса более поздние издатели и переводчики Галена, например, Т. Гулстон (1574–1632), называют *Codex Londinensis*. Гулстон пользовался множеством изданий предшественников, а также утерянными на данный рукописями, среди которых фигурирует некий *Codex Pindari*. На протяжении XVII–XIX вв. «Протрептик» не раз переиздавался. Кроме уже упоминавшихся собраний Шартье и Кюна, следует назвать издания И. Маркардта⁴⁵ и Г. Кайбеля⁴⁶. Труд

⁴³ Galien. Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art medical. Texte établi et traduit et annoté par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000. P. 47.

⁴⁴ Ibid. P. 48–49.

⁴⁵ Claudii Galeni Pergameni Scripta minora. Ex recognitione Ioannis Marquardt. Vol. I. Lipsiae, 1884.

⁴⁶ Cl. Galeni Proptreptici quae supersunt. Ed. Georgius Kaibel. Berolini: Apud Weimannos, 1894.

Кайбеля послужил образцом для издания «Протрептика», осуществленного В. Будон-Мийо⁴⁷, которым мы пользовались при написании работы.

Самым ранним списком трактата «Об упражнении с маленьким мячом» является Codex Laurentianus 74, 3, созданный в XII в. Этот манускрипт, к которому обращались все издатели трактата, отличается множеством скорописных сокращений, крайне затрудняющих чтение⁴⁸. Маркардт упоминает еще две рукописи, привлеченные им для исправления текста – Codex Marcianus 276 (XV в.) и Codex Parisinus bibl. Nation. Suppl. Graec. 35. Последний представляет собой позднюю копию Codex Laurentianus⁴⁹. Э. Венкебах называет еще две рукописи, восходящие к тому же архетипу, что и Codex Laurentianus и Codex Marcianus, – Codex Ambrosianus Q 3 (XIV в.) и Codex Marcianus append. Class. V 4 (XV в.)⁵⁰. «De parvae pilae exercitio», как и предыдущие три трактата, вошел в editio princeps типографии Альдо Мануция и издания Шартье и Кюна. Текстологические решения Венкебаха представляются нам наиболее удачными, поэтому наш выбор остановился на его издании.

1. 2. Исторический очерк

В своем сочинении «Протрептик»⁵¹ Гален обращается к юношам, призывая их избрать одно из достойных искусств. Он рисует картину, на которой бога Гермеса, «владыку разума и мастера во всяком искусстве»⁵² (Gal. *Protr.* 3, 1), окружает сонм служителей этих искусств (Gal. *Protr.* 5, 2): οἱ μὲν

⁴⁷ Galien. Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art medical. Texte établi et traduit et annoté par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000.

⁴⁸ Claudii Galeni Pergameni Scripta minora. Ex recognitione Ioannis Marquardt. Vol. I. Lipsiae, 1884. P. XII.

⁴⁹ Claudii Galeni librum De parvae pilae exercitio. Ed. Johannes Marquardt. Güstrow, 1879.

⁵⁰ Wenkebach E. Galenos von Pergamon: Allgemeine Ertüchtigung durch Ballspiel: Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Bd. 31, H. 4/5, 1938. S. 257.

⁵¹ О традиции жанра протрептика в связи с одноименным трактатом Галена см.: Galien. Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art medical. Texte établi et traduit et annoté par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000. P. 3–16.

⁵² Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 848).

ἔγγιστα τῷ θεῷ καὶ περὶ αὐτὸν ἐν κύκλῳ κεκοσμημένοι γεωμέτραι καὶ ἀριθμητικοὶ καὶ φιλόσοφοι καὶ ἰατροὶ καὶ ἀστρονόμοι καὶ γραμματικοί, τούτων δ' ἐφεξῆς ὁ δεύτερος κόσμος ζωγράφοι πλάσται γραμματισταί, τέκτονές τε καὶ ἀρχιτέκτονες καὶ λιθογλύφοι, καὶ μετ' αὐτοὺς δ' ἡ τρίτη τάξις, αἱ λοιπαὶ τέχναι πᾶσαι («Самые близкие к богу, расположившиеся вокруг него, суть геометры, арифметики, философы, врачи, астрономы и грамматики. Следом за ними второй сонм: художники, скульпторы, преподаватели грамоты, плотники, зодчие, камнетесы, а после них и третий ряд: все прочие виды искусств»⁵³). В приведенном отрывке отчетливо прослеживается характерное для Галена представление об иерархии искусств, тесно связанное с вопросом о разграничении их сфер деятельности. Полемический труд Галена «Фрасибул» посвящен именно такому вопросу, как это явствует уже из подзаголовка⁵⁴ этого трактата: πότερον ἰατρικῆς ἢ γυμναστικῆς ἐστὶ τὸ ὑγιεινόν («относится ли гигиена⁵⁵ к медицине или гимнастике»⁵⁶). В атмосфере борьбы медицинских школ⁵⁷ и жесткой конкуренции не только внутри самой врачебной среды, но также между медициной и другими дисциплинами⁵⁸, претендовавшими на

⁵³ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 850).

⁵⁴ О вариантах подзаголовка в рукописной традиции см.: Claudii Galeni Pergameni Scripta minora. Vol. III. Ex recognitione Georgii Helmreich. Lipsiae, 1893. P. IV.

⁵⁵ В этой главе для краткости мы будем пользоваться понятием «гигиена», однако в нашем переводе трактата для передачи термина τὸ ὑγιεινόν было выбрано выражение «поддержание здоровья». Это, во-первых, обусловлено некоторыми различиями между античным и современным пониманием гигиены, а во-вторых, позволяет лучше передать лингвистические аргументы Галена (см. Gal. *Thras.* 8, 47). Большинство исследователей предпочло использовать соответствующие аналоги – “Hygiene” (Ю. Ютнер), “hygiène” (Э. Фельзенхельд), «hygiene» (И. Джонстон), но П. Сингер, к примеру, оперирует терминами “healthfulness” (τὸ ὑγιεινόν), “art of healthfulness” (ἡ ὑγιεινή) и “health-practitioner” (ὁ ὑγιενός).

⁵⁶ Использование для перевода γυμναστική, παιδοτρίβική, γυμναστής и παιδοτρίβης транслитерированных терминов кажется более удачным вариантом, чем поиск соответствий в русском языке. Что касается переводов на новые европейские языки, то здесь мы видим большее разнообразие, чем в случае с гигиеной. Так, Фельзенхельд передает термин γυμναστής как “programmateur sportif” и παιδοτρίβης как “pédotribe”, Джонстон переводит παιδοτρίβης как “gymnastic trainer” и γυμναστής как “gymnast”, а Сингер вводит понятия “physical trainer” (γυμναστής) и “child-rearer” (παιδοτρίβης). Ютнер, в свою очередь, выбрал транслитерированный вариант: “Gymnast” и “Paidotrib”.

⁵⁷ Lloyd G.E.R. Galen and his contemporaries // The Cambridge Companion to Galen. Ed. by R.J. Hankinson. Cambridge, 2008. P. 41–42. См. также: Kollesch, Jutta. Galen und seine ärztliche Kollegen // *Altertum*. 11, 1965. S. 47–53.

⁵⁸ König J. Athletics and Literature in the Roman Empire. Cambridge, 2005. P. 255.

часть ее компетенций, определение области медицины оказывалось делом не просто важным, но жизненно необходимым. Однако прежде чем мы перейдем к рассмотрению сложной архитектоники аргументации «Фрасибула», представляется не лишним дать краткий обзор отношений между медициной, гимнастикой, гигиеной, а также педотрибикой, не вынесенной в подзаголовок трактата, но играющей в галеновской иерархии искусств определенную роль, в предшествовавшие Галену эпохи.

Небольшой исторический экскурс содержится в самом «Фрасибуле». Гален приводит несколько стихов из гомеровских поэм, в которых упомянут врач (Il. XI, 514–515, Od. IV, 230–231), после чего добавляет (Gal. *Thras.* 33): γυμναστικῆς δὲ τέχνης οὐπω μὲν ἦν τοῦνομα καθ' Ὅμηρον οὐδὲ καλεῖται τις ὅλως γυμναστής, ὥσπερ ἰατρός, ὅπου γε καὶ παρὰ Πλάτωνι τὸ μὲν τῆς γυμναστικῆς ὄνομα οὐ πολλάκις εὐρεῖν ἔστι, παιδοτρίβην μέντοι καλεῖ μᾶλλον ἢ γυμναστὴν τὸν τεχνίτην αὐτῆς. ἥρξατο γὰρ ὀλίγον ἔμπροσθεν τῶν Πλάτωνος χρόνων ἡ τέχνη τῶν γυμναστῶν, ὅτε περ καὶ τὸ τῶν ἀθλητῶν ἐπιτήδευμα συνέστη («Понятия гимнастического искусства у Гомера еще не было, и вообще ни один гимнаст, в отличие от врача, у него не упомянут. И даже у Платона, в свою очередь, это понятие встречается не часто, при этом представителя этого искусства он предпочитает называть педотрибом, а не гимнастом. Дело в том, что искусство гимнастики появилось незадолго до Платона, именно тогда, когда было положено начало атлетическим занятиям»⁵⁹). Насчет гигиены Гален замечает, что первым ее выделил в качестве самостоятельной области знания Эрасистрат (Gal. *Thras.* 38, 47). Первенство медицины в сравнении с гимнастикой и тем более гигиеной, пожалуй, неоспоримо, однако история появления и развития гимнастики и гигиены заслуживает изложения и комментария.

Процитированное выше высказывание Галена, по замечанию Ютнера⁶⁰, не полностью соответствует действительности. То, что Гален называет

⁵⁹ Здесь и далее переводы с древнегреческого выполнены автором настоящей работы, если не указано иное.

⁶⁰ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 4.

«атлетическими занятиями», получило среди эллинов распространение задолго до Платона: уже Ксенофан, родившийся за полтора столетия до Платона, говорит о незаслуженных, по его мнению, наградах, ожидающих победителей состязаний (Xenoph. 2, 6–11), и бесполезности атлетов для государства (Xenoph. 2, 15–22). Отметим мимоходом, насколько показательно столь раннее появление в греческой литературе критического отношения к атлетике, почти одновременное с возникновением ее самой. Возможно, насмешливое, а порой и откровенно неодобрительное, как это мы увидим у того же Галена, отношение к спортивным соревнованиям было естественной чертой античной культуры, проявлявшейся, впрочем, значительно реже, чем страстный к ним интерес. Что до гомеровского и платоновского словоупотребления, то здесь суждение Галена совершенно справедливо. В поэмах Гомера мы не находим ни терминов γυμναστής или παιδοτρίβης, ни производных от них γυμναστική и παιδοτριβική. Понятия γυμναστής и γυμναστική начинает использовать Платон, но в его произведениях они встречаются редко в сравнении с παιδοτρίβης и παιδοτριβική. Так, γυμναστής упоминается в его диалогах всего четыре раза (Pl. *Plt.* 267e; *Lg.* III 684c, IV 720e, XI 916a), а παιδοτρίβης более пятнадцати раз. О термине γυμναστικός, так же четырежды (Pl. *Phdr.* 248d; *Grg.* 464a; *Prt.* 313d; *Plt.* 295c) употребленном Платоном, в том числе в качестве синонима к γυμναστής, речь пойдет ниже. При этом четкой границы между терминами παιδοτρίβης и γυμναστής Платон не проводит, считая их, по всей видимости, взаимозаменяемыми. Тем не менее между этими понятиями существовали определенные различия.

Довольно долгое время было в ходу определение первого как детского учителя гимнастики и второго как тренера атлетов⁶¹, однако Ютнер в предисловии к своему изданию «Гимнастики» Флавия Филострата призывает

⁶¹ См., например, K. F. Hermann's *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten*. In 4 Bänden. Unter Mitwirkung von Dr. H. Droysen et al.]. Vierter Band: Privatalterthümer. Freiburg i. B; Tübingen, 1882. S. 335. Такое же определение принимает и А.-И. Марру (см.: Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Paris, 1965. P. 191).

отказаться от подобного разграничения⁶². Конечно, изначально круг деятельности педотриба был ограничен физическим образованием детей, на что указывает сама этимология древнегреческого παιδοτρίβης (от παῖς, «ребенок», и τρίβω, «растирать»). Местом, в котором педотриб обучал своих воспитанников упражнениям, была палестра⁶³ (παλαίστρα). Эфебы, то есть достигшие возраста зрелости юноши, и молодые мужчины для занятий спортом посещали гимнасии⁶⁴ (γυμνάσιον), куда детям в большинстве случаев путь был закрыт⁶⁵. Спортивной подготовке с конца IV в. до н.э.⁶⁶ сопутствовала также и военная, и в гимнасии приглашались, например, учителя боя в доспехах (ὀπλομάχος или ὀπλομαχικός) и военные инженеры (ἄφétης или καταπαλταφétης). Военное дело не входило в сферу компетенций педотриба, вместе с тем эта сфера постепенно расширялась. Помимо государственных палестр получили распространение и частные палестры, предназначенные как для детей, так и для взрослых⁶⁷, и занятие педотриба начало ассоциироваться не только с обучением детей, но с атлетическим обучением как таковым. В платоновском диалоге «Горгий» дело педотриба определяется довольно общо (Pl. *Grg.* 452b): καλοὺς τε καὶ ἰσχυροὺς ποιεῖν τοὺς ἀνθρώπους τὰ σώματα («делать людей красивыми и сильными телом»⁶⁸). Частью тренировок стало и выполнение определенных рекомендаций относительно правильного питания, которые педотрибы начали давать своим подопечным (Pl. *Cri.* 47b). Конечно, диететика интересовала и врачей, и в корпус сочинений Гиппократов включены

⁶² Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 3.

⁶³ Этим же словом могла обозначаться часть гимнасия, специально отведенная для борьбы (см.: Sweet, Waldo E. *Sport and Recreation in Ancient Greece. A sourcebook with transl.* New York, Oxford, 1987. P. 111). Кроме того, порой понятия смешивались: Витрувий дает рекомендации по строительству палестры, описывая при этом комплекс зданий, который скорее можно назвать гимнасием (Vitr. V, 11).

⁶⁴ Подробнее об организации греческого гимнасия см.: *Das hellenistische Gymnasion*. Hrsg. von Daniel Kah und Peter Scholz. Berlin, 2007.

⁶⁵ Gauthier P. Notes on the Role of the Gymnasion in the Hellenistic City // *Greek Athletics*. Ed. by Jason König. Edinburgh, 2010. P. 92.

⁶⁶ Hatzopoulos M.B. La formation militaire dans les gymnases hellénistiques // *Das hellenistische Gymnasion*. Hrsg. von Daniel Kah und Peter Scholz. Berlin, 2007. S. 91.

⁶⁷ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 4.

⁶⁸ Перевод С. П. Маркиша (Платон. Собрание сочинений. Том 1. М., 1990. С. 483).

несколько сочинений⁶⁹, напрямую с нею связанных. Совпадение интересов врачей и педотрибов в этой области и создает почву для будущих конфликтов. С развитием атлетической диететики связано и появление профессиональных спортсменов: теперь для победы на общегреческих играх требовалось строгое соблюдение режима, а также систематическая подготовка, занимавшая большую часть времени атлета. Тот, кто не прошел этой школы, не мог рассчитывать на победу. И у Галена (Gal. *Thras.* 33), и у Филострата (Philostr. *Gym.* 43) мы видим представление о золотом веке атлетики, предшествовавшем ее профессионализации. Возможно, родоначальником атлетической диететики и системы подготовки в целом был знаменитый Икк Тарентский (V. в до н.э.), о котором Элиан пишет, что тот «был воздержан в еде и чуждался любовных наслаждений»⁷⁰ (Ael. *VH* XI 3). О последней особенности его программы тренировок упоминает и Платон (Pl. *Lg.* 840a).

Настоящую же революцию в диететике и – шире – в медицине произвел Геродик из Селимбрии (V в. до н.э.), попытавшийся «потеснить» как педотриба, так и врача. Положение дел до нововведений Геродика Платон описывает так (Pl. *R.* 407cd): Οὐκοῦν ταῦτα γινώσκοντα φῶμεν καὶ Ἀσκληπιὸν τοὺς μὲν φύσει τε καὶ διαίτῃ ὑγιεινῶς ἔχοντας τὰ σώματα, νόσημα δέ τι ἀποκεκριμένον ἴσχοντας ἐν αὐτοῖς, τούτοις μὲν καὶ ταύτῃ τῇ ἔξει καταδείξαι ἰατρικήν, φαρμάκοις τε καὶ τομαῖς τὰ νοσήματα ἐκβάλλοντα αὐτῶν τὴν εἰωθυῖαν προστάττειν δίαιταν, ἵνα μὴ τὰ πολιτικὰ βλάπτοι, τὰ δ' εἴσω διὰ παντὸς νενοσηκότα σώματα οὐκ ἐπιχειρεῖν διαίταις κατὰ σμικρὸν ἀπαντλοῦντα καὶ ἐπιχέοντα μακρὸν καὶ κακὸν βίον ἀνθρώπῳ ποιεῖν, καὶ ἔκγονα αὐτῶν, ὥς τὸ εἶκος, ἕτερα τοιαῦτα φυτεύειν, ἀλλὰ τὸν μὴ δυνάμενον ἐν τῇ καθεστηκυίᾳ περιόδῳ ζῆν μὴ οἶεσθαι δεῖν θεραπεύειν, ὥς οὔτε αὐτῷ οὔτε πόλει λυσιτελεῖ; («Так не сказать ли нам, что и Асклепию это было известно: у кого от природы здоровое тело и кто ведет

⁶⁹ Полный список см.: Hippocrates. Volume 1. Ed. and transl. by Paul Potter. Cambridge, Massachusetts; London, 2022. P. XVIII–XX.

⁷⁰ Перевод С. В. Поляковой (Элиан. Пестрые рассказы. Пер. с древнегреч., ст., прим. и ук. С.В. Поляковой. М., Л., 1963. С. 81).

здоровый образ жизни, но схватил какую-нибудь необычную болезнь, таким людям и при таком их состоянии Асклепий указал, как надо лечиться; лекарствами и разрезами надо изгонять болезни, сохраняя, однако, обычный образ жизни, чтобы не пострадали общественные дела. В случае же внутренних болезней, продолжающихся всю жизнь, Асклепий не делал попыток чуть-чуть облегчить положение больного, различным путем изменяя его образ жизни и тем только затягивая болезнь, и удлинять человеку никчемную его жизнь, да еще дать ему случай произвести, естественно, такое же точно потомство. Кто в положенный человеку срок не способен жить, того, считал Асклепий, не нужно и лечить, потому что такой человек бесполезен и для себя, и для общества»⁷¹). Именно это место из «Государства», видимо, подразумевает Гален, когда говорит, что древние Асклепиады, по сообщению Платона, не прибегали к диететической части медицинского искусства (Gal. *Thras.* 33). Новаторство Геродика состояло в применении известных педотрибу диететических приемов не к здоровым посетителям палестры, а к людям, страдающим от разнообразных недугов. Сразу стоит отметить, что древнегреческое понятие δίαίτα шире русского понятия «диета» и скорее соответствует «образу жизни» или «режиму». В трактате “Περὶ διαίτης” («Об образе жизни»⁷²), входящем в Гиппократов корпус, мы читаем, что настоящий знаток диететики разбирается не только в свойствах пищи, но также сведущ во всем, что касается физических упражнений, особенностей времен года и климата и даже движения звезд (Hr. *Vict.* I, 2). Некоторые сведения о теоретических основаниях новой методики Геродика известны благодаря папирусу с текстом, приписываемым ученику Аристотеля Менону. Этот текст

⁷¹ Перевод А. Н. Егунова (Платон. Собрание Сочинений. Том 3. М., 1994. С. 175).

⁷² В отечественной традиции названия трактатов “Περὶ διαίτης” и “Περὶ διαίτης ὁξέων” переводятся как «О диете» и «О диете при острых болезнях» (см. Гиппократ. Сочинения. Кн. 2. М., 1944). Подлинность первого трактата ставилась под сомнение еще в античности. Его авторство приписывалось как Гиппократу, так и, например, Филистиону и Эврифону Книдскому (см.: *Œuvres complètes d’Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1. Paris, 1839. P. 356–357*). В числе возможных авторов назывался даже Геродик, однако это крайне маловероятно.

был восстановлен и издан Г. Дильсом⁷³. В нем сообщается, что Геродик видел причину заболеваний именно в неправильном образе жизни: Ἡρόδικος δὲ [ὁ Σηλυμβριανὸς οἶεται] τὰς νόσους [γίνεσθαι ἀπὸ τῆς διαίτης]⁷⁴.

Из приведенного выше отрывка хорошо видно отрицательное отношение Платона к диететике. В другом месте «Государства» он говорит о деятельности Геродика не без иронии (Pl. R. 406a): Ἡρόδικος δὲ παιδοτρίβης ὢν καὶ νοσώδης γενόμενος, μείζας γυμναστικὴν ἰατρικῇ, ἀπέκναισε πρῶτον μὲν καὶ μάλιστα ἑαυτόν, ἔπειτ' ἄλλους ὕστερον πολλούς. <...> Μακρόν <...> τὸν θάνατον αὐτῷ ποιήσας. παρακολουθῶν γὰρ τῷ νοσήματι θανασίμῳ ὄντι οὔτε ἰάσασθαι οἶμαι οἷός τ' ἦν ἑαυτόν, ἐν ἀσχολίᾳ τε πάντων ἰατρευόμενος διὰ βίου ἔζη, ἀποκναιόμενος εἴ τι τῆς εἰωθυίας διαίτης ἐκβαίη, δυσθανατῶν δὲ ὑπὸ σοφίας εἰς γῆρας ἀφίκετο («Геродик был педотрибом и, заболев, решил сочетать гимнастику с медициной; сперва он терзал этим главным образом самого себя, а затем впоследствии и многих других. Он оттянул свою смерть: сколько он ни следил за своей болезнью – а она у него была смертельной, – излечиться он, я думаю, был не в силах, вот он и жил, ничем другим не занимаясь, а только лечась, да мучаясь, как бы не нарушить в чем-либо привычный ему образ жизни. Так, в состоянии непрерывного умирания он и дожил до старости благодаря своей премудрости»⁷⁵). Небезынтересной представляется сама платоновская формулировка: Геродик назван педотрибом, но при этом занимается он именно гимнастикой, а не педотрибикой (понятие παιδοτριβική, в целом довольно редкое, у Платона не встречается ни разу). Это служит лучшим свидетельством размытости границ между терминами и, соответственно, между сферами деятельности врача, педотриба и выходящего теперь на сцену гимнаста. То, как именно Геродик применял практики палестры к лечению больных и к каким

⁷³ Anonymi Londinensis ex Aristotelis Iatricis Menoniis et aliis medicis eclogae. Hrsg. von H. Diels // Suppl. Aristotel. III, 1. Berolini, 1893. P. 6–37.

⁷⁴ Ibid. P. 15.

⁷⁵ Перевод А. Н. Егунова (Платон. Собрание Сочинений. Том 3. М., 1994. С. 173) с небольшими изменениями (У Егунова: «Геродик же был учителем гимнастики. Когда он заболел, он применил для лечения гимнастические приемы»).

результатам это привело, сообщает Псевдо-Гиппократ в шестой книге «Эпидемий»⁷⁶ (Нр. *Epid.* VI 3, 18): Ἡρόδικος τοὺς πυρεταίνοντας ἔκτεινε δρόμοις, πάλλῃσι πολλῇσι, πυρίῃσι («Лихорадочных больных Геродик довел до смерти бегом, избыточными занятиями борьбой и горячими ваннами»). В качестве одной из более безобидных рекомендаций Геродика у Платона называются пешие прогулки (Pl. *Phdr.* 227d). Впрочем, не нужно забывать, что сначала, по сообщению того же Платона, он опробовал свою методику на самом себе, причем достиг успеха, пусть и не вылечившись (Pl. *R.* 406b), но продлив себе жизнь. Сам этот факт не мог не способствовать популярности Геродика, несмотря на враждебное к нему отношение врачей и философов.

Итак, гимнаст, позаимствовав наработки педотрибики, вторгся в область медицины. Если врачи лечили недуги «лекарствами и надрезами» (Pl. *R.* 407d), то гимнасты использовали для тех же целей диету (в современном понимании этого слова), физические упражнения, ванны и массаж. Ю. Ютнер назвал гимнаста «полуврачом», “halber Arzt”⁷⁷, а Л. Энглерт даже предложил переводить термины γυμναστής и γυμναστικός как “Sportarzt”⁷⁸, «спортивный врач». Довольно показательны цитаты из платоновского «Горгия», которые приводит Гален (Gal. *Thras.* 33). Так, Платон уравнивает компетенции медицины и гимнастики в вопросах, связанных с человеческим телом как таковым (Pl. *Grg.* 464a): πολλοὶ δοκοῦσιν εἶ ἔχειν τὰ σώματα, οὓς οὐκ ἂν ῥαδίως αἰσθοίτο τις ὅτι οὐκ εἶ ἔχουσιν, ἀλλ' ἢ ἰατρός τε καὶ τῶν γυμναστικῶν τις («Кажется, что тела многих людей в полном порядке, и заметить, что это не так – сложная задача, которая под силу врачу или кому-нибудь из числа сведущих в гимнастике»). Затем он называет медицину и гимнастику двумя частями искусства, пекущегося о человеческом теле (Pl. *Grg.* 464b): δυοῖν ὄντων τοῖν

⁷⁶ Из семи книг «Эпидемий» подлинными считаются первая и третья (см.: Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1. Paris, 1839. P. 324–326), авторство остальных точно не установлено (см.: Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1. Paris, 1839. P. 364–367).

⁷⁷ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 5.

⁷⁸ Englert L. Untersuchungen zu Galens Schrift Thrasybulos // Studien zur Geschichte der Medizin. Heft 18. Leipzig, 1929. S. 35.

πραγμάτοιιν δύο λέγω τέχνας· τὴν μὲν ἐπὶ τῇ ψυχῇ πολιτικὴν καλῶ, τὴν δὲ ἐπὶ σώματι μίαν μὲν οὕτως ὀνομάσαι οὐκ ἔχω σοι, μιᾶς δὲ οὔσης τῆς τοῦ σώματος θεραπείας δύο μόρια λέγω, τὴν μὲν γυμναστικὴν, τὴν δὲ ἰατρικὴν («Раз существуют два предмета, значит, и искусства тоже два. То, которое относится к душе, я зову государственным, то, которое к телу, не могу обозначить тебе сразу же одним словом, и, хоть оно одно, это искусство попечения о теле, я различаю в нем две части: гимнастику и врачебное искусство»⁷⁹). Такое разделение подразумевает, что медицина заботится о больных, а гимнастика о здоровых, то есть область второй становится даже шире области первой. Сфера деятельности педотриба, потерявшего теперь свое положение знатока диететики, была низведена до уровня ручного труда, ограниченного палестрой. Конечно, подобная ситуация никоим образом не могла устроить педотрибов. Они хотели вернуть себе диететику, добившись права называться гимнастами, и мы увидим, как яростно Гален нападает на незаконное, по его мнению, присвоение этого более благородного имени недостойными представителями более низкого искусства. Не могли смириться с новой реальностью и врачи. Довольно характерное противопоставление гимнастики и медицины мы находим в трактате “De locis in homine” («О местах в человеке»⁸⁰): γυμναστικὴ δὲ καὶ ἰατρικὴ ὑπεναντία πέφυκεν, ἡ μὲν γὰρ γυμναστικὴ οὐ δεῖται μεταλλαγὰς ποιέειν, ἀλλ' ἡ ἰατρικὴ· τῷ μὲν γὰρ ὑγιαίνοντι οὐκ ἀρήγει ἐκ τοῦ παρεόντος μεταλλάσσειν, τῷ δὲ ἀλγέοντι («Гимнастика и медицина противоположны по природе, ибо гимнастике, в отличие от медицины, не нужно производить изменения. Здоровому человеку не будет пользы от изменения существующего положения вещей, больному – будет»). Схожая мысль высказывается и в «Софисте» Платона (Pl. *Sph.* 228e), где говорится, что гимнастика направлена против безобразия, а медицина – против болезни (περὶ μὲν αἴσχος γυμναστικὴ, περὶ δὲ νόσον ἰατρικὴ). Гален в своих комментариях к «Эпидемиям» Гиппократата отмечает (Gal. *Hipp.Epid.* III,

⁷⁹ Перевод С. П. Маркиша (Платон. Собрание Сочинений. Том 1. М., 1990. С. 498).

⁸⁰ Авторство этого трактата точно не установлено, высказывались мнения как в поддержку его принадлежности Гиппократу, так и против (см. *Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1. Paris, 1839. P. 355*).

2 К XVIIIb 7): νοσοῦντα γὰρ οὐδεὶς <δρόμοις> καὶ <πάλαις> θεραπεύσει («Ибо никто не вылечит больного бегом и борьбой»). При этом не нужно думать, что все это время медицина держалась в стороне от палестры и атлетов: автор трактата “De salubri diaeta” («О здоровом образе жизни»⁸¹) дает диетические рекомендации в том числе и спортсменам (Hr. *Salubr.* VII).

Одним из следствий развернувшейся борьбы стало появление новых терминов, усложнявших общую картину. Помимо понятия γυμναστής, изобретенного Геродиком и введенного в литературу Платоном, начиная с Аристотеля получает определенное распространение и понятие ἀλείπτης, «массажист» (от греческого глагола ἀλείφω, «умасщать маслом»). Возможно, его появление вызвано стремлением избавиться от понятия «педотриб», обозначавшего теперь специалиста с более низким статусом. Как и в случае с термином παιδοτρίβης, первоначальное техническое значение термина ἀλείπτης быстро потеряло свою актуальность. Отрывок из «Никомаховой этики», в котором встречается это слово, ясно дает понять, что им обозначался человек, связанный с атлетической диететикой (Arist. *EN.* II 5, 1106b): οὐ γὰρ εἴ τῳ δέκα μναῖ φαγεῖν πολλὸν δύο δὲ ὀλίγον, ὁ ἀλείπτης ἐξ μνάς προστάξει («Ведь если пищи на десять мин много, а на две — мало, то наставник в гимнастических упражнениях не станет предписывать питание на шесть мин»⁸²). В таком же значении термин ἀλείπτης употребляют, например, Филон Александрийский (Ph. *Vit. Mos.* I 48) и Плутарх (Plu. *Dio* 1, *Per.* 4). Словарь «Суда» дает такое определение понятию ἀλείπται (Suid. A 1157): οἱ πρὸς τοὺς ἀγῶνας ἐπασκοῦντες («те, кто готовит к соревнованиям»). В «Беседах» Эпиктета слово ἀλείπτης использовано по отношению к учителю борьбы (Arr. *Epict.* III 20, 10). Наконец, этот же термин зафиксирован и в эпиграфических памятниках: Л. Робер

⁸¹ Трактат входит в Гиппократов корпус, его автором, возможно, является зять и ученик Гиппократы Полибий (см. *Œuvres complètes d’Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré.* T. 1. Paris, 1839. P. 350).

⁸² Перевод Н. В. Брагинской (Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 85).

опубликовал⁸³ надпись на постаменте статуи бегуна из Смирны, в которой с благодарностью упомянут ἄλείπτης, тренер или массажист атлета.

Заимствованное из греческого латинское слово *alipta* (*aliptes*) может обозначать как непосредственно массажиста (Juv. VI 422), так и гимнаста (Cic. *Fam.* I, 9 15). Гален, в свою очередь, не пользуется этим понятием ни разу. Для «гибридного» искусства Геродика, по свидетельству Плиния Старшего (Plin. *HN* 29, 3), было введено название *ιατραλειπτική*, соединявшее в себе занятия врача (*ιατρός*) и массажиста или тренера (*ἄλείπτης*). Существовал специальный термин и для адепта этого искусства – *ιατραλείπτης*⁸⁴. Впрочем, оба слова не прижились и в греческой литературе почти не встречаются. Примечательно, что латинское слово *iatralipta* или *iatraliptes* (у Цельса – *iatroalipta*) получило в римской литературе большее распространение, чем оригинальное *ιατραλείπτης* в литературе греческой. Цельс утверждает, что здоровый человек не нуждается ни во враче, ни в иатралипте⁸⁵ (Cels. I, 1), а Плиний Младший сообщает Траяну, что иатралипт Гарпократ вылечил его от тяжелой болезни (Plin. *Epist.* X, 5). Эти два примера в достаточной мере служат подтверждением того, что иатралипт представляет собой последователя Геродика, то есть гимнаста. Он назван иным именем, однако, как мы видим, род его деятельности продолжал существовать и в эпоху римского владычества, спустя полтысячелетия после Геродика. Очевидно, что в «борьбе» между врачами и гимнастами, равно как и между гимнастами и педотрибами, нельзя назвать однозначного победителя. Термины *γυμναστής* и *παιδοτρίβης* постоянно смешивались, и четкое

⁸³ Robert L. *Études anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie mineure*. Paris, 1937. P. 138–142. На настоящий момент известны пятнадцать надписей, в которых упомянут ἄλείπτης. В указателе к собранию агонистических надписей Моретти (Moretti, Luigi. *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma, 1953) этот термин, к сожалению, не учтен.

⁸⁴ Наименование *ιατραλείπτης* Гален дает некоему Диогу (Gal. *Comp. Med.* VII 5, K XIII 104). Мы не можем делать какие-либо выводы относительно галеновского понимания этого термина, так как это единственный контекст, где Гален его употребляет.

⁸⁵ В переводе сочинения Цельса «О медицине», выполненном Ю. Ф. Шульцем, термин *iatroalipta* передается как «массажист». Термин «иатралипт», в свою очередь, был использован М. Е. Сергеевко и А. И. Доватуром при переводе Писем Плиния Младшего. Второй вариант перевода кажется нам более удачным.

разграничение между ними, как мы увидим, попытался провести Гален, а затем Флавий Филострат.

Отдельного упоминания заслуживает также относительно редкое существительное *συγγυμναστής*, не встречающееся в корпусе сочинений Галена, но несколько раз употребленное Платоном (*Pl. Sph.* 218b; *Plt.* 25c; *Lg.* 830bc), Ксенофонтом (*X. Smp.* 2, 18; *Lac.* 9, 5) и некоторыми более поздними авторами (*Poll.* III, 154 и др.). Еще И.Г. Краузе, указав на небрежность Поллукса, совершенно справедливо заметил, что его следует понимать не как «помощник гимнаста», но как «товарищ или соперник в упражнениях»⁸⁶.

Несмотря на первоначальное неприятие методов Геродика врачи быстро начинают ими пользоваться, чему мы находим множество подтверждений в текстах Гиппократова корпуса. Так, в «Предсказаниях»⁸⁷ физические упражнения упоминаются как один из возможных способов борьбы с недугом (*Hp. Prorrh.* II, 1): ἄλλο τε δὲ σχῆμα προρρήσεων τόδε λέγεται· τοὺς ἀθλητὰς γινώσκειν καὶ τοὺς τῶν νούσων εἵνεκα γυμναζομένους τε καὶ ταλαιπωρούοντας ἥν τι τοῦ σιτίου ἀπολίπωσιν, ἢ ἑτεροῖόν τι φάγωσιν, ἢ ποτῶ πλεονί χρήσονται, ἢ τοῦ περιπάτου ἀπολίπωσιν («Еще один вид предсказаний состоит в следующем: распознавать в атлетах или тех, кто упражняется и изнуряет себя по причине болезней, пропустили ли они прием пищи, или съели ли что-то вне предписанного, или слишком много выпили»). В «Эпидемиях» физические упражнения называются в числе предписаний для людей, страдающих от болезней почек (*Hp. Epid.* VI 1, 5), в трактате «О диете при острых болезнях»⁸⁸ среди врачебных рекомендаций мы находим массаж и занятия борьбой (*Hp. Acut. (Sp.)* 29), а в сочинении «О природе человека»⁸⁹ даются указания

⁸⁶ Krause J.H. *Ελληνικά oder Institute, Sitten und Bräuche des alten Hellas mit besonderer Rücksicht auf Kunstarchäologie. Erster Teil, erster Band.* Leipzig, 1841. S. 219.

⁸⁷ Этот трактат входит в Гиппократов корпус, но Гиппократу не принадлежит (см.: *Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1.* Paris, 1839. P. 410–411).

⁸⁸ Считается, что оригинальный трактат Гиппократа, носивший такое название, был затем продолжен другим человеком (см.: *Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1.* Paris, 1839. P. 327–332).

⁸⁹ Это сочинение, по всей видимости, принадлежит Полибию (см.: *Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. T. 1.* Paris, 1839. P. 345–347).

относительно того, какие упражнения подходят для того или иного времени года (Нр. *Salubr.* 7): τοὺς γυμναζομένους χρή τοῦ χειμῶνος καὶ τρέχειν καὶ παλαίειν, τοῦ δὲ θέρεος παλαίειν μὲν ὀλίγα, τρέχειν δὲ μὴ, περιπατέειν δὲ πολλὰ κατὰ ψῦχος («Тем, кто упражняется, зимой нужно бегать и бороться, а летом поменьше заниматься борьбой и вообще не бегать, но совершать по холоду длинные прогулки»).

Простое разделение сфер медицины и гимнастики, подразумевавшее, что первая заботится о больных, а вторая о здоровых, с течением времени перестало устраивать врачей. Следствием их стремления распространить свои компетенции на поддержание здоровья, находившееся по большей части в ведении гимнастов, стало появление⁹⁰ понятий ὑγιεινὴ («гигиена») и ὑγιεινός («гигиенист»), введенных, как уже было отмечено, Эрасистратом (ок. 304 – ок. 250 гг. до н. э.). О том, что это нововведение было его заслугой, нам сообщает Гален (*Gal. Thras.* 47), признававший авторитет своего предшественника (*Gal. Thras.* 38), пусть и не во всех вопросах (см. например, *Gal. San. Tu.* I, 8 K VI 37). В трактате «Фрасибул» приводятся несколько цитат из сочинения Эрасистрата “Τὰ ὑγιεινά” («Гигиена»⁹¹) (*Gal. Thras.* 38): λέγει τοίνυν Ἐρασίστρατος ἐν τῷ προτέρῳ τῶν Ὑγιεινῶν· οὐδὲ γὰρ ἰατρὸν εὐρεῖν ἔστιν, ὅστις δέδωκεν αὐτὸν εἰς τὴν [περὶ] τῶν ὑγιεινῶν πραγματείαν· εἴτ' ἐφεξῆς· αἱ μὲν γὰρ παρά τι πάθος γιγνόμεναι ἀπεψῖαι καὶ αἱ τούτων θεραπεῖαι εἰς ἰατρικὴν καὶ οὐκ εἰς τὴν τῶν ὑγιεινῶν πραγματείαν πίπτουσιν· εἴτ' αὖθις ἔτι προελθὼν· εἰ δέ τις εἴη φαυλότης περὶ τὸ σῶμα, δι' ἣν τὰ προσφερόμενα αἰεὶ διαφθαρήσεται, καὶ οὕτως εἰς τὴν αὐτὴν κακοχυμίαν τοῖς προϋπάρχουσιν ἥξει, τὴν τοιαύτην διάθεσιν ἰατροῦ καὶ οὐχ ὑγιεινοῦ λύειν· εἴτ' ἐφεξῆς· τὸ λέγειν περὶ τούτων ἢ λύειν ταύτας ἰατροῖς καὶ οὐχ ὑγιεινοῖς ἐπιβάλλει’ («Вот что пишет Эрасистрат в первой книге своего труда “О

⁹⁰ Конечно, прилагательное ὑγιεινός существовало задолго до Эрасистрата (см. к примеру, *Pl. Cri.* 47d или *Arist. Top.* 105a), Эрасистрат начал использовать его в качестве термина, обозначающего смежную с медициной область знания.

⁹¹ Это сочинение, судя по тому, что Гален называет его «общедоступным» (πρόχειρα πᾶσιν ἔστιν αὐτοῦ τὰ συγγράμματα) (*Gal. Thras.* 38) пользовалось популярностью. Трактат самого Галена, более известный под латинским названием “De sanitate tuenda”, носит такое же греческое название – Τὰ ὑγιεινά.

поддержании здоровья»”: “Невозможно найти врача, который бы посвятил себя занятиям гигиеной”. Затем: “Вызванные каким-то заболеванием расстройства пищеварения и их лечение относятся к области медицины, а не гигиены”. В другом месте он продолжает: “Если в теле есть некий изъян, ведущий к постоянной порче того, что в него попадает, и из-за этого возвращается нездоровое состояние жидкостей тела, то облегчение такого состояния – дело врача, а не гигиениста”. Далее: “Обсуждать такие состояния и облегчать их надлежит врачам, а не гигиенистам”»). Из этих довольно разрозненных цитат можно сделать несколько определенных выводов: во-первых, гигиена как специальная область знания была принципиально новым изобретением, во-вторых, между гигиеной и медициной была проведена четкая граница, в-третьих, гигиена не занималась лечением внутренних болезней. Иными словами, гигиена была предназначена для здоровых людей, о чем Гален говорит прямо (Gal. *Thras.* 40): κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον ἐπὶ τῆς περὶ τὸ σῶμα τέχνης εἴ τις ἐθέλοι τέμνων ἐξευρίσκειν τὰ μέρη, τὸ μὲν τοὺς νοσοῦντας ἰώμενον ἰατρικῆς τέχνης λεχθήσεται, τὸ δὲ τῶν ὑγιαίνοντων προνοοῦμενον ὑγιεινῆς («Схожим образом дело обстоит и с искусством, посвященным [человеческому] телу: если кто-то хочет изыскать его части путем деления, то часть, занимающаяся лечением больных, будет названа медицинским искусством, а часть, посвященная заботе о здоровых, – гигиеной»). Из приведенного отрывка становится ясно, что гигиена в понимании Эрасистрата и Галена соответствует древнему пониманию гимнастики, нашедшему отражение в текстах Гиппократова корпуса и в сочинениях Платона, то есть термины ὑγιεινή и ὑγιεινός изначально должны были заменить термины γυμναστική и γυμναστής, лишив тем самым гимнастов их профессиональной области. Высказывались также предположения, что целью Эрасистрата было противопоставить «порочной» практике палестры собственную систему физических упражнений, основанную на правильном

понимании человеческого тела⁹². Остроумная затея Эрасистрата, впрочем, не имела большого успеха: новые термины не смогли вытеснить старые, и «гигиенические трактаты» (ὕγιεναὶ πραγματεῖαι), по утверждению Галена, сочинялись как врачами, так и гимнастами (Gal. *San. Tu.* III, 1 K VI 164).

Такова в общем виде история вопроса о взаимоотношениях медицины, гимнастики, педотрибики и гигиены, вызывавшего ожесточенные споры во времена Галена (Gal. *Thras.* 2). В трактате «Фрасибул» Гален берется поставить в этом вопросе точку со всей присущей ему основательностью. По справедливому замечанию⁹³ П. Сингера, в этом своем сочинении Гален демонстрирует виртуозное владение логическим методом⁹⁴ рассуждения, поэтому представляется необходимым изложить довольно сложный ход его аргументации.

1. 3. Аргументация «Фрасибула»

Сформулировав исходный вопрос, а именно «относится ли гигиена к медицине или к гимнастике» (Gal. *Thras.* 2), Гален указывает на необходимость дать определения медицине, гимнастике и гигиене. Для этого он вводит понятие конечной цели искусства (τέλος⁹⁵) и предлагает первые дефиниции (Gal. *Thras.* 5): ἄρ' οὖν ἄμεινον ἰατρικὴν μὲν εἶναι λέγειν, ἥς τέλος ἡ ὑγίεια,

⁹² Nieto I.J.M. Galen's Treatise Thrasybulos and the Dispute between Paidotribes and Gymnasts // Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum), 16, 2003. S. 149.

⁹³ Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 84.

⁹⁴ Подробнее о логическом методе Галена и его сочинениях, связанных с логикой, см.: Morrison B. Logic // The Cambridge Companion to Galen. Ed. by R.J. Hankinson. Cambridge, 2008. P. 66–115.

⁹⁵ Здесь отчетливо прослеживается влияние Аристотеля, к которому Гален питал особый интерес, выразившийся в том числе и в составлении комментариев к трудам философа. Полный список своих сочинений, посвященных Аристотелю, Гален приводит в трактате «О собственных книгах» (Gal. *Lib. Prop.* 17). Ср. с началом «Никомаховой этики» (Arist. *EN* 1094a): πολλῶν δὲ πράξεων οὐσῶν καὶ τεχνῶν καὶ ἐπιστημῶν πολλὰ γίνεται καὶ τὰ τέλη· ἰατρικῆς μὲν γὰρ ὑγίεια, ναυπηγικῆς δὲ πλοῖον, στρατηγικῆς δὲ νίκη, οἰκονομικῆς δὲ πλοῦτος («Так как действий, искусств и наук много, много возникает и целей. У врачевания – это здоровье, у судостроения – судно, у военачалия – победа, у хозяйствования – богатство») (Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 54). О связи методологии Галена с философией Аристотеля см.: Tieleman T. Methodology // The Cambridge Companion to Galen. Ed. by R.J. Hankinson. Cambridge, 2008. P. 51–53. См. также van der Eijk P.J. 'Aristotle! What a thing for you to say!' Galen's engagement with Aristotle and Aristotelians // Galen and the World of Knowledge. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 261–282.

γυμναστικὴν δ', ἥς τέλος <ή> εὐεξία, καὶ ταύτας τὰς ὑπογραφὰς ἀρχὰς τίθεσθαι τῆς ζητήσεως («Не лучше ли нам будет в таком случае сказать, что медицина – это искусство, конечная цель которого связана со здоровьем, а гимнастика – это искусство, конечная цель которого связана с телесным благосостоянием⁹⁶, и такие предварительные описания этих понятий сделать исходной точкой нашего изыскания?»)). Такое определение оказывается неудачным, так как оно не приближает к ответу на вопрос относительно места гигиены. Кроме того, немедленно возникает основание для разграничения искусств, посвященных созиданию, и искусств, занятых сохранением, что приводит к увеличению общего числа искусств (Gal. *Thras.* 6): Καὶ γὰρ αὖ καὶ ζήτημ' ἄλλο πρὸς τοῖς εἰρημένοις οὐ σμικρὸν ἀναφυήσεται τῆς μὲν ἰατρικῆς ὑγιείας ποίησιν, οὐ σωτηρίαν τε καὶ φυλακὴν ὑποθεμένοις τὸ τέλος, τῆς γυμναστικῆς δὲ [τὴν] εὐεξίαν· ἀναγκασθήσεται γάρ τις, οἶμαι, καθάπερ ἐπὶ τῆς ὑγιείας οὕτω καὶ πὶ τῆς εὐεξίας ἑτέραν μὲν τὴν φυλακτικὴν αὐτῆς τέχνην ἀποφαίνειν, ἑτέραν δὲ τὴν δημιουργικὴν. ἀλλ' εἰ τοῦτο, δύο ἄλλας τέχνας ἐξ ἀνάγκης ζητήσομεν, ἑτέραν μὲν τῆς ἰατρικῆς, τὴν τῆς ὑγιείας φυλακτικὴν, ἑτέραν δὲ τῆς γυμναστικῆς, τὴν τῆς εὐεξίας διασωστικὴν. καὶ μὲν δὴ καὶ διττῆς οὔσης τῆς εὐεξίας, ὥς ἐν ἄλλοις ἀποδέδεικται, ποτέρας αὐτῶν ἢ γυμναστικὴ δημιουργός ἐστιν, χαλεπὸν ἔσται διελεῖν, ἄρα γε τῆς κατὰ φύσιν ἢ τῆς ἀθλητικῆς· ἢ δῆλον, ὥς δύο ἄλλας ἡμῖν τέχνας ἀναγκαῖόν ἐστι ζητεῖν; καὶ δὴ καὶ <αἱ> σύμπασαι τὸν ἀριθμὸν ἐξ γενήσονται, τρεῖς μὲν αἱ δημιουργοῦσαι τὰ τέλη, τρεῖς δ' αἱ φυλάττουσαι <...> καὶ μὴν εἴπερ τῷ διαφέρειν τὰς εὐεξίας ἀλλήλων τε καὶ τῆς ὑγιείας διαφόρων δεήσειται τῶν τεχνῶν, ἀνάγκη πᾶσα καὶ τῆς ὑγιείας οὔσης διττῆς, ἑτέρας μὲν τῆς καθ' ἑξιν, ἑτέρας δὲ τῆς κατὰ σχέσιν ὀνομαζομένης, διττὰς εἶναι καὶ τὰς τέχνας («Для тех, кто станет утверждать, что конечная цель медицины – созидание здоровья, а не его сохранение и поддержание, а конечная цель гимнастики – телесное благосостояние, возникнет вдобавок ко

⁹⁶ Понятие телесного благосостояния (εὐεξία) играет в сочинениях Галена настолько важную роль, что он даже посвятил ему специальный трактат “Περὶ εὐεξίας” (“De bono habitu”). Подробнее об этом термине см.: Boudon-Millot V., *Réflexions galéniques sur la médecine du sport chez Hippocrate: la notion d’euexia // Le Normal et le Pathologique dans la Collection hippocratique: Actes du Xème colloque international hippocratique, Nice, 1999. Publications de la Faculté des Lettres de Nice-Sophia Antipolis, 2002. P. 711–730.*

всему вышесказанному еще один немаловажный вопрос. Ибо с необходимостью, я полагаю, придется показать, что и для здоровья, и для телесного благосостояния одно искусство является сохраняющим, а другое – созидющим. В таком случае мы будем вынуждены заняться изучением еще и двух других искусств: первого, связанного с медициной, сохраняющего здоровье, и второго, связанного с гимнастикой, поддерживающего телесное благосостояние. А коль скоро последнее – понятие двоякое, как было отмечено в другом нашем сочинении, трудно определить, что именно создает гимнастика: естественное телесное благосостояние или атлетическое. Не очевидно ли, что нам теперь нужно исследовать еще два искусства? И вот возникают искусства, числом шесть, конечная цель первых трех – созидание, конечная цель других трех – сохранение [созданного] <...> И, конечно, если для двух видов телесного благосостояния и для здоровья потребуются разные искусства по причине их различия между собой, то совершенно необходимо будет и для здоровья, тоже двоякого понятия, ввести два искусства: одно для так называемого устойчивого состояния [здоровья], а второе для так называемого неустойчивого»). Гален делает небольшое отступление (Gal. *Thras.* 9), в котором противопоставляет естественное телесное благосостояние (ἡ κατὰ φύσιν εὐεξία) атлетическому, намечая будущую критику профессионального спорта. Количество искусств снова увеличивается, причем искусства, связанные с атлетическим телесным благосостоянием, обозначаются словом *какотеχνία*⁹⁷, «порочное искусство». Идея множественности искусств, посвященных человеческому телу, отвергается, и Гален заявляет, что такое искусство едино, а его цель – это здоровье (ὑγίεια) (Gal. *Thras.* 9). После поиска определений для красоты и здоровья (Gal. *Thras.* 10–11) он приходит к тому, что совершенное здоровье (ἡ τελεία ὑγίεια) и

⁹⁷ Можно проследить параллель между понятием *какотеχνία* во «Фрасибуле» и понятием *κολακεία* в платоновском «Горгии», к которому Гален, по всей видимости, отсылает. Подробнее см.: Galen: *Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda)*. Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 86. См. также: Galien, *Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. Texte établi et traduit et annoté Par Véronique Boudon-Millot*. Paris, 2000. P. 24–27.

естественное телесное благосостояние – это одно и то же, а значит, и искусство для них будет одно (Gal. *Thras.* 12). Противопоставление созидających и сохраняющих искусств снимается, после чего постулируется единство телесного блага (Gal. *Thras.* 14): οὐτε πολλὰ τὰ τοῦ σώματος ἀγαθὰ χρή ποιεῖν οὐτ' ἄλλην μὲν τιν' αὐτοῦ δημιουργόν, ἄλλην δὲ φύλακα. <...> ὅτι τε γὰρ οὐχ ἓν ἐστὶ τὸ τοῦ σώματος ἀγαθόν, ἀλλ' ὑγίειά τε καὶ ῥώμη καὶ κάλλος ὅτι τε δυνατόν ἐτέραν μὲν εἶναι δημιουργόν τούτου τέχνην, ἐτέραν δὲ φυλακτικὴν ὅσα τ' ἄλλα τούτοις ἐπόμενα κακῶς ἐγνώκασιν ἔνιοι, διελέγξαι χρή. καὶ πρῶτόν γε, ὅτι τοῦ σώματος ἓν ἀγαθόν ἐστὶ, διελθεῖν ἄμεινον πρῶτος τε καὶ κυρίως λεγόμενον, ἐφ' ὃ πάντα τὴν ἀναφορὰν ἔχει («Не должно ни изобретать множества телесных благ, ни [назначать] одно какое-то [искусство] для созидания, а другое – для сохранения. Иные несправедливо полагают, будто телесное благо не едино, но есть [отдельно] здоровье, сила и красота, а также будто может существовать для каждого из них одно созидающее искусство, а другое сохраняющее, из чего они делают неправильные выводы. [Все это] необходимо опровергнуть. И в самую первую очередь следует разъяснить, что существует одно телесное благо в первичном и собственном смысле, с которым соотносятся все остальные [блага]»). Согласно Галену, здоровье, сила и красота находятся в тесной взаимосвязи и входят в сферу одного искусства (Gal. *Thras.* 14–15).

Затем приводятся еще некоторые аргументы против разделения искусств на созидающие и сохраняющие (Gal. *Thras.* 17), после чего Гален приближается к ответу на исходный вопрос и описывает сферу деятельности «человека, пекущегося о здоровье» (ὁ τῆς ὑγείας προνοούμενος), правда, термин ὁ ὑγιεινός пока не звучит (Gal. *Thras.* 19): ἐπειδὴ μὲν ἱκανῶς ἤδη τὸ σῶμα κενώσεως ἔχη καὶ κίνδυνος ἦκη βλάβης αἰσθητῆς, τρέφεσθαι κελεύων, ἐπειδὴ δὲ ξηραίνεται μᾶλλον τοῦ μετρίου καὶ κίνδυνος ἦ κἀντεῦθεν ἤδη βλαβῆναι, πίνειν ἀξιῶν· οὕτω δὲ καὶ γυμνάζων μὲν, ἐπειδὴ ῥῶσαι μὲν βούλῃται τὴν διοικοῦσαν ἡμᾶς δύναμιν, ἐκκαθῆραι δὲ τοὺς κατὰ λεπτὸν πόρους, ἡσυχάζειν δὲ προστάττων, ἐπειδὴ ἦτοι κάμνειν πρὸς τῶν γυμνασίων αἰσθηται ἢ διαφορεῖσθαι τὸ σῶμα πέρα τοῦ

προσήκοντος <...> καὶ τᾶλλα δὴ πάντα κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον ἕκαστα
 πραγματευόμενος, ἐν κεφαλαίῳ τῷδε προσέχων τὸν νοῦν, ἐπειδὴ μὲν ἀκριβῶς
 ὑγιεινῶς ἔχη τὸ σῶμα, μηδὲν νεωτερίζειν, ἐπειδὴ δὲ κατὰ τι τῆς ἀκριβοῦς ἐξιστῆται
 συμμετρίας, εὐθὺς ἀντεισάγειν τὸ λείπον, πρὶν μεγάλην γενέσθαι τὴν εἰς τὸ παρὰ
 φύσιν ἐκτροπὴν («Когда тело уже достаточно опорожнено и есть опасность, что
 будет нанесен ощутимый вред, он предписывает питание. Когда тело
 высушено сверх меры и опасность исходит уже отсюда, он назначает питье.
 Таким же образом он велит упражняться, когда желает укрепить управляющую
 нами способность или очистить мелкие поры, а если он чувствует, что тело или
 утомлено упражнениями или сверх меры обезвожено, он предписывает покой.
 <...> Он будет действовать схожим образом и во всех прочих случаях, главное
 внимание уделяя тому, чтобы, во-первых, не вводить новшеств, пока тело
 совершенно здорово, во-вторых, лишь только каким-то образом нарушается
 полное равновесие, тотчас же возместить любую нехватку, прежде чем
 противоестественное отклонение станет слишком значительным»). Разница
 между попечением о здоровых и лечением больных, утверждает Гален, не
 качественная, а количественная: первое подразумевает незначительные
 исправления в теле человека, второе – значительные (Gal. *Thras.* 19– 21). Для
 наглядности Гален прибегает к следующей метафоре (Gal. *Thras.* 20): ὥσπερ
 οὖν εἰ δύο τινὲ πίθων νοήσαις τετρημένω πολλαχόθι, μεστὼ μὲν ἄμφω τὰ πρῶτα,
 κενουμένω δ' ὁμοίως ὑπὸ τῶν ἐκροῶν, εἴη δὲ τῷ μὲν ἐπιστατῶν τις ἀεὶ
 προσεδρεύων· ἐπαντλῶν ἴσον ἐκάστοτε τῷ κενουμένῳ, θατέρῳ δέ, πρὶν <ἂν>
 ἱκανῶς ἐκκενωθῇ, μηδεὶς παρείη, τηνικαῦτα δ' ἐξαίφνης ἐπιστάς τις ἀθρόως
 πληρώσειεν, εὖδηλον, ὥς τὸν μὲν ἕτερον τῶν πίθων οὐδέποτε ἐκκενοῦσθαί τε καὶ
 πληροῦσθαι, τὸν δ' ἕτερον ἄμφω ταῦτα πάσχειν οἱ πολλοὶ τῶν θεωμένων ἐροῦσιν,
 οὕτως ἔχει καὶ τῶν ὑγιαίνοντων τε καὶ νοσοῦντων σωμάτων («Вот с чем это
 можно сравнить. Представь себе некие два сосуда со множеством проделанных
 в них отверстий. Будучи сперва оба наполнены, они в равной мере теряют
 вытекающую из них жидкость. Пусть у одного из них все время будет стоять
 наготове человек и подливать столько, сколько вытекает. Рядом с другим же,

пока жидкости не станет заметно меньше, не будет никого, но потом мгновенно появится некто и наполнит сосуд до краев. Очевидно, что большая часть наблюдателей скажет, что первый сосуд не опорожняется и не наполняется, в то время как со вторым происходит и то, и другое. Точно так же обстоит дело и со здоровыми и больными телами»). При этом количественные различия существуют внутри одного искусства, так как «принадлежность к области другого искусства с совершенной необходимостью означала бы и качественные изменения» (Gal. *Thras.* 21).

В следующих четырех главах (Gal. *Thras.* 22–25) Гален критикует разграничение искусств на основании частных действий (αἱ κατὰ μέρος ἐνέργειαι), которое с необходимостью ведет к еще большему увеличению их количества. Множество врачебных приемов и медицинских средств (ὕλη⁹⁸) объединено одной целью – здоровьем – и принадлежит одному искусству. Кроме того, один человек может владеть всеми этими приемами и быть сведущим во всем разнообразии средств (Gal. *Thras.* 24): ὁ μὲν γάρ τις καθετήρι χρεῖται καλῶς, ὁ δὲ κλυστήρι, φλεβοτομεῖ δ' ἄλλος, ἀρτηριοτομεῖ δ' ἕτερος· εἴθ' ὅταν εὐρεθῇ τις ἅπαντα καλῶς ποιῶν, οὕτως αὖ πάλιν ἅπασαι μία γενήσονται. καὶ μὴν ἑκατέρως ἢ μοχθηρόν, ἢ διὰ τὴν ἀφυΐαν τῶν τεχνιτῶν εἰς πολλὰς κατακερματίζειν τὴν μίαν ἢ διὰ τὴν εὐφυΐαν εἰς μίαν ἀνάγειν τὰς πολλὰς («Пусть один правильно применяет катетер, другой – клистир, третий превосходно рассекает вены, а четвертый артерии, но как только найдется тот, кто умеет делать все это, сразу же все [отдельные искусства] снова станут единым [искусством]. Безусловно, разделять ли единое искусство на множество частей из-за неумения его представителей или же, наоборот, собирать множество искусств воедино из-за чьих-то выдающихся способностей, – оба пути в равной степени порочны»). Наконец, Гален прямо говорит об отличии гигиены от врачевания (τὸ

⁹⁸ Труднопереводимое древнегреческое понятие ὕλη (в широком смысле – «материя») в медицине использовалось в значении «вещество» или «средство». Так, название “Περὶ ὕλης ἰατρικῆς” («О лекарственных веществах») носит знаменитый фармакологический трактат Диоскорида (ок. 40–90 н. э.). Гален, как мы увидим, использует этот термин не только в значении «медицинское средство», но и в значении «материал» или «предмет» медицины.

θεραπευτικόν) (Gal. *Thras.* 26): ἐδείξαμεν δὲ καί, ὡς τὸ φυλάττειν ὁτιοῦν διττόν ἐστι καὶ ὡς θάτερον αὐτοῦ γένος, ἐξ οὐπὲρ ἐστι καὶ τὸ προκείμενον ἡμῖν νῦν τὸ ὑγιεινόν, ἐπανορθοῦται κατὰ βραχὺ τὰ πονοῦντα καὶ ταύτῃ λανθάνει τοὺς πολλοὺς ὡς ἕτερον ὃν τῷ γένει τοῦ θεραπευτικοῦ («Кроме того, мы показали, что сохранение чего бы то ни было бывает двух видов и что первый вид, к которому и относится ставшая темой сегодняшнего обсуждения гигиена, подразумевает [настолько] постепенные и незначительные исправления повреждений, что от большинства оказывается скрытым его родовое отличие от врачевания»).

Далее Гален задается вопросом о материалах (ὕλη), которые используются медициной и прочими искусствами, и отклоняет классификацию искусств, основанную на различии материалов (Gal. *Thras.* 28): ἰατρικῆς δ' αὖ τέχνης μιᾶς οὔσης ὕλαι μυρίαί, τό τε σῶμα αὐτὸ τὸ τὴν ὑγίειαν δεχόμενον ἐδέσματά τε καὶ πόματα καὶ φάρμακα σύμπαντα καὶ διαιτήματα. ταυτὶ μὲν οὖν ἰατρῶν ὕλαι, τὸ σῶμα δ' ὡς ἐξ οὗ τὸ τέλος ἢ ἐν ᾧ. δῆλον οὖν, ὡς οὐδ' ἐκ τῶν ὑλῶν χρὴ κρίνειν τὰς τέχνας («Медицина, в свою очередь, будучи единым искусством, пользуется тысячами материалов. [К ним можно отнести] само тело, принимающее здоровье, и различные виды пищи, напитков, лекарств и режимов. [Вернее], это-то и есть материалы, которыми пользуются врачи, а тело – это как бы то, из чего проистекает цель [медицины] и в чем она осуществляется. Очевидно, таким образом, что не следует разделять искусства и на основании материалов»).

Промежуточные итоги состоят в том, что, во-первых, только понятие цели может служить критерием для разграничения искусств, во-вторых, благо для человеческого тела едино, в-третьих, едино посвященное ему искусство (Gal. *Thras.* 29–30). Теперь Гален обращается к исследованию этого искусства, пока безымянного. Он делит все искусства на четыре группы: созидательные (ποιητικάί), приобретательные (κτητικάί), умозрительные (θεωρητικάί) и деятельные (πρακτικάί). Искомое искусство относится к числу первых (Gal. *Thras.* 30). Гален дает ему рабочее название «исправительного» (ἐπανορθωτική)

и делит его на две ветви (Gal. *Thras.* 30): συγχωρείσθω οὖν, ἵν' ὁ λόγος προῖη, καλεῖν ἡμᾶς αὐτὴν ἐπανορθωτικὴν. ἀλλ' ἤτοι κατὰ μεγάλα τὴν ἐπανόρθωσιν ἢ κατὰ σμικρὰ ποιεῖται. τὸ μὲν δὴ κατὰ μεγάλα μόρια αὐτῆς ἰατρικὸν τε καὶ θεραπευτικὸν ὀνομαζέσθω, τὸ δὲ κατὰ σμικρὰ φυλακτικὸν («Итак, условимся ради продолжения разговора называть его восстановительным. Вносить же исправления оно может или большие, или малые. Часть этого искусства, связанная со значительными исправлениями, пусть называется медицинской или врачебной, а с малыми – предохранительной»). Вторая ветвь, в свою очередь, также подвергается разделению (Gal. *Thras.* 30): δοκεῖ δὲ καὶ τοῦτο τέμνεσθαι διαφοραῖς ἐπισήμοις τριχῶς. ἢ γὰρ τὸν ἄκρως τε καὶ τελέως ὑγιαίνοντα παραλαβὼν ἐν τούτῳ φυλάττει καὶ τοῦτ' ἐν αὐτῷ τὸ τμήμα προσαγορεύουσιν εὐεκτικόν· ἕτερον δ' ἀναθρεπτικὸν τῶν νενοσηκότων, ὃ δὴ καὶ καλοῦσιν ἔνιοι τῶν νεωτέρων ἰατρῶν ἀναληπτικόν· ἐν τῷ μέσῳ δ' ἀμφοῖν ἐστὶ τὸ καλούμενον ὑπ' αὐτῶν ἰδίως ὑγιεινόν· κοινῶς γὰρ καὶ τοῦτο φυλακτικὸν ἅμα καὶ ὑγιεινὸν ὀνομάζεται. ταῦτ' οὖν τὰ τρία μόρια τοῦ φυλακτικοῦ τὰ νῦν εἰρημένα τὸ ἀναληπτικόν, τὸ ὑγιεινόν, τὸ εὐεκτικόν ἐστὶ μὲν τοῦ κατὰ σμικρὰ ἐπανορθωτικοῦ μέρους τῆς τέχνης, ἀλλήλων δὲ διαφέρει τῷ μᾶλλον τε καὶ ἥττον («Представляется, что на основании значимых различий ее можно разделить на три. В первом случае берется человек на самом пике здоровья, и в нем это [цветущее состояние] поддерживается: сам этот раздел [искусства] называют “забота о телесном благосостоянии”. Вторым раздел занимается восстановлением здоровья недавних больных, некоторые из новейших врачей называют его “укрепление”. А уже между ними находится тот [раздел], который они называют именно “гигиеной”. Впрочем, в повседневной речи его называют и “гигиеной”, и “предохранением”. Итак, эти три раздела предохранительного [искусства], а именно укрепление, гигиена и забота о телесном благосостоянии, относятся к той части восстановительного искусства, которая занимается малыми исправлениями. При этом они отличаются друг от друга величиной исправлений»). Гигиене дается окончательное определение, которое звучит так (Gal. *Thras.* 31): αὐτὸ μὲν γὰρ ὅ τί ποτ' ἐστὶ τὸ ὑγιεινόν, ἤδη μοι δοκῶ πεφάνθαι σαφῶς· ἢ γὰρ τὸ φυλακτικὸν ἅπαν

ἡ τῶν τούτου μορίων τριῶν ὑπαρχόντων τὸ ἐν τῷ μέσῳ, ὃ περὶ τὴν καθ' ἑξὶν ὑγίειαν ἀναστρέφεται («Что же до того, что такое сама гигиена, здесь, я полагаю, все уже сказано довольно отчетливо: это или то же самое, что предохранение здоровья вообще, или средняя из трех его частей, направленная на устойчивое здоровье»). В следующих главах (Gal. *Thras.* 32–33) Гален обращается к свидетельствам Гомера и Платона, которые уже упоминались выше. Вернувшись к понятию телесного благосостояния, Гален называет в числе средств его достижения и поддержания физические упражнения, а затем приходит к выводу, что гимнастика представляет собой часть гигиены (Gal. *Thras.* 34–35). Здесь он снова апеллирует к авторитету Платона, и отсутствие в платоновских сочинениях понятия гигиены объясняется тем, что для выражения этого понятия философ использовал как раз термин γυμναστική. Это соображение иллюстрируется примерами из «Горгия» (Gal. *Thras.* 35), после чего Гален переходит к критике «порочной» гимнастики, то есть профессионального спорта (Gal. *Thras.* 36–37).

Сфера гигиены затем разделяется на четыре части (Gal. *Thras.* 40): τὸ μὲν οὖν ἐν τοῖς προσφερομένοις τῆς ὑγιεινῆς τέχνης μέρος ἐδεσμάτων τ' ἐστὶ καὶ πομάτων ἐπιστήμη τῶν εἰς ὑγείας φυλακὴν ἀνηκόντων, τὸ δ' ἐν τοῖς κενουμένοις ἰδρώτων τε καὶ διαχωρημάτων οὔρων τε καὶ ὅλως ἀπάντων τῶν ἐκ τοῦ σώματος ἡμῶν ἐκκενοῦσθαι δεομένων, τὸ δὲ τῶν ἑξωθεν προσπιπτόντων, ἀέρος ὕδατος, ἄλμης θαλάττης, ἐλαίου τῶν τ' ἄλλων ἀπάντων τῶν τοιούτων. ἔτι δὲ τὸ τέταρτόν τε καὶ λοιπὸν ὅπερ ἐν τοῖς ποιούμενοις ἐτέτακτο μέρος τῆς τέχνης ἐν γυμνασίῳ ἐστὶ καὶ τοῖς καλουμένοις ἐπιτηδεύμασι («Итак, часть гигиены, посвященная тому, что человек принимает в себя, есть знание полезных для здоровья видов еды и напитков. Часть, связанная с телесными выделениями, является знанием видов пота, испражнений, мочи и вообще всего того, от чего тело должно очищаться. Часть, предусмотренная для внешних воздействий, представляет собой знание [свойств] воздуха, [пресной] воды, соленой морской воды, оливкового масла и прочих подобных вещей. Наконец, суть последней, четвертой части,

поставленной следить за человеческой деятельностью, состоит в упражнениях и так называемых повседневных занятиях»). Вывод из этого разделения совершенно очевиден (Gal. *Thras.* 41): πολλοστὸν οὖν μέρος γίγνεται τῆς ὑγιεινῆς τέχνης ἢ περὶ τῶν γυμνασίων ἐπιστήμη («Следовательно, знание гимнастических упражнений является лишь незначительной частью искусства поддержания здоровья»). Что касается «искусства палестры», или педотрибики, то оно, в свою очередь, определяется как «ничтожнейшая часть гимнастики» (Gal. *Thras.* 41). Итак, над педотрибикой стоит гимнастика, а над гимнастикой – гигиена (Gal. *Thras.* 44). Исходный вопрос о принадлежности гигиены медицине или гимнастике получает неожиданный ответ: гигиена не может относиться к области гимнастики, так как сама гимнастика подчинена гигиене (Gal. *Thras.* 47). При этом врач обладает всеми компетенциями гигиениста (Gal. *Thras.* 47), а следовательно, гигиена является частью медицины.

1. 4. Педотрибика: определение

В стройной иерархии, предложенной Галеном, место педотрибики, равно как и ее отношение к медицине, определено вполне недвусмысленно, в то время как с гимнастикой дело обстоит несколько сложнее. На самом верху зиждется «искусство врачевания тела» (ἡ θεραπευτικὴ τοῦ σώματος), которое выполняет роль «управляющего искусства» (ἀρχιτεκτονική⁹⁹) (Gal. *Thras.* 44). Функции подчиненных искусств сводятся к «изготовлению средств¹⁰⁰» для искусства, пекущегося о теле. Под подчиненными искусствами подразумеваются скорее ремесла. Физический характер их деятельности и

⁹⁹ Здесь мы снова сталкиваемся с влиянием Аристотеля. Ср. с пассажем из «Никомаховой этики» (Arist. *EN* 1094a): ὅσαι δ' εἰσὶ τῶν τοιούτων ὑπὸ μίαν τινὰ δύναμιν, καθάπερ ὑπὸ τὴν ἵππικὴν χαλινόποικὴ καὶ ὅσαι ἄλλαι τῶν ἵππικῶν ὀργάνων εἰσὶν, αὕτη δὲ καὶ πᾶσα πολεμικὴ πρᾶξις ὑπὸ τὴν στρατηγικὴν, κατὰ τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον ἄλλαι ὑφ' ἑτέρας· ἐν ἀπάσαις δὲ τὰ τῶν ἀρχιτεκτονικῶν τέλη πάντων ἐστὶν αἰρετώτερα τῶν ὑπ' αὐτά («Поскольку ряд таких [искусств и наук] подчиняется одному какому-нибудь умению – подобно тому как искусство делать уздечку и все прочее, что относится к конской сбруе, подчинено искусству править лошадьми, а само оно, как и всякое действие в военном деле, подчинено искусству военачалия и таким же образом остальные искусства подчинены [каким-то] другим, – постольку во всех случаях цели управляющих [искусств и наук] заслуживают предпочтения перед целями подчиненных») (Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 54).

¹⁰⁰ В греческом тексте используется термин ὕλη (Gal. *Thras.* 43).

отсутствие рефлексии над этой деятельностью составляют главное их отличие от интеллектуального управляющего искусства. В качестве примеров Гален выбирает пекаря, повара, строителя и, наконец, сапожника (Gal. *Thras.* 43): οὐτε γὰρ οἷς ἄμεινόν ἐστιν ὑποδεδέσθαι [μὲν] καὶ ἀνυποδέτοις εἶναι σκυτοτόμος οἶδεν οὐθ' οἷς ὑποδεδέσθαι μὲν, ἀλλὰ τοῖον ἢ τοῖον ὑπόδημα. τοῦτο μὲν γὰρ Ἱπποκράτης γινώσκει καὶ κελεύει γε τῷδέ τινι φορεῖν ἀρβύλας τὰς πηλοπάτιδας, οὐ μὴν αὐτός γε δημιουργήσει τὰς ἀρβύλας («Ведь и сапожник не знает ни того, кому лучше ходить обутым, а кому разутым, ни того, какая именно нужна обувь тем, кто ее носит. А вот Гиппократу это известно, и кому-то он предписывает ходить в грубых непромокаемых сапогах. Конечно, он не собирается изготавливать их собственноручно»). Вместе с тем эти искусства, в свою очередь, обслуживаются другими искусствами, готовящими для них материалы и инструменты (Gal. *Thras.* 43): αἱ μὲν δὲ τοιαῦται τέχναι τὰς ἀπάσας ὕλας παρασκευάζουσι τῇ θεραπευτικῇ τοῦ σώματος, ὥσπερ αὐταῖς ταύταις ἕτεραι, τῷ μὲν σιτοποιῷ τοὺς πυροὺς ὁ γεωργὸς καὶ κρίβανον ὁ ἱπνοπλάστης καὶ ὁ ὑλοτόμος τὰ ξύλα καὶ ὁ τέκτων τὸν ἄβακα («Искусства подобного рода занимаются изготовлением средств для нужд искусства, врачующего тело, точно так же как другие искусства занимаются тем же для них самих. Пшеницу пекарю предоставляет земледелец, печь – печник, дрова – лесоруб, кухонную доску – плотник»). Педотрибика точно так же относится к числу подчиненных искусств, связанных с ручным трудом. Правда, что характерно, педотрибика не располагает какими бы то ни было нижестоящими искусствами. В каком-либо теоретическом знании человеческого тела Гален ей отказывает (Gal. *Thras.* 43): ὁ γὰρ ἐπιστάμενος τὰ τε παλαίσματα σύμπαντα καὶ τῶν τρίψεων ἀπάσας καλῶς ἐργάζεσθαι τὰς κατὰ μέρος ἐνεργείας ἀνάλογόν ἐστι σιτοποιῷ καὶ μαγείρῳ καὶ οἰκοδόμῳ, δημιουργεῖν μὲν ἐπισταμένοις ἄρτους τε καὶ ὄψα καὶ οἰκίας, οὐ μὴν ἐπαΐουσί γ' οὐδὲν οὐδὲ γινώσκουσιν, ὃ τί τε χρηστὸν ἐν αὐτοῖς καὶ μὴ χρηστὸν ἥντινά τε δύναμιν ἔχον ἕκαστον αὐτῶν ἐστι πρὸς ὑγίειαν («Ибо человек, умеющий правильно выполнять приемы борьбы и все частные действия, связанные с массажем, подобен пекарю, повару и строителю, которые знают, как испечь

хлеб, приготовить кушанье, построить дом, но при этом не имеют ни малейшего представления и понимания того, что в хлебе, кушанье или доме полезно или вредно и каковы их свойства по отношению к здоровью»). Сфера деятельности педотриба ограничена демонстрацией борцовских приемов¹⁰¹ и массажем, что вполне соответствует описанной выше традиции, сложившейся после нововведений Геродика. Возможно, тем, что массаж Гален считает профессиональным занятием педотриба, и объясняется отсутствие в корпусе его сочинений термина ἀλείπτης, который в данной ситуации оказывается совершенно лишним. При этом нельзя не заметить то пренебрежение, с которым Гален относится к педотрибике. Он даже называет это занятие «искусством» как бы нехотя, когда определяет его следующим образом (Gal. *Thras.* 45): μία τῶν τοιούτων ἐστὶ τεχνῶν καὶ ἡ περὶ τὰ παλαίσματα – καλῶμεν δ' αὐτήν, εἰ βούλει, παιδοτριβικήν («Искусство, посвященное приемам борьбы, – назовем его, если пожелаешь, искусством педотриба, – это одно из таких искусств»). В трактате “De sanitate tuenda” Гален высказывается о педотрибе в следующем ключе (Gal. *San. Tu.* II, 10 K VI 143): μυρία δὲ ἕτερα τοιαῦτα κατὰ παλαίστραν ἐστὶν εὖτονα γυμνάσια, περὶ ὧν ἀπάντων τὴν ἐμπειρίαν τε ἅμα καὶ τριβὴν ὁ παιδοτρίβης ἔχει, ἕτερος δὲ τις ὢν ὁδε τοῦ γυμναστοῦ, καθάπερ ὁ μάγειρος τοῦ ἱατροῦ («Существует великое множество других силовых упражнений, принятых в палестре. Педотриб обладает опытом и сноровкой во всех них. Он отличается от гимнаста, точно так же как повар от врача»). Заметим, что слово «искусство» (τέχνη) здесь не употребляется вовсе. Со свойственной ему любовью к эффектной игре созвучий Гален наделяет педотриба всего лишь «сноровкой» или «навыком» в упражнениях (τριβὴν¹⁰² ὁ παιδοτρίβης ἔχει).

¹⁰¹ Гален, конечно, не был одинок в своем очень узком понимании педотрибики. В одном из своих сочинений он приводит обширную цитату из ритора Фаворина (ок. 80 – ок. 160 гг. н.э.), в которой помимо прочего читаем (Gal. *Opt. Doct.* 2 K I 44): ὁ παιδοτρίβης ἐπανορθοῦται τὰ τῶν παλαιόντων ἀμαρτήματα («Педотриб исправляет ошибки борцов»).

¹⁰² Границу между τέχνη и τριβή проводит Платон, которого Гален в приведенном отрывке, по всей видимости, цитирует (Pl. *Grg.* 463ab): Δοκεῖ τοίνυν μοι, ὦ Горγία, εἶναί τι ἐπιτήδευμα τεχνικὸν μὲν οὐ, ψυχῆς δὲ στοχαστικῆς καὶ ἀνδρείας καὶ φύσει δεινῆς προσομιλεῖν τοῖς ἀνθρώποις· καλῶ δὲ αὐτοῦ ἐγὼ τὸ κεφάλαιον κολακείαν. ταύτης μοι δοκεῖ τῆς ἐπιτηδεύσεως πολλὰ μὲν καὶ ἄλλα μόρια εἶναι, ἐν δὲ καὶ ἡ ὁποιοικὴ· ὃ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη, ὥς δὲ ὁ ἐμὸς λόγος, οὐκ ἔστιν τέχνη ἀλλ' ἐμπειρία καὶ τριβή («Ну, что

1. 5. Гимнастика: определение

Что касается положения гимнастики, то оно в концепции Галена оказывается двояким. С одной стороны, гимнастика как часть гигиены подчинена управляющему искусству врачевания (Gal. *Thras.* 44). Как и многие другие подчиненные врачеванию искусства, гимнастика, в свою очередь, управляет искусствами, стоящими на низших ступенях иерархии (Gal. *Thras.* 44): αὕτη τοίνυν οἷον ἀρχιτεκτονική τίς ἐστι τοσῶνδε τεχνῶν, ἰπλευτικῆς μὲν, ὅταν ἰπλάζεσθαι δέη, διδάσκουσα μέτρον καὶ καιρὸν καὶ ποιότητα, κυνηγετικῆς δὲ καὶ συμπάσης θηρευτικῆς, ὅταν αὖ τούτων ἡ χρεία καλῇ, κατὰ ταῦτά δὲ καὶ σκαπτόντων καὶ θερίζοντων καὶ ὑλοτομούντων καὶ ἐρεσσόντων καὶ ὀρχουμένων καὶ πᾶν ὁτιοῦν ἐνεργούντων ἐπιστατεῖ τε καὶ ἄρχει καὶ προστάττει («При этом сама гимнастика выступает в роли управителя для известного числа искусств. При необходимости ехать верхом она указывает меру, подходящее время и качество для искусства верховой езды и делает то же самое для искусства псовой охоты и вообще всех видов охоты, когда нужда будет уже в них. Схожим образом гимнастика будет начальствовать, руководить и давать указания для копания, жатвы, рубки дров, гребли, пляски и любого занятия, требующего усилий»). Одним из этих низших искусств закономерным образом оказывается и педотрибика (Gal. *Thras.* 45). С другой стороны, в отличие от педотрибики, поварского искусства или сапожного дела, гимнастика – это теоретическое искусство¹⁰³, которому Гален дает такую дефиницию (Gal. *Thras.* 41): δικαιοτέρον γὰρ οἶμαι καλεῖν ἐστὶ γυμναστικὴν τέχνην, ἥτις ἂν ἐπιστήμη τῆς ἐν ἅλασι τοῖς γυμνασίοις ἢ δυνάμεως, ὥς τό γε περὶ τῶν κατὰ παλαίστραν ἐπίστασθαι μόνον ἐσχάτως τε μικρόν ἐστι καὶ πᾶσιν ἥκιστα χρήσιμον («Правильнее было бы,

ж, Горгий, по-моему, это занятие, чуждое искусству, но требующее души догадливой, дерзкой и наделенной природным даром обращения с людьми. Суть этого занятия я зову угождением. Оно складывается из многих частей, поваренное искусство – одна из них. Впрочем, искусством оно только кажется; по-моему, это не искусство, но навык и сноровка») (Платон. Собрание Сочинений. Том 1. М., 1990. С. 496).

¹⁰³ Э. Фельзенхельд называет галеновскую гимнастику “art logique”, «логическим искусством» (см.: Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 28).

я полагаю, назвать гимнастическим искусством знание свойств всех упражнений вообще, так как то, что касается только упражнений, принятых в палестре, – это знание в высшей степени частное и наименее полезное»). В трактате “De sanitate tuenda” дается подробное описание того, как с точки зрения Галена должна быть устроена деятельность гимнаста (Gal. *San. Tu.* II, 12 K VI 156–157): Ὁ τοίνυν γυμναστής τοῦ προκειμένου νῦν ἐν τῷ λόγῳ μεираκίου <...> ἐπίσταται μὲν τῶν γυμνασίων ἀπάντων τὰς δυνάμεις, ἐκλέγεται δὲ καθ' ἕκαστον εἶδος τὰ σύμμετρά τε καὶ μέσα τῶν ἀμετριῶν ἐκατέρων <...> εἴτ' οὖν ἐν ὅπλοις ἐθέλοι γυμνάζεσθαι τὸ τοιοῦτον μεираκίον ὁ γυμναστής αὐτοῦ, τὸν ἐμπειρότατον τῆς ὕλης τῶν ὀπλομαχικῶν ἐνεργειῶν παραλαβὼν ἀπάσας αὐτῷ δειχθῆναι κελεύσει, κᾶπειτ' αὐτὸς ἐκλέξεται καὶ διακρινεῖ καὶ προστάξει, κατὰ ποίας μὲν αὐτῶν ἐπὶ πλέον χρὴ γυμνάζεσθαι, κατὰ ποίας δ' ὀλιγάκις ἢ συμμέτρως ἢ οὐδ' ὅλως ἢ διαπαντός <...> εἰ δὲ διὰ σφαίρας ἐπιθυμήσειε γυμνάζεσθαι, κἀνταῦθα πάλιν ἐξευρήσει τό τε εἶδος τῶν ἐνεργειῶν καὶ τὴν ποιότητα καὶ τὸ μέτρον, ὑπηρετήν λαβὼν τὸν σφαιριστικὸν ὑπὲρ τοῦ τὴν ὕλην ἅπασαν θεάσασθαι τῶν ἐνεργειῶν. αὐτῆς μὲν γὰρ τῆς κατὰ μέρος ὕλης ἐν ἐκάστη τῶν τεχνῶν ἄπειρός ἐστιν ὁ γυμναστής, ἢ γυμναστής ἐστιν· εἰ δὲ ἅπαξ αὐτὴν θεάσαιτο, τὴν τε ποιότητα καὶ τὴν δύναμιν αὐτίκα γνωρίσει («Итак, гимнаст, занятый обучением юноши, о котором сейчас идет речь, знает свойства всех упражнений и в каждой их разновидности выбирает [наиболее] умеренные, лежащие в середине между обеими крайностями. Если гимнаст захочет, чтобы этот юноша упражнялся в бое в доспехах, он пригласит опытного знатока в области соответствующих движений и попросит его показать ему все эти движения. После этого он сам выберет, определит и предпишет, какие из них нужно часто использовать для упражнений, какие редко, какие умеренно, какие не следует применять вообще, а какие следует применять постоянно. Если же он захочет тренировать юношу при помощи мяча, то и в этом случае гимнаст опять-таки изучит виды движений, их качество и количество, взяв себе в помощники умелого игрока, чтобы увидеть все разнообразие движений игры в мяч. Ибо гимнаст, до тех пор, пока он гимнаст, несведущ в самих частных средствах

каждой специальной области, но стоит ему один раз их увидеть, он сразу же поймет их качества и свойства»). Очевидно, что сам гимнаст не занимается демонстрацией упражнений, он, как мы бы сейчас сказали, составляет программу тренировок. Его профессиональная область четко отделена от сферы деятельности педотриба (Gal. *Thras.* 43): προσέχειν δ' ἐνταῦθα τὸν νοῦν χρή, μή πη λάθωμεν τὸν αὐτὸν ἀποδείξαντες τῷ γυμναστικῷ τὸν ἐπιστάτην τῶν παλαισμάτων καὶ μόριόν τι ποιήσαντες ὅλης τῆς γυμναστικῆς τὴν ὡς ἂν εἴποι τις παλαιστρικήν («Здесь нам следует быть особенно внимательными, чтобы каким-то незаметным образом не объявить, что знаток упражнений палестры есть то же самое, что и знаток гимнастики, и не выделить тем самым некую часть общего гимнастического искусства, которую можно было бы назвать искусством палестры»). Отметим, что в приведенном отрывке в качестве синонима к термину γυμναστής используется термин ὁ γυμναστικός, уже упоминавшийся нами в связи с сочинениями Платона. Похожий пример употребления термина ὁ γυμναστικός мы находим в трактате “De sanitate tuenda” (Gal. *San.Tu.* II 12 K VI 155): ἀλλ' ὁ γυμναστικός, ἀφ' ὧν εἶπον ὀλίγον ἔμπροσθεν ὁρμώμενος, εἰ καὶ νῦν πρῶτον εἶη θεώμενος ἡντινοῦν ἐνέργειαν, οὐκ ἀγνοήσει τὴν δύναμιν αὐτῆς («Однако знаток гимнастики, даже если окажется, что он впервые видит какое бы то ни было движение, сможет распознать его свойства, отталкиваясь от описанных выше соображений»). Один раз в галеновском корпусе встречается редкое наречие γυμναστικῶς, употребленное в значении «как гимнаст» или «в соответствии с гимнастическим искусством» (Gal. *Diff.Puls.* II 9 K VIII 624). Единственное употребление этого наречия в классической греческой литературе принадлежит Аристофану (Ar. *V.* 1213), у которого Гален, прекрасно знакомый с его комедиями и посвятивший его словоупотреблению специальный трактат¹⁰⁴, вполне мог позаимствовать это слово.

¹⁰⁴ Morrison B. Language // The Cambridge Companion to Galen. Ed. by R.J. Hankinson. Cambridge, 2008. P. 117, 145.

Вместе с тем полными синонимами понятия γυμναστής и γυμναστικός не являются. Довольно часто в трудах Галена ὁ γυμναστικός обозначает скорее спортсмена¹⁰⁵ или непрофессионального любителя гимнастических упражнений (Gal. *Thras.* 9): ἐπὶ μὲν γὰρ τῆς τῶν γυμναστικῶν εὐεξίας ὅτι χρὴ φεύγειν τε καὶ δεδιέναι τὴν ἀκρότητα, πρὸς Ἱπποκράτους εἴρηται σαφέστατα («О том, что надо избегать и опасаться пика телесной формы, присущего любителям упражняться, ясно сказано у Гиппократата»). В гиппократовском афоризме (Нр. *Aph.* 1. 3) «пик телесной формы у тех, кто упражняется, опасно» (ἐν τοῖσι γυμναστικοῖσιν αἱ ἐπ' ἄκρον εὐεξία σφαλεραί), который Гален цитирует дважды (Gal. *Thras.* 9; *Bon. Hab.* К IV 752), ὁ γυμναστικός используется именно в таком значении.

Внимания также заслуживает и словосочетание ἐπιστάτης τῶν παλαισμάτων. Мы перевели его как «знаток упражнений палестры», но, пожалуй, более точным соответствием древнегреческому ἐπιστάτης¹⁰⁶ было бы русское «надзиратель», «смотритель», «наставник» или даже «инструктор». Л. Робер считает это слово термином греческой атлетики и называет его одним из синонимов к понятиям γυμναστής, παιδοτρίβης и ἀλείπτης, предлагая переводить его как «учитель гимнастики» или «тренер»¹⁰⁷ («un maître de

¹⁰⁵ В трактате «De bono habitu» ὁ γυμναστικός выступает в качестве синонима к ἀθλητής (Gal. *Bon. Hab.* К IV 752): ἡ τῶν ἀθλητῶν ἢ γυμναστικῶν εὐεξία. Другой похожий пример (Gal. *AA* V, 1 К II 480): εὐτραφέστατοι δὲ μάλιστα εἰσιν ἐπὶ τῶν γυμναστικῶν οἱ δύο μῦες οὗτοι («Эти две мышцы особенно хорошо развиты у спортсменов»).

¹⁰⁶ В трактате «Фрасибул» слово ἐπιστάτης несколько раз используется и в широком значении «попечитель» или «надзиратель» (Gal. *Thras.* 8, 19, 35):

1) καὶ γὰρ εἰ τῆς τῶν ὑγιαίνοντων φυλακῆς ὁ ἰατρὸς ἐπιστάτης ἐστὶν ἢ γυμναστοῦ τὸ τοιοῦτον ἴδιον, ἐξ ἀρχῆς ἡμῖν προῦκειτο ζητεῖν, ὅπερ, ὡς ὀλίγον ἔμπροσθεν ἐδείχθη, τὴν κρίσιν ἐν τῇ τοῦ τέλους ἔχει ζητήσει («Ибо решение выдвинутого изначально вопроса, а именно врачу ли поручен надзор за здоровыми или же это область ведения гимнаста, лежит, как было показано выше, в рассмотрении целей [медицины и гимнастики]»).

2) νυνὶ δ' ἐπειδὴ διαρρεῖ τε καὶ φθείρεται, δεῖται τινος ἐπιστάτου παρεδρεύοντος («Но коль скоро тело страдает от истечения и увядания, необходим некий бдительный страж»).

3) εἶκε δὲ Πλάτων ἀπὸ μέρους ὀνομάζειν τὸ σύμπαν [μόριον] οὐχ ὑγιεινὴν τέχνην ἀλλὰ γυμναστικὴν προσαγορεύων, ὅτι τ' ἐξαίρετον ἴδιον ὑπάρχει τοῖς ὑγιαίνουσιν, ὡς ἂν μὴδ' ὅλως αὐτῷ χρωμένων τῶν νοσοῦντων, ὅτι τε τοῦτο μόνον ἐνόμιζεν ἐπιστάτου δεῖσθαι («Платон, как кажется, использует обозначение части для обозначения целого, называя искусство гигиены гимнастикой. [Делает он это] потому, что занимаются ею исключительно здоровые, так как больные к ней не прибегают вовсе, а также потому, что только она, по его мнению, нуждается в услугах надзирателя»).

¹⁰⁷ Представляется, что в данном случае французские понятия *soigneur* и *entraîneur* являются синонимами.

gymnastique, un soigneur, un entraîneur”¹⁰⁸). Он отмечает, что хотя современные словари не учитывают такое значение слова ἐπιστάτης, Анри Этьенн в своем “Thesaurus Graecae linguae” со ссылкой на комментарии к «Одиссее» Гомера, составленные Евстафием Солунским, сообщает, что этим словом могли обозначаться педотрибы¹⁰⁹. Робер приводит множество эпиграфических памятников, содержащих термин ἐπιστάτης в значении «тренер»¹¹⁰, показывая, что встречающаяся в агонистических надписях формула ὑπὸ ἐπιστάτην синонимична формулам ὑπὸ παιδοτρίβην и ὑπὸ ἀλείπτην. Примечательно, что в одной надгробной надписи, посвященной юноше Луцию, помимо оплакивающих его родственников и друзей, также упомянуты его учитель гимнастики и врач: Ἀντωνεῖνος ὁ ἐπιστάτης, Τατιανὸς ὁ ἰητρὸς τὸν μαθητὴν (ἐτίμησαν)¹¹¹ («Учитель гимнастики Антонин, врач Татиан воздали почести ученику»).

Представление о синонимичности понятий γυμναστής, παιδοτρίβης, ἀλείπτης и ἐπιστάτης может показаться некоторым упрощением, однако то, что слово ἐπιστάτης может иметь специальное спортивное значение, вряд ли можно отрицать. В «Законах» Платона (Pl. *Leg.* 949a) им обозначаются распорядители гимнастических и конных состязаний (γυμνικῶν τε καὶ ἵππικῶν ἄθλων ἐπιστάται). В таком же значении это слово встречается и у Ксенофонта (X. *Mem.* III, 5, 18): Μηδαμῶς, ἔφη ὁ Σωκράτης, ὃ Περικλεις, οὕτως ἡγοῦ ἀνηκέστῳ πονηρίᾳ νοσεῖν Ἀθηναίους. οὐχ ὀρᾷς, ὥς εὐτακτοὶ μὲν εἰσιν ἐν τοῖς ναυτικοῖς, εὐτάκτως δ' ἐν τοῖς γυμνικοῖς ἀγῶσι πείθονται τοῖς ἐπιστάταις, οὐδένων δὲ καταδεέστερον ἐν τοῖς χοροῖς ὑπηρετοῦσι τοῖς διδασκάλοις; («Нет, Перикл, — возразил Сократ, — ты ни в каком случае не думай, что афиняне страдают таким неисцелимым недугом порока! Разве не видишь, какая у них дисциплина во флоте, как точно на гимнастических состязаниях исполняют они приказания руководителей и в

¹⁰⁸ Robert L. Un citoyen de Téos à Bouthrótos d'Épire // CRAI, 1974. P. 520.

¹⁰⁹ Thesaurus Graecae linguae, ab Henrico Stephano constructus. Vol. III. Parisiis, 1835. Col. 1794.

¹¹⁰ Robert L. Un citoyen de Téos à Bouthrótos d'Épire // CRAI, 1974. P. 521–525.

¹¹¹ Ibid. P. 526.

хорах не хуже кого другого слушаются учителей?»¹¹²). В эротическом эпизоде новеллы «Лукий, или Осел», представляющем собой развернутую спортивную метафору¹¹³, термин ἐπιστάτης ближе всего по значению к современному понятию «спортивный инструктор» (Ps.-Luc. *Asin.* 8): ἐγὼ μὲν νόμῳ διδασκάλου καὶ ἐπιστάτου τὰ ὀνόματα τῶν παλαισμάτων ὧν ἐθέλω εὐροῦσα ἐρῶ, σὺ δὲ ἕτοιμος γίνου ἐς τὸ ὑπακούειν καὶ ποιεῖν πᾶν τὸ κελεύόμενον («Я, в качестве учителя и наставника, буду придумывать и называть упражнения, какие захочу, а ты будь готов повиноваться и исполнять всякое приказание»¹¹⁴). Для Галена, по всей видимости, выражение ἐπιστάτης τῶν παλαισμάτων не отличается по значению от термина παιδοτρίβης.

Итак, гимнастика, согласно Галену, связана с умственным трудом и требует определенных теоретических познаний. Стоит, конечно, сделать оговорку: речь идет о «подлинной гимнастике», ἡ ὄντως γυμναστική (Gal. *Thras.* 38, 41, 47), которую Гален противопоставляет гимнастике атлетической.

1. 6. Две гимнастики Галена

Напомним, что атлетическую гимнастику на протяжении всего трактата «Фрасибул» Гален предпочитает именовать «порочным искусством» (κακοτεχνία). Его главная претензия к этому занятию состоит в его противоестественности (Gal. *Thras.* 36): τὴν μὲν τῶν τοὺς ἀθλητὰς γυμναζόντων γυμναστικὴν, ὑποδυομένην μὲν ὀνόματι σεμνῶ, κακοτεχνίαν δ' οὖσαν, οὕτω μὲν εἰς τοσοῦτον ἀποκεχωρηκυῖαν τοῦ κατὰ φύσιν, εἰς ὅσον αὐτὴν νῦν προήχασιν, ἤδη δ' ἀρχομένην οὐ πρὸς τὸ βέλτιον ἀποβλέπειν, [ἀλλ' ἀπλῶς] ὥς ἰσχὺν τῶν ἀντιπάλων καταβλητικὴν ἐν τῷ τρίτῳ τῆς Πολιτείας ἐμέμψατο («Гимнастика, которой занимаются те, кто тренирует атлетов, прикрывается почтенным именем, будучи на самом деле порочным искусством. [Во времена Платона] она еще не настолько отделилась от естественного порядка, насколько она далека от него

¹¹² Перевод С.И. Соболевского (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С. 85).

¹¹³ См. комментарий: Poliakoff M. *Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports* // *Beiträge zur klassischen Philologie*, 146. Königstein im Taunus, 1982. P. 101–125.

¹¹⁴ Перевод Б.В. Казанского (Лукиан Самосатский. Сочинения. Том 2. М., 2001. С. 276).

ныне, но уже начинала отклоняться от стремления к лучшему. В третьей книге “Государства” Платон порицает ее, [исходя из того], что она является не чем иным, как способностью бросить соперника наземь»). Противоестественность атлетической гимнастики и естественность гимнастики подлинной связаны с двумя видами телесного благосостояния, которые выделяет Гален (Gal. *Thras.* 9).

Естественного (κατὰ φύσιν) телесного благосостояния можно достичь при помощи подлинной гимнастики, оно представляет собой «совершенное здоровье», ἡ τελεία ὑγίεια (Gal. *Thras.* 12) или «наилучшее здоровье», ἡ ἀρίστη ὑγίεια, (Gal. *Bon.Hab.* К IV 751). Противоестественное (οὐ φύσει) телесное благосостояние, к которому стремятся атлеты под руководством своих тренеров, несмотря на некоторое сходство с первым, которое Гален признает (Gal. *Bon.Hab.* К IV 754), не только не полезно, но вредно и порой даже смертельно опасно. Ключевое различие двух видов телесного благосостояния – это соразмерность¹¹⁵ (συμμετρία) первого и несоразмерность (ἀμετρία) второго (Gal. *Bon.Hab.* К IV 754). Эта несоразмерность вызвана нездоровой диетой атлетов, призванной дать им преимущество на состязаниях (Gal. *Thras.* 37): τῆς ὑγείας ἐν συμμετρίᾳ τινὶ τεταγμένης ἀμετρίας ἐστὶ δημιουργὸς ἡ τοιαύτη γυμναστικὴ πολλὴν καὶ πυκνὴν αὔξουσα σάρκα καὶ πλῆθος αἵματος ὥς ἐνὶ μάλιστα γλισχροτάτου παρασκευάζουσα. βούλεται γὰρ οὐ τὴν ἰσχὺν αὐξῆσαι μόνον ἀλλὰ καὶ τὸν ὄγκον τε καὶ τὸ βάρος τοῦ σώματος, ὥστε καὶ ταύτη χειροῦσθαι τὸν ἀνταγωνιστήν («В противоположность здоровью, которое состоит в некоторой соразмерности, такая гимнастика создает несоразмерность, увеличивая вес и плотность тела и наращивая объем чрезвычайно густой крови. Дело в том, что она стремится к увеличению не только силы, но и размеров и тяжести тела, чтобы и с их помощью одолеть соперника»). К критике атлетической диеты

¹¹⁵ Ср. с местом из “De sanitate tuenda”, где дается описание наилучшего телосложения, ἡ ἀρίστη κατασκευὴ τοῦ σώματος (Gal. *San.Tu.* I, 6 К VI 30): οὕτω δὲ καὶ τῶν γε ἄλλων ὑπερβολῶν ἀκριβῶς μέσον ἐστὶ τὸ τοιοῦτον (sc. σῶμα) («Точно таким же образом подобное [тело] находится ровно посередине между прочими крайностями»).

Гален обращается не раз и, к примеру, в своем «Протрептике» Гален рисует образ души атлета, задавленной грудой плоти¹¹⁶ (Gal. *Protr.* XI, 3–6): ὅτι μὲν τῶν ψυχικῶν ἀγαθῶν οὐδ' ὄναρ ποτὲ μετειλήφασιν οἱ ἀθλοῦντες εὐδὴλον παντί. τὴν ἀρχὴν γὰρ οὐδ' εἰ ψυχὴν ἔχουσι γινώσκουσι· τοσοῦτον ἀποδέουσι τοῦ λογικὴν αὐτὴν ἐπίστασθαι. σαρκῶν γὰρ ἀεὶ καὶ αἵματος ἀθροίζοντες πλῆθος ὡς ἐν βορβόρῳ πολλῷ τὴν ψυχὴν παντελῶς ἔχουσι κατεσβεσμένην, οὐδὲν ἀκριβῶς νοῆσαι δυναμένην ἀλλ' ἄνουν ὁμοίως τοῖς ἀλόγοις ζώοις («То, что душевным благам атлеты никогда не были причастны, очевидно всякому. Ведь они даже не знают, имеют ли душу: настолько далеки они от осознания того, что она разумна. Ибо, накапливая постоянно массу плоти и крови, атлеты обладают душой, которая словно бы увязла в глубокой трясине, не способна ни о чем точно мыслить, но безрассудна, подобно лишенным разума животным»¹¹⁷). Переедание становится причиной нарушения гуморального баланса¹¹⁸, а также полнокровия и затрудненного дыхания (Gal. *Bon.Hab.* К IV 754–756), которые, в свою очередь, ведут к плачевным результатам (Gal. *Thras.* 37): ὅθεν ἄφωνοί τινες αὐτῶν ἐξαίφνης, ἕτεροι δ' ἀναίσθητοι καὶ ἀκίνητοι καὶ τελέως ἀπόπληκτοι γίνονται τοῦ παρὰ φύσιν ὄγκου τοῦδε καὶ τοῦ πλήθους ἀποσβέσαντός τε τὴν ἔμφυτον θερμασίαν ἐμφράξαντός τε τὰς διεξόδους τοῦ πνεύματος. ὅσοι δ' ἂν αὐτῶν τὰ πρῶτα πάθωσιν, ἀγγεῖον ῥήξαντες ἐμοῦσιν ἢ πτύουσιν αἷμα («Поэтому-то некоторые [атлеты] внезапно лишаются голоса, оказываются невосприимчивы и бездвигжны, а то и совершенно разбиты параличом, из-за того, что эта противоестественная тяжесть и этот объем гасят [в теле человека] природное

¹¹⁶ Из числа современников Галена тучность атлетов подвергал насмешкам Лукиан. Знаменитый борец Милон Кротонский описывается у него в таких пародийных стихах (Luc. *Cont.* 8, 2–3):

τίς τ' ἄρ' ὅδ' ἐστὶ πάχιστος ἀνὴρ ἡῦς τε μέγας τε,

ἔξοχος ἀνθρώπων κεφαλὴν καὶ εὐρέας ὤμους;

«Кто же такой сей претолстый мужчина, могучий и доблий,

Выше других людей головою и шире плечами?» (Лукиан Самосатский. Сочинения. Том 1. М., 2001. С. 361).

¹¹⁷Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 860).

¹¹⁸ Об античной гуморальной теории см.: Lawrence I.C. et al. *The Western Medical Tradition: 800 BC to AD 1800*. Cambridge, 2011. P. 23–25 и *The Cambridge Companion to Hippocrates*. Ed. by Peter E. Pormann. Cambridge, 2018. P. 79–85, 89–94, 98–100, 105–110.

тепло, а также преграждают путь дыханию. Самые незначительные последствия, с которыми они могут столкнуться, – это кровавая рвота и кровохарканье после разрыва сосуда»). Само употребление термина εὐεξία по отношению к состоянию в высшей степени нездоровому парадоксально, в этом контексте можно было бы ожидать скорее антонимичного ему термина καχεξία, однако, как кажется, Гален умышленно играет на этом парадоксе, чтобы показать противоестественную сущность современной ему атлетической гимнастики, называющей зло благом.

Гален предлагает для этой гимнастики именование “καταβλητική”¹¹⁹, «умение бросить на землю» (Gal. *Thras.* 45). Приверженцев этого порочного искусства он порицает за то, что они присваивают себе звание гимнастов, не имея на это никакого права. Такими «гимнастами» становятся, по сообщению Галена, бывшие атлеты, не добившиеся успеха в своей области (Gal. *Thras.* 46): ἀλλ' ὁμῶς οἱ τούτων ἀτυχέστατοι καὶ μηδεπώποτε νικήσαντες ἐξαίφνης ἑαυτοὺς ὀνομάζουσι γυμναστάς, εἴτ' οἷμαι καὶ κεκράγασιν οὐδὲν ἥττον τῶν συῶν ἐκμελεῖ καὶ βαρβάρῳ φωνῇ. τινὲς δ' αὐτῶν καὶ γράφειν ἐπιχειροῦσιν ἢ περὶ τρίψεως ἢ εὐεξίας ἢ ὑγιείας ἢ γυμνασίων, εἶτα προσάπτεσθαι τολμῶσι καὶ ἀντιλέγειν οἷς οὐδ' ὅλως ἔμαθον («И при этом самые злополучные из них, не добившись ни одной победы, внезапно называют себя гимнастами, после чего начинают визжать нестройными и грубыми голосами ничуть не хуже свиней. Иные из них берутся даже писать или о массаже, или о телесном благосостоянии, или о здоровье, или об упражнениях, а потом осмеливаются вмешиваться не в свое дело и противоречить тому, о чем вообще ничего не знают»). Причина недовольства Галена очевидна: самопровозглашенные гимнасты грубо нарушают иерархию искусств. Будучи ремесленниками, они претендуют на теоретические познания в области не только гимнастики, но также гигиены и

¹¹⁹ От греческого глагола καταβάλλειν, «бросать». Подробнее об этом термине борьбы и других греческих единоборств см.: Янзина, Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 106. См. также примеры употребления: Poliakoff M. *Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports* // Beiträge zur klassischen Philologie, 146. Königstein im Taunus, 1982. P. 7, 15, 36, 81, 89.

даже медицины. Интеллектуальная область подлинной гимнастики для бывших атлетов и педотрибов закрыта, а в сонм ее знатоков Гален включает только врачей (Gal. *Thras.* 38): τούτους οὖν ἀποπέμψαντες – οὐ γὰρ κακοτεχνίας ἀλλὰ τέχνας ἤκομεν ἐπισκεψόμενοι – τοὺς τῆς ὄντως γυμναστικῆς ἐπιστήμονας ἤδη καλῶμεν, Ἴπποκράτην τε καὶ Διοκλέα καὶ Πραξαγόραν καὶ Φιλότιμον Ἐρασίστρατόν τε καὶ Ἡρόφιλον ὅσοι τ' ἄλλοι τὴν ὅλην περὶ τὸ σῶμα τέχνην ἐξέμαθον («Итак, прогнав их прочь, призовем наконец людей, сведущих в подлинной гимнастике (все-таки мы не собираемся исследовать порочные искусства): Гиппократ, Диокла¹²⁰, Праксагора, Филотима¹²¹, Эрасистрата, Герофила¹²² и всех прочих, которые полностью изучили искусство, посвященное телу человека»). Примечательно, что Геродика Селимбрийского Гален в этот список не включает, хотя о нем он осведомлен, что подтверждается многочисленными упоминаниями Геродика в комментариях Галена к «Эпидемиям» Гиппократ (Gal. *Hipp.Epid.* VI 3, 31 К 17b 99 и др.). Изобретателя гимнастики Гален не считает сведущим в подлинной гимнастике, так как тот не был врачом.

1. 7. Выводы

Для Галена гимнастика, как мы имели возможность убедиться, является по определению интеллектуальным занятием, сущность которого состоит в знании того воздействия, которое то или иное движение, вовсе необязательно связанное со спортивными дисциплинами, оказывает на человеческое тело. Гимнасту совершенно не нужно быть знакомым с техникой выполнения этих движений, для этого ему в услужение назначены представители низших искусств, связанных с физической активностью. Так, гимнаст может прибегать к помощи педотриба, и покуда педотриб не выходит из подчинения, Гален не

¹²⁰ Диокл Каристский, врач IV в. до н. э. Подробнее см.: van der Eijk P.J. Diocles of Carystus: A Collection of the Fragments with Translation and Commentary // *Studies in Ancient Medicine* 22, 23. Leiden, 2000–2001.

¹²¹ Врачи IV–III вв. до н. э. См.: Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P.N. Singer. Cambridge, 2023. P. 7–9.

¹²² Александрийский врач (335–280 гг. до н. э.). Подробнее см.: von Staden H. Herophilus: The Art of Medicine in Early Alexandria. Cambridge, 1989.

видит в этом ничего зазорного. Однако без надзора со стороны гимнаста педотриб может навредить своим подопечным из-за незнания меры в упражнениях (Gal. *San.Tu.* I, 10 K VI 54): τὸ δ' ὑπερπονεῖν, ὥσπερ ἔνιοι τῶν παιδοτριβῶν ἀναγκάζουσι τοὺς παῖδας, οὐδαμῶς ἀγαθόν («Нет совершенно ничего хорошего в тех чрезмерных нагрузках, которым некоторые педотрибы подвергают детей¹²³»). Сильнейшее неприятие вызывают у Галена спортивные состязания, к которым готовит профессиональных атлетов педотриб, а также попытки последнего присвоить себе более престижное звание гимнаста (Gal. *Thras.* 45): μαίνοιτο δ' ἂν οὐδὲν ἦττον, οἶμαι, καὶ ὁ παιδοτρίβης ἢ κοινωνεῖν γυμναστικῆς ἢ μέρος ἔχειν αὐτῆς οἰόμενος· ὑπέρετης γάρ ἐστι μόνον, ὥσπερ γ' ὁ στρατιώτης τῆς στρατηγικῆς, οὕτω καὶ ὁ παιδοτρίβης [αὐτὸς γάρ], ἢ μὲν γυμνάζει, τῆς γυμναστικῆς, ἢ δ' ἀσκεῖ τέχνην παλαισμάτων, ἐτέρας αὖ τινός ἐστιν ἐπιτηδεύσεως ὑπέρετης, ἣν ἐγὼ μὲν ὀνομάζω καταβλητικὴν, οὐ μὴν γ' αὐτοὺς οὕτω καλοῦσιν οἱ τοὺς ἀθλητὰς ἀσκοῦντες, ἀλλὰ γυμναστὰς ὀνομάζουσι («Лишен рассудка в не меньшей, я считаю, степени и педотриб, полагающий, будто он причастен гимнастическому искусству или будто некая часть гимнастики находится в его ведении. Ибо подобно тому, как воин является слугой полководческого искусства, так и педотриб находится в услужении у гимнастики, покуда он обучает гимнастическим упражнениям. А в той мере, в какой он учит искусству борцовских приемов, он подчиняется уже другому занятию, которое я называю “умением бросить на землю”. Впрочем, те, кто занимаются подготовкой атлетов, о своем занятии так не говорят, они называют себя гимнастами»). Не только гимнастика, но и педотрибика в концепции Галена может иметь две разновидности, в зависимости от того, какому искусству она подчиняется.

¹²³ Отметим, что здесь термин παιδοτρίβης употреблен в связи с физическим воспитанием детей. Без сомнения, во II–III вв. н. э. это слово могло обозначать как детского учителя, так и профессионального тренера атлетов. В корпусе сочинений Галена можно найти и примеры употребления этого термина в первичном значении – «детский массажист» (Gal. *SMT* II, 5 K XI 476): διὰ τί τρίβουσιν ἐλαίῳ τοὺς ἀθλητὰς οἱ γυμνασταί; διὰ τί δὲ καὶ οἱ παιδοτρίβαι τοὺς παῖδας; («Зачем гимнасты натирают маслом атлетов? Зачем педотрибы натирают маслом детей?»)

Гимнаст может пользоваться услугами не только педотриба, но также учителя игры в мяч (σφαιριστικός¹²⁴), который упоминается у Галена в одном ряду с педотрибом (Gal. *San.Tu.* II, 11 K VI 154): ὁ σφαιριστικὸς ἀπάσας μὲν ἐπίσταται τὰς τῆς σφαίρας βολὰς τε καὶ λήψεις, οὐ μὴν ἦντινά γε διάθεσιν ἐκάστη τῷ σώματι περιποιεῖ. οὕτω δὲ καὶ ὁ παιδοτρίβης ἀπασῶν μὲν τῶν κατὰ παλαιστραν ἐνεργειῶν ἐπιστήμων ἐστίν, ὃ τι δὲ ἐκάστη πέφυκε δρᾶν ἀγνοεῖ («Учитель игры в мяч сведущ во всех способах бросить и поймать мяч, но, конечно, ему неизвестно, какое состояние тела может быть при помощи них достигнуто. Точно так же и педотриб: будучи опытным во всех движениях, принятых в палестре, он не имеет представления о том, какой эффект каждое из них производит от природы»). Интересно при этом, что знание игры в мяч является одной из обязанностей педотриба, как мы узнаем из специального трактата Галена, посвященного этой игре, “De parvae pilae exercitio” («Об упражнении с маленьким мячом») (Gal. *Parv.Pil.* 4 K V 909): ἐφ' ὅσον δὲ δεῖ καθ' ἐκάστην χρεῖαν ἐπιτείνειν τε καὶ ἀνιέναι, γράψαι μὲν οὐχ οἶόν τε (τὸ γὰρ ἐν ἐκάστῳ ποσὸν ἄρρητον), ἐπ' αὐτῶν δὲ τῶν ἔργων εὐρεῖν τε καὶ διδάξαι δυνατόν, ἐν ᾧ δὲ καὶ μάλιστα τὸ πᾶν κῦρος <...>. τοῦτο μὲν δὲ τῷ παιδοτρίβῃ μετέστω τῷ μέλλοντι τὸ γυμνάσιον ὑφηγεῖσθαι («Невозможно описать, насколько нужно напрягать или расслаблять [тело] для той или иной надобности, ибо количество в каждом отдельном случае невыразимо. Однако можно на деле обнаружить и обучить тому, в чем в первую очередь кроется сила. <...> Именно это и относится к деятельности педотриба, который намеревается руководить выполнением этого упражнения»). Нельзя не заметить здесь параллели с тем, как компетенция врача полностью поглощает компетенции стоящих на более низких ступенях иерархии гигиениста и гимнаста. Среди других специалистов

¹²⁴ Учитель игры в мяч мог также называться σφαιριστής. См., например, у Афиней (Ath. I, 34): Ἀριστόνικον τὸν Καρύστιον, τὸν Ἀλεξάνδρου σφαιριστὴν, Ἀθηναῖοι πολίτην ἐποιήσαντο διὰ τὴν τέχνην καὶ ἀνδριάντα ἀνέστησαν («Каристийцу Аристонику, обучавшему игре в мяч Александра, афиняне за его мастерство даровали гражданство и поставили статую»).

низшего уровня Гален называет учителя боя в доспехах (см. выше), а также профессионального возницу (ἡνιοχικός) (Gal. *San. Tu.* II, 11 K VI 154).

Кроме того, для обозначения помощника гимнаста Гален использует довольно редкий термин προγυμναστής. Во всем галеновском корпусе он встречается дважды, причем оба раза в связи с массажем (Gal. *San. Tu.* III, 2 K VI 177): πολλάκις δὲ καὶ μεταβαλλέτω τὸν προγυμναζόμενον ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ. πολλάκις δὲ καὶ κατὰ νότου γινόμενος αὐτός, ἑκάτερον ἐν μέρει τῶν σκελῶν περιπλέκων τῷ προγυμναστῇ <...> τριβέσθω («Пусть в это время он часто меняет того, кто помогает ему упражняться¹²⁵. Пусть он также часто подвергается массажу, лежа на спине и обхватывая прогимнаста то одной, то другой ногой»). И затем (Gal. *San. Tu.* III, 4 K VI 187): εἰ δὲ καὶ χειρῖδας ῥαπτὰς περιθέμενοι ταῖς χερσὶν οἱ προγυμνασταὶ τρίβοιεν, ὥς ὁμαλωτέραν γενέσθαι τὴν ἐνέργειαν, οὐδὲν ἂν εἴη χεῖρον («Было бы неплохо, если бы прогимнасты стали массировать его, надев шитые рукавицы, чтобы их движения были равномернее»). В сохранным Аэцием (520–572 гг. н.э.) фрагменте из сочинения Архигена (I–II вв. н.э.) прогимнаст упоминается в контексте, связанном не только с массажем, но и физическими упражнениями вообще (Aët. I, 284–285): ἄσкулτοι γὰρ οἱ πόνοι γίνονται μετ' εἰδήμονος προγυμναστοῦ καὶ ἐντριβεῖς χεῖρες πραότεραι τῶν εὐαφῶν εἰσὶν εἰς τὰς ἀποθεραπείας («Ибо физические нагрузки под руководством умелого прогимнаста не ведут к переутомлению, и умелые руки с большей мягкостью сделают восстановительный массаж, чем нежные»).

Основное отличие прогимнаста от педотриба состоит, возможно, в том, что первый не был свободным человеком: раба-прогимнаста упоминает Сенека (Sen. *Ep.* 83, 4). У Эпиктета, в свою очередь, прогимнаст упоминается, как и у Галена, дважды, причем, по всей видимости в значении «тренер». Рассуждая о пользе, которую человеку может принести тот, кто его бранит, он говорит (Arr.

¹²⁵ По справедливому замечанию Сингера, не совсем ясно, что Гален имеет здесь в виду (Galen: *Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda)*. Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 254). Глагол προγυμνάζω, встречающийся у Галена значительно чаще производного существительного προγυμναστής, обычно переводится как «упражняться заранее» или «заниматься предварительными тренировками», однако это значение здесь неактуально.

Epict. III 20, 9): τί δ' ὠφελεῖ τὸν ἀθλητὴν ὁ προσγυμναζόμενος; τὰ μέγιστα. καὶ οὗτος ἐμοῦ προγυμναστὴς γίνεται· τὸ ἀνεκτικόν μου γυμνάζει, τὸ ἀόρητον, τὸ πρᾶον («Какую пользу приносит атлету тот, кто его тренирует? Величайшую. Вот и он оказывается моим прогимнастом: он упражняет мое терпение, безгневие, кротость»). В другом месте он замечает (*Arr. Epict.* IV 4, 31): οὐδεὶς ἄγων δί<χ>α θορύβου γίνεται. πολλοὺς δεῖ προγυμναστὰς εἶναι, πολλοὺς τοὺς ἐπικραυγάζοντας, πολλοὺς ἐπιστάτας, πολλοὺς θεατάς («Никакое соревнование не обходится без шума. На нем должно быть множество прогимнастов, крикунов, устроителей игр, зрителей»).

Приходится констатировать, что на данный момент недостаточное количество свидетельств не позволяет однозначно определить сферу деятельности прогимнаста, однако можно предположить, что в представлении Галена это был специалист, чья деятельность почти полностью сводилась к восстановительному массажу. Необходимо также сказать, что в эпиграфических памятниках несколько десятков раз зафиксированы термины ὑποπαιδοτρίβης и ὑποπαιδοτριβῶν, буквально «подчиненный педотриба» (IG II (2) 1967, 1996 и др.). Очевидно, ими обозначался помощник педотриба, однако скудость информации, содержащейся в надписях, и отсутствие употреблений этих терминов в греческой литературе делают сколько-нибудь точную реконструкцию функций ассистента педотриба невозможной.

Важно отметить, что из сферы ведения гимнаста Гален полностью исключает диететику, а ведь это то, с чего во многом и началась гимнастика. Знание полезных видов пищи и напитков он относит к области гигиены (*Gal. Thras.* 40), а гигиену, в свою очередь, к области медицины. Вопрос о конкуренции между врачами и гимнастами (и уж тем более врачами и педотрибами) для Галена даже не стоит, потому как компетенция врача охватывает все прочие компетенции (*Gal. Thras.* 47): Τί ποτ' οὖν, φήσεις, ἰατροὺς ὀνομάζομεν Ἱπποκράτην τε καὶ τὸν ἀπ' αὐτοῦ χορόν, εἴπερ οὐ κατὰ πάσης τῆς περὶ τὸ σῶμα τέχνης τοῦνομα φέρομεν, ἀλλὰ κατὰ μόνου τοῦ μέρους αὐτῆς, ὃ τοὺς

κάμνοντας ἰᾶται; φαίνονται μὲν γὰρ ὅλην μεταχειρισάμενοι τὴν τέχνην, ὡς μηδὲ τὸ περὶ τὰ γυμνάσια μέρος αὐτῆς ἀπολιπεῖν. ὅτι πρώτου συστάντος ὅλης τῆς τέχνης μέρους τοῦ θεραπευτικοῦ, διότι καὶ μάλιστα κατήπειγεν, ὕστερον δὲ κατὰ πολλὴν σχολὴν αὐτῷ προστεθέντος τοῦ φυλακτικοῦ τε καὶ ὑγιεινοῦ προσαγορευομένου, τὴν ὅλην τέχνην ἀπὸ τοῦ μέρους ὀνομασθῆναι συνέβη («Так почему же, спросишь ты, мы называем Гиппократа и сонм его последователей врачами, если это слово относится не ко всему искусству, посвященному телу, но только к его части, связанной с лечением больных? Ведь кажется, что они освоили это искусство целиком, не обойдя вниманием и того, что касается упражнений. Дело в том, что врачевание было первой учрежденной частью этого искусства, потому как в нем была срочная нужда. Позднее, уже в более спокойной обстановке, к врачеванию прибавились так называемое предохранение или поддержание здоровья, и случилось так, что все искусство получило название от своей части»). Впоследствии мы увидим, что Гален, представитель подлинной гимнастики, не гнушается прибегать и к практикам палестры, если того требуют особенности пациента. Однако лишь в исключительных случаях Гален прямо признается в том, что позаимствовал какое-нибудь средство, изобретенное в атлетической среде, для использования в собственной практике. Один такой эпизод описан в трактате “De sanitate tuenda” (Gal. *San.Tu.* VI, 14 K VI 446): γυμναστὴν δέ τινα τῶν ἀθληταῖς ἐπιστατούντων ἐθεασάμην μολιβδίνην λεπίδα ταῖς ψόαις ὑποβάλλοντα τοῦ ἀθλητοῦ πρὸς τὸ μὴ ὄνειρώττειν αὐτόν, καί τινι τῶν οὕτω πασχόντων ἰδιωτῶν ἐδήλωσα («Я имел возможность наблюдать, как один гимнаст из числа поставленных для надзора за атлетами прикрепил к паху атлета свинцовую пластину, чтобы предотвратить ночные семяизвержения. Я показал [это средство] некоему частному лицу, также от них страдавшему»). Не менее редки и признания в равной неосведомленности врачей, гимнастов и педотрибов в духе того, какое мы находим в сочинении “De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus” («О смесях и свойствах простых лекарственных средств») (Gal. *SMT* II, 5 K XI 476): διὰ τί μέντοι τὸ ἔλαιον ἴαμα κόπων ἐστὶν, οὐκ ἔτι οὔτε

γυμναστῆς οὐτε παιδοτρίβης οὐτ' ἰατρὸς ἐμπειρικὸς ἐπίσταται («Почему все-таки оливковое масло облегчает усталость, пока неизвестно ни гимнасту, ни педотрибу, ни опытному врачу»).

Необходимо, впрочем, отдавать себе отчет, что иерархия искусств, предложенная Галеном, в значительной степени представляет собой идеальное построение, оторванное от жизни. В действительности ему приходилось конкурировать с малообразованными гимнастами, на которых он яростно обрушивается во «Фрасибуле», и лучшим доказательством этому служит сам тот факт, что Гален счел необходимым написать этот трактат. Однако отношения между врачами и гимнастами античной эпохи нельзя назвать однозначно враждебными. Приведенную выше надгробную надпись юноши Луция можно считать иллюстрацией мирного соседства двух специальностей, гармонично дополняющих друг друга¹²⁶, а Г. В. Плекет отмечает, что в Кирене на рубеже IV–III вв. до н.э. социальный статус врача не отличался от статуса педотриба или учителя верховой езды¹²⁷. Помимо этого, Ютнер со ссылкой на эпиграфические свидетельства (IG III 1199. 36, 1202. 38) сообщает, что со II в. н. э. в гимнасии для наблюдения за здоровьем юношества приглашались врачи¹²⁸, и в гимнасиях же, как утверждает Марру, врачи читали лекции¹²⁹. Более того, резкий тон Галена, иногда отличавшегося некоторой непоследовательностью, во «Фрасибуле» сменяется¹³⁰ на гораздо более спокойный тон в других его трудах, в первую очередь, в трактате “De sanitate tuenda” (Gal. *San.Tu.* II, 8 K VI 135): ὑπὲρ τε οὖν τούτων ἀπάντων, ἃ δὲ καὶ γυμνασίων εἶδη καλοῦμεν, ἐπίστασθαι χρὴ τὸν τὴν ὑγιεινὴν τέχνην μετιόντα, καλεῖν δ' ἕξεστιν αὐτόν, ὡς ἔμπροσθεν εἶπον, ἢ ὑγιεινὸν ἢ γυμναστὴν ἢ ἰατρόν, κυριωτάτης

¹²⁶ König J. Training athletes and interpreting the past in Philostratus' *Gymnasticus* // Philostratus. Ed. by Ewen Bowie, Jaś Elsner. Cambridge, 2009. P. 263.

¹²⁷ Pleket H.W. The social status of physicians in the Graeco-Roman world // *Ancient Medicine in its Socio-Cultural Context*. Vol. 1. Ed. by Ph.J. van der Eijk, H.F.J. Horstmanshoff, P.H. Schrijvers. Amsterdam-Atlanta, 1992. P. 30.

¹²⁸ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 4.

¹²⁹ Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Paris, 1965. P. 281.

¹³⁰ Порядок написания трактатов очевиден благодаря ссылке на «Фрасибула», содержащейся в “De sanitate tuenda” (Gal. *San.Tu.* I, 5 K VI 12).

μὲν ἐσομένης τῆς πρώτης προσηγορίας, ἐκ καταχρήσεως δὲ τῶν ἄλλων («Итак, тот, кто занимается искусством гигиены, должен знать все это, что мы как раз и называем видами упражнений, целиком. А называть этого человека, как мы сказали ранее, можно или гигиенистом, или гимнастом, или врачом. Хотя первое название будет самым подходящим, но в несобственном смысле могут применяться и прочие»). Даже гимнаст Теон, о котором мы еще будем говорить, удостоился в этом сочинении похвалы Галена, пусть и весьма сдержанной (Gal. *San. Tu.* II, 8 K VI 135): οὕτω δὲ καὶ κατὰ τὸ δεύτερον βιβλίον ἐξῆν δῆπου καὶ μοὶ τὰ κατὰ μέρος ἅπαντα γυμνάσια διηγουμένῳ μηκῦναι τὸν λόγον, ὥσπερ ἄλλοι τέ τινες ἐποίησαν ὃ τε κάλλιστα μεταχειρισάμενος ὅλην τὴν πραγματείαν <Θέων> ὁ Ἀλεξανδρεὺς· τέτταρα γὰρ οὗτος ἔγραψε βιβλία περὶ τῶν κατὰ μέρος γυμνασίων, ἃ πάντα καὶ μοὶ λέγειν ἐξῆν ἁμεινόν γε ἐρμηνεύειν ἐκείνου δυναμένῳ καὶ προσέτι καὶ ἄλλων πολλῶν μνημονεύειν γυμνασίων ἔργοις κοινῶν («Схожим образом и у меня, конечно, была возможность описать все частные виды упражнений и тем самым затянуть свое сочинение, как и сделали некоторые другие, в том числе Теон Александрийский, который наилучшим образом справился с этой задачей. Он написал о них четыре книги, и я бы мог изложить все это еще лучше и вдобавок упомянуть многие другие упражнения, связанные с [повседневными] занятиями»).

1. 8. «Гимнастика» Флавия Филострата¹³¹ как ответ на «Фрасибул» Галена

¹³¹ В словаре «Суда» названы три античных писателя, носивших имя Филострата: (Флавий) Филострат II, сын Филострата и внук Вера, Филострат I, сын Вера, и Филострат III, сын Нервиана, приходившегося племянником Филострату II, и в то же время зять Филострата II (Suid. Φ 421). Флавию Филострату приписывается авторство ораторских упражнений, «Любовных посланий», «Картин», «Агоры», «Героики», «Бесед», сочинений «Козы, или о флейте», и «Жизнь Аполлония Тианского», а также «Жизнеописаний софистов» и эпиграмм. Несмотря на то, что в «Суде» «Гимнастика» названа в числе трудов Филострата I, большинство ученых склонны относить ее к числу творений Флавия Филострата. Подробнее см.: Anderson G. Philostratus. Biography and Belles Lettres in the Third Century A.D. Croom Helm, London, 2014. P. 291–296.

Труд Флавия Филострата “Περὶ γυμναστικῆς” («О гимнастике»), появившийся в 220-х–230-х гг. н. э.¹³², то есть примерно через шестьдесят¹³³ лет после выхода в свет галеновского «Фрасибула», мог быть написан, как предполагает Дж. Кёниг¹³⁴, в том числе и в качестве ответа на этот трактат. Целью¹³⁵ Филострата, тяжело переживавшего упадок¹³⁶ спорта, была реабилитация гимнастики, в которой он видел одну из вершин эллинского духа (Philostr. *Gymn.* 1–2): ἡ δὲ νῦν καθεστηκυῖα (sc. γυμναστική) μεταβέβληκεν οὕτω τὰ τῶν ἀθλητῶν, ὥς καὶ τοῖς φιλογυμναστοῦσι τοὺς πολλοὺς ἄχθεσθαι. δοκεῖ δὴ μοι διδάξαι μὲν τὰς αἰτίας, δι’ ἃς ὑποδέδωκε ταῦτα, ξυμβалέσθαι δὲ γυμνάζουσί τε καὶ γυμναζομένοις, ὅποσα οἶδα, ἀπολογήσασθαι τε ὑπὲρ τῆς φύσεως ἀκουούσης κακῶς, ἐπειδὴ παρὰ πολὺ τῶν πάλαι οἱ νῦν ἀθληταὶ <...> τὸ δὲ μὴ ὑγιῶς γυμνάζεσθαι, μηδὲ ἐρρώμένως ἐπιτηδεύειν ἀφείλετο τὴν φύσιν τὸ ἐαυτῆς κράτος («Гимнастика, принятая в наши дни, так поменяла все то, что связано с атлетикой, что большинство чувствует отвращение даже к любителям упражняться. Мне кажется необходимым объяснить причины, по которым гимнастика пришла в упадок, собрать для тех, кто учит гимнастике и кого ей учат, все, что я о ней знаю, и выступить в защиту природы, подвергающейся нападкам по той причине, что нынешние атлеты во многом уступают прежним. <...> неправильные тренировки и отсутствие прилежания в упражнениях лишили

¹³² Philostratus. *Heroicus. Gymnasticus. Discourses 1 and 2*. Ed. and transl. by Jeffrey Rusten and Jason König. Cambridge, Mass., 2014. P. 334.

¹³³ Galen: *Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda)*. Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 68–69.

¹³⁴ König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge, 2005. P. 302.

¹³⁵ Звучали предположения, что этот трактат написан исключительно как риторическое упражнение, вариация на популярную в греческой риторике тему защиты труднозащитимого предмета. Однако такой взгляд кажется не совсем верным (см.: König J. *Training athletes and interpreting the past in Philostratus’ Gymnasticus* // Philostratus. Ed. by Ewen Bowie, Jaś Elsner. Cambridge, 2009. P. 255).

¹³⁶ Н. Ибаньес пишет, что II в. н. э. был как периодом расцвета, так и периодом упадка атлетики (см.: Nieto I.J.M. *Galen’s Treatise Thrasybulos and the Dispute between Paidotribes and Gymnasts* // Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum), 16, 2003. S. 147). С одной стороны, в Римской империи в довольно широкой среде получили распространение как пышные спортивные зрелища, так и частные занятия спортом. Лучшим подтверждением последнего служит трактат Галена “De sanitate tuenda”. С другой стороны, узкая профессиональная специализация атлетов и отход от древних идеалов панэллинских состязаний, к примеру, практика покупки побед за деньги, о которой пишет и Филострат (Philostr. *Gymn.* 45), болезненно воспринимались ревнителями старинной греческой доблести.

природу ее силы»). Филострату, как и Галену, свойственны представления об иерархичности искусств: если «Протрептик» включает список подлинных искусств (τέχνη), которым противопоставляются порочные (κακοτεχνία) или бесполезные (ματαιοτεχνία) искусства, то «Гимнастика» начинается с перечисления «видов мудрости» (σοφία¹³⁷), от которых отделяются ремесла (βάνανσος) (Philostr. *Gymn.* 1): σοφίαν ἡγώμεθα καὶ τὰ τοιαῦτα μὲν, οἷον φιλοσοφῆσαι καὶ εἰπεῖν σὺν τέχνῃ, ποιητικῆς τε ἅψασθαι καὶ μουσικῆς καὶ γεωμετρίας, καί, νῆ Δία, ἀστρονομίας, ὁπόση μὴ περιττή, σοφία δὲ καὶ τὸ κοσμηῆσαι στρατιάν, καὶ ἔτι τὰ τοιαῦτα· ἰατρικὴ πᾶσα καὶ ζωγραφία καὶ πλάσται καὶ ἀγαλμάτων εἶδη καὶ κοῖλοι λίθοι καὶ κοῖλος σίδηρος. βάνανσοι δὲ ὁπόσαι, δεδόσθω μὲν αὐταῖς τέχνῃ, καθ' ἣν ὄργανόν τι καὶ σκεῦος ὀρθῶς ἀποτελεσθήσεται, σοφία δὲ ἐς ἐκείνας ἀποκείσθω μόνας, ἃς εἶπον <...> περὶ δὲ γυμναστικῆς σοφίαν λέγωμεν οὐδεμιᾶς ἐλάττω τέχνης («Давайте будем считать видами мудрости такие занятия, как, например, философия, красноречие, поэзия, музыка, геометрия и, клянусь Зевсом, астрономия, в той мере, в которой она полезна. Умение снарядить войск – тоже своего рода мудрость. Наконец, к видам мудрости относятся и вся медицина, живопись, лепка, различные виды ваяния и резьба по камню и металлу. Что же до многочисленных ремесел, то пусть и за ними будет признано умение правильным образом сделать какое-нибудь орудие или утварь, однако мудростью пусть называется только то, о чем я уже сказал. <...> Мы утверждаем, что гимнастика – это вид мудрости, ничем не уступающий любому другому искусству»). Сразу же во вступлении Филострат ставит гимнастику на один уровень с философией, риторикой, медициной и

¹³⁷ Греческое слово σοφία можно перевести как «мастерство», «искусство», «(практическая) мудрость» или «знание». В определенном смысле его можно сблизить и с новоевропейским понятием «наука». Ютнер, например, переводит σοφία как “Kunde” и замечает в комментарии, что это греческое понятие обозначает одновременно и искусство (Kunst), и науку (Wissenschaft) (Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 187). Более употребительным в сходных контекстах синонимом слова σοφία является существительное τέχνη («искусство», «ремесло»). Именно его использует в «Протрептике» и «Фрасибуле» Гален, говоря об иерархии искусств. Уже во вводной части «Гимнастики» Филострат полемизирует со своими старшими современниками и в первую очередь, конечно, с Галеном, который, напомним, в своем рассуждении о благородных искусствах даже не удостоивает гимнастику упоминания (Gal. *Protr.* 5, 2). По всей видимости, Филострат использует более высокое, чем τέχνη, слово σοφία, чтобы подчеркнуть высокий престиж гимнастики в кругу прочих искусств.

изобразительными искусствами, что, возможно, было выпадом в сторону Галена: напомним, что иерархия, представленная в «Протрептике» состоит из трех уровней и, например, художники или ваятели не равны философам или врачам.

Определение гимнастики, предложенное Филостратом, имеет следующий вид (Philostr. *Gymn.* 14): τί οὖν χρή περὶ γυμναστικῆς γινώσκειν; τί δ' ἄλλο ἢ σοφίαν αὐτὴν ἡγεῖσθαι ξυγκειμένην μὲν ἐξ ἰατρικῆς τε καὶ παιδοτριβικῆς, οὗσαν δὲ τῆς μὲν τελεωτέραν, τῆς δὲ μόριον. ὁπόσον δὲ ἀμφοῖν μετέσχηκεν, ἐγὼ δηλώσω. παλαισμάτων εἶδη ὁπόσα ἐστί, δηλώσει ὁ παιδοτρίβης καιροῦς τε ὑποτιθέμενος καὶ ὁρμᾶς καὶ μέτρα καὶ ὅπως ἂν τις ἢ φυλάττοιο ἢ φυλαττομένου κρατοίη, διδάξει δὲ καὶ ὁ γυμναστής εἰδότα μήπω τὸν ἀθλητὴν ταῦτα. ἀλλ' ἔστιν ὅπου μεταχειρίσασθαι δεῖ πάλιν ἢ παγκράτιον ἢ καὶ πλεονέκτημα ὑπάρχον ἀντιπάλων διαφυγεῖν ἢ ἐκκροῦσαι, ὧν οὐδὲν ἂν ἐς ἐπίνοιαν ἦι τῷ γυμναστῇ μὴ καὶ τὰ τῶν παιδοτριβῶν εἰδότι. κατὰ μὲν τοῦτο δὴ ἴσαι αἱ τέχναι· χυμοὺς δὲ ἀποκαθῆραι καὶ τὰ περιττὰ ἀφελεῖν καὶ λεᾶναι τὰ κατεσκληρότα καὶ πιᾶναί τι ἢ μεταβαλεῖν ἢ θάλψαι αὐτῶν γυμναστικῆς ἐν σοφίᾳ. ἐκεῖνα ἢ οὐκ ἐπιστήσεται ὁ παιδοτρίβης ἢ, εἰ γινώσκοι τι, πονηρῶς ἐπὶ τοὺς παῖδας χρήσεται βασανίζων ἐλευθερίαν ἀκραιφνοῦς αἵματος. τῆς μὲν δὴ προειρημένης ἐπιστήμης ἡ γυμναστικὴ τοσοῦτῳ τελεωτέρα, πρὸς δέ γε ἰατρικὴν ὧδε ἔχει· νοσήματα, ὁπόσα κατάρρους καὶ ὑδέρους καὶ φθόας ὀνομάζομεν, καὶ ὁπόσαι ἱερὰι νόσοι, ἱατροὶ μὲν παύουσιν ἐπαντλοῦντές τι ἢ ποτίζοντες ἢ ἐπιπλάττοντες, γυμναστικὴ δὲ τὰ τοιαῦτα διαίταις ἴσχει καὶ τρίψει· ῥήξαντα δέ τι ἢ τρωθέντα ἢ θολωθέντα τὸ ἐν ὀφθαλμοῖς φῶς ἢ ὀλισθήσαντά τινα τῶν ἄρθρων ἐς ἱατροὺς χρή φέρειν, ὡς οὐδὲν ἡ γυμναστικὴ πρὸς τὰ τοιαῦτα («Итак, чем же следует считать гимнастику? Ничем иным, кроме как наукой, состоящей из врачебного дела и искусства педотриба, правда, более полной, чем второе, и являющейся только частью первого. Я поясню, насколько гимнастика связана с двумя этими занятиями. Педотриб покажет виды приемов и даст советы, в какой момент, с каким напором и в какой мере следует их применять, а также покажет, как можно защищаться и как одолеть

защищающегося, и то же объяснит и учитель гимнастики, если атлет еще этого не знает. Иногда ведь следует использовать приемы борьбы или панкратиона, иногда ускользнуть от обладающего преимуществом противника, а иногда отражать удары. Ничто из этого не было бы известно учителю гимнастики, который не знал бы уже того, что знает педотриб. Именно в этом оба искусства равны между собою. Однако очищение телесных соков, избавление от лишнего в теле, размягчение засохшего, утучнение тела, его изменение и разогревание – все это относится к искусству гимнаста. Педотрибу это либо не будет известно, либо, даже если что-то и случится ему знать, он будет неправильно применять свои знания для обучения мальчиков, только мучая свободных людей благородной крови. Настолько, таким образом, гимнастика полнее упомянутой выше науки педотриба. К медицине же она имеет следующее отношение: болезни, которые мы называем катаром, водянкой, чахоткой и падучей, врачи лечат какими-нибудь вливаниями, целебным питьем и мазями, гимнасты же останавливают эти недуги при помощи диет и массажа. В случае же перелома, ранения, помутнения зрения или вывихнутой конечности следует обращаться к врачам, потому как гимнастика никоим образом тут не поможет»). Нельзя не заметить, что взгляды Филострата и Галена на роль педотриба, в сущности, совпадают. Оба автора считают педотрибику ремеслом (в свой список наук Филострат ее не включает), причем ремеслом, подчиненным авторитету гимнаста, а область педотриба они ограничивают знанием борцовских приемов (*παλαίσματα*). Говоря о вреде, который педотриб может нанести своим воспитанникам, Филострат также вторит Галену (*Gal. San. Tu. I, 10 K VI 54*). Однако на этом сходства двух концепций заканчиваются. Во-первых, Филострат ограничивает сферу деятельности педотриба даже больше, чем Гален. Если последний оставляет в его ведении массаж, то первый передает это занятие гимнасту. Во-вторых, что гораздо важнее, гимнастика Филострата выступает в качестве альтернативы медицине, то есть это и есть та гимнастика, которую за семь столетий до него изобрел Геродик, и против которой так горячо выступал Гален. Конечно, Филострат делает оговорку, что

в случае травматических повреждений гимнаст бессилен, однако это не роняет его авторитет, а наоборот, поднимает его. Врачу передается практическая, то есть низкая, ремесленная часть медицины, теоретическая же часть, касающаяся баланса телесных соков и всевозможных изменений человеческого тела, передается гимнасту. Скромность, с которой Филострат заявляет, что гимнастика является только частью медицины, оказывается притворной. Это подтверждается и в следующей главе трактата (Philostr. *Gymn.* 15): Ἐκ τούτων μὲν οἶμαι ἀποδεδείχθαι μοι , ὅποση πρὸς ἑκατέραν ἐπιστήμην ἢ γυμναστική, δοκῶ δέ μοι κακεῖνα ἐν αὐτῇ ὀρᾶν· ἰατρικὴν πᾶσαν ὁ αὐτὸς οὐ[δεὶς] γινώσκει, ἀλλ' ὁ μὲν τετρω]μένων οἶδεν , ὁ δὲ ξυνιέναι πυρεττόντων, ὁ δὲ ὀφθαλμιώντων, ὁ δὲ φ[θισι]κῶν ὑγιῶς ἄπτεται . καὶ μεγάλου ὄντος τοῦ καὶ μικρόν τι αὐτῆς ἐξεργάσασθαι ὀρθῶς φασὶν οἱ ἰατρικοὶ πᾶσαν γινώσκειν. γυμναστικὴν δὲ οὐκ ἂν ἐπαγγείλαιο τις ὁμοῦ πᾶσαν· ὁ γὰρ τὰ δρομικὰ εἰδὼς τὰ τῶν παλαιόντων καὶ τῶν παγκρατιαζόντων οὐκ ἐπιστήσεται ἢ ὁ τὰ βαρύτερα γυμνάζων ἀμαθῶς τῆς [ἄλλης] ἐπιστήμης ἄψεται («Думаю, я показал, как гимнастика соотносится с обеими этими науками, но полагаю, что в связи с нею следует вот еще на что обратить внимание. Никто не может сам знать всю медицину целиком, но один умеет лечить раны, другой помогать при лихорадке, третий сведущ в болезнях глаз, а четвертый врачует больных чахоткой. Тем не менее заниматься даже какой-то малой частью медицины – уже великое дело, поэтому справедливо говорят врачи, что знают все, относящееся до медицины. Однако никто не смог бы подобным образом заявить, что овладел всей гимнастической наукой. Ибо тот, кто умеет тренировать бегунов, не сможет обучить борьбе или панкратиону, а тот, кто готовит к тяжелым состязаниям, окажется невежественным в других областях гимнастической науки»). Напрашивается параллель с главами «Фрасибула», в которых Гален описывает великое разнообразие применяемых в медицине средств (Gal. *Thras.* 23) и говорит об узкой врачебной специализации (Gal. *Thras.* 24): εἰ γὰρ καὶ ὅτι μάλιστα τόνδε μὲν τινα κηλοτόμον εἶναι φασί, παρακεντητὴν δὲ τόνδε, λιθοτόμον δὲ τόνδε, πάντας γοῦν ἰατροὺς αὐτοὺς ὀνομάζουσιν, ὥσπερ οἶμαι καὶ τοὺς ἀπὸ μορίων τινῶν

ὀνομασμένους, ὧν ἐξαιρέτως προνοοῦνται. καὶ γὰρ οὖν καὶ τούτους ὀφθαλμικούς τε καὶ ὠτικούς καὶ ὀδοντικούς ἰατροὺς ὀνομάζουσιν, ἑτέρους δ' ἀπὸ τῆς ὕλης προσηγόρευσαν ἥτοι διαιτητικούς καὶ φαρμακευτικούς ἢ καὶ νῆ Δία βοτανικούς· εἰσὶ δ' οἱ καὶ οἰνοδότας καὶ ἐλλεβοροδότας ἰατροὺς τινὰς ἐκάλεσαν ἐκ τοῦ πολλάκις αὐτοὺς θεάσασθαι ταῖς τοιαύταις ὕλαις χρωμένους («Ибо даже если один [врач] известен в первую очередь как мастер рассекать грыжи, второй – дробить камни, а третий – делать проколы, их всех все равно называют врачами. То же, я полагаю, касается и тех, кто получил свое название от части тела, которую они главным образом врачуют: их называют глазными, ушными и зубными врачами. Других же в зависимости от употребляемых ими средств объявили диетическими врачами, фармацевтами, а то и, клянусь Зевсом, травниками. Есть к тому же и те, кто прозвал некоторых лекарей «винными» или «чемеричными», из-за того, что часто видели их прибегающими к этим средствам»). При этом Гален, в отличие от Филострата, допускает, что одному человеку может быть известно все медицинское искусство целиком (Gal. *Thras.* 24): ὁ μὲν γάρ τις καθετῆρι χρῆται καλῶς, ὁ δὲ κλυστῆρι, φλεβοτομεῖ δ' ἄλλος, ἀρτηριοτομεῖ δ' ἕτερος· εἴθ' ὅταν εὗρεθῇ τις ἅπαντα καλῶς ποιῶν, οὕτως αὖ πάλιν ἅλασαι μία γενήσονται («Пусть один правильно применяет катетер, другой – клистир, третий превосходно рассекает вены, а четвертый артерии, но как только найдется тот, кто умеет делать все это, сразу же все [отдельные искусства] снова станут единым [искусством]»). Утверждая, что овладеть всей гимнастикой отдельному лицу невозможно, Филострат подчеркивает ее сложность по сравнению с медициной.

Наконец, Филострат обвиняет врачей в упадке атлетики (Philostr. *Gymn.* 44): ἐπεὶ δὲ μετέβαλε ταῦτα καὶ ἀστράτευτοί μὲν ἐκ μαχομένων, ἀργοὶ δὲ ἐξ ἐνεργῶν, ἀνειμένοι δὲ ἐκ κατεσκληρότων ἐγένοντο Σικελική τε ὀψοφαγία ἰσχυσεν, ἐξενευρίσθη τὰ στάδια, καὶ πολλῶ μᾶλλον, ἐπεὶ δὲ κολακευτική γε ἐγκατελέχθη τῇ γυμναστικῇ. ἐκολάκευσε δὲ πρῶτον μὲν ἰατρική («Потом, однако, все это изменилось, и атлеты из солдат стали непригодными к воинской службе, из

деятельных превратились в праздных, а из закаленных в расслабленных, набрало силу сицилийское чревоугодие, стадионы пришли в упадок, и более всего тогда, когда в гимнастику пробралось потакание человеческим наклонностям. Сперва оно появилось в медицине»). Филострат прямо заявляет, что врачи, испортившие гимнастику лестью (κολακευτική), нанесли вред атлетам из-за незнания спортивных диетических предписаний, выработанных гимнастами (Philostr. *Gymn.* 44): ὁψοποιούς τε καὶ μαγείρους ἥδοντας παραφέρουσα, ὑφ' ὧν λίχνοι τε ἀποτελοῦνται καὶ κοῖλοι τὴν γαστέρα ἄρτοις τε μηκωνείοις καὶ ἀπεπτισμένοις ἐστιῶσα, ἰχθύων παρανομωτάτης βρώσεως ἐμφороῦσα καὶ φυσιολογοῦσα τοὺς ἰχθύς ἀπὸ τῶν τῆς θαλάττης δῆμων – ὡς παχεῖς μὲν οἱ ἐξ ἰλύων, ἀπαλοὶ δὲ οἱ ἐκ πετρῶν, κρεῶδεις δὲ οἱ πελάγιοι, λεπτοὺς τε βόσκουσι θαλαῖαι, τὰ φυκία δὲ ἐξιτήλους – ἔτι τε τὰ χοίρεια τῶν κρεῶν σὺν τερατολογίᾳ ἄγουσα· μοχθηρὰ μὲν γὰρ ἡγεῖσθαι κελεύει τὰ ἐπὶ θαλάττῃ συβόσια διὰ τὸ σκόροdon τὸ θαλάττιον, οὗ μεστοὶ μὲν αἰγιαλοί, μεσταὶ δὲ θῖνες, φυλάττεσθαι δὲ καὶ τὰ ἀγχοῦ ποταμῶν διὰ τὴν καρκίνων βρῶσιν, μόνων δὲ ἀναγκοφαγεῖν τῶν ἐκ κρανείας τε καὶ βαλάνου («Оно (sc. потакание человеческим наклонностям) же привело кулинаров и угодливых поваров, из-за которых появились гурманы и обжоры, и стало угощать хлебом из непросеянной муки, посыпанным маком, предлагать блюда из рыбы, что совершенно противоречит правилам гимнастики, определяя свойства рыбы по тому месту в море, где она выловлена, мол, жирная рыба предпочитает ил, нежная на вкус плавает у камней, мясистая водится в открытом море, мелкая кормится морской травой, а безвкусная – водорослями. Кроме того, выдумали небылицы о свинине и предлагают считать негодными свиней, живущих на морском берегу, из-за того, что они питаются морским чесноком, которым изобилует взморье и прибрежные пески, а также отказываться и от мяса свиней, живущих близ рек, потому что они питаются раками, и стали включать в диету атлета только мясо свиней, откормленных кизилом и желудями»). Возможно, Филострат иронически намекает на рассуждения о питательных свойствах рыб из уже упоминавшегося трактата “Περὶ διαίτης” (Hr. *Vict.* II, 48): τῶν δὲ ἰχθύων

ξηρότατοι μὲν οὗτοι, σκορπίος, δράκων, καλλιώνυμος, κόκκυξ, γλαῦκος, πέρκη, θρίσσα· κοῦφοι δὲ οἱ πετραῖοι σχεδόν τι πάντες, οἷον κίχλη, φυκίς, ἐλεφίτις, κωβίος· οἱ τοιοῦτοι δὲ καὶ οἱ προῤῥηθέντες κουφότεροι τῶν πλανήτων· ἅτε γὰρ ἀτρεμίζοντες οὗτοι ἀραιὴν τὴν σάρκα καὶ κούφην ἔχουσιν. Οἱ δὲ πλανῆται καὶ κυματοπλήγες τεθρυμμένοι τῷ πόνῳ στερεωτέραν καὶ βαθυτέραν τὴν σάρκα ἔχουσιν. Νάρκαι δὲ καὶ ρίνοι καὶ ψῆσσαι καὶ τὰ τοιαῦτα ἐλαφρότερα. Ὀκόσοι δὲ τῶν ἰχθύων ἐν τοῖσι πηλώδεσι καὶ ὑδρηλοῖσι χωρίοις τὰς τροφὰς ἔχουσιν, οἷον κέφαλοι, κεστραῖοι, ἐγγέλυες, οἱ τοιοῦτοι βαρύτεροι, διότι ἀπὸ τοῦ ὕδατος καὶ τοῦ πηλοῦ καὶ τῶν ἐν τουτέοις φυομένων τὰς τροφὰς ἔχουσιν, ἀφ' ὧν καὶ τὸ πνεῦμα ἐσιὼν ἐς τὸν ἄνθρωπον βλάπτει καὶ βαρύνει. Οἱ δὲ ποτάμιοι καὶ λιμναῖοι ἔτι βαρύτεροι τουτέων («Среди рыб наиболее сухи скорпион, дракон, каллионим, кукушка (тригла), гавк, окунь и трисса; почти все рыбы, живущие между камнями, – легки, как, например, морской дрозд, черный бычок, элэфитис и колбень; эти и вышеуказанные – легче, чем рыбы странствующие; действительно, так как они держатся спокойно, у них мясо рыхлое и легкое. Странствующие же рыбы, ударяемые волнами и изнуряемые работой, имеют мясо более плотное и более компактное. Электрический скат, обыкновенный скат, камбала и другие этого рода рыбы – более легки. Те, которые берут свою пищу в илистых водах, как кефаль, кестра и угри, – более тяжелы, ибо они питаются илистыми водами и тем, что производится здесь, где даже испаряющийся воздух вреден и тягостен для человека. Речные рыбы и рыбы пруда – еще более тяжелы»¹³⁸). Не менее вероятной мишенью критики Филострата в этом пассаже, был, конечно, Гален, который также высказывал соображения о диете атлетов (Gal. *Alim. Fac.* K VI 486–487): οἱ δ' ἀθληταὶ τροφὰς μὲν εὐχυμοτάτας λαμβάνουσιν, ἀλλὰ παχείας τε καὶ γλίσχρας οἷ γε βαρεῖς αὐτῶν· ὀνομάζουσι δ' οὕτω μάλιστα μὲν τοὺς παλαιστάς, ἤδη δὲ καὶ τοὺς παγκρατιαστάς τε καὶ πύκτας. ἐπειδὴ γὰρ ἡ παρασκευὴ πᾶσα πρὸς τοὺς ἀγῶνας αὐτοῖς ἐστίν, ἐν οἷς ἐνίστε δι' ὅλης ἡμέρας παλαίειν ἢ παγκρατιάζειν ἀναγκάζονται, διὰ τοῦτο δέονται καὶ τροφῆς δυσφθάρτου τε καὶ δυσδιαφορήτου.

¹³⁸ Перевод В. И. Руднева (Гиппократ. Сочинения. Кн. 2. М., 1944. С. 468).

τοιαύτη δ' ἐστὶν ἢ ἐκ τῶν παχέων τε καὶ γλίσχρων χυμῶν, ὅποια μάλιστα ἐστὶν ἢ τε ἐκ τῶν χοιρείων κρεῶν καὶ τῶν ὡς εἴρηται σκευασθέντων ἄρτων, ἅπερ οἱ νομίμως ἀθλοῦντες ἐσθίουσι μόνα («Атлеты принимают пищу очень насыщенную соками, но вместе с тем густую и вязкую, это касается, по крайней мере, «тяжелых» атлетов. Так называют в первую очередь борцов, но также уже и панкратиастов и кулачных бойцов. Ведь когда вся их подготовка посвящена соревнованиям, на которых они порой вынуждены сходиться в борьбе или панкратионе целый день, им требуется пища, которая долго портится и долго переваривается. Именно такими свойствами обладает пища, обильная густыми и вязкими соками, а таковы в особенности кушанья из свинины и хлеб, приготовленный описанным мной способом, который только и едят профессиональные атлеты»). Диететику, которую Гален однозначно считает областью, принадлежащей гигиене или – шире – медицине, Филострат хочет передать гимнасту.

Если описанные во «Фрасибуле» гимнасты больше напоминают свиней, чем людей (Gal. *Thras.* 46), то гимнаст, каким его рисует Филострат, является собой воплощение эллинской культуры. Он, как мы уже отмечали выше, должен быть знатоком гиппократовской гуморальной теории (Philostr. *Gymn.* 26), руководствуясь которой он оценивает атлетов (Philostr. *Gymn.* 42): περὶ δὲ κρᾶσεων, ὅποσαι εἰσὶν, οὔτε ἀντείρηται πῶ, οὔτε ἀντιλεχθεῖν ἂν τὸ μὴ οὐκ ἀρίστην κρᾶσεων τὴν θερμὴν τε καὶ ὑγρὰν εἶναι· ξύγκειται γὰρ ὥσπερ τὰ πολυτελῆ τῶν ἀγαλμάτων ἐξ ἀκηράτου τε καὶ καθαρᾶς ὕλης <...> οἱ δὲ ἐπίχολοι τῶν ἀθλητῶν θερμοὶ μέν, ξηροὶ δὲ τὴν κρᾶσιν καὶ ἄκαρποι τοῖς γυμνάζουσι καθάπερ τοῖς σπείρουσιν αἱ θερμαὶ ψάμμοι, ἔρρωνται δὲ ὅμως τῷ τῆς γνώμης ἐτοίμῳ· περίεστι γὰρ αὐτοῖς τούτου. οἱ δὲ φλεγματώδεις βραδύτεροι τῇ]ν ἔξιν ὑπὸ ψυχρότητος. γυμναστέοι τε οὔτοι συντόνως μ[ὲν κινούμενοι, οἱ δὲ] ἐπίχολοι βάδην καὶ διαπνέοντες («Что же до темпераментов, какие бы они ни были, то тут не было и нет возражений, что наилучший из темпераментов представляет собой сочетание теплого и влажного начал, ибо он сложен из беспримесной и чистой

материи, как драгоценные статуи. <...> Атлеты холерического склада горячи, но по своему темпераменту сухи и для гимнаста бесполезны, как горячие пески для сеятеля. Впрочем, решительность ума – вот их сильная сторона, этого у них в избытке. Флегматики же предрасположены к медлительности из-за холодности своего темперамента. Их следует тренировать в быстром темпе, а холериков постепенно, давая им время передохнуть»). Одновременно с этим гимнасту надлежит быть изобретательным и чутким к душевным движениям своих подопечных (Philostr. *Gymn.* 20– 24), а также сведущим в красноречии и физиогномике (Philostr. *Gymn.* 25): ἔστω δὴ ὁ γυμναστὴς μήτε ἀδολέσχης, μήτε ἀγύμναστος τὴν γλῶτταν, ὥς μήτε τὸ ἐνεργὸν τῆς τέχνης ἐκλύοιτο ὑπὸ τῆς ἀδολεσχίας, μήτε ἀγροικότερον φαίνοιτο μὴ ξὺν λόγῳ δρώμενον, φυσιογνωμονικὴν τε ἐπεσκέφθω πᾶσαν («Итак, гимнаст не должен быть ни болтливым, ни косноязычным, чтобы сила его искусства, с одной стороны, не была ослаблена болтовней, с другой стороны, не показалась слишком грубой из-за неумения говорить. Помимо этого, ему должна быть известна вся физиогномическая наука»). При этом знание физиогномики, которого требует от гимнаста Филострат, кажется попросту фантастическим (Philostr. *Gymn.* 25): γινωσκέτω δὴ τὴν ἐν ὀφθαλμοῖς ἠθικὴν πᾶσαν, ὑφ' ἧς δηλοῦνται μὲν οἱ νωθοὶ τῶν ἀνθρώπων, δηλοῦνται δὲ οἱ ξύντονοι εἴρωνές τε καὶ ἥττον καρτερικοὶ καὶ ἀκρατεῖς· ἄλλα μὲν γὰρ μελανοφθάλμων, ἄλλα δὲ χαροπῶν τε καὶ γλαυκῶν καὶ ὑφαίμων ὀφθαλμῶν ἦθη, ἕτερα καὶ ξανθῶν καὶ ὑπεστιγμένων προπαλῶν τε καὶ κοίλων· ἡ γὰρ φύσις ὥρας μὲν ἄστροις ἐσημήνατο, ἦθη δὲ ὀφθαλμοῖς («Он должен понимать по взгляду все о нраве человека: во взгляде обнаруживается и трусость, и неистовство, и притворство, и нетерпеливость, и необузданность. Об одном говорят черные глаза, о другом голубые или зеленые, налитые кровью, с желтизной, с крапинками, выпученные или впалые. Ибо природа обозначает смену времен года при помощи светил, а человеческий характер при помощи глаз»).

Как было отмечено нами в другой работе, «врач у Галена назван “службой природы” (τῆς φύσεως ὑπηρετής) (Gal. *Thrasymb.* 26), гимнаста же Филострат

именует “судьей природы” (Philostr. *Gymn.* 25) (φύσεως κριτής), поднимая его тем самым на недостижимую высоту»¹³⁹. Действительно, гимнаст, описанный Филостратом, стоит гораздо выше галеновского врача-философа. Однако как второй, так и первый (первый, впрочем, в гораздо большей мере) идеализированы. Трудно вообразить ситуацию, в которой гимнасты и педотрибы добровольно переходят в услужение врачу, передавая ему всю полноту власти, как того требовал Гален. Не менее трудно представить и риторически образованного гимнаста, не уступающего в медицинских познаниях врачу, а именно таким и видел образцового гимнаста Филострат. «Фрасибул» и «Гимнастика», два трактата выдающихся авторов II–III вв. н. э., интересны в том числе и как несбыточные проекты возрождения золотого века греческой культуры, которое Гален и Филострат понимали очень по-разному, созданные в тот период, когда античный мир уже начал клониться к закату.

¹³⁹ Троицкий П.А. Иерархия искусств: Флавий Филострат против Галена // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. 28. С. 1428.

Глава вторая. Τὰ γυμνάσια: практико-терминологический аспект

Настоящая глава нашей работы посвящена одному из ключевых понятий античной атлетики – понятию γυμνάσιον («упражнение»). Трактат Галена “De sanitate tuenda”, к которому мы уже не раз обращались, содержит самое подробное описание разновидностей физических упражнений во всей греческой литературе. На материале этого трактата, а также некоторых других сочинений галеновского корпуса, прямо или косвенно связанных со спортивной тематикой, мы проанализируем само понятие γυμνάσιον и его возможные синонимы, рассмотрим галеновскую классификацию упражнений и тем самым попытаемся дать более или менее целостное представление о концепции физических тренировок, предложенной Галеном.

2.1. Понятие γυμνάσιον: определение и синонимы

Говоря о трактате «Фрасибул» в предыдущей главе, мы не раз подчеркивали ту огромную роль, которую для Галена играют дефиниции. Понятие γυμνάσιον здесь не исключение: во второй книге “De sanitate tuenda”, посвященной физическим упражнениям, ему дается весьма подробное определение. Приведем его целиком (Gal. *San. Tu.* II, 2 K VI 84–86): ἀπὸ δὲ τῶν πόνων ἀρκτέον, αὐτὸ τοῦτο πρῶτον ἐν αὐτοῖς διελομένους, εἴτε ταὐτόν ἐστι πόνος τε καὶ κίνησις καὶ γυμνάσιον, εἴτε πόνος μὲν καὶ κίνησις ταὐτόν, ἕτερον δέ τι τὸ γυμνάσιον, εἴτε κίνησις μὲν ἕτερον, οὐδὲν δ' ὁ πόνος τοῦ γυμνασίου διαφέρει. ἐμοὶ μὲν δὴ δοκεῖ μὴ πᾶσα κίνησις εἶναι γυμνάσιον, ἀλλ' ἢ σφοδρότερα μόνη. ἐπεὶ δ' ἐν τῷ πρὸς τι τὸ σφοδρόν, εἴη ἂν ἡ αὐτὴ κίνησις ἐτέρῳ μὲν γυμνάσιον, ἐτέρῳ δ' οὐ γυμνάσιον. ὅρος δὲ τῆς σφοδρότητος ἢ τῆς ἀναπνοῆς ἀλλοίωσις· ὥς, ὅσαι γε κινήσεις οὐκ ἀλλοιοῦσι τὴν ἀναπνοήν, οὕτω ταύτας ὀνομάζουσι γυμνάσια· εἰ δ' ἦτοι μείζον ἢ ἔλαττον ἢ θᾶπτον ἢ πυκνότερον ἀναγκασθεῖη τις ἀναπνεῖν ἐπὶ κινήσει τινί, γυμνάσιον ἢ τηλικαύτη κίνησις ἐκείνῳ γενήσεται. τοῦτο μὲν δὴ κοινῇ γυμνάσιον ὀνομάζεται, ἰδίᾳ δέ, ἀφ' οὗπερ καὶ τὰ γυμνάσια προσαγορεύουσιν ἅπαντες, ἐν τινι κοινῷ τῆς πόλεως οἰκοδομησάμενοι χωρίῳ, εἰς ὅπερ καὶ ἀλειψόμενοί τε καὶ διατριψόμενοι καὶ διαπαλαίσοντες ἢ δισκεύσοντες ἢ τι τοιοῦτον ἄλλο πράζοντες

ἤκουσιν. ἡ δὲ τοῦ πόνου προσηγορία ταῦτόν μοι δοκεῖ σημαίνειν θατέρῳ τῷ ὑπὸ τοῦ γυμνασίου ὀνόματος εἰρημένῳ δηλοῦσθαι τῷ κοινῷ. καὶ γὰρ καὶ οἱ σκάπτοντες καὶ οἱ θερίζοντες καὶ ἱππαζόμενοι πονοῦσί τε καὶ γυμνάζονται κατὰ τὸ κοινὸν τοῦ γυμνασίου σημαίνόμενον. ἐμοὶ μὲν οὖν οὕτω διηρήσθω περὶ τῶν ὀνομάτων, καὶ κατὰ ταῦτα τὰ σημαίνόμενα πᾶς ὁ ἐφεξῆς λόγος ἀκούεσθω. εἰ δέ τις ἑτέρως βούλεται χρῆσθαι, συγχωρῶ· οὐδὲ γὰρ ὑπὲρ ὀνομάτων ὀρθότητος ἤκω σκεψόμενος, ἀλλ' ὥς ἂν τις ὑγιαῖνοι μάλιστα· καὶ πρὸς τοῦτ' αὐτὸ χρήσιμον ὑπάρχον μοι περὶ τε τῶν γυμνασίων καὶ πόνων καὶ ξυλλήβδην εἰπεῖν ἀπάσης κινήσεως διελέσθαι, τὰ σημαίνόμενα τῶν ὀνομάτων ἠναγκάσθην ἀφορίσασθαι («Следует начать с физических нагрузок и прежде всего определить насчет них, являются ли, собственно, понятия «нагрузка», «движение» и «упражнение» одним и тем же, или же нагрузка и движение суть одно и то же, а упражнение есть нечто другое, или же движение – это нечто иное, а нагрузка ничем не отличается от упражнения. По моему мнению, не всякое движение является упражнением, но только достаточно интенсивное. А так как интенсивность – понятие относительное, одно и то же движение может быть для одного [человека] упражнением, а для другого – нет. Интенсивность же определяется изменением [частоты] дыхания, так что те движения, которые не приводят к такому изменению, упражнениями не называются. Если же кто-то, выполняя некоторое движение, вынужден дышать чаще, быстрее и тяжелее, такое движение оказывается для него упражнением. Здесь слово “γυμνάσιον” употреблено в общем смысле, а в собственном смысле, в котором все и используют это слово, говоря о гимнасиях, оно обозначает некоторое [здание], построенное на общественной земле города, куда отправляются для умощения маслом, массажа, занятий борьбой, метания диска и тому подобного. Понятие нагрузки, как мне кажется, означает то же самое, что и “γυμνάσιον” в общем смысле. Ибо те, кто копают, жнут и ездят верхом, напрягаются и упражняются в соответствии с общим значением слова “γυμνάσιον”. Итак, вот какие я провожу терминологические разграничения и пусть всякий читает далее, памятуя именно об этих значениях. Если же кто-то хочет пользоваться другими

терминами, то я не против, так как я собираюсь заниматься не вопросом о правильности употребления слов, а тем, каким образом человек достигнет наилучшего состояния здоровья. Я был вынужден разграничить значения терминов по той самой причине, что для меня было полезно разделение понятий упражнений, нагрузок и, говоря вообще, движения»).

Как мы видим, Гален считает существительные *πόνοϛ* и *γυμνάσιον* (равно как и глаголы *πονεῖν* и *γυμνάζεσθαι*) синонимами, пусть и не полными: понятие *πόνοϛ* оказывается шире, так как *γυμνάσιον*, упражнение, – это частный случай физической нагрузки.

Первые значения слова *πόνοϛ*, в которых оно встречается уже у Гомера и Гесиода – это «труд», причем как мирный (*Il.* I, 467; *Hes. Th.* 226), так и военный (*Il.* XVI, 568), «трудность» (*Hes. Op.* 470) и «страдание» (*Il.* XIX, 227). В последующие эпохи слово *πόνοϛ* приобретает новые семантические оттенки, в том числе и связанные с атлетикой. Платон, к примеру, использует его в одном ряду с существительным *γυμνάσιον* (*Pl. Leg.* 646c): *ἢ τοὺς ἐπὶ τὰ γυμνάσια καὶ πόνοὺς ἰόντας οὐκ ἴσμεν ὥς ἀσθενεῖς εἰς τὸ παραχρῆμα γίγνονται;* («И разве нам неизвестно, что те, кто занимается тяжелыми гимнастическими упражнениями, становятся сперва точно больными?»¹⁴⁰).

Что касается Галена, то он следует за своим великим предшественником – Гиппократом, который понимал разницу между *πόνοϛ* и *γυμνάσιον* схожим образом. Именно в расширенном смысле слово *πόνοϛ* употреблено в гиппократовском изречении, которое Гален цитирует в разных своих сочинениях (*Gal. Protr.* 11, 17 и др.): *πόνοι σιτία ποτὰ ὕπνοι ἀφροδίσια, πάντα μέτρια* («труд, пища, питье, сон, любовь – во всем должна быть мера») (*Hippocr. Epid.* VI. 6. 2). Впрочем, как сообщает Гален в своих комментариях к «Эпидемиям» Гиппократа, последний мог пользоваться понятиями *πόνοϛ*, которое во многих контекстах можно перевести как «напряжение», и *γυμνάσιον*

¹⁴⁰ Перевод А.Н. Егунова (Платон. Собрание сочинений. Том 4. М., 1994. С. 95).

и как полными синонимами (Gal. *Hipp.Epid.* VI 5, 10 K 17b 260): τὸ <πόνος> ὄνομα πολλάκις μὲν εἶωθεν ὁ <Ἱπποκράτης> ἀντὶ τοῦ γυμνασίου λέγειν («Гиппократ имеет обыкновение часто говорить “напряжение” вместо “упражнение”»).

В трактате «О диете при острых болезнях» Гиппократ дает перечень того, что можно объединить понятием πόνος (Hr. *Acut. (Sp.)* 23): εἰδέναι δὲ τοὺς κεφαλαλγικοὺς ἐκ γυμνασίων ἢ δρόμων ἢ πορειῶν ἢ κυνηγεσίων ἢ ἄλλου τινὸς πόνου ἀκαίρου, ἢ ἐξ ἀφροδισίων («Нужно уметь распознавать тех, у кого голова болит от телесных упражнений или бегов, или ходьбы, или охоты, или от всякого другого несвоевременного труда, или от излишеств Афродиты»¹⁴¹). Комментируя этот текст, Гален предлагает еще более широкий список (Gal. *HVA* IV 97 K XV 903): οἱ πόνοι, πολυειδεῖς κατὰ μέρος ὄντες, δρόμοι καὶ πάλαι καὶ παγκράτια, ἀφροδίσια, τρίψις, ἔγκαυσις, ψύξις, ἀγρυπνία, θυμοί, λῦπαι, φόβοι («Напряжение многообразно в своих частных разновидностях. [К ним относится] бег, занятия борьбой и панкратионом, половая близость, массаж, перегревание и переохлаждение, бодрствование, приступы гнева и уныния, страхи»). Заметим, что здесь понятие πόνος подразумевает уже не только физическое, но и душевное напряжение¹⁴². Впоследствии мы вернемся к этому важному для Галена соображению.

В некоторых случаях в значении «физическая нагрузка» Гален употребляет слово κάματος (Gal. *San.Tu.* III, 11 K VI 222): οἱ μὲν οὖν ἀποθεραπεύειν ἀξιοῦντες, ὥσπερ τοὺς ἀπὸ καμάτου, τὴν τε κατάλυσιν τῆς δυνάμεως ὑφορῶνται καὶ τὴν ξηρότητα τοῦ σώματος («И вот те, кто видят необходимость восстановления, как после нагрузок, опасаются упадка сил и сухости тела»). Это существительное является однокоренным с глаголом κάμνειν —

¹⁴¹ Перевод В.И. Руднева (Гиппократ. Сочинения. Кн. 2. М., 1944. С. 48).

¹⁴² О галеновских представлениях касательно взаимоотношений души и тела см.: Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 52–58. См. также: Galen: Psychological Writings. Ed. by P.N. Singer. Cambridge, 2013. P. 21–32; Hankinson R.J. Actions and Passions: Affection, Emotion and Moral Self-Management in Galen's Philosophical Psychology // Passions and Perceptions: Studies in Hellenistic Philosophy of Mind. Ed. by J. Brunschwig and M. C. Nussbaum. Cambridge, 1993. P. 184–222.

«трудиться», «утомляться», «изнемогать». В значении «(тяжелый) труд» оно зафиксировано в гомеровских поэмах (*Il.* IV, 230). У того же Гомера *κάματος* может означать и «усталость» или «утомление» (*Od.* V, 490). Помимо этих значений, у классических греческих авторов это слово может обладать и переносным значением «страдание» (*S. El.* 129, 231). В галеновском корпусе *κάματος* используется в основных значениях – «труд» и «усталость». Так, в трактате “*De usu partium*” («О назначении частей человеческого тела») Гален говорит, что природа не стала бы возлагать на сердце бесполезную работу (*μάταιον κάματον κάμνειν*) (*Gal. UP* VI, 11 К III 460), а в другом своем сочинении называет утомление в числе возможных причин различных заболеваний (*Gal. NHN* II, 17 К XV 162 и др.): *αἰτίαι νοσημάτων εἰσὶν ἐγκαύσεις, ψύξεις, ἀγρυπνίαι, λῦπαι, φροντίδες, ἀπεψίαι, σκληροκοιτίαι, κάματοι, μέθαι καὶ τᾱλλα τὰ τοιαῦτα* («Причинами заболеваний являются перегревание, переохлаждение, отсутствие сна, уныние, тревога, нарушения пищеварения, сон на жесткой постели, утомление, пьянство и тому подобное»). Обращает на себя внимание сходство этого списка с приведенным выше перечнем видов напряжения (*πόνος*): понятие *κάματος*, с одной стороны, выступает в качестве его синонима, с другой стороны, обозначает одну из его разновидностей.

Кроме того, в похожем значении может использоваться также и существительное *ταλαιπωρία*. Описывая жалкое существование атлетов в уже цитировавшемся «Протрептике», Гален пишет (*Gal. Protr.* 14, 3): *παρὰ μὲν τὸν τῆς ἀθλήσεως χρόνον ἐν πόνοις τε καὶ ταλαιπωρίαις εἰσὶν* («На протяжении своей атлетической карьеры они подвержены нагрузкам и изнурительным тренировкам»¹⁴³). Понятие *ταλαιπωρία* в большей мере обладает негативными коннотациями, чем *κάματος*. Это неудивительно, учитывая его этимологию: первый корень слова *ταλαιπωρία* принадлежит прилагательному *τάλας* – «несчастный». В греческой литературе *ταλαιπωρία* нередко означает «страдание», причем физическое (например, *Th.* II, 49 или *Isoc.* 19 25, 28). В

¹⁴³ Перевод мой.

гиппократовском корпусе, в свою очередь, оно встречается также в нейтральном значении «труд» (Hr. *Nat.Hom.* 9): *όκόσα δὲ ἀπὸ ταλαιπωρίας γίνεται, ἀνάπαυσις ἰῆται, όκόσα δ' ὑπ' ἀργίης τίκεται, ταλαιπωρία ἰῆται* («[Болезни], которые возникают от трудов, лечит отдых, а те, которые рождает праздность, лечатся трудом»).

В значениях «упражнение» и «тренировка» в сочинениях Галена могут употребляться однокоренные существительные *ἄσκημα* и *ἄσκησις* (от глагола *ἄσκεῖν* – «обрабатывать», «изготавливать», «упражнять»). Первое используется значительно реже второго. В «Протрептике» Гален пишет (*Gal. Protr.* 13, 58): *πάνυ χαριέντως οὗτος ὁ μῦθος ἐπιδείκνυσι τὴν ἀθλητικὴν ἰσχὺν οὐ τῶν ἀνθρωπίνων οὔσαν ἀσκημάτων* («Эта басня весьма изящно показывает, что атлетическая сила — не то, в чем следует упражняться людям»¹⁴⁴). Трактат “*De sanitate tuenda*” содержит рассуждение о том, что повседневные трудовые занятия могут быть использованы в спортивных целях. В дальнейшем мы остановимся на нем подробнее, а пока ограничимся небольшим пассажем, в котором соседствуют слова *γυμνάσιον* и *ἄσκημα* (*Gal. San.Tu.* II, 8 K VI 134): *τοῖς πλείστοις δὲ τῶν τοιούτων ἔνεστί ποτε καὶ ὡς γυμνασίῳ μόνον χρῆσασθαι. τριττὴ γὰρ αὐτῶν τις ἢ σύμπασα χρεία, ποτὲ μὲν ὡς ἔργων μόνον αὐτὸ δὴ τοῦτο παραλαμβανομένων, ἐνίστε δὲ ὡς ἀσκημάτων ἔνεκα τῆς τῶν μελλόντων ἔργων χρείας, ἔστιν ὅτε δὲ καὶ ὡς γυμνασίῳ* («Они (sc. трудовые занятия) в большинстве своем могут иногда использоваться только как упражнения. Вся сфера их применения делится на три части: порой за них принимаются именно как за трудовые занятия, временами в качестве подготовки для будущих нужд, а бывает, что и в качестве упражнений»). В том же «Протрептике» существительное *ἄσκησις* встречается несколько раз, в том числе в сочетании с прилагательным *ἀθλητική* (*Gal. Protr.* 9, 19): *σώματος δ' ἄσκησις ἀθλητικὴ ἀποτυγχανομένη μὲν αἰσχίστη, ἐπιτυγχανομένη δὲ τῶν ἀλόγων ζῴων οὐδέπω*

¹⁴⁴ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 865).

κρείττων («Неудача в атлетическом упражнении тела – весьма позорна, преуспевание же в нем еще не превосходит неразумных животных»).

Оба эти понятия, ἄσκημα и ἄσκησις, равно как и глагол ἄσκεῖν, являются вполне традиционной частью атлетического лексикона. Существительное ἄσκημα мы находим, к примеру, у Ксенофонта, который говорит о «гимнических упражнениях» (γυμνικὰ ἄσκήματα) в своем «Гиппархе» (X. *Eq.Mag.* 8, 6), и у Лукиана (Luc. *Anach.* 17). Кроме того, в числе агональных терминов его называет Юлий Поллукс (Poll. III, 153). Словом ἄσκησις пользуется Гиппократ (Hr. *IM* 4), Платон (Pl. *Plt.* 294d; *R.* 518e), а также Плутарх (Plu. 2.584). Существительные ἄσκημα и ἄσκησις очень быстро стали общим обозначением для упражнений, совершенно необязательно телесных. Это могут быть, скажем, военные упражнения (X. *Oec.* 11, 19; Cyr. VIII, 1 34) риторические (D.H. *Rh.* 2, 1; Plu. *Cic.* 1, 2), философские (Arr. *Epict.* III 26, 39; 12, 1) или даже медицинские. Так, у Гиппократа мы читаем (Hr. *Off.* 7): ἐπιδέσιος δύο εἶδεα, εἰργασμένον, καὶ ἐργαζόμενον. Ἐργαζόμενον μὲν, ταχέως, ἀπόνως, εὐπόρως, εὐρύθμως· ταχέως μὲν, ἀνύειν τὰ ἔργα· ἀπόνως δὲ, ῥῆϊδίως δρῆν· εὐπόρως δὲ, ἐς πᾶν ἐτοίμως· εὐρύθμως δὲ, ὀρῆσθαι ἡδέως· ἀφ' ὧν δὲ ταῦτα ἄσκημάτων, εἴρηται («Перевязок два вида: наложенная и налагаемая. Налагать следует быстро, безболезненно, ловко, изящно; быстрота значит скоро совершить работу; безболезненно – это действовать легко; ловкость – готовность ко всему; изящество – приятность для зрения. Какими упражнениями приобретаются эти качества, было сказано»¹⁴⁵). Схожий путь проделало и существительное γυμνάσιον, которое распространило свое значение на интеллектуальную сферу. Подтверждения этому мы находим в немалом количестве и в галеновском корпусе (Gal. *Adv.Typ.Scr.* 6 K VII 500; *Lib.Prop.* 2 K XIX 17 и др.). То же самое характерно и для существительного ἡ γυμνασία, более редкой формы, чем τὸ γυμνάσιον. Аристотель (Arist. *Pol.* 1297a17) и апостол Павел (1 *Ep.Ti.* 4, 8) пользуются этим словом в его исходном

¹⁴⁵ Перевод В.И. Руднева (Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 520).

спортивном значении. Оно встречается и в гиппократовском корпусе, например, в трактате «О здоровом образе жизни» (Hr. *Salubr.* 7): ὁκόσοισι δὲ ὀδύναι γίνονται τῶν σπλάγχων ἢ ἐκ γυμνασίης ἢ ἐξ ἄλλης τινὸς ταλαιπωρίας, τοῦτέοισι συμφέρει ἀναπαύεσθαι ἀσίτοισι («Тем, у которых появляются боли во внутренностях от гимнастических упражнений или от какого-либо другого труда, полезно отдыхать и воздерживаться от пищи»¹⁴⁶). Вместе с тем Платон употребляет слово γυμνασία в контексте философского спора (Pl. *Tht.* 169c), а Дионисий Галикарнасский – в разговоре о риторических упражнениях (D.H. *Comp.* 20). Примечательно, что среди десятков примеров употребления этого существительного в текстах Галена оно почти не используется в своем первом значении, за исключением цитат из Гиппократа (Gal. *Hipp. Vict.* 22 K XV 221) и нескольких единичных примеров (Gal. *Ut. Resp.* 4 K IV 498; *Hipp. Aph.* II, 42; V, 7 K XVIIb 542, 791). Все прочие случаи употребления слова γυμνασία так или иначе связаны с медицинской или философской деятельностью: оно может обозначать упражнения в анатомировании (Gal. *AA* IV, 4; VI, 1 K II 439, 536), распознавании видов пульса (Gal. *Caus. Puls.* I, 1 K IX 3), логике (Gal. *Pec. Dig.* 3 K V 71) или методе рассуждения (Gal. *PHP* IX 5, 11 K V 753). Наконец, еще более редкое существительное γύμνασμα, встречающееся в галеновском корпусе всего трижды, и у Галена, и у прочих авторов также может относиться как к атлетической (Gal. *San. Tu.* I, 9 K VI 46; *Ath.* X, 5), так и интеллектуальной (Gal. *CAM* 1; *Adv. Typ. Scr.* 3 K I, 228; VII 487; D.H. *Rh.* 2, 1) сфере.

На примере понятия γυμνάσιον, равно как и на примере рассмотренных в предыдущей главе базовых понятий атлетического лексикона γυμναστική и παιδοτρική, хорошо видно, что в области терминологии, связанной с физическими упражнениями, Гален, как и во многих других сферах медицины и философии, стремится систематизировать знания, накопленные за предыдущие столетия, уточнить или объяснить значение терминов. Впоследствии мы увидим и его попытки ввести новые термины. Нас не должно

¹⁴⁶ Перевод В.И. Руднева (Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 218).

удивлять постоянное и временами дотошное внимание пергамского врача к терминологии. Ведь в гиппократовском корпусе, основном медицинском источнике для предшественников и современников Галена, то же понятие γυμνάσιον не имеет дефиниции, равно как и многие другие, а о разногласиях относительно значения этого термина свидетельствует сам Гален (Gal. *San. Tu.* V, 11 K VI 370): δύναται δέ ποτε καὶ διαφωνίας γενέσθαι φαντασία κατὰ τὰ τοιαῦτα παραγγέλματα, τινῶν μὲν ἅπασαν κίνησιν σύμμετρον τῷ κινουμένῳ σώματι γυμνάσιον ὀνομαζόντων, ἐνίων δὲ τὴν σφοδροτέραν μόνην («Может иногда возникать впечатление, будто люди расходятся во мнениях относительно этих предписаний, так как некоторые называют упражнением всякое движение, подходящее движимому телу, иные же считают упражнением только более энергичное движение»). Несмотря на то, что история античной медицины ко времени жизни Галена насчитывала более полутысячелетия, медицинская терминологическая система в древнегреческом языке еще не была в должной мере оформлена, и задача ее оформления, в том числе и в области атлетики, легла на плечи Галена.

2.2. Γυμνάσια: первая классификация

У Платона и Аристотеля, к которым Гален питал особый пиетет, он заимствует любовь к созданию разного рода классификаций, временами крайне запутанных и многоуровневых. В «Протрептике» и «Фрасибуле» Гален классифицирует искусства, в специальных медицинских трактатах, например “De causis morborum” («О причинах заболеваний»), “De morborum differentiis” («О различиях заболеваний») или “De febrium differentiis” («О различиях лихорадок») он классифицирует болезни¹⁴⁷, а в сочинении “De sanitate tuenda” объектом его классификаторского рвения становятся физические упражнения.

¹⁴⁷ Ф. ван дер Эйк отмечает, что в своих классификациях заболеваний, лихорадок и видов пульса Гален пользуется аристотелевской терминологией (van der Eijk P.J. ‘Aristotle! What a thing for you to say!’ Galen’s engagement with Aristotle and Aristotelians // Galen and the World of Knowledge. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 266), а П. Донини небезосновательно утверждает, что все галеновские концепции выстроены в соответствии с

Первая классификация упражнений, предложенная Галеном в этом трактате, имеет следующий вид (Gal. *San. Tu.* I 8 K V 37–38): τριττὰ δ' ἐστὶ γένη τά γε πρῶτα τῶν γυμνασίων, ὅσαιπερ καὶ αἱ τῶν κινήσεων διαφοραί· ἢ γὰρ ἐξ ἑαυτῶν ἢ ὑφ' ἐτέρων ἢ διὰ φαρμάκων κινούμεθα. τὸ μὲν δὴ τρίτον εἶδος τῆς κινήσεως οὐδαμῶς ὑγιαίνουσι πρόπον· ἢ δ' ὑφ' ἐτέρου κίνησις ἔν τε τῷ πλεῖν καὶ ἱππεύειν καὶ ὀχεῖσθαι καί, ὥς ἀρτίως λέλεκται, διὰ τε λίκνων καὶ σκιμπόδων καὶ ἀγκαλῶν γίνεται («Существует три первичных рода упражнений, столько же, сколько и видов движения: мы можем двигать себя сами, быть движимыми другими или посредством лекарств¹⁴⁸. Третий вид движения никоим образом не подходит здоровым. Что же до движения, вызванного извне, то оно возникает при плавании на корабле, поездках верхом, переносках на носилках и, как было сказано выше, посредством раскачивания в колыбели, гамаке или на руках [няньки]»).

Представление о трех видах движения Гален, как справедливо замечает в своем комментарии П. Сингер¹⁴⁹, заимствует из платоновского диалога «Тимей». Известно, что к этому сочинению Платона Гален питал особый интерес¹⁵⁰ – в одном только трактате “Quod animi mores corporis temperamenta sequantur”¹⁵¹ («О том, что нравы души проистекают из телесных темпераментов») «Тимей» упоминается пять раз (Gal. *QAM* 4, 6, 9, 10 K IV 780, 791, 805, 808, 812). Более того, в списке собственных книг (Gal. *Lib. Prop.* 16 K

основополагающими понятиями философии Аристотеля (Donini P. *Le scuole, l'anima, l'impero: la filosofia antica da Antico a Plotino*. Torino, 1982. P. 128).

¹⁴⁸ Необходимо сразу отметить, что эта последняя разновидность упражнений не входит в число компетенций гигиениста и, соответственно, гимнаста (Gal. *San. Tu.* II, 11 K VI 152).

¹⁴⁹ Galen: *Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda)*. Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 178.

¹⁵⁰ О роли «Тимея» в галеновской философии и медицины см.: Ferrari F. *Galeno Interprete del Timeo* // *Museum Helveticum*, 55, 1998. P. 14–34; Vegetti M. *De caelo in terram. Il Timeo in Galeno (De placitis, Quod animi)* // *La filosofia in età imperiale*. Ed. A. Brancacci. Naples, 2000. P. 69–84.

¹⁵¹ О корректном названии этого трактата см. Jouanna J. *Does Galen have a medical programme for intellectuals and the faculties of the intellect?* // *Galen and the World of Knowledge*. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 192. Несмотря на убедительные доводы Жуанна в пользу названия “Quod animi *facultates* corporis temperamenta sequantur” («О том, что способности души проистекают из телесных темпераментов»), для сохранения единообразия мы оставили традиционный вариант, приведенный в том числе и в списке трудов Галена в “Cambridge Companion to Galen”.

XIX 46) Гален упоминает четыре книги комментариев к этому диалогу, озаглавленных «О медицинских рассуждениях в “Тимее” Платона»¹⁵² (“Περὶ τῶν ἐν τῷ Πλάτωνος Τιμαίῳ ἰατρικῶς εἰρημένων”). Размышляя на довольно популярную в античности тему гармонии между душевными и телесными занятиями (Pl. *Ti.* 88bc), Платон говорит в «Тимее» о необходимости постоянного движения, призванного оградить человека от недугов¹⁵³ (Pl. *Ti.* 88e), после чего предлагает классификацию видов движения (Pl. *Ti.* 89a): τῶν δ’ αὖ κινήσεων ἡ ἐν ἑαυτῷ ὑφ’ αὐτοῦ ἀρίστη κίνησις — μάλιστα γὰρ τῇ διανοητικῇ καὶ τῇ τοῦ παντὸς κινήσει συγγενής — ἡ δὲ ὑπ’ ἄλλου χείρων· χειρίστη δὲ ἡ κειμένου τοῦ σώματος καὶ ἄγοντος ἡσυχίαν δι’ ἐτέρων αὐτὸ κατὰ μέρη κινούσα. διὸ δὴ τῶν καθάρσεων καὶ συστάσεων τοῦ σώματος ἡ μὲν διὰ τῶν γυμνασίων ἀρίστη, δευτέρα δὲ ἡ διὰ τῶν αἰωρήσεων κατὰ τε τοὺς πλοῦς καὶ ὅπηπερ ἂν ὀχήσεις ἄκοποι γίνονται· τρίτον δὲ εἶδος κινήσεως σφόδρα ποτὲ ἀναγκαζομένῳ χρήσιμον, ἄλλως δὲ οὐδαμῶς τῷ νοῦν ἔχοντι προσδεκτέον, τὸ τῆς φαρμακευτικῆς καθάρσεως γιγνόμενον ἰατρικόν («Что касается движений, наилучшее из них то, которое совершается [телом] внутри себя и самим по себе, ибо оно более всего сродно движению мысли, а также Вселенной; менее совершенно то, которое вызвано посторонней силой, но хуже всего то, при котором тело покоится в бездействии, между тем как посторонняя сила движет отдельные его части. Соответственно из всех видов очищения и укрепления тела наиболее предпочтительна гимнастика; на втором месте стоит колебательное движение при морских или иных поездках, если только они не приносят усталости; а третье место занимает такой род воздействий, который, правда, приносит пользу в случаях крайней необходимости, но в остальное время, безусловно, неприемлем для разумного человека: речь идет о врачебном очищении тела силой лекарств»¹⁵⁴). Известный исследователь и комментатор Платона А.Э. Тейлор замечает¹⁵⁵, что

¹⁵² О степени сохранности этого сочинения см.: примечание И.В. Пролыгиной (Пролыгина И.В. Гален. О собственных книгах // СХОЛН, II, 2, 2017. С. 670).

¹⁵³ В. Наттон кратко анализирует медицинские представления Платона в своей книге “Ancient Medicine” (см.: Nutton V. Ancient Medicine. London and New York, 2024. P. 91–93).

¹⁵⁴ Перевод С.С. Аверинцева (Платон. Собрание сочинений. Том 3. М., 1994. С. 496).

¹⁵⁵ Taylor A.E. A commentary on Plato’s *Timaeus*. Oxford, 1928. P. 626.

это представление сообразно с медицинскими концепциями V в. до н.э., в которых диетические предписания играли гораздо большую роль, чем использование лекарственных средств. Это, как кажется, справедливо лишь отчасти. Действительно, диететика получила в V в. до н.э. широкое распространение в медицинской среде, о чем мы упоминали в предыдущей главе, однако тот же Платон в уже цитировавшемся месте «Государства» с сочувствием говорит о древней практике Асклепиадов, состоявшей в использовании «лекарств и разрезов», но только по отношению к людям, ведущим здоровый образ жизни и страдающим, как мы бы сейчас выразились, не от хронических, а от острых заболеваний (Pl. R. 407cd). Эту же очевидную мысль выражает и Гален, когда говорит, что здоровые люди не нуждаются в третьем виде движения, вызываемом лекарствами.

Предложенная Платоном классификация не кажется особенно необычной. Пожалуй, определенные вопросы может вызвать движение, происходящее внутри тела человека, однако если учесть, что оно, как и все прочие тела, согласно «Тимею», состоит из множества треугольных частиц, способных передвигаться в пространстве (Pl. Ti. 81bd), все становится на свои места. Гален следует букве платоновского «Тимея»¹⁵⁶ и включает в число упражнений то, что с нашей точки зрения, как и, рискнем предположить, с точки зрения его современников, упражнением не является: движения, которые человек производит не самостоятельно, и движения, происходящие внутри человеческого тела.

Первый вид упражнений упоминается в текстах галеновского корпуса довольно часто. Так, в своих рекомендациях, предназначенных для людей пожилого возраста, Гален пишет (Gal. San. Tu. V, 3 K VI 320): ἐν μὲν δὴ σοι τοῦτο καθάπερ τι γυμνάσιον ἔστω τοῖς γέρονσιν ἕωθεν γινόμενον, ἢ μετ' ἐλαίου τρίψις, ἐφεξῆς δὲ περίπατοί τε καὶ αἰωρήσεις ἄκοποι, στοχαζομένῳ τῆς τοῦ γέροντος

¹⁵⁶ Нельзя, впрочем, сказать, что он следует Платону со всей строгостью. Гален допускает существование смешанных видов движения и в качестве примера приводит верховую езду (Gal. San. Tu. II, 11 K VI 151).

δυνάμεως («Конечно, один только массаж с использованием масла должен быть неким подобием утреннего упражнения для стариков. За ним пусть следуют прогулки и неустойчивые покачивания на носилках, причем тебе следует сообразовываться с возможностями старого человека»). Как мы видим, упражнением с точки зрения Галена является массаж, при котором все движения выполняются посторонним лицом, а также загадочные αἰωρήσεις, представляющие немалую трудность для переводчика и интерпретатора. На этом термине следует остановиться подробнее.

Существительное αἰωρήσις происходит от довольно распространенного глагола αἰωρεῖν – «поднимать», «подвешивать», «размахивать». Этот глагол употреблялся и в специальных медицинских сочинениях. Гиппократ пользуется им, говоря о поддерживающих руку на весу повязках (Hr. *Fract.* 7), о вправлении бедра посредством подвешивания (Hr. *Art.* 70), а также о раскачивании рожениц на поднятой кровати (Hr. *Mul.* 68). Слово αἰωρήσις уже встречалось нам в приведенном выше месте из «Тимея», и это первый пример его употребления в греческой литературе. С.С. Аверинцев удачно, на наш взгляд, переводит его как «колебательное движение», однако для контекстов, в которых термин αἰωρήσις встречается у Галена, такой перевод не всегда представляется наиболее корректным. Некоторую ясность насчет значения этого термина вносит другой пассаж из “De sanitate tuenda”, где αἰωρήσις описывается еще подробнее (Gal. *San. Tu.* II, 11 K VI 157): αἰωρήσεις, ὅσαι τε δι' ὀχημάτων γίνονται καὶ ὅσαι διὰ σκιμλόδων κρεμαμένων ἢ λίκνων σειομένων ἢ ἐν ταῖς τῶν τροφῶν ἀγκάλαις τοῖς βρέφεσιν («Раскачивания, которые возникают при движении в повозке, в подвешенных гамаках¹⁵⁷, колыбелях, а в случае грудных

¹⁵⁷ Ж. Булонь предложил для термина αἰωρήσις довольно экстравагантный перевод “suspensions en hamac” «подвешивания в гамаке» (Galien. *Méthode de traitement. Édition et trad. du grec ancien par Jacques Boulogne.* 2009. P. 579). Этот остроумный вариант перевода, как нам кажется, отличается излишней конкретизацией. Ни один из контекстов трактата «Метод врачевания», в которых употреблен этот термин, не позволяет с полной уверенностью утверждать, что Гален подразумевает именно подвешивание в гамаке. Впрочем, понятие αἰωρήσις действительно могло означать «подвешивание»: патриарх Фотий в своем лексиконе в качестве синонима к этому слову предлагает существительное κρέμασις, которое традиционно переводится как «подвешивание» (Phot. A 682).

младенцев – в объятиях кормилиц»). Путешествия в повозках будут упомянуты в этом же трактате и позже (Gal. *San.Tu.* V, 10 K VI 324): ὅσοι μὲν γὰρ ἐτοίμως ἀλίσκονται σκοτώμασιν ἢ ἐπιληψίαις ἢ ὀφθαλμίαις σφοδραῖς ἢ ὠταλγίαις, οὐ χρὴ τούτους ἐπινεύοντας ἢ κατακύπτοντας ἢ καλινδουμένους χαμαὶ γυμνάζεσθαι, περιπάτοις δὲ πολλοῖς καὶ δρόμοις μετρίοις αἰωρήσεσσι τε ἐπὶ τῶν ὀχημάτων ἀκόπως χρῆσθαι («Упражнения для тех, кто легко подвергается головокружениям, приступам падучей, резким воспалениям глаз или болям в ушах, не должны включать наклоны, сгибания и катания по земле. Им подходят частые прогулки, умеренный бег и прогулки в повозках – то, что не вызывает утомления»).

Итак, понятие αἰώρησις в текстах Галена может означать раскачивание или покачивание, которое использовалось в античной медицине в качестве легкого упражнения. Древнегреческо-русские словари Вейсмана и Дворецкого дают для этого слова только два значения – «качание» и «колебание», однако английский и испанский словари “A Greek–English Lexicon” и “Diccionario Griego-Español” предлагают для него специальное спортивное значение «пассивное упражнение» (“passive exercise”¹⁵⁸ и “ejercicio pasivo” соответственно). В современной медицине под пассивным упражнением понимается действие, которое врач производит с лишенными подвижности конечностями человека. В некоторых местах галеновских трудов αἰώρησις действительно можно понимать не как раскачивание, а именно как манипуляции, производимые врачом с телом пациента. Показательно, что в ряде случаев (к примеру, Gal. *Ven.Sect.Er.Rom.* 3 K XI 211) этот термин употребляется в одном ряду с массажем (τρίψις) и упражнениями как таковыми (γυμνάσια), то есть αἰώρησις занимает как бы промежуточное положение между ними. В трактате “De bonis et malis alimentorum sucis” («О полезных и вредных

¹⁵⁸ Именно такой вариант перевода выбрали английские переводчики П. Сингер (Galen: *Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda)*. Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023.) и И. Джонстон и Г. Хорсли (Galen. *Method of Medicine*. Ed. and transl. by Ian Johnston and G.H.R. Horsley. Cambridge, Mass., 2011.)

соках в пище») Гален пишет прямо (Gal. *Bon.Mal.Suc.* 3 K VI 763): ἀλλ' αἰωρήσεσιν ἢ περιπάτοις ἀντὶ τῶν ἰσχυροτέρων γυμνασίων χρήθωσαν («Пусть они все же прибегают к пассивным упражнениям и прогулкам вместо более тяжелых упражнений»).

В таких же значениях вместо существительного αἰώρησις может использоваться и однокоренное αἰώρα (Gal. *MM VII*, 5 K X 491): ἡ δὲ σύμμετρος ἐπὶ τούτων τρίψις ἐστὶν, ὥς θερμῆναι τὸ σῶμα· κᾶλειτα αἰώραις χρηστέον («За этим следует размеренный массаж, чтобы разогреть тело, а потом нужно прибегнуть к пассивным упражнениям»). Примечательно, что термин αἰώρα¹⁵⁹ в трактате “*Ars medica*” («Врачебное искусство») упомянут в качестве одного из видов движения вместе с прогулками и массажем, а также купаниями (λουτρά) (Gal. *Ars.Med.* 37 K I 406), что позволяет включить и эти последние в список упражнений. Этим термином активно пользовался и знаменитый предшественник Галена Соран Эфесский в своем сочинении «О женских болезнях», где αἰώρα может означать и соответствующий тип упражнения (Sor. I, 25), и покачивания на сиденье или колеснице (Sor. I, 46). Орибасий, в свою очередь, сохранил отрывок из сочинений врача Антилла, современника Галена, который высказывает очень схожие с ним соображения (Antyll. ap. Orib. VI, 23): τὰ μὲν ἄλλα γυμνάσια ἐν τῇ τοῦ σώματος κινήσει κεῖται· ἡ δ' αἰώρα συμμιγῆς ἐστὶν ἔκ τε κινήσεως καὶ σχέσεως, τῶν <μὲν> μερῶν τοῦ σώματος ἀτρεμοῦντων, παντὸς δ' ὑπὸ τῆς φορᾶς κινουμένου· ἐντεῦθεν ὠφελιμώτατόν τε γυμνάσιον καὶ προσηγέστατον («Если прочие упражнения состоят в движении тела, то пассивное упражнение состоит одновременно из движения и покоя: конечности тела неподвижны, но при этом все тело двигается, когда его несут. Поэтому это в высшей степени полезное и приятное упражнение»). Наконец,

¹⁵⁹ В. Будон-Мийо понимает термин αἰώρα как ‘déplacements en litière’, «перемещения на носилках» (Galien, Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. Texte établi et traduit et annoté Par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000. P. 386).

у авторов IV–VI вв. н.э. существительное ἐώρα (=αἰώρα) и однокоренной с ним глагол ἐωρίζεσθαι уже получили значения «прогулка» и «прогуливаться»¹⁶⁰.

Пожалуй, не будет ошибкой предположить, что для Галена, как и для некоторых других врачей древности, и растирания, и раскачивания на руках или в гамаке, и покачивание на носилках или в повозке, и сгибание и разгибание конечностей врачом, – все эти действия воспринимались как пассивное упражнение в более широком, чем сейчас, смысле.

Самые необычные упражнения в системе Галена, те, которые производятся внутри человеческого тела, упоминаются в его трактатах редко, однако мы все же можем составить о них некоторое представление. Прежде всего стоит привести высказывание Галена относительно внутренних движений организма, которым соответствуют эти упражнения. В трактате “De sanitate tuenda” он пишет (Gal. *San.Tu.* II, 11 K VI 148): αἱ δ' ἄλλαι κινήσεις ἐν τοῖς τῶν ζώων σώμασιν, ὅσαι μὴ κατὰ κοινὴν προαίρεσιν, ἀλλ' ἥτοι φυσικαὶ τινες ἢ κατὰ τὰ τῆς ψυχῆς γίνονται πάθη, διτταὶ μὲν εἰσι κατὰ γένος· αἱ μὲν ἕτεραι καρδίας τε καὶ ἀρτηριῶν, αἱ δὲ ἕτεραι φλεβῶν τε καὶ ἥπατος ἐνέργειαι, πρῶτον μὲν τούτων καὶ μάλιστα, δεύτερον δὲ τῶν ἄλλων ἀπάντων μορίων («Прочие движения в телах живых существ, которые происходят не в соответствии с обычным их желанием, но естественным образом или из-за душевных волнений, бывают двух родов: первые связаны с деятельностью сердца и артерий, вторые – вен и печени. Больше всего и в первую очередь они связаны с ними, но затем и со всеми другими частями [тела]»). Если внутренние органы подвижны, то, по Галену, они могут быть и объектом упражнений. Говоря о верховой езде, он пишет (Gal. *San.Tu.* II, 11 K VI 151): ἐν τούτῳ δὲ καὶ ἡ ὄψις γυμνάζεται καὶ ὁ τράχηλος πονεῖ. μάλιστα δ' ἐν τῷ τοιούτῳ γυμνασίῳ σείεται τὰ σπλάγχνα. σείεται γε μὴν οὐδὲν ἥττον τὰ σπλάγχνα καὶ τοῖς ἀλλομένοις («В этом упражнении и зрение тренируется, и шея напрягается. Но более всего во время верховой езды

¹⁶⁰ Zeltchenko V.V. *Philogelos* 63 and the Meaning of ἐώρα // *Philologia classica*, Vol. 14, Fasc. 2, 2019. P. 314–315.

движутся внутренние органы. Впрочем, они не в меньшей степени движутся и при прыжках»). В той же главе он упоминает и о том, что упражняться могут артерии (Gal. *San. Tu.* II, 11 K VI 148): αἱ μὲν γε κατὰ προαίρεσιν ἐνέργειαι πᾶσαι μυῶν τε καὶ νεύρων καὶ τενόντων ἴδια κινήσεις εἰσὶν· εἰ δὲ καὶ σφοδρότεραι γίνονται, τὰ μὲν εἰρημένα μόρια πρῶτά τε καὶ μάλιστα γυμνάζουσι, κατὰ δέ τι συμβεβηκὸς καὶ τὰς ἀρτηρίας («Все преднамеренные действия суть движения мышц, нервов и сухожилий. Если же они производятся интенсивнее, то в первую очередь и больше всего тренируются те части тела, о которых я сказал выше (sc. ноги, руки, спина и грудь), но между прочим также и артерии»). Помимо этого, Гален рекомендует и дыхательные упражнения, подобные тем, которые практикуются и в наше время (Gal. *San. Tu.* II, 11 K VI 147): θώρακος δὲ καὶ πνεύμονος αἱ μέγιστα τῶν ἀναπνοῶν οἰκεῖα γυμνάσια, καθάπερ γε καὶ αἱ μέγιστα φωναὶ πρὸς τοῖς εἰρημένοις ἀπάντων τῶν φωνητικῶν ὀργάνων («Подходящие упражнения для грудной клетки и легких – это как можно более глубокие вдохи. Точно так же очень громкие крики вдобавок к груди и легким тренируют органы речи»).

Такова стройная, на первый взгляд, картина трехчастной классификации упражнений Галена, основанной на платоновских теориях. Эта классификация, как мы увидели, позволяет объединить под понятием γυμνάσιον не только различные виды физической активности, но и растирания, передвижения в повозках и на носилках и даже процессы внутри человеческого организма. Такое расширение значения этого первоначально довольно узкого понятия было, по всей видимости, одним из нововведений Галена и частью его оригинальной концепции тренировок, речь о которой пойдет ниже. При этом нетрудно заметить, что не все типы упражнений, которые перечисляет Гален, подходят под его же собственное определение термина γυμνάσιον. Дело в том, что уже после того, как во второй книге “De sanitate tuenda” было сформулировано определение, Гален пишет (Gal. *San. Tu.* II, 9 K VI 139): ἀπάντων κοινὸν γυμνασίον ἐστὶν ἡ τῆς ἐμφύτου θερμότητος

αὔξησις («Общая черта вообще всех упражнений – это увеличение естественного тепла»). Понятие о естественном тепле (ἔμφυτος θερμότης/ἔμφυτον θερμόν), сокрытом в крови и сердце, играет важную роль в физиологических представлениях Галена, так как от него зависит пищеварение¹⁶¹ и приток и отток вещества¹⁶². Способствовать увеличению естественного тепла могут не только физические нагрузки (Gal. *San. Tu.* II, 2 K VI 87), но также окружающая среда (Gal. *San. Tu.* I, 4 K VI 10), вино (Gal. *San. Tu.* I, 11 K VI 54), массаж (Gal. *MM VII*, 6 K X 491) и душевные волнения (Gal. *San. Tu.* II, 2 K VI 138). Косвенным образом это позволяет включить в число упражнений движения, вызванные посторонней силой или происходящие внутри тела человека.

2.3. Γυμνάσια: вторая классификация

Рассмотрев галеновское понятие γυμνάσιον в его самом широком смысле, мы можем перейти непосредственно к гимнастическим дисциплинам, подробному разбору которых посвящены несколько глав второй книги трактата “De sanitate tuenda” (Gal. *San. Tu.* II 8–11, K VI 133–148). Первая из них открывается перечислением видов упражнений (Gal. *San. Tu.* II 8, K VI 133–134): εἶδη δὲ γυμνασίων ὀνομάζω πάλιν καὶ παγκράτιον καὶ πυγμὴν καὶ δρόμον ὅσα τ' ἄλλα τοιαῦτα, τινὰ μὲν οὖν αὐτὸ τοῦτο, γυμνάσια μόνον, ὑπάρχοντα, τινὰ δὲ οὐ γυμνάσια μόνον, ἀλλὰ καὶ ἔργα· γυμνάσια μὲν αὐτά γε δὴ ταῦτα τὰ εἰρημένα καὶ

¹⁶¹ Неслучайно первое значение греческого слова πέψις («пищеварение») связано с приготовлением пищи на огне.

¹⁶² Одно из мест «Фрасибула» позволяет получить самое общее представление о постоянных процессах, происходящих, по мнению Галена, в человеческом теле (Gal. *Thras.* 19): εἰ δέ γ' ἀπαθὲς ἔμενε πάντῃ τὸ σῶμα καὶ τοιοῦτον, οἷόνπερ ὁ ποιήσας αὐτὸ τεχνίτης ἀπέλιπεν, οὐκ ἂν ἐδεῖτο τοῦ διὰ παντὸς ἐπανορθομένου. νυνὶ δ' ἐπειδὴ διαρρεῖ τε καὶ φθείρεται, δεῖταί τινος ἐπιστάτου παρεδρεύοντος, ὃς καὶ γνωρίῃ τὸ κενούμενον ὁποῖόν τ' ἐστὶ καὶ ὁπόσον ἰάσεται τε παραχρῆμα τοιοῦτόν τε καὶ τοσοῦτον ἕτερον ἀντεισάγων. ἀπορρεῖ τὸ κατὰ φύσιν ὑγρόν· ἐπάρδειν χρή τὴν ἴσιν ὑγρότητα πόμα παρέχοντα. διαφορεῖται τὸ θερμόν· ἀντεισάγειν χρή τοσοῦτον ἕτερον. ἐκκενοῦται τὸ ξηρόν· ἤδη καιρὸς τρέφειν («Если бы [человеческое] тело было совершенно неподвержено вреду и было таким, каким его оставил его создатель, оно бы вовсе не нуждалось в исправлении. Но коль скоро тело страдает от истечения и увядания, необходим некий бдительный страж, который будет распознавать качество и количество теряемого [вещества] и сразу же восполнять убыток тем же веществом в том же количестве. К примеру, происходит отток необходимой влаги: в таком случае следует возместить равный объем жидкости, предоставив питье. Растрачивается тепло – нужно вернуть его прежнее количество. Заметен недостаток сухости – теперь время для пищи»).

προσέτι τὸ πιτυλίζειν, τὸ ἐκπλεθρίζειν, τὸ σκιομαχεῖν, τὸ ἀκροχειρίζεσθαι, τὸ ἄλλεσθαι, τὸ δίσκον βάλλειν καὶ ἀποτομάδα καὶ διὰ κωρύκου καὶ διὰ σφαίρας, ἢ μικρᾶς ἢ μεγάλης, καὶ δι' ἀλτήρων ἐκπονῆσαι τὸ σῶμα, γυμνάσια δ' ἅμα καὶ ἔργα σκάπτειν ἐρέττειν ἀροῦν κλᾶν ἀμπέλους ἀχθοφορεῖν ἀμᾶν ἱππεύειν ὅπλομαχεῖν ὁδοιπορεῖν κυνηγετεῖν ἀλιεύειν ὅσα τ' ἄλλα κατὰ μέρος πράττουσιν ἄνθρωποι τεχνῖταί τε καὶ ἄτεχνοι τῶν κατὰ τὸν βίον ἕνεκα χρειῶν, ἢ οἰκοδομοῦντες ἢ χαλκεύοντες ἢ ναυπηγοῦντες ἢ ἀροτρεύοντες ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον πολέμιον ἢ εἰρηνικὸν ἐργαζόμενοι. τοῖς πλείστοις δὲ τῶν τοιούτων ἔνεστί ποτε καὶ ὡς γυμνασίαις μόνον χρήσασθαι. τριττὴ γὰρ αὐτῶν τις ἢ σύμπασα χρεία, ποτὲ μὲν ὡς ἔργων μόνον αὐτὸ δὴ τοῦτο παραλαμβανομένων, ἐνίστε δὲ ὡς ἀσκημάτων ἕνεκα τῆς τῶν μελλόντων ἔργων χρείας, ἔστιν ὅτε δὲ καὶ ὡς γυμνασίων («Видами упражнений я называю борьбу, панкратион, кулачный бой, бег и тому подобное. Некоторые из них представляют собой именно упражнения, то есть только упражнения, другие же – не только упражнения, но и трудовые занятия. Итак, упражнения – это то, о чем сказано выше, а вдобавок к этому махи руками, челночный бег, бой с тенью, тренировочные поединки, прыжки, метание диска и дротика, упражнения с боксерским мешком и мячом, малым и большим, с галтерами. Упражнения, являющиеся одновременно и трудовыми занятиями, суть копание, гребля, вспашка земли, подрезание винограда, ношение тяжестей, жатва, верховая езда, бой в доспехах, пешие путешествия, охота, рыбная ловля и прочие частные действия, которые выполняют мастера и любители ради жизненных нужд, сооружая дома, занимаясь кузнечным делом, строя корабли, возделывая землю или трудясь каким-нибудь иным мирным или военным трудом. Трудовые занятия в большинстве своем могут иногда использоваться только как упражнения. Вся сфера их применения делится на три части: порой за них принимаются именно как за трудовые занятия, временами в качестве подготовки для будущих нужд, а бывает, что и в качестве упражнений»).

Гален противопоставляет две обширные категории: «только упражнения», или «просто упражнения» (γυμνάσια μόνον), и «не только упражнения, но и трудовые занятия» (οὐ γυμνάσια μόνον, ἀλλὰ καὶ ἔργα). При этом, закончив перечисление, он спешит сразу же продемонстрировать использование трудовых занятий в качестве физических упражнений на примере из собственной жизни (Gal. *San. Tu.* II, 8 K VI 134–135): κατ' ἀγρὸν γοῦν ποθ' ἡμεῖς ληφθέντες ἐν χειμῶνι ξύλα τε σχίζειν ἠναγκάσθημεν ἔνεκα τοῦ γυμνάζεσθαι καὶ κριθὰς ἐμβάλλοντες ἐν ὄλμῳ κόπτειν τε καὶ ἐκλεπίζειν, ἅπερ ἐκάστης ἡμέρας οἱ κατ' ἀγρὸν ἔπραττον ὡς ἔργα («Как-то раз зима застала меня в сельской местности, и мне пришлось в качестве упражнений рубить дрова, ссыпать ячмень в ступу, толочь его и очищать от шелухи, то есть заниматься тем, что для местных жителей является ежедневной заботой»). К теме использования повседневных занятий в качестве замены спортивным практикам палестры Гален обращается и в трактате «Фрасибул» (Gal. *Thras.* 41): ἐρέσσειν γοῦν ἄμεινόν ἐστι καὶ σκάπτειν καὶ θερίζειν καὶ ἀκοντίζειν καὶ τρέχειν καὶ πηδᾶν καὶ ἰπλάζεσθαι καὶ κυνηγετεῖν ὀπλομαχεῖν τε καὶ σχίζειν ξύλα καὶ βαστάζειν καὶ γεωργεῖν ἅπαντά τε τᾶλλα κατὰ φύσιν ἐργάζεσθαι κρεῖττον ἢ κατὰ παλαίστραν γυμνάζεσθαι («В любом случае лучше грести, копать, косить, метать дротик, бегать, прыгать, ездить верхом, охотиться, сражаться в доспехах, колоть дрова, носить тяжести, возделывать землю и заниматься любым другим естественным трудом, чем упражняться в палестре»). Заметим, что в терминологии Галена синонимичные глаголы со значением «прыгать», ἄλλεσθαι и πηδᾶν, не противопоставлены, хотя при сравнении процитированных выше пассажей может сложиться такое впечатление. Глагол ἄλλεσθαι употребляется не только по отношению к спортивным прыжкам (Gal. *UP* XV, 4 K IV 226), а глагол πηδᾶν встречается и в контекстах, связанных с атлетикой¹⁶³ (Gal. *San. Tu.* II 10, K VI 145).

¹⁶³ Прыжки как часть состязаний традиционно обозначаются существительным ἄλμα, образованным от глагола ἄλλεσθαι, однако Филострат в своей «Гимнастике» пользуется исключительно глаголом

Гален не был первым, кто предложил использовать повседневные занятия в оздоровительных целях. Так, Ксенофонт в своем «Домострое» вкладывает в уста Сократу слова о достоинствах земледелия, среди которых называется и «упражнение тела», ἄσκησις σωμάτων (X. *Оес.* 5, 1). В этом же сочинении перечисляются следующие упражнения, рекомендованные женщинам (X. *Оес.* 10, 11): ἀγαθὸν δὲ ἔφην εἶναι γυμνάσιον καὶ τὸ δεῦσαι καὶ μάξαι καὶ ἱμάτια καὶ στρώματα ἀνασεῖσαι καὶ συνθεῖναι. γυμναζομένην δὲ ἔφην οὕτως ἂν καὶ ἐσθίειν ἥδιον καὶ ὑγιαίνειν μᾶλλον καὶ εὐχρωτέραν φαίνεσθαι τῇ ἀληθείᾳ («Хорошее упражнение, — говорил я, — также замешивать и месить тесто, выбивать и складывать одежду и покрывала. Упражняясь подобным образом, жена будет есть с большим аппетитом, окажется здоровее и приобретет по-настоящему здоровый цвет лица»). Этот пассаж почти дословно цитирует врач I в. н.э. Афиней Атталийский во фрагменте, который приводит Орибасий (Orib. *Lib.inc.* 21, 7): γυμνάσια δ' ἐπιτρεπτέον τὰ γυναιξὶν ἀρμόζοντα, ψυχῆς μὲν τὰ διὰ τῶν οἰκείων αὐταῖς μαθημάτων καὶ τῶν κατὰ τὴν οἰκίαν φροντίδων <...> σώματος δὲ διὰ τῆς ταλασιουργίας καὶ τῶν ἄλλων τῶν κατὰ τὴν οἰκίαν πόνων. ἐπιθεωρεῖτωσαν γὰρ αἱ μὲν δεσπόζουσαι τὰς δεσποζόμενας, αἱ δ' ὑγρῶς καὶ τρυφερῶς βιοῦσαι τὰς αὐτουργούς, ὅσῳ διαφέρουσιν αὐτῶν πρὸς τε ὑγίειαν καὶ πρὸς σύλληψιν καὶ πρὸς εὐτοκίαν διὰ τε τὴν λιτότητα τῆς τροφῆς καὶ τὴν γυμνασίαν τοῦ σώματος. χρήσιμον οὖν ἐπισκέψασθαι σιτοποιόν, παραστῆσαι δὲ καὶ ἀπομετρεῖν ταμεία, περιελθεῖν δὲ σκοπούμενην, εἰ κατὰ χώραν ἔχει ἢ δεῖ ἕκαστα· ταῦτα γὰρ δοκεῖ μοι ἅμα ἐπιμελείας εἶναι καὶ περιπάτου. ἀγαθὸν δὲ γυμνάσιον καὶ δεῦσαι καὶ μάξαι καὶ στρώματα ἀναθεῖναι. γυμναζομένην οὕτως ἀναγκαῖον καὶ ἐσθίειν ἥδιον καὶ εὐχρωτέραν εἶναι («Нужно допустить женщин до подходящих им упражнений, как душевных, связанных с хозяйственными знаниями и заботами по дому, так и телесных, состоящих в прядении шерсти и прочих домашних трудах. Пусть хозяйки, ведущие жизнь изнеженную и роскошную, поглядят на служанок, живущих своим трудом, — как те превосходят их

πῆδᾶν (Philostr. *Гυμν.* 3, 31, 55). Существительное πῆδημα, в свою очередь, он считает полным синонимом к ἄλμα, хотя и прибегает к нему реже (Philostr. *Гυμн.* 55).

здоровьем, с какой легкостью они вынашивают и рожают детей благодаря простоте пищи и телесным упражнениям. Итак, полезно наблюдать за пекарем, следить за хозяйством и заниматься хозяйственными расчетами, обходить владения и смотреть, везде ли есть все необходимое. Это, как мне кажется, одновременно и забота о хозяйстве, и прогулка. Хорошее упражнение – это также замешивать и месить тесто и развешивать белье. Упражняясь подобным образом, женщина с необходимостью будет есть с большим аппетитом и приобретет здоровый цвет лица»). Гален был знаком с наследием Афинейя и не раз обращался к нему в собственных трудах (например, *Gal. Ars.Med.* 1 K I 306 или *Diff.Puls.* IV, 10 K VIII 749), поэтому вполне можно допустить, что тот оказал на него влияние. Так или иначе, несмотря на то, что Галену не принадлежит первенство в использовании повседневных занятий в качестве физических тренировок, столь явное предпочтение, которое он оказывает этим занятиям в противовес любой атлетической деятельности, служит отличительной чертой его индивидуального медицинского учения, и кроме того, предвосхищает современные системы функциональных тренировок.

2.3.1. Борьба¹⁶⁴

Перейдем теперь к рассмотрению первой категории гимнастических дисциплин (*γυμνάσια μόνον* в терминологии Галена).

Представленный список открывают, как мы видим, борьба, панкратион, кулачный бой и бег, и то, что борьба занимает в нем первое место, не кажется произвольным выбором Галена. Борьба пользовалась в античности огромной популярностью, которая не уменьшалась на протяжении почти тысячелетия, и ее статус не пострадал от профессионализации спорта¹⁶⁵. Характерно уже то, что само название палестры (*παλαίστρα*), с течением времени ставшей обозначать площадку, предназначенную для самых разных спортивных

¹⁶⁴ Подробнее о борьбе см.: Poliakoff M. *Combat Sports in the Ancient World. Competition, Violence, and Culture*. New Haven and London, 1987. P. 23–53.

¹⁶⁵ Harris H.A. *Sport in Greece and Rome*. Ithaca, New York, 1985. P. 21.

занятий, происходит от древнегреческого слова πάλη – «борьба», на что обратил внимание уже Плутарх (Plu. *Quaest.conv.* 638c). Борьбе греки обучались с самого раннего возраста: педотриб, изначально как мы отмечали в первой главе, тренировавший только детей, демонстрировал своим подопечным именно борцовские приемы (Philostr. *Gymn.* 14). Вместе с метанием диска и копья, а также бегом и прыжками борьба входила в состав пятиборья (Philostr. *Gymn.* 3), которое, что интересно, во всем корпусе сочинений Галена не упоминается ни разу. Тот же Филострат сообщает, что у элидцев, то есть в Олимпии, борьба пользуется наибольшим почетом (Philostr. *Gymn.* 11): Ἡλεῖοί γε τὴν πάλην καρτερὰν νενομίκασι καὶ ἀλεγεινὴν κατὰ τοὺς ποιητάς οὐ μόνον ἐπὶ ταῖς διαπλοκαῖς τῶν παλαισμάτων, αἷς δεῖ τοῦ σώματος ὑγροῦ καὶ εὐκόλου, ἀλλὰ καὶ τῷ παρ' αὐτοῖς ἀγωνίζεσθαι τρίς, ἐπεὶ δεῖ τοσούτων διαπτωμάτων. παγκράτιον γοῦν καὶ πυγμὴν [καὶ πάλην] ἄκοντι στεφανοῦν δεινὸν ἡγούμενοι τὸν παλαιστὴν οὐκ ἀπελαύνουσιν, ἐπειδὴ ὁ νόμος τὴν τοιάνδε νίκην μόνη ξυγχωρεῖν φησι τῇ γυρᾷ καὶ τалаипώρῳ πάλη («Элидцы считают борьбу испытывающим силы и, по словам поэтов, приносящим муки занятием не только из-за захватов в приемах, для которых нужно обладать гибким и подвижным телом, но и из-за того, что вдобавок к этому борцы соревнуются трижды, ведь именно столько раз одному нужно бросить другого на землю. В то время как элидцы считают странным, если победа в панкратионе или кулачном бое достанется кому-то «без пыли», они не воспевают этого борцам, потому как закон гласит, что подобная победа допускается только в приносящей муки и “круглой”¹⁶⁶ борьбе»). В борьбе ценилась не столько сила, сколько красота приемов, свидетельство чему мы находим даже у Галена, пренебрежительное отношение которого к единоборствам хорошо известно. В трактате “De sanitate tuenda” он рекомендует прекратить тренировку, когда человек начинает выполнять борцовские захваты «с меньшим изяществом»

¹⁶⁶ Подробнее см.: Янзина Э.В., Корнеев О.В. О значении выражения γυρὰ πάλη в трактате Филострата «О гимнастике» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. 28. С. 1617–1629.

(ἀσχημονεστέρως) (Gal. *San. Tu.* II 7 K VI 129). Интеллектуальный характер этого вида спорта позволяет назвать его одним из высших проявлений эллинского агонального духа¹⁶⁷. Необходимо также сказать, что борьба более прочих видов спорта подверглась систематическому изучению, которое началось еще в V в. до н.э. и продолжалось вплоть до поздней античности: в диалоге Платона «Софист» упоминается не дошедшее до нас сочинение Протагора, посвященное борьбе (Pl. *Sph.* 232de), а в «Гимнастике» Филострата относительно физических качеств будущих борцов даются подробнейшие указания, которым отведена самая пространная глава этого сочинения (Philostr. *Gymn.* 35). Очень рано борьба была перенесена и на италийскую почву: вместе с кулачным боем и бегом она была заимствована древними жителями Италии у греков-колонистов и нашла отражение в настенных росписях этрусских гробниц¹⁶⁸. Несмотря на то, что римляне, среди которых Гален провел большую часть своей жизни, отдавали предпочтение кулачному бою¹⁶⁹, для него как для носителя эллинской культуры борьба по умолчанию оставалась главным видом спорта. Впрочем, впоследствии мы увидим некоторые его критические замечания, направленные против борцов.

2.3.2. Панкратион и кулачный бой¹⁷⁰

По сообщению Филострата, везде, за исключением Олимпии, панкратион ценился выше всех прочих состязаний, хотя и состоял «из несовершенной борьбы и несовершенного кулачного боя» (Philostr. *Gymn.* 11). Панкратион, довольно поздно ставший частью Олимпийских игр¹⁷¹, отличался

¹⁶⁷ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 104–105.

¹⁶⁸ Harris H.A. *Sport in Greece and Rome*. Ithaca, New York, 1985. P. 45.

¹⁶⁹ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 104.

¹⁷⁰ Подробнее о панкратионе и кулачном бое см.: Poliakoff M. *Combat Sports in the Ancient World. Competition, Violence, and Culture*. New Haven and London, 1987. P. 54–64, 68–88.

¹⁷¹ Павсаний сообщает, что соревнования в панкратионе были включены в программу Олимпийских игр в тридцать третью олимпиаду (Paus. V, 8 11). Борьба, в свою очередь, была частью Олимпийских игр с восемнадцатой олимпиады, а кулачный бой – с двадцать третьей (Paus. V, 8 7–8; Philostr. *Gymn.* 12). Панкратион позднее, чем борьба и кулачный бой, распространился и в Италии. Первое его упоминание в римской литературе мы находим у Плавта (Plaut. *Bacch.* 248).

большой свободой действий: правилами позволялись любые приемы борьбы или кулачного боя, запрещено было только кусать соперника, разрывать мягкие части тела и пытаться выдавить ему глаза (последнее действие обозначалось термином ὀρύττειν, «рыть»¹⁷²). Что до кулачного боя, то и его греки считали самым травмоопасным занятием¹⁷³. О плачевных последствиях занятий панкратионом и кулачным боем Гален в красках сообщает в «Протрептике» (Gal. *Protr.* 12, 2): ἐνίων δὲ καὶ τὰ πρόσωπα παντάπασιν ἄμορφα καὶ δυσειδῆ κατέστησαν καὶ μάλιστα τῶν παγκράτιον ἢ πυγμὴν ἀσκησάντων. ὅταν δὲ καὶ τῶν μελῶν <τι> τελέως ἀποκλάσῃσιν ἢ διαστρέψῃσιν ἢ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐκκόψῃσι, τότε οἶμαι τότε καὶ μάλιστα τὸ <ἐκ> τῆς ἐπιτηδεύσεως αὐτῶν ἀποτελούμενον κάλλος ἐναργῶς ὀρᾶσθαι («Лица некоторых сделались совершенно безобразными и уродливыми, особенно тех, кто упражнялся во всеборье и кулачном бое. Когда же, наконец, они сокрушат или вывернут какой-нибудь из суставов, или выбьют глаз, тогда-то, я думаю, тогда особенно отчетливо видна красота, ставшая результатом их занятия»¹⁷⁴). В этом же сочинении Гален иронически замечает, что если бы до соревнований были допущены животные, то в кулачном бое победу одержал бы бык, а в панкратионе – осел (Gal. *Protr.* 13, 9). При этом о борьбе, что довольно показательно, он не говорит ни слова¹⁷⁵. Отношение Галена к панкратиону и кулачному бою можно охарактеризовать

¹⁷² Янзина Э.В., Корнеев О.В. Об интерпретации некоторых терминов-агонимов в Pollucis Onomasticon III, 149–150, 155 // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 1210.

¹⁷³ Poliakoff M. *Combat Sports in the Ancient World. Competition, Violence, and Culture*. New Haven and London, 1987. P. 68.

¹⁷⁴ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 862).

¹⁷⁵ В «Протрептике» с его беспощадной иронией, направленной против профессиональных атлетов, борьба всего один раз упомянута в негативном ключе, причем в очень мягких выражениях: τίς δ' οὐκ οἶδεν, ὥς καὶ τοὺς θεοὺς δι' οὐδὲν ἄλλ' ἢ διὰ τὰς τέχνας ἐπαινοῦμεν, οὕτως καὶ τῶν ἀνθρώπων τοὺς ἀρίστους θείας ἀξιωθῆναι τιμῆς, οὐχ ὅτι καλῶς ἔδραμον ἐν τοῖς ἀγῶσιν ἢ δίσκον ἔρριψαν ἢ διεπάλαισαν, ἀλλὰ διὰ τὴν ἀπὸ τῶν τεχνῶν εὐεργεσίαν («Кто не знает, что подобно тому, как боги прославляются именно за искусства, так и лучшие из людей были удостоены божественной почести не потому, что хорошо пробежали на состязаниях, метнули диск или вышли победителем в борьбе, но за благодеяние, доставленное искусствами?»).

как крайне негативное, однако не упомянуть их среди основных видов спорта он не может ввиду их популярности.

2.3.3. Бег¹⁷⁶

Бег, упомянутый Галеном в последнюю очередь, был древнейшим олимпийским видом спорта (Paus. V, 8 6; Philostr. *Gymn.* 12). Античная атлетика знала несколько видов соревнований в беге: бег на один стадий¹⁷⁷ (именно он был единственной дисциплиной первых Олимпийских игр), длинный бег¹⁷⁸, бег в доспехах¹⁷⁹ и двойной бег¹⁸⁰ (Philostr. *Gymn.* 3). Бег не вызывает у Галена, отторжения, подобно панкратиону или кулачному бою, но и о нем он отзывается довольно холодно. В трактате «Об упражнении с маленьким мячом» он пишет (Gal. *Parv. Pil.* 3, 5 K V 905–906, 909): <ἀλλ'> ἴσως οἰήσῃ με δρόμον ἐπαινεῖν καὶ τᾶλλ' ὅσα λεπτύνει τὸ σῶμα γυμνάσια. τὸ δ' οὐχ οὕτως ἔχει. τὴν γὰρ ἀμετρίαν ἐγὼ πανταχοῦ ψέγω, καὶ πᾶσαν τέχνην ἀσκεῖν φημι χρῆναι τὸ σύμμετρον, κἂν εἴ τι μέτρου στερεῖται, τοῦτ' οὐκ εἶναι καλόν. οὔκουν οὐδὲ δρόμους ἐπαινῶ τῷ τε καταλεπτύνειν τὴν ἑξιν καὶ τῷ μηδεμίαν ἄσκησιν ἀνδρείας ἔχειν <...> δρόμοι μὲν γὰρ ὥκεῖς πολλοὺς ἤδη διέφθειραν, ἀγγεῖον ἐπικαίρον ῥήξαντες («Но, возможно, ты подумаешь, что я одобряю бег или другие упражнения, которые изнуряют тело. Это не так. Ибо я порицаю любую неумеренность, и утверждаю, что всякое искусство должно развивать соразмерность, и даже если что-либо лишено меры, то это не хорошо.

¹⁷⁶ О беге подробнее см.: Miller S.G. *Ancient Greek Athletics*. New Haven and London, 2004. P. 31–46.

¹⁷⁷ Στάδιον. Мера длины, от которой этот вид бега получил свое название, не была в Греции единой: в Олимпии дистанция составляла 192,27 м, в Дельфах – 177,5 м, а в родном городе Галена Пергаме – 210 м (Gardiner, Norman E. *Athletics of the Ancient World*. Oxford, 1967. P. 128).

¹⁷⁸ Δόλιχος. Его дистанция могла составлять семь, двенадцать, двадцать или двадцать четыре стадия (Gardiner, Norman E. *Greek Athletic Sports and Festivals*. London, 1910. P. 270).

¹⁷⁹ Ὀπλίται (δρόμοι). Дистанция бега в доспехах могла совпадать с дистанцией двойного бега, о чем свидетельствует Павсаний (Paus. II, 11 8). Первоначально атлеты должны были бежать в полном вооружении – такая практика дольше всего, вплоть до римского времени, сохранялась на Элевтериях в Платее (Philostr. *Gymn.* 8), но обычно под доспехами подразумевался щит и иногда шлем. В Немее дистанция этого бега совпадала с дистанцией конских скачек и составляла четыре стадия (Jüthner, Julius. *Philostratos über Gymnastik*. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 196).

¹⁸⁰ Δίαυλος. Дословно этот термин переводится как «двойная флейта», и, вероятно, соревнования в двойном беге получили такое название благодаря тому, что атлет во время бега словно изображает этот музыкальный инструмент. Его дистанция составляла два стадия.

Следовательно, я не одобряю и бег, поскольку он изнуряет состояние [тела] и никак не развивает храбрость <...> Ведь быстрый бег погубил уже многих вследствие разрыва жизненно важного сосуда»¹⁸¹).

Таким образом, борьба, панкратион, кулачный бой и бег в современную Галену эпоху считались базовыми видами спорта. Если к первому он питает определенное уважение, вызванное, впрочем, скорее культурными традициями, чем медицинскими соображениями, то на панкратион и кулачный бой он обрушивается с яростной критикой, а бег считает вредным, пусть и в меньшей степени. Впоследствии мы увидим, что дело обстоит не так однозначно, как может показаться после чтения гневных отповедей «Протрептика», а сейчас перейдем к наименованиям второстепенных упражнений, некоторые из которых представляют с терминологической точки зрения немалый интерес.

2.3.4. Вспомогательные упражнения

Для удобства еще раз приведем список занятий, которые Гален присовокупляет к борьбе, панкратиону, кулачному бою и бегу (Gal. *San. Tu.* II 8, K VI 134): τὸ πιτυλίζειν, τὸ ἐκπλεθρίζειν, τὸ σκιομαχεῖν, τὸ ἀκροχειρίζεσθαι, τὸ ἄλλεσθαι, τὸ δίσκον βάλλειν καὶ ἀποτομάδα καὶ διὰ κωρύκου καὶ διὰ σφαίρας, ἢ μικρᾶς ἢ μεγάλης, καὶ δι' ἀλτήρων ἐκπονῆσαι τὸ σῶμα («махи руками, челночный бег, бой с тенью, тренировочные поединки, прыжки, метание диска и дротика, упражнения с боксерским мешком и мячом, малым и большим, с галтерами»). Если такие античные виды спорта, как прыжки¹⁸² и метание диска¹⁸³ широко известны, то другие упомянутые Галеном виды упражнений нуждаются в комментариях.

Πιτυλίζειν

¹⁸¹ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Об упражнении с маленьким мячом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, №1. С. 256, 258).

¹⁸² См.: Gardiner N.E. *Athletics of the Ancient World*. Oxford, 1967. P. 144–153.

¹⁸³ См.: Ibid. P. 154–168.

Спортивный термин *πιτυλίζειν*, по-видимому, не был в греческой литературе распространенным¹⁸⁴, он отсутствует и в атлетических разделах «Ономастикона» Юлия Поллукса, и в «Гимнастике» Филострата. Помимо “*De sanitate tuenda*” этот глагол встречается только у Орибасия, цитирующего этот трактат (Orib. VI, 14), а также в схолиях к «Осам» Аристофана (Sch. in Vesp. 678d) и в энциклопедии «Суда» (Suid. Π 1669). Этимологически он связан с существительным *πίτυλος*¹⁸⁵ («взмах весла», «поток», «удар»), то есть здесь мы имеем дело с метафорой, заимствованной в спортивный лексикон из бытовой сферы. Схолиаст приводит этот глагол в качестве синонима к однокоренному с ним – и также очень редкому – глаголу *πιτυλεύειν*. Аристофан употребляет его в значении «налегать на весла», то есть блуждать или скитаться (Ar. *Vesp.* 678). При этом в одном фрагменте анонимной комедии мы находим сравнение с кулачным бойцом, в котором использован этот же глагол (Com. Adesp. 3, 1): ἄγε δ' ἀνδρείως ὥσπερ πύκτης ἀφίδρωσον καὶ πιτύλευσον («А ну-ка храбро, как кулачный боец, пропотей и поразмахивай руками»). На редкость этого термина дополнительно указывает и то, что Гален счел необходимым объяснить его значение читателю (Gal. *San. Tu.* II 10, К VI 144): τὸ δὲ πιτυλίζειν, ἐπειδὴν ἐπ' ἄκρων τῶν ποδῶν βεβηκὼς ἀνατείνας τὸ χεῖρε κινῇ τάχιστα, τὴν μὲν ὀπίσω φέρων, τὴν δὲ πρόσω. μάλιστα δὲ τοίχῳ προσιστάμενοι γυμνάζονται τοῦτο τὸ γυμνάσιον, ἵν', εἰ καὶ ποτε σφάλλοιντο, προσαψάμενοι τοῦ τοίχου ῥαδίως ὀρθῶνται· καὶ οὕτω δὴ γυμναζομένων λανθάνει τε τὰ σφάλματα καὶ ἀσφαλέστερον γίνεται τὸ γυμνάσιον («А махи руками¹⁸⁶ – это когда человек, встав на мыски, вытягивает руки и как можно быстрее ими двигает, вращая одну назад, а другую вперед. Чаше всего это упражнение выполняют, встав у стены, чтобы в случае падения ухватиться

¹⁸⁴ В древнегреческо-русских словарях Вейсмана и Дворецкого это слово не учтено.

¹⁸⁵ Гален в своем лексиконе вышедших из употребления слов, встречающихся у Гиппократы, приводит в качестве синонима к *πίτυλος* такие существительные, как *εἰρεσία* («гребля») и *κόπη* («весло», «рукоять весла») (Gal. *Gloss.* Π К XIX 131). О латинском слове *pitulus*, входящем в мореходный лексикон, см.: Павлова О.С. К вопросу об интерпретации выражения *pitulus septe-semiodialis* (CIL X 3480 = Dess. 2880 и CIL X 3481 = Dess. 2881) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. 20. С. 830–833.

¹⁸⁶ Ряд переводчиков, к примеру, И. Джонстон и Э. Фельзенхельд предпочли транслитерированные варианты перевода “*pitulism*” и “*le pitylisme*”. П. Сингер предложил перевод “*sweeping*”, «гребля (руками)».

за нее и без труда выпрямиться: так ошибки упражняющихся незаметнее, а упражнение безопаснее»). Заманчивым выглядит предположение, что Гален, прекрасно знакомый со словоупотреблением аттической комедии, ввел термин *πιτυλίζειν* в качестве более точного аналога глагола *πιτυλεύειν*. Впрочем, не менее вероятно, что это слово было заимствовано из не дошедших до нас сочинений профессиональных гимнастов, например, Теона Александрийского, которые Гален использовал при написании своего трактата (*Gal. San. Tu.* II, 8 K VI 135).

Ἐκπλεθρίζειν

Этот термин представляет собой еще большую редкость, чем предыдущий. Во всем корпусе древнегреческого языка, если не считать цитат из “*De sanitate tuenda*” у Орибасия (*Orib.* VI, 14), он употреблен всего дважды, причем оба раза Галеном (*Gal. San. Tu.* II, 8, 10 K VI 134, 144). Как и в случае с глаголом *πιτυλίζειν*, вопрос об авторстве этого термина пока что не может иметь однозначного решения. Гален сопровождал этот термин следующим объяснением (*Gal. San. Tu.* II 10, K VI 144): τὸ μὲν ἐκπλεθρίζειν ἐστίν, ἐπειδὴν τις ἐν πλέθρῳ πρόσω τε ἄμα καὶ ὀπίσω διαθέων ἐν μέρει πολλάκις ἐφ' ἑκάτερα χωρὶς καμπῆς ἀφαιρῇ τοῦ μήκους ἑκάστοτε βραχὺ καὶ τελευτῶν εἰς ἓν καταστῇ βῆμα («Челночный бег¹⁸⁷ – это когда человек бежит то в одну, то в другую сторону в пределах дистанции в один плетр без огибания меты, каждый раз частично укорачивая расстояние и заканчивая каждый отрезок постановкой ноги»). Этимология глагола *ἐκπλεθρίζειν* прозрачна – он образован от существительного *πλέθρον*, «плетр», древнегреческой меры длины, составлявшей одну шестую часть стадия, то есть около 31 м. Исходный глагол *πλεθρίζειν* является гапаксом – во всей греческой литературе он встречается только в одном месте «Характеров» Феофраста (*Thphr. Char.* 23, 2). Буквально он означает «пробежать дистанцию в плетр», но исходя из контекста его

¹⁸⁷ Джонстон и Фельзенхельд пользуются опять-таки транслитерированием (“ekplethrisism” и “I’ekpléthrisme”), Сингер передает этот термин английским “diminishing run”, «бег с уменьшением дистанции».

переносное значение определяется как «разглагольствовать», «хвастать» или «выдумывать небылицы»¹⁸⁸. Помимо очевидного наблюдения, что в античности практиковался челночный бег, напоминающий современное упражнение, галеновский пассаж позволяет сделать несколько выводов, касающихся практической стороны беговых упражнений. Во-первых, он служит свидетельством тому, что вопреки распространенному мнению, высказанному в том числе и А.-И. Марру¹⁸⁹, у греков были в употреблении дистанции короче одного стадия¹⁹⁰. Гален использует слово *πλέθρον* не в прямом значении меры длины, а для обозначения специального места, на котором отмерена соответствующая дистанция: словосочетание *ἐν πλέθρῳ* можно сравнить с выражением *ἐν σταδίῳ* (Call. *Fr.* 668; Plu. 521f; 1 *Ep. Cor.* 9, 24; Gal. *Purg. Med. Fac.* 2 К XI 328). Впрочем, известно, что на некоторых стадионах, в том числе и в Олимпии, отрезки длиной в плетр были отмечены небольшими каменными колоннами¹⁹¹, возможно, именно эти интервалы и подразумевает Гален. Отметим, что дополнительным доказательством существования бега на сверхкороткие дистанции является термин *πλέθρισμα*, то есть бег на дистанцию в один плетр, зафиксированный, правда, только в поздних источниках – лексиконах Гесихия (Hsch. Π 2506) и патриарха Фотия (Phot. Π 433). Во-вторых, этот пассаж демонстрирует, что в античной технике бега существовало два вида поворота¹⁹²: с огибанием поворотного столба, или меты, и без такого огибания, причем для последнего использовалось специальное выражение *χωρίς κάμψης*. Глагол *κάμπτω* («сгибать»), от которого образовано это существительное, имел спортивное значение – «огибать мету»

¹⁸⁸ LSJ: “draw the long bow”; Bailly: “discourir longuement”; Pape: “sich im Reden ergehen”, “großprahlen“, “aufschneiden”. В переводе «Характеров», выполненном Г.А. Стратановским – «плести небылицы». В русских словарях слово *πλεθρίζειν* отсутствует.

¹⁸⁹ Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Paris, 1965. P. 186.

¹⁹⁰ Добавим, что в «Описании Эллады» Павсания, одном из очень немногочисленных источников по женскому спорту в древности, говорится, что в беговых соревнованиях среди девушек дистанция стадиона была укорочена на одну шестую часть (Paus. V, 16 3). Подробнее об античном женском спорте см.: Golden M. *Sport and Society in Ancient Greece*. Cambridge, 1998. P. 123–140; Miller S.G. *Ancient Greek Athletics*. New Haven and London, 2004. P. 150–159.

¹⁹¹ Gardiner N.E. *Athletics of the Ancient World*. Oxford, 1967. P. 129.

¹⁹² Марру пишет, что вопрос о повороте бегунов остается открытым (Marrou H.-I. *Histoire de l'éducation dans l'antiquité*. Paris, 1965. P. 186).

в конных состязаниях (*S. El.* 744, *Theoc.* 24. 120) и «поворачивать в обратную сторону» при длинном (*δόλιχος*) или двойном (*δίαιλος*) беге (*A. Ag.* 344). Слово *καμπή*, в свою очередь, может означать «поворот» или «изгиб» вообще, а также «поворотный столб» (*Ar. Pax* 905). В схожем значении употреблялся и термин *καμπτήρ* (*Poll.* III, 147).

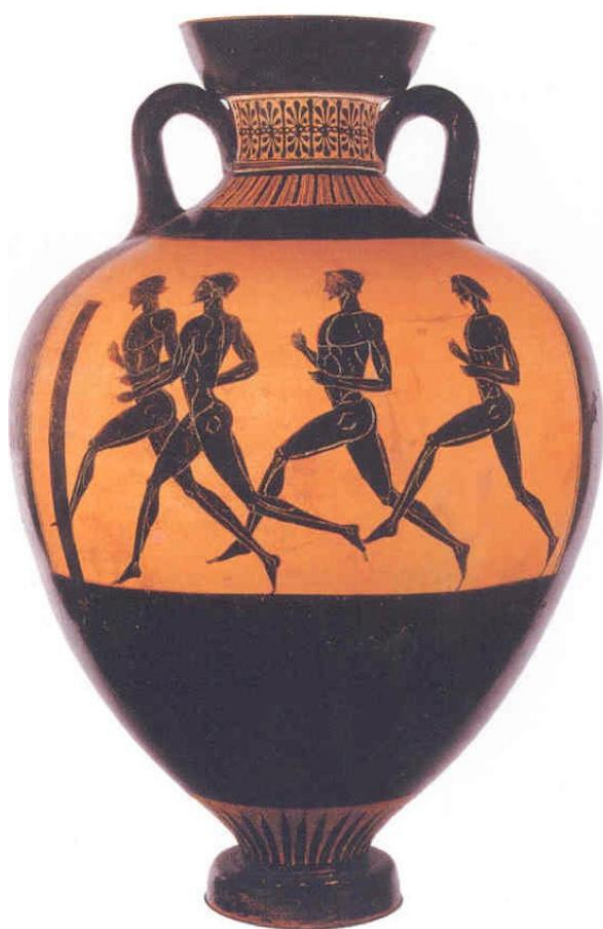

Рис. 1. Бегуны приближаются к поворотному столбу (*καμπτήρ*). Панафинейская амфора Берлинского вазописца (480–470 гг. до н.э.). The Metropolitan Museum of Art.

Σκιομαχεῖν

Глагол *σκιομαχεῖν* (более распространено было написание *σκιαμαχεῖν*) и существительное *σκιομαχία* (*σκιαμαχία*) по своему значению соответствуют современному бою с тенью, имеющему широкое применение в тренировках боксеров. О том, что это упражнение было частью подготовки кулачных

бойцов, сообщает Филострат, говоря, что до состязаний кулачный боец «будет показывать только бой с тенью» (Philostr. *Gymn.* 11). Гален подразумевает под этим упражнением удары руками (Gal. *San.Tu.* II, 11 K VI 146), однако сохранившийся Орибасием фрагмент сочинений Антиллы показывает, что это был не единственный способ его выполнения (Antyll. ap. Orib. VI, 29): δεῖ δὲ μὴ μόνον ταῖς χερσὶ σκιομαχεῖν, ἀλλὰ καὶ τοῖς σκέλεσι, ποτὲ μὲν ὥσπερ ἀλλομένους, ποτὲ δ' ὥσπερ λακτίζοντας («В бое с тенью нужно работать не только руками, но также и ногами, то будто подпрыгивая, то будто ударяя ногой»). Для боксерского боя с тенью, в котором задействованы только руки, существовал специальный термин χειρονομία, который в сочинениях Галена встречается всего один раз (Gal. *San.Tu.* V, 10 K VI 325). Антилл считает такой вид боя с тенью более щадящим упражнением в сравнении с классическим и рекомендует его детям, женщинам и старикам (Antyll. ap. Orib. VI, 30). Надо сказать, что и Гален упоминает бой с тенью в разделе, посвященном тренировкам людей пожилого возраста.

Термин σκιομαχεῖν был довольно рано заимствован из атлетического лексикона в основной и получил метафорическое значение «сражаться ради призрачных целей» (Pl. *R.* 520c) и «спорить по пустякам» (Luc. *Pisc.* 35), но у Галена он встречается только в прямом спортивном значении.

Ἀκροχειρίζεσθαι

Значение термина ἀκροχειρίζεσθαι и образованных от него ἀκροχειρισμός и ἀκροχείρησις исследователи объясняли по-разному. По мнению Н. Гардинера, под этим понятием подразумевалась, во-первых, облегченная разновидность тренировочного поединка, при котором руки бойцов не были сжаты в кулак¹⁹³, а во-вторых, начальная стадия поединка в панкратионе, когда соперники еще

¹⁹³ Gardiner N.E. *Greek Athletic Sports and Festivals*. London, 1910. P. 433. Подтверждение существования такой техники мы находим в изобразительном искусстве – см.: Fig. 184, 185 в “*Greek Athletic Sports and Festivals*”.

не оказались на земле¹⁹⁴. М. Поляков утверждает, что этот термин, имеющий отношение ко всем трем видам античных единоборств, связан с особой тактикой ведения боя, при которой между противниками сохранялась определенная дистанция¹⁹⁵. Наконец, Э.В. Янзина переводит ἀκροχειρίζεσθαι как «свободный легкий спарринг»¹⁹⁶. На наш взгляд, все три точки зрения вполне правомерны, так как примеры из греческой литературы допускают различные толкования этого термина. Так, в «Алкивиаде» Платона, когда Сократ противопоставляет понятия προσπλάιειν и ἀκροχειρίζεσθαι (Pl. Alc. 1 107e), очевидно, что речь идет о разнице в дистанции между противниками, а не о тренировочном бое. «Гимнастика» Филострата содержит два употребления термина ἀκροχειρίζεσθαι. В первом случае речь идет о панкратионе, причем ἀκροχειρίζεσθαι выступает в качестве синонима выражению τὸ ἄνω παγκράτιον, панкратиону в стойке (Philostr. Gymn. 36): τοιόσδε μὲν ὁ παλαιστής καὶ παγκρατιάσει γὰρ ὁ τοιόσδε τὸ κάτω παγκράτιον ἀκροχειριεῖται δὲ ἥττον («Борец такого склада сможет проявить себя и в панкратионе во время борьбы в партере, правда, в стойке он будет слабее»). Во втором случае Филострат описывает тренировочный бой, то есть «легкий спарринг», как его называет Э.В. Янзина: (Philostr. Gymn. 50): πύκται δὲ ἀκροχειρίζεσθων ἐλαφροὶ τε καὶ ἀερίζοντες¹⁹⁷ («Пусть кулачные бойцы свободно тренируют удары руками, нанося их по воздуху»). В словаре «Суда» для глагола ἀκροχειρίζεσθαι дается такое определение (Suid. A 1023): πυκτεύειν ἢ παγκρατιάζειν πρὸς ἕτερον ἄνευ συμπλοκῆς, ἢ ὅλως ἄκραις ταῖς χερσὶ μετ' ἄλλου

¹⁹⁴ Ibid. P. 439. Схожим образом объясняет одно из возможных значений этого термина Э. Райш: "Vorspiel zum wirklichen Kampf" (Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1 Band: Aal – Apollokrates. Stuttgart, 1894. Col. 1198).

¹⁹⁵ Poliakoff M. Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports // Beiträge zur klassischen Philologie, 146. Königstein im Taunus, 1982. P. 27.

¹⁹⁶ Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. 20. С. 1155.

¹⁹⁷ Лукиан описывает также атлетов, наносящих удары ногами по воздуху (Luc. Anach. 4): εἰς τὸ ἄνω συναλλόμενοι λακτίζουσιν τὸν ἀέρα («Подпрыгивая вверх, они бьют воздух ногами»).

γυμνάζεσθαι («Сходиться в кулачном бою или панкратионе без захватов или вообще тренировать удары руками с партнером»).

Гален, по всей видимости, пользуется терминами ἀκροχειρίζεσθαι и ἀκροχειρίχμῶς в значении «тренировочный поединок» в панкратионе или кулачном бое. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что он всегда упоминает это упражнение в одном ряду с боем с тенью (Gal. *San. Tu.* II 8, 10, 11 K VI 134, 144, 146 – вместе со σκιομαχία; Gal. *San. Tu.* V, 10 K VI 325 – вместе с χειρονομία). Существовала традиция использования этого упражнения в терапевтических целях: к примеру, в одном из трактатов гиппократовского корпуса оно рекомендуется людям, страдающим от расстройства желудка (Hr. *Vict.* 81).

2.3.5. Спортивные снаряды

Ἀποτομάς

Существительное ἀποτομάς и его разновидности ἀποτομεύς (Poll. III 151) и ἀποτομή (EM A 1070) крайне редко используются для обозначения дротика в греческой литературе. Гораздо чаще можно встретить такие термины, как ἄκων¹⁹⁸, ἀκόντιον (Pl. *Lg.* 794c; Plu. *Per.* 36, 5) и μεσάγκυλον¹⁹⁹ (E. *Ph.* 1141; *Andr.* 1133; Plu. *Phil.* 6, 8). Термин ἀποτομάς восходит к глаголу ἀποτέμνω («отрезать»), и Ютнер, привлекая памятники изобразительного искусства, наглядно показывает, что дротик, который метали атлеты, представлял не что иное, как деревянный обрубок, причем обычно с тупым, а не заостренным концом²⁰⁰. При этом Ю. Ютнер пишет, что термин ἀποτομάς был введен поздними грамматиками²⁰¹, однако это спорное утверждение: вполне можно допустить, что Гален употребил его раньше Поллукса (Poll. X, 64), бывшего его современником, и что, соответственно, приведенный выше

¹⁹⁸ Самое раннее обозначение дротика, встречающееся уже у Гомера (*Il.* XV 709; *Od.* XIV 531).

¹⁹⁹ О происхождении этого названия и термине ἀγκύλη см.: Jüthner J. *Über antike Turngeräthe.* Wien, 1896. S. 39–45.

²⁰⁰ Jüthner J. *Über antike Turngeräthe.* Wien, 1896. S. 37–38, 40–41.

²⁰¹ Ibid. S. 37.

пассаж из “De sanitate tuenda” является первым дошедшим до нас контекстом, где встречается слово ἄλτομας. Хотя точная датировка “De sanitate tuenda” не представляется возможной, Сингер предполагает, что трактат был создан в начале 190-х годов н.э.²⁰². Впрочем, он же замечает, что разные книги, составившие это труд, могли писаться в разное время, а также упоминает существующую в науке точку зрения, что Гален написал “De sanitate tuenda” в 170-х годах н.э.²⁰³. Что касается «Ономастикона» Поллукса, то он, по всей вероятности, был создан в годы самостоятельного правления императора Коммода, то есть между 180 и 192 годами н.э. Так или иначе, отсутствие со стороны Галена каких-либо пояснений означает, что это был к моменту написания трактата вполне распространенный термин, и, мы, конечно, вряд ли можем поставить ему в заслугу изобретение этого понятия.

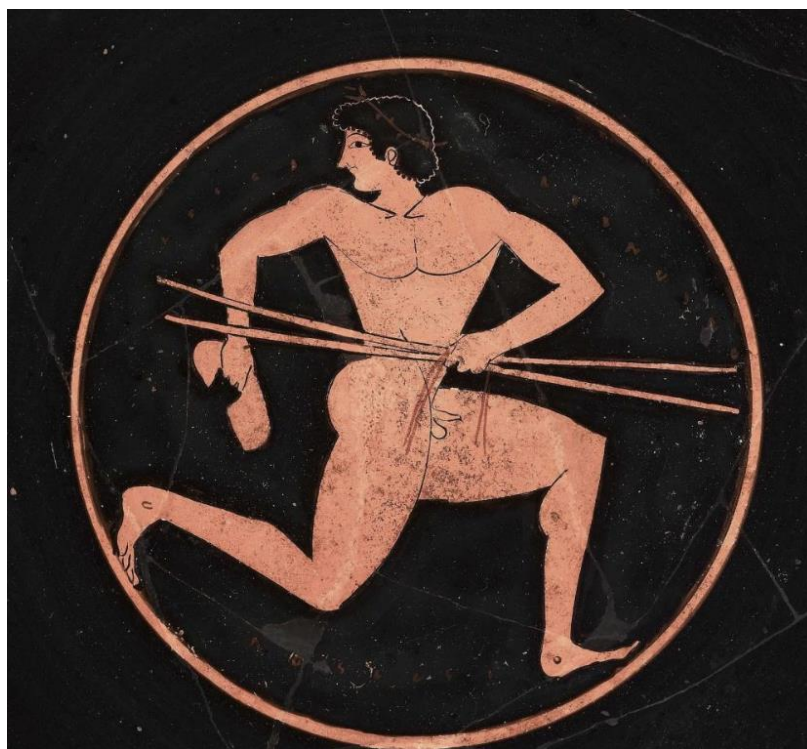

Рис. 2. Атлет, держащий дротики и галтер. Краснофигурный килик (510–500 гг. до н.э.).
Museum of Fine Arts, Boston. № 95.35.

²⁰² Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 78.

²⁰³ Ibid. P. 69.

Κώρυκος

Гален не дает подробных указаний относительно упражнений с задействованием боксерского мешка (διὰ τοῦ κωρύκου γυμνάσιον), однако мы можем составить о них некоторое представление благодаря «Гимнастике» Филострата (Philostr. *Gymn.* 57): κώρυκος δὲ ἀνήφθω μὲν καὶ πύκταις, πολὺ δὲ μᾶλλον τοῖς ἐπὶ τὸ παγκράτιον φοιτῶσιν. ἔστω δὲ κοῦφος μὲν ὁ πυκτικός, ἐπειδὴ καιροῦ γυμνάζονται μόναι αἱ τῶν πυκτῶν χεῖρες, ὁ δὲ τῶν παγκρατιαστῶν ἐμβριθέστερος καὶ μείζων, ἵνα γυμνάζοιντο μὲν τὴν βάσιν ἀνθιστάμενοι τῇ τοῦ κωρύκου ἐπιφορᾷ, γυμνάζοιντο δὲ ὦμους τε καὶ δακτύλους ἐς ἀντίπαλόν τι παίοντες. ἢ κεφαλὴ ἐναραπτέτω καὶ πάντα ὁ ἀθλητὴς ὑποκείσθω τοῦ παγκρατίου τὰ ὀρθὰ εἶδη («Боксерский мешок должен быть подвешен²⁰⁴ и для кулачных бойцов, но еще больше он нужен тем, кто занимается панкратионом. Для первых годится легкий мешок, потому как руки кулачных бойцов учатся только своевременному удару, а для вторых мешок пусть будет потяжелее и побольше²⁰⁵, чтобы они и учились твердо стоять на ногах, когда он на них налетает, и тренировали плечи и пальцы, ударяя по нему, как по противнику. Пусть атлет бьет по мешку головой и тренирует на нем все виды приемов панкратиона в стойке»).

²⁰⁴ Согласно Антилли, мешок должен висеть на такой высоте, чтобы его низ находился на одном уровне с пупком атлета (Antyll. ap. Orib. VI, 33). Антилл также сообщает, что мешок мог наполняться фиговыми зернышками или оливковыми косточками, мукой или песком (Ibid.).

²⁰⁵ Легкий мешок: см.: Fig. 49 в “Greek Athletic Sports and Festivals”, тяжелый – Fig. 50 там же.

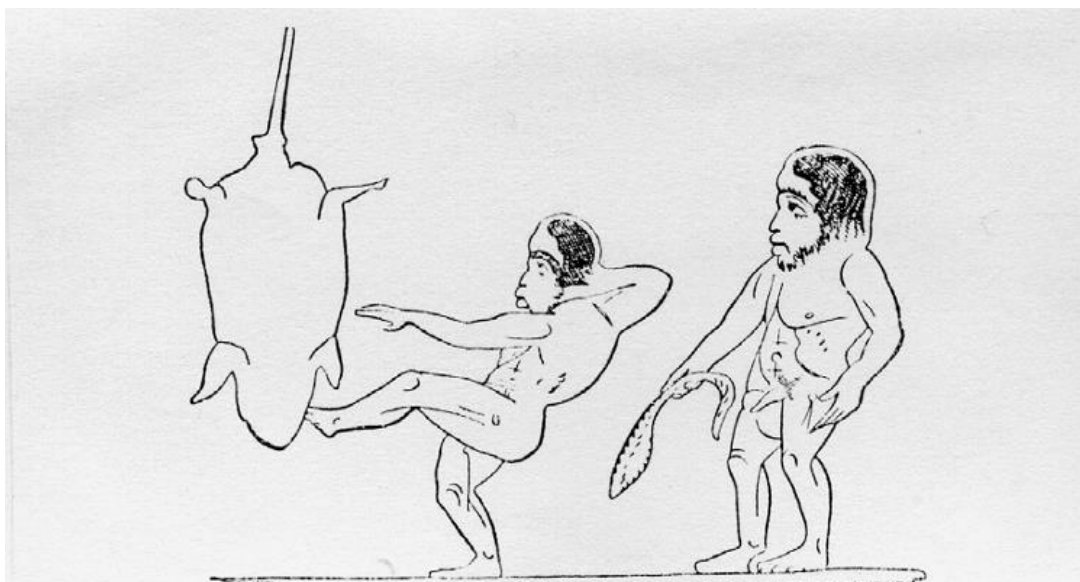

Рис. 3. Кóρυκος. Чернофигурная пелика (ок. 420 г. до н. э). Санкт-Петербург, Эрмитаж, 1611.

Σφαίρα

Игра в мяч занимала в античную эпоху особое положение. С одной стороны, этот вид спорта никогда не был частью общегреческих состязаний и не нашел в литературе такого отражения, какое получили, например, гонки колесниц в одах Пиндара. Это объясняется, возможно, тем, что при всем соревновательном духе, присущем эллинской культуре, в игре в мяч не было победителя, и зрителей интересовало в первую очередь мастерство игроков, а не результаты их противостояния²⁰⁶. Кроме того, эта была командная игра, а греческий спорт – сугубо индивидуальное занятие. С другой стороны, многие выдающиеся личности древности посвящали свой досуг этой игре, считавшейся благопристойной и даже полезной забавой как греками, так и римлянами.

Первые упоминания этого спортивного занятия содержатся у Гомера. В одной сцене «Одиссеи» царица Навсикая забавляется игрой в мяч с подругами (Hom. *Od.* VI, 100), в другой на пиру, устроенном отцом Навсикаи Алкиноем, исполняется пляска, участники которой подбрасывают и ловят мяч (Hom. *Od.* VIII, 370–377). В «Евтидеме» Платона впервые, по всей видимости, в

²⁰⁶ Harris H.A. Sport in Greece and Rome. Ithaca, New York. 1985. P. 80.

греческой литературе используется заимствованная из этой игры метафора²⁰⁷: о собеседнике Сократа Дионисодоре говорится, что он «подхватил слово, будто мяч» (Pl. *Euthd.* 277b).

В «Характерах» Феофраста мы находим довольно редкий термин σφαιρίστίριον (Thphr. *Char.* 5, 9), «сферистерий», то есть площадка для игры в мяч, имевшаяся в некоторых гимназиях. В греческой литературе он больше не встречается, однако мы располагаем эпиграфическими памятниками с упоминанием сферистерия²⁰⁸. Впоследствии это слово было заимствовано в латинский язык, где получило форму *sphaeristerium*: Плиний Младший сообщает, что такой площадкой оборудована его вилла (Plin. *Epist.* II, 17).

Наибольшего распространения игра в мяч достигла именно в Риме. Среди ее любителей можно назвать, например, Цезаря, Мecenата, Августа и Сенеку²⁰⁹. Благодаря эпиграммам Марциала, в которых она упоминается множество раз, мы знаем, что существовало несколько видов мячей, предназначенных для разных игр: *pila*, *follis*, *harpastum*, *paganica*, *trigon* и *trigonalis* (Mart. II, 7; IV, 19; VII, 32; XII, 82; XIV, 46). Последние два мяча использовались в игре, известной под названием «треугольника». Эта игра сводилась к тому, что три участника, встав по углам нарисованного на земле треугольника, перебрасывали друг другу мяч²¹⁰. Проигравшим оказывался тот, кто упустил больше всего мячей. Существовала также игра, чем-то похожая на современный баскетбол: две команды должны были перебросить мяч через ряд противников, причем позади была проведена черта. Та команда, которой приходилось ее переступить, проигрывала²¹¹. Суть игры, обозначавшейся термином ἀρπαστόν (от греческого глагола ἀρπάζω, то есть «похищать», «захватывать»), от которого и получил свое название третий вид мяча,

²⁰⁷ Harris H.A. *Sport in Greece and Rome*. Ithaca, New York. 1985. P. 83.

²⁰⁸ Roux G. À propos des gymnases de Delphes et de Délos. Le site du Damatirion de Delphes et le sens du mot *sphairistérion* // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 104-1, 1980. P. 134.

²⁰⁹ Сергеев М. Жизнь древнего Рима. СПб., 2022. С. 175.

²¹⁰ Там же. С. 175–176.

²¹¹ Там же. С. 176.

состояла, вероятно, в том, что один из игроков должен был перехватить мяч, перебрасываемый его противниками. По свидетельству Афиней, упоминающего такую игру, в борьбе за обладание мячом порой использовались борцовские приемы (Ath. I, 25–26): τὸ δὲ καλούμενον διὰ τῆς σφαίρας ἄρπαστὸν φαίνινδα ἐκαλεῖτο, ὃ ἐγὼ πάντων μάλιστα ἀσπάζομαι. πολὺ δὲ τὸ σύντονον καὶ καματηρὸν τῆς περὶ τὴν σφαιριστικὴν ἀμίλλης τό τε κατὰ τοὺς τραχηλισμοὺς ῥωμαλέον («Игра в мяч, носящее название “гарпастон”, прежде называлась “фенинда”. Мне она особенно по нраву. Схватка за обладание мячом крайне напряженна и изнурительна и отличается крепкими захватами шеи»).

В интересующем нас отрывке Гален упоминает только две разновидности мячей – большой и маленький, которые обозначаются одним и тем же словом “σφαίρα”. Считается, что большой мяч мог представлять собой надутый пузырь – именно такой мяч и назывался латинским термином *follis*²¹². Существовал также большой мяч, набитый шерстью, он назывался *pila*²¹³. Маленький мяч обычно был набит или шерстью, или перьями²¹⁴. Он использовался в одноименной с ним игре «гарпастон». В одном из своих трактатов Гален приводит описание изготовления первого мяча: (Gal. *Nat.Fac.* I, 7 К II 17) τὰς κύστεις τῶν ὑῶν λαβόντες οἱ παῖδες πληροῦσί τε πνεύματος καὶ τρίβουσιν ἐπὶ τῆς τέφρας πλησίον τοῦ πυρός, ὥς ἀλεαίνεσθαι μὲν, βλάπτεσθαι δὲ μηδέν· καὶ πολλή γ' αὕτη ἡ παιδιὰ περὶ τε τὴν Ἰωνίαν καὶ ἐν ἄλλοις ἔθνεσιν οὐκ ὀλίγοις ἐστίν. ἐπιλέγουσι δὲ δὴ καὶ τιν' ἔπη τρίβοντες ἐν μέτρῳ τέ τι καὶ μέλει καὶ ῥυθμῷ καὶ ἔστι πάντα τὰ ῥήματα ταῦτα παρακέλευσις τῇ κύστει πρὸς τὴν αὔξησιν («Дети берут свиной мочевой пузырь, надувают его и трут его в пепле около огня, чтобы он нагревался, но не лопался. Эта игра очень распространена в Ионии и у многих других народов. При этом дети, когда трут пузырь, напевают

²¹² Sweet W.E. *Sport and Recreation in Ancient Greece: A Sourcebook with Translations*. New York, 1987. P. 96.

²¹³ Ibid. P. 96.

²¹⁴ Harris H.A. *Sport in Greece and Rome*. Ithaca, New York, 1985. P. 79.

какую-то песенку, не лишенную размера, мелодии и ритма. Все ее слова сводятся к приказаниям, чтоб он сильнее рос»).

Об упражнениях с большим мячом Гален сообщает только то, что они задействуют верхнюю часть туловища (Gal. *San.Tu.* VI, 14 К VI 445), но маленькому мячу, как мы уже имели возможность заметить, он посвятил специальный трактат «Об упражнении с маленьким мячом». Ни название описываемой игры, ни ее правила в этом сочинении не упоминаются, однако можно с уверенностью утверждать, что Гален говорит именно о так называемом гарпаstone²¹⁵. Особенно показательным в этом отношении представляется следующий пассаж (Gal. *Parv.Pil.* 2): ὅταν μὲν γὰρ συνιστάμενοι πρὸς ἀλλήλους καὶ ἀποκωλύοντες ὑφάρπασαι τὸν μεταξύ διαπονῶσι, μέγιστον αὐτὸ καὶ σφοδρότατον καθίσταται πολλοῖς μὲν τραχηλισμοῖς, πολλαῖς δ' ἀντιλήψεσι παλαιστικάῃς ἀναμεμιγμένον, ὥστε κεφαλὴν μὲν καὶ αὐχένα διαπονεῖσθαι τοῖς τραχηλισμοῖς, πλευρὰς δὲ καὶ θώρακα καὶ γαστέρα ταῖς τε τῶν ἀμμάτων περιθέσει καὶ ἀπώσεσι καὶ ἀποστηρίξεσι καὶ ταῖς ἄλλαις παλαιστικάῃς λαβαῖς («Ибо когда состязаются, стоя друг против друга и мешая находящемуся в центре перехватить [мяч], упражнение бывает весьма тяжким и требующим больших усилий, поскольку оно сопровождается многочисленными удушениями, многочисленными борцовскими приемами, так что голова и шея напрягаются от этих удушений, а бока, грудь и живот – от обхватов, толчков, упираний и прочих борцовских приемов»²¹⁶). В четвертом разделе настоящей главы мы прокомментируем использованные в этом отрывке термины и корректность их перевода, а пока вернемся к технической стороне описываемого упражнения. Упражнение с маленьким мячом позволяет тренировать не только верхнюю часть туловища, но и ноги (Gal. *Parv.Pil.* 4): τὸ μὲν γὰρ ἐκ διαστήματος ἱκανοῦ βάλλειν εὐτόνως, ἢ οὐδὲν τοῖς σκέλεσιν ἢ παντάπασιν ὀλίγα χρώμενον, ἀναπαύει

²¹⁵ Wenkebach E. Galenos von Pergamon: Allgemeine Ertüchtigung durch Ballspiel: Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Bd. 31, H. 4/5, 1938. S. 275–279.

²¹⁶ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Об упражнении с маленьким мячом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, №1. С. 258).

μὲν τὰ κάτω, τὰ δ' ἄνω κινεῖ σφοδρότερον· τὸ δ' ἐπὶ πλέον διαθέοντα καὶ ὠκέως ἐκ πολλῶν διαστημάτων ὀλιγάκις προσχρῆσθαι τῇ βολῇ τὰ κάτω μᾶλλον διαπονεῖ «Ибо кто сильно бросает [мяч] с приличного расстояния, или вообще не используя ноги, или используя их мало, тот дает отдых нижним конечностям, а верхние двигает сильнее. А кто больше бежит и производит быстрые, но редкие броски с больших расстояний, тот больше напрягает нижние конечности»). Последняя техника игры упоминается и в “De sanitate tuenda” (Gal. *San.Tu.* II, 10 K V 144): διὰ <...> τῆς σμικρᾶς σφαίρας γυμνάσιον, ὅταν ἐκ διεστώτων τε καὶ διαθεόντων γίνηται («упражнение с маленьким мячом, когда игроки находятся на расстоянии друг от друга и бегают то туда, то сюда»). Наконец, это упражнение, согласно Галену, развивает зрение (Gal. *Parv.Pil.* 3) и тренирует дыхание (Gal. *Parv.Pil.* 4).

Рис. 4. Юноша с мячом. Лутрофор (1-ая пол. IV в. до н.э.). Афины, Национальный археологический музей. №873.

Ἀλτήρες

Галтеры использовались в первую очередь прыгунами – это были утяжеления, которые атлет выносил вперед при махе руками, позволявшие совершить более длинный прыжок. По мнению Филострата, они были необходимы и для устойчивого и четкого приземления (Philostr. *Gymn.* 57). Однако прыжками сфера их применения не ограничивалась, и галтеры можно уподобить современным гантелям (Philostr. *Gymn.* 57): γυμνάζουσι δὲ οἱ μὲν μακροὶ τῶν ἀλτήρων ὤμους τε καὶ χεῖρας, οἱ δὲ σφραιροειδεῖς καὶ δακτύλους. παραληπτέοι δὲ καὶ κούφοις ὁμοίως καὶ βαρέσιν ἐς πάντα γυμνάσια («Если при помощи больших галтер тренируются плечи и руки, то при помощи шарообразных и пальцы. Их следует использовать атлетам, занимающимся как легкими видами спорта, так и тяжелыми, во всех упражнениях»). Ю. Ютнер выделяет три возможные формы галтер, булавовидную (“Kolbenform”), шаровидную и цилиндрическую, и утверждает, что под «большими галтерами» подразумеваются галтеры, имеющие первую форму²¹⁷.

Эти спортивные снаряды не раз упоминаются в античной литературе, как греческой, так и римской²¹⁸, но трактат “De sanitate tuenda” предоставляет довольно редкую возможность увидеть различные техники упражнений, практиковавшихся с галтерами. Одно из них Гален описывает таким образом (Gal. *San.Tu.* II, 9 K V 141): εἴ τι βάρος ταῖς χερσὶν ἄκραις περιλαβὼν ἐκατέραις καταμόνας, οἷοίπερ οἱ κατὰ παλαίστραν εἰσὶν ἀλτήρες, ἀτρέμας ἔχει προτείνας ἢ ἀνατείνας αὐτάς («Если взять в каждую руку отдельный груз вроде тех галтер, которыми пользуются в палестрах, и держать руки неподвижно, вытянув их вперед или поднимая»). Описание второго упражнения имеет следующий вид (Gal. *San.Tu.* II, 11 K V 147): ἔνιοι μὲν γὰρ καταθέντες ἀλτήρας ἐν τῷ πρόσθεν διεστῶτας ἀλλήλων ὀργυιάν, εἴτ' ἐν τῷ μέσῳ στάντες αὐτῶν ἀναιροῦνται προκύπτοντες, τῇ μὲν δεξιᾷ χειρὶ τὸν ἐν τοῖς ἀριστεροῖς, τῇ δὲ ἀριστερᾷ τὸν ἐν τοῖς

²¹⁷ Jüthner J. Über antike Turngeräthe. Wien, 1896. S. 4., 11.

²¹⁸ Заимствованное слово halteres употребляет Марциал (Mart. VII, 67; XIV, 49), а Сенека говорит об упражнении рук с грузом (cum aliquo pondere manus motae) (Seneca *Ep.* 15, 4).

δεξιῶς, καὶ αὖθις ἑκάτερον εἰς τὴν οἰκείαν κατατίθενται χώραν καὶ τοῦτο δρῶσιν ἐφεξῆς πολλάκις ἀτρεμίζοντες τῇ βάσει («Некоторые кладут галтеры перед собой на расстоянии вытянутой руки друг от друга, затем они встают между ними и, наклоняясь, поднимают их – правой рукой те, которые лежат слева, а левой те, которые лежат справа. Потом они возвращают их на место и продолжают постоянно выполнять эти действия, не меняя положения ног»). Во всем корпусе галеновских текстов галтеры ни разу не упоминаются в качестве вспомогательных снарядов для прыжков. Что касается современной Галену медицинской традиции, связанной с галтерами, то здесь мы располагаем выдержкой из сочинений Антилла, сохраненной Орибасием. Антилл рекомендует упражнения с галтерами людям с расстройствами пищеварения и замечает, что они хорошо тренируют плечи, но от них мало толку голове и груди. Его описание разновидностей упражнений имеет немало общего с тем, которое предлагает Гален (Antyll. ap. Orib. VI, 34): διαφορὰ δ' ἐστὶν αὐτῶν τῶν ἀλτηρίων· ἢ γὰρ βάλλονται, παρὰ μέρος τῶν χειρῶν ἐκτεινομένων τε καὶ συγκαμπτομένων, ἢ κρατοῦνται μόνον, ἐν προτάσει τῶν χειρῶν ἡσυχάζουσῶν ὡς τὰ πολλὰ βραχεῖάν τε κίνησιν κινουμένων, αὐτῶν τε τῶν γυμναζομένων ἐμβαινόντων καὶ ἀνασειόντων τοῖς πύκταις ὁμοίως, ἢ κατὰ σύννευσιν τῆς ῥάχεως ταῖς χερσὶ παρεγκμπτόντων τῶν γυμναζομένων («Существуют различные упражнения с галтерами. Их можно выбрасывать вперед, поочередно вытягивая и сгибая руки. Можно просто неподвижно удерживать их на вытянутых руках, так чтобы они слегка колебались, при этом тот, кто выполняет упражнение, совершает движения ногами и раскачивается, подобно кулачным бойцам. А можно, чтобы упражняющиеся, согнув спину, нагибались [за галтерами] и тянулись к ним руками»).

2.3.6. Классификация по общим признакам

Спортивные дисциплины: τὰ κοῦφα и τὰ βαρύτερα

Нам кажется полезным, прежде чем мы продолжим разговор о галеновской классификации упражнений, сперва упомянуть о

существовавшем в античности противопоставлении легких (τὰ κοῦφα) и тяжелых (τὰ βαρύτερα) видов соревнований и упражнений. В «Законах» Платона в числе последних упоминается борьба (Pl. *Leg.* 833d): τὰ δὲ κατ' ἰσχύν, ἀντὶ μὲν πάλης καὶ τῶν τοιούτων, τὰ νῦν ὅσα βαρέα, τὴν ἐν τοῖς ὅπλοις μάχην («Что касается состязаний в силе, то вместо борьбы и других принятых теперь тяжелых упражнений будет введен бой с оружием»²¹⁹). Аристотель рекомендует ограничиться «более легкими» (κουφότερα) упражнениями при воспитании детей (Arist. *Pol.* 1338b), не вдаваясь, правда, в подробности относительно их сущности. Эсхин называет панкратион одним из тяжелых видов спорта (Aeschin. 3, 179), вторит ему Диодор Сицилийский, противопоставляющий панкратион и кулачный бой бегу (D.S. IV, 14 2): τὸν γὰρ πύκτην ἢ παγκρατιαστὴν τοῦ σταδίου δύσκολον περιγενέσθαι, καὶ πάλιν τὸν ἐν τοῖς κούφοις ἀθλήμασι πρωτεύοντα καταγωνίσασθαι τοὺς ἐν τοῖς βαρέσιν ὑπερέχοντας δυσχερὲς κατανοῆσαι («Кулачному бойцу или панкратиасту нелегко победить бегуна, и наоборот, трудно представить, чтобы первенствующий в легких состязаниях, одолел тех, кто занимает видное место в тяжелых»). Самые подробные разъяснения касательно тяжелых и легких видов состязания дает, конечно, Филострат (Philostr. *Gymn.* 3): ἔστι τοίνυν ἀγωνίας ξυμπάσης τὰ μὲν κοῦφα ταῦτα· στάδιον, δόλιχος, ὀπλίται, δίαυλος· τὰ βαρύτερα δὲ παγκράτιον, πάλη, πύκται. πένταθλος δὲ ἀμφοῖν συνηρμόσθη· παλαῖσαι μὲν γὰρ καὶ δισκεῦσαι βαρεῖς, τὸ δὲ ἀκοντίσαι καὶ πηδῆσαι καὶ δραμεῖν κοῦφοί εἰσι («Итак, из всех видов состязаний легкими являются следующие: бег на один стадий, длинный бег, бег в доспехах и двойной бег. К тяжелым относятся панкратион, борьба и кулачный бой. Пятиборье, в свою очередь, было отнесено и к легким, и к тяжелым видам спорта, ибо борьба и метание диска – это тяжелые виды состязаний, а метание копья, прыжки и бег – легкие»).

Гален вместе с тем использует пару антонимов κοῦφος–βαρὺς для описания движений, выполняемых учителем боя в полном вооружении (Gal.

²¹⁹ Перевод А.Н. Егунова (Платон. Собрание сочинений. Том 4. М., 1994. С. 286).

San. Tu. II, 11 K VI 153): ἡ γὰρ βίαιοί τινές εἰσι καὶ βαρεῖαι καὶ εὐτονοὶ ἢ κοῦφαι καὶ ταχεῖαι καὶ σύντονοι ἢ βίαιοί τε ἅμα καὶ ὀξεῖαι («Они могут быть мощными, тяжелыми и напряженными или легкими, проворными и стремительными или же одновременно мощными и быстрыми»). Кроме того, такими эпитетами он обозначает атлетов, занимающихся соответствующими видами спорта (*Gal. Alim. Fac.* I, 2 K VI 487): οἱ δ' ἀθληταὶ τροφὰς μὲν εὐχυμοτάτας λαμβάνουσιν, ἀλλὰ παχείας τε καὶ γλίσχρας οἷ γε βαρεῖς αὐτῶν· ὀνομάζουσι δ' οὕτω μάλιστα μὲν τοὺς παλαιστάς, ἥδη δὲ καὶ τοὺς παγκρατιαστάς τε καὶ πύκτας («Атлеты принимают пищу очень насыщенную соками, но вместе с тем густую и вязкую, это касается, по крайней мере, «тяжелых» атлетов. Так называют в первую очередь борцов, но также уже и панкратиастов и кулачных бойцов»). Этот любопытный пассаж свидетельствует, во-первых, о том, что прилагательные κοῦφος и βαρύς начали использоваться по отношению к самим спортсменам еще до Филострата²²⁰, а во-вторых, что деление спортивных дисциплин на «легкие» и «тяжелые» даже ко времени Галена не было вполне устоявшимся. Несмотря на то, что уже Эсхин и Диодор называют панкратион и кулачный бой «тяжелыми» соревнованиями, Гален пишет так, будто они совсем недавно вошли в число последних. Быть может, окончательное деление на «легкие» и «тяжелые» виды состязаний установилось только ко времени написания «Гимнастики» Филострата, то есть ко второй четверти III в. н.э.

«Напряженный-расслабленный» (εὐτονος–ἄτονος) и «интенсивный–вялый» (σφοδρός–ἀμυδρός)

Итак, после перечисления основных видов упражнений Гален переходит к углублению их классификации, разрабатывая терминологический аппарат, позволяющий дать точную их характеристику. Используемые им понятия частично относятся к общеупотребительному лексикону, частично к специальному (*Gal. San. Tu.* II, 8–9 K VI 136, 139): ποιότης δὲ ἡ διαφορά (καὶ γὰρ

²²⁰ Филострат нередко использует прилагательные κοῦφος и βαρύς/βαρύτερος и по отношению к атлетам (*Philostr. Gymn.* 11, 31, 55; *Her.* 715). До него подобное словоупотребление можно встретить только у Галена.

οὖν καὶ ταύτην ἔξεστιν ἑκατέρως ὀνομάζειν) ὀξύτης τε κινήσεώς ἐστι καὶ βραδύτης εὐτονία τε καί, ὥς ἂν εἴποι τις, ἀτονία καὶ πρὸς τούτοις ἔτι σφοδρότης τε καὶ ἀμυδρότης <...> τὰ μὲν γὰρ ἄλλοτε ἄλλο τι μέρος ἕτερον ἑτέρου γυμνάζει μᾶλλον, καὶ τὰ μὲν ἐλινυόντων γίνεται, τὰ δὲ ὀξύτατα κινουμένων, καὶ τὰ μὲν εὐτόνως, τὰ δὲ ἀτόνως, καὶ πρὸς τούτοις ἔτι τὰ μὲν σφοδρῶς, τὰ δ' ἀμυδρῶς («Что до качеств или различий [упражнений] (ведь и здесь можно пользоваться любым из двух терминов), то они состоят в быстроте или замедленности движений, их напряженности или, можно, пожалуй, сказать, расслабленности, а вдобавок к этому еще и их интенсивности или вялости. <...> Одни упражнения иногда больше действуют одну часть тела, иногда другую, одни выполняются в состоянии покоя, другие в очень быстром темпе, одни требуют большого напряжения, другие расслаблены. Кроме того, одни выполняются интенсивно, а другие вяло). Пары εὐτονοῦς–ἀτονοῦς (εὐτονία–ἀτονία) и σφοδρός–ἀμυδρός (σφοδρότης–ἀμυδρότης) заслуживают, на наш взгляд, внимания.

Гален облегчает нашу задачу, когда приводит определения «напряженных» и «интенсивных» упражнений: (Gal. *San.Tu.* II, 9 K VI 139–140): εὐτονον μὲν οὖν γυμνάσιον ὀνομάζω τὸ βιαίως ἄνευ τάχους διαπονοῦν, σφοδρὸν δὲ τὸ βιαίως τε καὶ σὺν τάχει («Напряженным я называю то упражнение, которое выполняется с силой, но медленно, а интенсивным – то, которое выполняется с силой и быстро»). Прилагательное εὐτονοῦς, а также существительное εὐτονία и наречие εὐτόνως (от глагола τείνω – «натягивать», «напрягать») в медицинской традиции чаще всего употреблялось в значениях «сильный» («сила», «сильно»), «мощный» и «крепкий» по отношению к человеческому телу или человеку как таковому (Hr. *Aph.* 3, 17; *Morb.* I, 22 35; *Antyll. ap. Orib.* VI, 8 1), его движениям (Sor. I, 64 1), а также массажу (Sor. III, 28 6). Один раз Соран использует это прилагательное, говоря об упражнениях (Sor. II, 29 1). В галеновском корпусе прилагательное εὐτονοῦς и соответствующие существительное и наречие используются и в традиционных значениях (Gal. *Parv.Pil.* 4), и в более узкоспециализированных, например, им

он обозначает сильный приток желчи (Gal. *PHP* II, 8 17 CMG V, 4, 1 2 160) или, скажем, развитое обоняние (Gal. *Ant.* I, 13 K XIV 64), однако по отношению к физическим упражнениям Гален, как кажется, первым ввел широкое его употребление. Прилагательное ἄτονος (ἀτονία, ἀτόνως), в свою очередь, нередко использовалось для обозначения общей телесной слабости (Нр. *Аēr.* 19, 26; Antyll ap. Orib. VI, 23 5), слабости желудка (Dsc. I, 22 1; Orib. II, 66 4), и по отношению к растениям в значении «безвкусный», «пресный» (Dsc. I, 112 1). У Галена помимо перечисленных употреблений оно может характеризовать состояние слабости вен (Gal. *Ars. Med.* 34 K I 399), мышц (Gal. *UP* V, 14 K III 392) или сердца (Gal. *Sem.* I, 15 K IV 575). Введение этого прилагательного в спортивный лексикон также было новшеством Галена, причем, заметим, в качестве спортивного термина оно утрачивает свои негативные коннотации.

Прилагательные σφοδρός («сильный», «жестокий») и ἀμυδρός («слабый», «тусклый»), равно как и соответствующие существительные и наречия, также имели особую сферу применения в медицине. В текстах гиппократовского корпуса σφοδρός может использоваться для обозначения жестокой жажды (Нр. *Acut. (Sp.)* 1, 10), обильных кровотечений (Нр. *Acut. (Sp.)* 23, 13), а σφοδρότης обозначать силу или тяжесть болезни (Нр. *De Arte* 3, 6). Соран Эфесский употребляет σφοδρός по отношению к движениям (Sor. I, 55 1) и болям (Sor. III, 44 6) и всего один раз (Sor. I, 46 2) – по отношению к физической активности (γυμνασία σφοδρά), чего в сочинениях Гиппократа мы не находим. Врач I в. н.э. Геродот говорит об интенсивности (σφοδρότης) движения (Orib. X, 7 14) – напомним, что именно интенсивность движения положена в основу галеновского определения понятия γυμνάσιον. Кроме того, Гален предоставляет важное свидетельство, что прилагательное σφοδρός могло употребляться для характеристики приемов борьбы в повседневном греческом обиходе (Gal. *Diff. Puls.* III, 5 K VIII 669): παρὰ τοῖς Ἑλλήσι τὸ τῆς σφοδρότητος ὄνομα κατ' ἐνεργείας ἀεὶ λεγόμενον ἰσχυρᾶς τε ἅμα καὶ ταχείας· παλαίσματά τε γὰρ ὀνομάζεται σφοδρὰ τὰ μετὰ συντονίας τε ἅμα καὶ τάχους

γινόμενα («У греков понятие интенсивности подразумевает сильные и одновременно быстрые движения. Интенсивными называют те борцовские приемы, которые проводятся с напряжением сил и быстротой»). Термин ἀμυδρός в гиппократовском корпусе встречается всего дважды: в первом случае речь идет о качествах пищи, и ἀμυδρός имеет значение «скрытый», «неявный» (Hr. Aff. 45, 5), во втором случае ἀμυδρός представляет собой эпитет небесного светила со значением «тусклый» или «неясный». Самое, пожалуй, распространенное специальное значение этого прилагательного в сфере медицины – это «слабый» по отношению к пульсу (Sor. III, 27 3; Orib. VI, 20 24; Gal. Diff.Feb. I, 11 K VII 317). Для описания различных видов пульса использовались также прилагательные σφοδρός, εὔτονος и ἄτονος (Gal. Caus.Puls. I, 7 Praes.Puls. I, 3 K IX 15, 243). В трактате «О различиях видов пульса» Гален сообщает, что его предшественники Архиген и Герофил, уже упоминавшиеся в первой главе, выделяли категорию σφοδρότης для классификации видов пульса (Gal. Diff.Puls. II, 6 K VIII 592).

Таким образом, выстраивая новый уровень классификации упражнений, Гален пользуется комплексом понятий, широко распространенных в медицине. Терминологический аппарат, часто использовавшийся для вполне конкретной медицинской задачи, связанной с описанием разновидностей пульса, переносится им в спортивную сферу. Конечно, Гален, как мы постарались показать, опирался на предшествовавшую традицию, однако его роль, если не первопроходца, то склонного к новаторству систематизатора, трудно недооценить.

Закончив с классификацией, Гален переходит от обсуждения теоретических положений к практической стороне физических упражнений.

«Напряженные» упражнения (τὰ εὔτονα)

Перечисление «напряженных» упражнений открывается следующим образом (Gal. San.Tu. II, 9 K VI 140): ὁ μὲν οὖν σκάπτειν εὔτονόν τε καὶ ῥωμαλέον

ἐστίν, οὕτω δὲ καὶ τὸ τέτταρας ἵπλους ἅμα κατέχειν ἡνίασις εὐτονον μὲν ἱκανῶς γυμνάσιον, οὐ μὴν ὥκύ γε. κατὰ δὲ τὸν αὐτὸν τρόπον εἴ τις ἀράμενος ὁτιοῦν μέγιστον φορτίον ἢ μένοι κατὰ χώραν ἢ προβαίνοι σμικρὰ καὶ οἱ ἀνάνταις περίπατοι τούτου τοῦ γένους εἰσὶν («Итак, вскапывать землю – это напряженное и мощное упражнение, точно так же удерживать поводьями четверку коней упражнение достаточно напряженное, однако не быстрое. Сходным образом, поднять какой-нибудь тяжелый груз и оставаться на месте или продвигаться маленькими шагами, а также идти в гору, – все это относится к тому же виду упражнений»). Здесь Гален вводит для описания упражнений в дополнение к термину εὐτονος еще одно прилагательное – ῥωμαλέος («сильный», «мощный»), которое, по его собственному утверждению, в спортивных контекстах является полным синонимом к βίαιος (Gal. *San. Tu.* II, 9 K VI 139).

Что касается вскапывания земли, то мы уже несколько раз сталкивались с упоминанием этого занятия в качестве физического упражнения, как в трактате “De sanitate tuenda”, так и во «Фрасибуле». В галеновских комментариях к «Эпидемиям» Гиппократ вскапывание земли упоминается наряду с верховой ездой, борьбой, панкратионом и боем в доспехах (Gal. *In Hipp. VI Epid.* I 6, K XVIIa 839), а те, кто им занимается, уподобляются атлетам (Gal. *In Hipp. III Epid.* I 4, K XVIIa 521). Кроме того, выражение διὰ τοῦ σκάπτειν γυμνάσια («упражнения посредством вскапывания») встречается в трактате «Об упражнении с маленьким мячом» (Gal. *Parv. Pil.* 5). Вполне возможно, что в рассматриваемом нами пассаже подразумевается обыкновенное вскапывание земли для хозяйственных нужд, однако не стоит забывать, что разрыхление площадки, где тренировались прыгуны и борцы, обозначавшейся однокоренным с глаголом σκάπτειν термином σκάμμα, было одним из занятий, практиковавшихся в античной палестре. Его упоминает, например, Афиней (Athen. *Deipn.* XII 15), а в схолиях к Феокриту мы читаем, что работа мотыгой практиковалась атлетами для укрепления верхней части туловища (Sch. in Theocr. IV 10a): τῇ σκαπάνῃ σκάπτοντες καὶ τὰ ἄνω μέρη τοῦ σώματος

ἀναρρωννύντες [οἱ ἀθληταί]. Кроме того, вскапывание или рыхление земли называет одним из занятий участника Олимпийских игр Эпиктет, употребляя, правда, глагол παρорύσσεσθαι (Epict. *Ench.* 29, 2). Подтверждение этой практике можно найти и в памятниках изобразительного искусства. К примеру, на краснофигурном килике из собрания Музея изящных искусств в Бостоне изображен атлет, держащий в руках мотыгу.

Рис. 5. Гимнаст, атлет, несущий диск и дротики, и атлет, держащий мотыгу. Краснофигурный килик (ок. 460 г. до н.э.). Museum of Fine Arts, Boston. № 28.48.

Затем Гален продолжает (Gal. *San.Tu.* II, 9 K VI 140): οὕτω δὲ καὶ ὅστις ἀναρριχᾶται διὰ σχοινίου, καθάπερ ἐν παλαίστρᾳ γυμνάζουσι τοὺς παῖδας εἰς εὐτονίαν παρασκευάζοντες. ὡσαύτως δὲ καὶ ὅστις ἢ σχοινίου λαβόμενος ἢ τινος ὑψηλοῦ ξύλου μέχρι πλείστου κατέχει κρεμάμενος ἐξ αὐτοῦ, ῥωμαλέον μὲν τι καὶ ἰσχυρὸν γυμνάζεται γυμνάσιον, οὐ μὴν ὥκύ γε, καὶ ὅστις προτείνας ἢ ἀνατείνας τὸ χεῖρε πύξ ἔχων ἀτρεμίζει μέχρι πλείστου. εἰ δὲ καὶ παραστήσας τινὰ κελεύει καθέλκειν κάτω τὸ χεῖρε, μὴ ἐνδιδούς αὐτός, ἔτι δὴ μᾶλλον οὗτος εἰς εὐρωστίαν

παρασκευάζει τοὺς τε μῦς καὶ τὰ νεῦρα <...> εἰ δὲ δὴ καὶ κελεύσειε τινὶ καθέλκειν τε καὶ κάμπτειν βιαίως, ἑαυτὸν ἀκίνητόν τε καὶ ἄκαμπτον οὐ ταῖς χερσὶ μόνον, ἀλλὰ καὶ τοῖς σκέλεσι καὶ τῇ ῥάχει διαφυλάττων, οὐ σμικρὸν γυμνάσεται γυμνάσιον εἰς εὐτονίαν ὀργάνων («Таким же упражнением является лазанье по канату, которым заставляют заниматься детей в палестре, стараясь придать их членам упругость. Точно так же если как можно дольше висеть на канате или на ветке высокого дерева, то это будет мощным силовым упражнением, но, конечно, не быстрым. И если вытянуть руки вперед или вверх, сжав их в кулак, и держать, покуда хватит сил, [то и это будет таким же упражнением]. А если встать рядом с другим человеком и попросить его тянуть тебя за руки вниз, при этом сопротивляясь ему, то такое упражнение еще больше развивает крепость мышц и сухожилий <...>²²¹ Если к тому же человек попросит кого-нибудь с силой тянуть его вниз и пытаться согнуть, а сам будет стараться удержать в прямом и неподвижном положении не только руки, но также ноги и спину, то это будет хорошей тренировкой упругости его членов»). Здесь термин εὐτονία означает уже не «напряжение», а гибкость, упругость или силу. Этот отрывок примечателен тем, что содержит первое упоминание лазанья по канату как одного из упражнений, бывших в ходу в античной палестре. Галеновское свидетельство уникально, так как Орибасий в двух местах (Orib. VI, 14 3; Syn. I, 3 2), где также упоминается лазанье по канату, цитирует “De sanitate tuenda” Галена очень близко к оригинальному тексту.

Быстрые и интенсивные упражнения (τὰ ταχέα и τὰ σφοδρά)

К числу «быстрых»²²² упражнений Гален относит уже хорошо нам известные тренировочные бои, бег, упражнения с боксерским мешком и галтерами, челночный бег и махи руками, а также некоторые любопытные упражнения, не имеющие специального названия. Приведем их описание (Gal. San. Tu. II, 10 K VI 145): ὡκεῖαι δὲ κινήσεις εἰσὶν, οὐ μὴν βίαιοί γε, καὶ ὅσαι κατὰ

²²¹ Здесь Гален приводит описание упражнения с галтерами, уже процитированное выше.

²²² Прилагательные ταχύς и ὀξύς для Галена в этих контекстах взаимозаменяемы.

παλαίστραν ἐπιτελοῦνται κυλινδουμένων ὀξέως μεθ' ἑτέρων τε καὶ καταμόνας. ἐγχωρεῖ δὲ καὶ ὀρθοὺς ἐνειλουμένους τε ἅμα καὶ μεταβαλόντας ἐν τάχει τὸν πέλας ὀξὺ γυμνάσασθαι γυμνάσιον. ἐγχωρεῖ δὲ καὶ διὰ τῶν σκελῶν μόνων ὀρθὸν ἐφ' ἑνὸς χωρίου γυμνάσασθαι γυμνάσιον ὀξὺ, πολλάκις μὲν εἰς τοῦπίσω μόνον ἐφαλλόμενον, ἔστιν ὅτε δὲ καὶ εἰς τοῦμπροσθεν ἀναφέροντα τῶν σκελῶν ἑκάτερον ἐν μέρει. καὶ μὲν δὴ καὶ διὰ τῶν χειρῶν ἔστιν ὀξὺ γυμνάσιον ὁμοίόρροπον γυμνάσασθαι χωρὶς τοῦ κατέχειν ἀλτῆρας, ἐπισπεύδοντα τὰς κινήσεις αὐτῶν εἰς πυκνότητά τε ἅμα καὶ τάχος, εἴτε πὺξ ἐθέλοι τις εἴτε καὶ χωρὶς πυγμῆς ἀνασεῖειν ἀπλῶς («Быстротой и отсутствием усилий отличаются те движения, которые выполняются в палестре, когда [люди] быстро катаются по земле вместе с кем-то или поодиночке. Можно также чтобы [партнеры], находясь в положении стоя, одновременно поворачивались и быстро менялись местами с ближайшим соседом, выполняя тем самым быстрое упражнение. А еще можно выполнить быстрое упражнение, задействуя только ноги и оставаясь на одном месте: прыгать с отбрасыванием ног назад. Существует и другой способ, при котором ноги по очереди выбрасываются вперед. И более того, можно выполнять похожими движениями быстрое упражнение для рук без использования галтер. Оно состоит в частых и быстрых взмахах руками, или сжатыми в кулак, или разжатыми»).

Глагол *κυλίνδειν* и его синонимы *ἀλινδεῖν* и *κυλίειν*, равно как и производные от них существительные *κύλισις* и *ἀλίνδησις*, были частью традиционного борцовского лексикона: ими обозначалась борьба в партере²²³. Однако здесь, как кажется, речь идет не о тренировочных схватках – на это указывает хотя бы то, что описываемое упражнение может выполняться одним человеком. Нам представляется привлекательной гипотеза Фельзенхельда, предположившего, хотя и с оговоркой о невозможности точной реконструкции

²²³ Подробнее см. Poliakoff M. *Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports* // *Beiträge zur klassischen Philologie*, 146. Königstein im Taunus, 1982. P. 20–27. См. также: Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 114–115.

этой практики палестры, что Гален говорит о кувырках вперед или боковых перекатах²²⁴. Последние могли выполняться в группе по команде педотриба, будучи тренировкой не борцовских навыков атлетов, а скорости их реакции. К глаголу *κυλίνδειν* мы еще вернемся в третьей главе нашей работы.

Упоминавшийся в приведенном выше отрывке в форме причастия *ἐνείλουμένους* глагол *ἐνείλειν*, напротив, исследователи обычно не включают в число терминов-агононимов. Исходное его значение – «обвертывать», «заворачивать», «окутывать», переносное – «вступать в схватку» (LSJ). На первый взгляд, второе значение может показаться вполне актуальным для интересующего нас пассажа, и, например, Сингер переводит *ἐνείλουμένους* как “engaging with an opponent”²²⁵. Однако техника выполнения этого упражнения, состоящая в быстрой смене позиции, позволяет усомниться в том, что партнеры сходятся и обхватывают друг друга, подобно борцам. Так, в свою очередь, понимает этот отрывок Фельзенхельд, предлагающий перевод “s’envelopper” и “embrasser”²²⁶. На наш взгляд, самое правдоподобное толкование состоит в том, что партнеры быстро поворачиваются (*ἐνείλουμένους*) и меняются местами. Такую точку зрения поддерживает и перевод глагола *ἐνείλειν* в “Diccionario Griego-Español”, где со ссылкой именно на этот фрагмент “De sanitate tuenda” для него даются значения “girarse” и “darse la vuelta”, то есть «поворачивать(ся)». Кроме того, можно усмотреть параллелизм между *κυλινδουμένων* в предыдущем предложении, атлетами, выполняющими кувырки и перекаты на земле, и *ὀρθοὺς ἐνείλουμένους* в этой фразе – атлетами, совершающими повороты, но уже в положении стоя.

Что касается описываемых Галеном прыжковых упражнений, то они, как мы видим, состоят в прыжках вверх, хотя соревнования в античности

²²⁴ Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 369–370.

²²⁵ Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 236.

²²⁶ Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 367, 370.

проводились исключительно в прыжках в длину²²⁷. Схожее и даже более подробное описание прыжков мы находим в одном из текстов Антилла, сообщаящего помимо прочего любопытные сведения о спортивных занятиях спартанских женщин (Antyll ap. Orib. VI, 31): ἡ μὲν γὰρ ἄφαλσις δρόμῳ προσέοικεν, ἐν τῷ αὐτῷ τόπῳ μένοντος τοῦ σώματος μετὰ τοῦ κάμπτειν τὰς ἰγνύας· ὁ δ' ἐξαλμός κομιδὴ σκελῶν ἐστὶ συνεχής. παράκειται δὲ τούτοις τὸ πρὸς πυγὴν ἄλλεσθαι, ὃ καὶ αἱ Λάκαιναι γυναῖκες τὸ πρόσθεν ἐχρῶντο· τοῦτο δ' ἐστὶν ἄφαλσις, καμπτομένων τῶν σκελῶν, ὥστε τὰς πτέρνας τῶν πυγῶν προσάπτεσθαι, ποτὲ μὲν ἐναλλάξ τῶν σκελῶν ἀναλακτιζόντων, ποτὲ δ' ἀμφοτέρων ἅμα («Подпрыгивания напоминают бег: тело остается на месте, при этом ноги сгибаются в коленях. Прыжки с согнутыми ногами, в свою очередь, подразумевают выбрасывание сведенных вместе ног. К ним примыкают прыжки с ударами пятками по ягодицам, каким в былое время занимались спартанские женщины. Они представляют собой подпрыгивания со сгибанием ног, так чтобы пятки касались ягодиц, иногда ноги выбрасываются вверх по очереди, иногда вместе»). По всей видимости, ἐφάλλεσθαι у Галена соответствует ἀφάλλεσθαι у Антилла. Терминами ἄφαλσις и ἐξαλμός Гален, в свою очередь, не пользуется ни в этом, ни в других своих сочинениях.

Наконец, внимания заслуживает словосочетание γυμνάσιον ὁμοιόρροπον. Прилагательное ὁμοιόρροπος представляет собой гапакс. Его этимология прозрачна: оно восходит к глаголу ῥέλω («наклоняться», «склоняться») и прилагательному ὅμοιος («похожий»). Вместе с тем определение его значения вызывает некоторые затруднения. Это редчайшее слово представлено в двух словарях: LSJ предлагает довольно неточный, по нашему мнению, перевод “of a like tendency”, а Bailly переводит его как “d’un mouvement semblable”. Второй вариант кажется более удачным: контекст подсказывает нам, что Гален

²²⁷ Drees L. Olympia: Gods, Artists and Athletes. New York, Washington, 1968. P. 74; Gardiner, Norman E. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1967. P. 144.

уподобляет вращательные движения рук поочередному подниманию ног в предыдущем упражнении.

Интенсивные (σφοδρά) упражнения Гален описывает очень кратко, в целом повторяя уже сказанное в других разделах “De sanitate tuenda”: (Gal. *San. Tu.* II, 10 K VI 145–146) ἐπὶ δὲ τὸ σφοδρὸν ἰέναι καιρός. ἔστι δ', ὥς εἴρηται, τοῦτο σύνθετον ἐξ εὐτόνου τε καὶ ταχέος. ὅσα γὰρ εὐτόνα τῶν γυμνασίων εἴρηται, τούτοις ἄλλασιν ὥς σφοδροῖς ἂν τις χρῶτο, ταχείας κινήσεις προστιθείς. οὐχ ἥκιστα δὲ καὶ τὰ τοιάδε γυμνάσια σφοδρά, σκάψαι καὶ δισκεῦσαι καὶ πηδῆσαι συνεχῶς ἄνευ τοῦ διαναπαύεσθαι. οὕτω δὲ καὶ τὸ ἀκοντίζειν ὅτιοῦν τῶν βαρέων βελῶν συνείροντα τὴν ἐνέργειαν ἢ βαρέσιν ὅπλοις ἐσκεπασμένον ἐνεργεῖν ὁξέως («Пора переходить к интенсивным упражнениям, которые, как было сказано, сочетают напряжение и скорость. Напряженные упражнения уже были перечислены, ими всеми можно пользоваться как интенсивными, если придать движениям скорость. Вот еще какие упражнения относятся к числу интенсивных: вскапывание земли, метание диска, быстрые прыжки без пауз, а кроме того безостановочное метание любых тяжелых снарядов или быстрые движения в тяжелом доспехе»).

2.3.7. Упражнения Милона Кротонского

Гален постепенно переходит к упражнениям, принятым у профессиональных атлетов, поэтому неудивительно, что в этом разделе мы встречаем имя Милона Кротонского, знаменитого борца VI в. до н.э., чье имя стало нарицательным для силачей: в первой главе «Гимнастики» Филострата «Милоны» во множественном числе служат примером древней атлетической доблести (Philostr. *Gymn.* 1). Тот же Филострат в «Жизни Аполлония Тианского» упоминает бронзовое изваяние этого атлета в Олимпии (Philostr. *IA* IV, 28). Милон был шестикратным²²⁸ олимпийских победителем и многократным победителем прочих игр (Paus. VI, 14 5; D.S. XII, 9 5–6; Moretti

²²⁸ Его победы относятся к периоду между 60-й и 66-й олимпиадами (540–516 гг. до н.э.). Одну из них он одержал в детской возрастной категории, а остальные во взрослой.

Olymp. №122). В качестве примера его потрясающей силы Павсаний приводит рассказ о том, как тот обвязывал голову веревкой и разрывал ее напряжением жил (Paus. VI, 14 7). Легенды ходили не только о силе Милона, но и о его удивительном аппетите: Афинея, например, пишет, что он съел жертвенного быка всего за один день (Ath. X, 4).

Вот что Гален сообщает о его привычных упражнениях, которые, стоит сказать, равно как и все прочие упражнения палестры, включены в категорию «напряженных» (Gal. *San.Tu.* II, 9 K VI 141): οὕτω τοι λόγος ἔχει κακεῖνον τὸν <Μίλωνα> γυμνάζειν ἑαυτόν, ἐνίοτε μὲν ἀποσαλεῦσαί τε καὶ μετακινῆσαι τῆς ἔδρας ἐπιτρέποντα τῷ βουλομένῳ (ἀλλὰ τοῦτο μὲν σκελῶν ἂν εἴη μάλιστα γυμνάσιον), ἐνίοτε δέ, εἰ τὰς χεῖρας γυμνάζειν βούλοιτο, τὴν πυγμὴν διαλύειν κελεύοντα· αὖθις δ' <ἄν>, ὥς φασιν, ἐν ταῖν χεροῖν ἔχων ἢ ῥοιὰν ἢ ἕτερόν τι τοιοῦτον ἀφαιρεῖσθαι τῷ βουλομένῳ παρεῖχε («История гласит, что именно так упражнялся тот самый Милон. Иногда он давал желающим возможность попытаться столкнуть его или сдвинуть с места (впрочем, это, пожалуй, скорее упражнение для ног). А порой, когда он хотел поупражнять руки, то велел пытаться разжать его кулак, или, в свою очередь, он, как говорят, держал в руке гранат или что-то подобное и предлагал желающим отнять его»). Это далеко не единственное упоминание Милона в галеновском корпусе и даже не первое его упоминание в “De sanitate tuenda”. Так, в первой книге трактата Милон представлен как идеал силы (Gal. *San.Tu.* I, 5 K VI 20): καὶ τοῖς ποσὶν ἄρρωστοῦμεν, εἴ τις ἡμᾶς Ἰφίκλῳ παραβάλλοι, καὶ ταῖς χερσίν, εἰ Μίλῳνι («Мы окажемся слабы ногами, если сравнивать нас с Ификлом, и руками, если сравнивать с Милоном»). В другом сочинении Галена телесное благосостояние (εὐεξία) Милона оценивается как телесное благосостояние *par excellence*, причем знаменитый атлет стоит в одном ряду с Ахиллом и Гераклом (Gal. *Bon.Hab.* K IV 751). При этом в «Протрептике» Милон Кротонский выводится в качестве образца атлетической глупости и тщеславия и подвергается жестоким насмешкам (Gal. *Protr.* 13, 5–7): ἀλλὰ νῆ Δία τῶν ἱεουργημένων ἓνα ταύρων ἀναθέμενος τοῖς ὄμοις ὁ Μίλων ἐκεῖνος ὁ

Κροτωνιάτης διεκόμισέ ποτε τὸ στάδιον. ὦ τῆς ὑπερβαλλούσης ἀνοίας, ὡς μηδὲ τοῦτο γινώσκειν ὅτι πρὸ βραχέος τὸ βαρύτατον τοῦτο σῶμα τοῦ ταύρου ζῶντος ἐβάσταζεν ἡ ψυχὴ τοῦ ζώου, καὶ πολλῶ γ' ἀκοπώτερον ἢ ὁ Μίλων, εἴ γε καὶ θεῖν ἠδύνατο βαστάζουσα· ἀλλ' ὅμως οὐδενὸς ἦν ἀξία, παραπλησίως τῇ Μίλωνος. ἐδήλωσε δὲ καὶ ἡ τελευτὴ τὰνδρὸς ὅπως ἦν ἀνόητος· ὅς γε θεασάμενός ποτε νεανίσκον σχίζοντα κατὰ μῆκος ξύλον ἐνθέσει σφηνῶν, ἐκεῖνον μὲν ἀπέστησε καταγελάσας, αὐτὸς δὲ διὰ τῶν ἑαυτοῦ χειρῶν μόνων ἐτόλμησε διασπᾶν αὐτό. κάπειθ' ὅσον εἶχεν ἰσχύος εὐθὺς ἐν τῇ πρώτῃ προσβολῇ πληρώσας διέστησε μὲν ἐκατέρωσε τὰ μέρη τοῦ ξύλου, τῶν σφηνῶν δ' ἐκπεσόντων ἐν τῷδε τὸ λοιπὸν τοῦ ξύλου μέρος ἀδυνατῶν διαστῆσαι μέχρι πολλοῦ μὲν ἀντεῖχεν, ὕστερον δὲ νικηθεὶς οὐκ ἔφθασε κομίσασθαι τὰς χεῖρας, ἀλλ' ὑπὸ τῶν μερῶν τοῦ ξύλου συνελθόντων ἀλλήλοις καταληφθεῖσαι συνετρίβησαν μὲν αὗται πρῶται, θανάτου δ' οἰκτροῦ τῷ Μίλωνι κατέστησαν αἷτιαι. πάνυ μὲν οὖν ὤνησεν αὐτὸν εἰς τὸ μηδὲν παθεῖν ὁ νεκρὸς ταῦρος ἐν τῷ σταδίῳ βασταχθεὶς· ἡ τὸ κοινὸν τῶν Ἑλλήνων ἔσωσεν ἄν, ἥνίκα πρὸς τὸν βάρβαρον ἐπολέμουν, ἡ τοιαύτη τοῦ Μίλωνος ἐνέργεια περὶ τὸν ταῦρον, ἀλλ' οὐχ ἡ Θεμιστοκλέους σοφία πρῶτον μὲν ὑποκριναμένου καλῶς τὸν χρησμόν, εἴτα στρατηγήσαντος ὡς ἐχρήν; («Но, клянусь Зевсом, известный Милон Кротонский, возложив на свои плечи одного из жертвенных быков, однажды пронес его через весь стадион. О, преизбыток глупости, не знать даже того, что немногим ранее то же самое тело живого быка носила душа животного, причем с намного меньшими усилиями, нежели Милон, если она могла даже бегать, нося его! Но эта душа не имела никакой награды, почти так же, как душа Милона. Да и кончина этого мужа показала, насколько он был глуп. Увидев однажды юношу, который раскалывал бревно вдоль его длины путем вбивания клиньев, он с насмешкой отстранил его, а сам решил расщепить его одними руками. Затем, тотчас приступив к нему что было сил, раздвинул в разные стороны части бревна, но в этот момент клинья выпали, и он, не в состоянии разделить остальную часть бревна, долгое время сопротивлялся, но, в конце концов, уступив, не успел убрать руки. Зажатые сошедшимися друг с другом частями бревна, они сокрушились первыми и стали причиной жалкой смерти

Милона. Так вот, сильно ли помог ему мертвый бык, которого он нес на стадионе, в том, чтобы никак не пострадать? Или общество эллинов могла бы спасти во время войны с варварами такая сила Милона относительно быка, а не мудрость Фемистокла, который сначала верно истолковал предсказание оракула, а затем вел должным образом войну?»²²⁹)

Подобные критические выпады²³⁰ в адрес Милона, в других сочинениях упоминающегося в качестве образца силы, могут показаться несколько странными, учитывая совершенно нейтральный тон Галена в приведенном пассаже из “*De sanitate tuenda*”. Дело, вероятно, состоит в том, что Гален старается разделять, не всегда, впрочем, последовательно исследовательский подход к физическим упражнениям и свое критическое отношение к профессиональному спорту. В тех его сочинениях, в цели которых не входит критика атлетов, он свободно пользуется примерами из практик палестры в качестве иллюстраций к своим теоретическим построениям. Здесь можно также усмотреть и дополнительную цель: показывая свое знакомство как с историей атлетики, так и с современной жизнью атлетов, Гален тем самым демонстрирует свои компетенции знатока подлинной гимнастики, который, как отмечалось выше, *ex officio* знаком и с педотрибикой.

2.3.8. Упражнения палестры

²²⁹ Перевод И.В. Пролягиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 863).

²³⁰ Стоит отметить, что столь же критически отзывается о Милоне Кротонском Цицерон (Cic. *Sen.* 9, 27, 33): quae enim vox potest esse contemptior quam Milonis Crotoniatae? qui cum iam senex esset athletasque se exercentes in curriculo videret, aspexisse lacertos suos dicitur inlacrimansque dixisse: at hi quidem mortui iam sunt. non vero tam isti quam tu ipse nugator! neque enim ex te umquam es nobilitatus, sed ex lateribus et lacertis tui <...> Olympiae per stadium ingressus esse Milo dicitur, cum humeris sustineret bovem. utrum igitur has corporis an Pythagorae tibi malis vires ingenii dari? («Найдутся ли слова, заслуживающие большего презрения, чем слова Милона Кротонского? Он, уже стариком, смотрел на упражнения атлетов на ристалище, затем взглянул на свои руки и, говоря, прослезившись, сказал: «А ведь они уже мертвы!» Право, не столько они, сколько ты сам, пустослов! Ведь известность приобрел не ты сам, а твои бедра и руки. Милон, говорят, вступил на ристалище в Олимпии, неся на плечах быка. Что предпочел бы ты получить в дар: такую же силу мышц или силу ума Пифагора?») (Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек и С.Л. Утченко. М.: Наука, 1974. С. 14, 15).

Описав упражнения Милона, Гален переходит к упражнениям, практикуемым в палестре (Gal. *San. Tu.* II, 9 K VI 141–143): ταυτὶ μὲν οὖν τὰ γυμνάσια μεγίστης ἰσχύος ἐπίδειξιν τε ἅμα καὶ ἄσκησιν ἔχει, τόνον δὲ μορίων γυμνάζει τε καὶ ῥώννυσι, κάπειδὰν ἦτοι διαλαβὼν ἕτερόν τινα μέσον ἢ διαληφθεὶς αὐτὸς ἐπηλλαγμένων πρὸς ἀλλήλας τῶν χειρῶν τε καὶ τῶν δακτύλων ἦτοι τῷ κρατουμένῳ προστάξῃ διαλύειν ἢ αὐτὸς λύῃ τοῦ κρατοῦντος· οὕτω δὲ κάπειδάν, ἑτέρου προνεύσαντος ἐκ πλαγίων αὐτῷ προσελθὼν ἐν κύκλῳ τοῖς λαγόσι περιβαλὼν τὰς χεῖρας, ὥσπερ γέ τι φορτίον ἀράμενος ἀναφέρῃ τε ἅμα καὶ περιφέρῃ τὸν ἀρθέντα, καὶ μᾶλλον εἰ ἐπινέουσι τε καὶ ἀνανεοὶ βαστάζων· ὥδε γὰρ ἂν ἀκριβῶς τις ἄπασαν τὴν ῥάχιν εἰς ῥώμην παρασκευάσειεν. οὕτω δὲ καὶ ὅσοι τὰ στέρνα πρὸς ἀλλήλους ἀπερεισάμενοι βιαίως ὠθοῦσιν εἰς τοῦπίσω καὶ ὅσοι τῶν αὐχένων ἐκκρεμάμενοι κατασπῶσιν, εἰς εὐτονίαν παρασκευάζουσιν. ἀλλὰ τὰ μὲν τοιαῦτα καὶ χωρὶς παλαίστρας ἢ βαθείας κόνεως δύναται γίνεσθαι καθ' ὅτιον χωρίον ἐπίκροτον ὀρθῶν ἐστῶτων· ὅσα δὲ παλαίοντες εἰς ἀλλήλους δρῶσιν ἀσκοῦντες τὸν τόνον, ἦτοι κόνεως βαθείας ἢ παλαίστρας δεῖται. ἔστι δὲ τὰ τοιάδε· περιπλέξαντες τοῖς ἑαυτοῦ δύο σκέλεσι τὸ ἕτερον σκέλος τοῦ προσπαλαίοντος, ἔπειθ' ἄψαντες πρὸς ἀλλήλας τὸ χεῖρε, τὴν μὲν ἐπὶ τὸν αὐχένα βιαίως ἐρείδειν, ἥτις ἂν ἦ κατ' εὐθὺ τοῦ κατειλημμένου σκέλους, τὴν δ' ἑτέραν ἐπὶ τὸν βραχίονα. δύναιτο δ' ἂν καὶ περὶ τὴν κεφαλὴν ἄκραν τὸ ἅμμα περιθεὶς ἀνακλᾶν εἰς τοῦπίσω βιαζόμενος. τὰ τοιαῦτα γὰρ παλαίσματα πρὸς εὐτονίαν ἐκάτερον τῶν παλαιόντων ἀσκεῖ, καθάπερ γε καὶ ὅσα ζώσαντος τοῖς σκέλεσι θατέρου τὸ ἕτερον ἢ κατ' ἀμφοῖν ἅμφω καθέντος γίνεται («Итак, эти упражнения (sc. упражнения Милона) позволяют одновременно выказывать великую силу и совершенствовать ее. Они улучшают упругость членов и укрепляют их. [То же самое происходит], когда один человек берет другого за середину туловища или, наоборот, его берут в захват, сомкнув руки и пальцы в замок, и он или велит сопернику стараться высвободиться, или пытается высвободиться сам. Еще одно похожее упражнение состоит в следующем: один человек наклоняется вперед, а другой подходит к нему сбоку, обхватывает руками его бока, поднимает и носит его, как какой-нибудь груз. А еще лучше, если он будет наклоняться вперед и назад, ведь так можно

значительно укрепить весь позвоночник. Точно так же и те, кто упирается друг в друга грудью и с силой толкают соперника назад, и те, кто тянут соперника вниз, повиснув на его шее, упражняют упругость членов. Впрочем, все эти упражнения можно выполнять и вне палестры и без глубокого слоя пыли²³¹, стоя на любой утоптанной площадке, а те упражнения, к которым прибегают в схватках борцы, развивающие гибкость, требуют или глубокого слоя пыли, или палестры. Вот в чем они состоят: оплетья двумя ногами ногу соперника, а затем сцепив руки, той рукой, которая окажется на стороне взятой в захват ноги, они с силой напирают на шею соперника, а другой рукой – на его предплечье. Помимо этого, можно взять в захват верхнюю часть головы противника и с силой тянуть его назад. Упражнения подобного рода развивают упругость членов обоих соперников, равно как и те, при которых один обхватывает своими ногами одну ногу противника или обе»).

В приведенном отрывке Гален активно пользуется борцовскими терминами. К их числу относится выражение μέσον διαλαμβάνειν, «брать за середину»²³². Синонимичный ему глагол μέσολαβεῖν, также спортивный terminus technicus, мог использоваться и в контекстах, далеких от атлетики. Его, например, Гален использует, говоря о невозможности «ухватить», то есть заметить, небольшое колебание пульса (Gal. *Caus.Puls.* II, 4 К IX 69). Вполне традиционной частью борцовского лексикона являются также глаголы περιλλέκειν («обхватывать»), ώθεῖν («толкать») и катаσπᾶν («тянуть вниз»)²³³, а также существительное ᾄμμα (буквально – «узел»)²³⁴, к которому мы обратимся в следующем разделе нашей работы. Глагол ἀναεὔειν, в свою очередь, вряд ли можно однозначно включить в спортивный лексикон, тем не менее мы располагаем одним примером его употребления в качестве технического термина. В отрывке из античного учебника единоборств,

²³¹ О пыли (κόνις) см. ниже на с. 164–165.

²³² Подробнее см. Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 117.

²³³ Подробнее см.: Там же. С. 116, 121.

²³⁴ Там же. С. 116.

сохранившегося в одном из оксиринхских папирусов (Р. Оху. III, 466), даются следующие инструкции: *σὺ προστ[ὰς ἀνάνευε καὶ εἰς αὐτὸ[ν βα-]λοῖ καὶ αὐτὸν ἀντιβὰ[ς]* («Ты, выступив (встав вперед), напирай головой вперед и бросься на него, зацепив ногой (сделав ногой встречное движение»²³⁵). Глагол *ζωννύναι* (буквально – «опоясывать») мы бы, пожалуй, отнесли к специальной борцовской лексике, хотя, М. Поляков, к примеру, его в своем исследовании не учитывает. Так, у Павсания мы находим следующее описание поединка (Paus. VIII, 40 2): *ὁ μὲν προέλαβεν ὅστις δὴ ὁ ἀνταγωνιζόμενος καὶ τοῖς ποσὶ τὸν Ἀραχίωνα εἶχεν ἐξωκῶς καὶ τὸν τράχηλον ἐπίεζεν ἅμα αὐτοῦ ταῖς χερσίν* («Его противник, кто бы он ни был, опередил его, схватив и крепко сжав Аррахциона ногами, стал давить руками его за горло»²³⁶).

Интересно, что Гален стремится лишить палестру монополии на борцовские упражнения, утверждая, что ими вполне можно заниматься вне специально предназначенных для них площадок. Здесь он как раз-таки не может удержаться от критического выпада в сторону завсегдатаев палестры, пусть и довольно скрытого.

2.4. Античные термины борьбы в трактате “De parvae pilae exercitio”

Представляется уместным дополнить приведенный выше пассаж из “De sanitate tuenda” разбором небольшого отрывка из трактата «Об упражнении с маленьким мячом», интересного, в первую очередь, с терминологической точки зрения. Приведем этот отрывок: (Gal. *Parv.Pil.* 2): *ὅταν μὲν γὰρ συνιστάμενοι πρὸς ἀλλήλους καὶ ἀποκωλύοντες ὑφάρπασαι τὸν μεταξύ διαπονῶσι, μέγιστον αὐτὸ καὶ σφοδρότατον καθίσταται πολλοῖς μὲν τραχηλισμοῖς, πολλὰ δ' ἀντιλήψεσι παλαιστικάῃς ἀναμεμιγμένον, ὥστε κεφαλὴν μὲν καὶ αὐχένα διαπνεῖσθαι τοῖς τραχηλισμοῖς, πλευρὰς δὲ καὶ θώρακα καὶ γαστέρα ταῖς τε τῶν ἀμμάτων περιθέσει καὶ ἀπώσει καὶ ἀποστηρίξει καὶ ταῖς ἄλλαις παλαιστικάῃς*

²³⁵ Янзина Э.В., Корнеев О.В. Оксиринхские папирусы как источник знаний об античных единоборствах (Р. Оху. III, 466; Р. Оху. LXXIX, 5204). Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. Т. 29. С. 665.

²³⁶ Перевод С.П. Кондратьева (Павсаний. Описание Эллады. Кн. V–X. СПб., 1996. С. 234).

λαβαῖς. И. В. Пролыгина, напомним, переводит его следующим образом: «Ибо когда состязаются, стоя друг против друга и мешая находящемуся в центре перехватить [мяч], упражнение бывает весьма тяжким и требующим больших усилий, поскольку оно сопровождается много численными удушениями, многочисленными борцовскими приемами, так что голова и шея напрягаются от этих удушений, а бока, грудь и живот – от обхватов, толчков, упираний и прочих борцовских приемов»²³⁷. Этот перевод трактата представляется нам удачным, однако передача некоторых терминов, возможно, нуждается в уточнении.

Некоторые из слов, встречающихся в приведенном отрывке, а именно τραχηλισμός, ἄμμα и λαβή, представляют собой вполне традиционные термины античной борьбы. Термином τραχηλισμός, который встречается, к примеру, у Лукиана (Luc. Lex. 5, 4) обозначались разнообразные захваты шеи, широко применявшиеся греческими борцами²³⁸. Их целью было, конечно, удушение противника, однако мы полагаем, что корректнее было бы перевести τραχηλισμός именно как «захват шеи». Впоследствии, как явствует из процитированных выше мест из Афиней и Галена, этот же термин стал использоваться и в сфере упражнений с мячом. Стоит также отметить, что слово τραχηλισμός имело и очень специальное медицинское значение. Орибасий приводит фрагмент сочинения Диокла (IV в. до н. э.), в котором под понятием τραχηλισμός подразумевается состояние скованности шеи, возникающее после сна (Orib. Lib. incert. 40, 4 2).

Терминами ἄμμα (буквально – «узел») и λαβή обозначались захваты вообще, в первую очередь захваты за туловище, и мы бы предложили переводить оба эти термина именно словом «захват», а не «обхват» или «прием». Второй термин встречается в греческой литературе чаще, его мы

²³⁷ Гален. Об упражнении с маленьким мячом. Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, №1. С. 255.

²³⁸ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. № 1. С. 111.

находим у Платона (Pl. *R.* 544b) и Плутарха (Plu. *Fab.* 5, 4). Первым, в свою очередь, пользуется тот же Плутарх (Plu. *Fab.* 23, 2; *Alc.* 2, 2), Псевдо-Лукиан (Ps.-Luc. *Asin.* 10), а также Гален (см. выше). Слово ἄμμια, равно как и слово τραχηλισμός, было заимствовано в медицинскую сферу, где получило специальное значение в сфере массажа. Это, вероятно, было нововведением Галена, который в своем трактате «О поддержании здоровья» сообщает (Gal. *San. Tu.* II, 11 K VI 151): ὥστε εἴ τις ἐθέλοι τὰ κάτω τῶν φρενῶν σπλάγχνα κινῆσαι βιαιότερον, ἐπὶ τε τοὺς εἰρημένους ἡκέτω πόνους καὶ πρὸς τοῦτοις ὅσα διὰ τῆς τῶν ἁμμάτων περιθέσεως τρίβουσι («Так что если кто-нибудь желает более резко привести в движение органы, расположенные ниже диафрагмы, пусть прибегнет к упражнениям, о которых было сказано, а кроме того к массажам, которые выполняются руками, взятыми в замок»).

Внимания заслуживает и понятие περίθεσις (буквально – «наложение» или «наматывание»), употребленное Галеном и в последнем процитированном отрывке, и в приведенном выше месте из трактата «Об упражнении с маленьким мячом». Это относительно редкое слово нашло применение во врачебной сфере. Гален использует его, говоря о наматывании специальных ремней (περίθεσις ἱμάντων) при вывихе ноги (Gal. *Hipp. Fract.* II, 46 K 18b 482) и о наложении лигатуры (Gal. *MM* VI, 5, K X 443). Мы находим это слово в похожих значениях также у врача VI века Аэция (Aët. VIII, 49 59) и уже упоминавшегося Орибасия (Orib. XLVI, 1 78). При этом глагол περιτίθημι, от которого образовано существительное περίθεσις, имел специальное значение в спортивной сфере. Так, он употребляется в значении «обхватить» в процитированном выше отрывке одного из оксиринхских папирусов (P. Оху. III, 466)²³⁹. В спортивном контексте он употребляется и у Галена (Gal. *San. Tu.* II 10 K VI, 143). По всей видимости, термин περίθεσις был частью как медицинского, так и атлетического лексикона, и определить, был ли он

²³⁹ Янзина Э.В., Корнеев О.В. Оксиринхские папирусы как источник знаний об античных единоборствах (P. Оху. III, 466; P. Оху. LXXIX, 5204). Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. Т. 26. С. 665.

заимствован из одной терминологической системы в другую, на данный момент затруднительно.

Другие три связанные с борьбой понятия, ἄλωσις, ἀντίληψις и ἀποστήριξις, употребленные Галеном в сочинении «Об упражнении с маленьким мячом», не входят в число частотных атлетических терминов и поэтому вызывают особый интерес.

Существительное ἄλωσις («отталкивание») образовано от глагола ἄλωθεῖν («отталкивать»). Этот термин несколько раз встречается в «Физике» Аристотеля, где отталкивание выделяется в качестве одного из видов перемещения (Arist. *Ph.* 243ab). Несмотря на то, что толчок соперника, как уже отмечалось, был одним из приемов античной борьбы, термин ἄλωσις не зафиксирован в специальном спортивном значении, за исключением интересующего нас отрывка из галеновского трактата. Вместе с тем исходный глагол ὠθεῖν («толкать») в других приставочных формах (например, συνωθεῖν, «сталкивать») и производное от него существительное ὠθισμός («толкание») используются в контекстах, связанных с борьбой (Ps.-Luc. *Asin.* 9; Luc. *Anach.* 24; Plu. *Quaest.conv.* II, 5 639f). В переводе трактата “De parvae pilae exercitio” мы бы предложили заменить «толчки» именно на «толкания». Здесь Гален не выходит за рамки устоявшегося атлетического лексикона, лишь немного дополняя традиционный термин для модификации его значения.

Термин ἀντίληψις образован от приставочного глагола ἀντιλαμβάνειν («хвататься, браться за что-либо») и, соответственно, является однокоренным с термином λαβή, восходящим к тому же глаголу в его исходной форме. Это многозначное понятие, которое встречается у Галена довольно часто. Так, оно может использоваться в прямом значении «хватание» или «схватывание» (Gal. *UP* I, 9 K III 24): τί ποτ' οὖν ἔργον ἐστὶ τοῦ μέρους ἡμῶν, τῆς χειρός; ἀντίληψις δηλονότι («Так в чем же состоит функция нашего члена тела, руки? Очевидно, что в хватании»). Нередко словом ἀντίληψις обозначается чувственное восприятие, например, обоняние (Gal. *Inst.Od.* 1): ὁ δὲ προκειμένος λόγος ἥκει

διδάξων τίς μὲν ὁ τρόπος ἐστὶ τῆς ἀντιλήψεως τῶν ὀσφραντῶν («В следующем сочинении речь пойдет о том, каким образом происходит восприятие запахов»). В переносном смысле ἀντίληψις может иметь значение «возражение» или «противоречие»: в одном из трактатов Гален говорит о «возражениях софистов», σοφιστῶν ἀντιλήψεις (Gal. AA II, 2 K II 285). В атлетических контекстах, предшествовавших трактату «Об упражнении с маленьким мячом», этого термина мы не находим вовсе, а в этом сочинении он употреблен дважды. Сначала в приведенном выше отрывке в сочетании с прилагательным παλαιστικός (ἀντιλήψεις παλαιστικάς), а затем самостоятельно (Gal. Parv.Pil. 4): καὶ τὸ μὲν ἡπειγμένον ἐν αὐτῷ καὶ ταχὺ χωρὶς συντονίας ἰσχυρᾶς τὸ πνεῦμα μᾶλλον γυμνάζει· τὸ δ' εὐτονον ἐν ταῖς ἀντιλήψεσι καὶ βολαῖς καὶ λαβαῖς, οὐ μὴν ταχύ γε, τὸ σῶμα μᾶλλον ἐντείνει τε καὶ ῥώννυσιν («И подвижная и быстрая игра с мячом без сильного напряжения больше упражняет дыхание, тогда как напряженная, но не быстрая игра с борьбой [за мяч], подачами и приемами больше развивает силу и крепость тела»²⁴⁰).

Возникает закономерный вопрос, можно ли в первом случае считать термин ἀντίληψις синонимичным термину λαβή и переводить его как «захват». И. Джонстон, один из переводчиков трактата на английский язык передает оба эти слова при помощи английского “hold”, то есть «захват»²⁴¹. Другой переводчик, В. Суит не без основания предлагает переводить словосочетание ἀντιλήψεις παλαιστικάί как “wrestler’s counterholds”²⁴², «борцовский контрприем». Такой вариант представляется нам более удачным, ведь при помощи сочетания частиц μὲν и δέ слова τραχηλισμοί и ἀντιλήψεις παλαιστικάί если не противопоставляются, то по крайней мере сопоставляются (Gal. Parv.Pil. 2): πολλοῖς μὲν τραχηλισμοῖς, πολλαῖς δ' ἀντιλήψεσι παλαιστικάς

²⁴⁰ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Об упражнении с маленьким мячом. Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, №1. С. 258).

²⁴¹ Galenus. Hygiene. In 2 vols. Vol. 2. Hygiene II. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball. Cambridge, London, 2018. P. 385.

²⁴² Sweet W.E. Sport and Recreation in Ancient Greece: A Sourcebook with Translations. New York, 1987. P. 97.

ἀναμειγμένον. Можно предположить, что под термином ἀντίληψις Гален подразумевает именно защитный прием против захвата шеи. Помимо этого, в одном месте «Хронографии» византийского писателя Михаила Пселла (XI в.), противопоставляются уже понятия ἀντίληψις и λαβή. Вот что он сообщает об императоре Константине IX (Psell. *Chronogr.* VI 190): ὥσπερ παλαιστῆς ἐκπίπτων τοῦ κύκλου, οὐκ ἐπὶ τὰς αὐτὰς λαβὰς, ἀλλ' ἐπεξουσίαζε ταῖς ἀντιλήψεσι σοβαρώτερον. Мы бы предложили перевести этот отрывок так: «Подобно борцу, который вот-вот будет вытолкнут за пределы круга, он не прибегал к одним и тем же захватам, но побеждал, решительно используя защитные приемы». Представляется, что здесь при помощи термина ἀντιλήψεις описывается осторожная, выжидающая тактика Константина по отношению к египетскому халифу, что служит еще одним подтверждением тому, что этим словом могли обозначаться защитные приемы борьбы.

Что касается второго употребления этого термина в трактате «Об упражнении с маленьким мячом», где, заметим, понятия ἀντιλήψεις и λαβαί очевидно разведены (ἐν ταῖς ἀντιλήψεσι καὶ βολαῖς καὶ λαβαῖς), то и здесь вполне допустимо значение «защита», но уже не защита от борцовского захвата, но защита мяча от соперника. Соответственно, в обоих случаях вариант перевода «защитный прием» кажется нам более близким к древнегреческому оригиналу.

Последний термин, ἀποστήριξις, образован от глагола ἀποστηρίζεσθαι, «упираться», «опираться». Этот глагол встречается в литературе значительно чаще образованного от него существительного. Так, Аристотель использует его в прямом значении в своих зоологических трактатах, например, в трактате «О движении животных» (Arist. *MA* 699a): ὁ δὲ τὸ πλοῖον ὠθῶν ἐν τῷ πλοίῳ αὐτὸς ὢν καὶ ἀποστηριζόμενος πρὸς τὸ πλοῖον εὐλόγως οὐ κινεῖ τὸ πλοῖον διὰ τὸ ἀναγκαῖον εἶναι πρὸς ὃ ἀποστηρίζεται μένειν («Человек, который толкает лодку и при этом находится в ней сам и в нее же упирается, закономерным образом не сдвинет ее с места, так как необходимо, чтобы то, во что он упирается, оставалось неподвижным»). В текстах Гиппократова корпуса этот глагол

наделяется специальными медицинскими значениями. Во-первых, он используется для обозначения скопления жидкости в теле (Hr. *Morb.* IV, 51): καὶ ἥν τι τούτων ἀποστήριξιν πη τοῦ σώματος, ὡς ἐπιτοπλεῖστον ὠνόμασται κεῖθεν τὸ νοῦσημα καὶ ἐπωνυμίην ἔχει («И в большинстве случаев по тому месту тела, где фиксируется одна из этих жидкостей, болезнь получает свое название»²⁴³). В похожем, но более узком значении этот же глагол может применяться для описания возникновения абсцесса (Hr. *Epid.* II, 1, 7). Во-вторых, он связан с локализацией болевых ощущений (Hr. *Prorrh.* 2, 14): χωλὸν δὲ γενέσθαι τὸ ἄρθρον ἐς ὃ ἀπεστήριξεν, ἀναγκαῖόν ἐστιν, ἥν ἄρα καὶ περιγένηται ὁ ἄνθρωπος («Но сустав, где фиксировалась боль, по необходимости останется искалеченным, хотя бы человек и выжил»²⁴⁴).

Существительное ἀποστήριξις – это крайне редкое слово, которое во всем корпусе греческого языка встречается всего четыре раза, дважды у Гиппократов и дважды у Галена, поэтому реконструкция его значения в контексте борьбы представляется непростой задачей. В одном случае Гиппократ использует этот термин в значении «точка опоры» (Hr. *Mochl.* 41): ἡ δ' ἐμβολὴ τοῖσι μοχλικοῖσιν· ἢ τὸ ἐμβαλλόμενον τοῦ ὀστέου, ἥν μὴ ἔχη ἀποστήριξιν, ἀποπρῖσαι τῶν κωλύόντων («Для вправления используются рычаги. Если вправляемая часть кости не дает точки опоры – устранить препятствие при помощи пилы»). Во втором – в значении «фиксирование» (Hr. *Morb.* IV, 57): περὶ δὲ τὴν κοιλίην μούνον διὰ τόδε ὕδρωψ γίνεται· ἐπὶ γὰρ ἀλὲς ἐπιγένηται, καὶ ὁδὸς ἐν ἀρχῇσι μὴ γίνηται ἐς τὸ κάτω, ἀλλ' ἀποληφθῇ ἀλὲς ἐν τοῖσι φλεβίοισιν, ἅτε καὶ ἀναπνοὴν μὴ ἔχον μήτε ἄνω μήτε κάτω, ἀποστήριξιν ἔχει («Водянка, ограничивающаяся животом, происходит так: бывает сильный приток и вначале путь к нижним частям не открыт, а приток к небольшим венам закрыт, и, так как нет дыхания (сообщения с наружным воздухом) ни верхом, ни низом, происходит фиксирование»²⁴⁵). Единственное, не считая трактата «Об упражнении с маленьким мячом»,

²⁴³ Перевод В.И. Руднева (Гиппократ. Сочинения. Кн. 2. М., 1944. С. 152).

²⁴⁴ Там же. С. 333.

²⁴⁵ Там же. С. 161.

употребление этого термина у Галена никак не связано с атлетикой. Рассуждая об удержании, отталкивании и прочих видах движения, он пишет (Gal. *Caus. Symp.* X K VII 254): ἐν ᾗλασι γὰρ τοῖς τοιοῦτοις ἔργοις ἀποστήριξις καὶ τάσιν ὑπάρχειν χρὴ τοῖς ἐνεργοῦσιν («Ибо для выполнения всех этих движений необходимы упор и напряжение»).

Как мы видим, термин ἀποστήριξις был заимствован Галеном из области врачевания в область атлетики. Переводчики пользовались разными средствами передачи этого термина. И. Джонстон полагает, что ἀποστήριξις означает занятие устойчивой позиции в борьбе²⁴⁶, а В. Суит понимает его примерно так же и переводит его словом “stance”²⁴⁷, то есть «стойка» или «поза». Эти варианты кажутся нам допустимыми, но не совсем корректными, так как здесь Гален говорит исключительно о верхней части туловища, а понятия «стойка» или «устойчивая позиция» ассоциируются скорее с положением ног. Специальные медицинские значения этого термина, а также его этимология позволяют предположить, что русский перевод «упирание», выбранный И.В. Пролыгиной, является наиболее удачным. Возможно, словом ἀποστήριξις обозначался и какой-то вид захвата или удержания противника, однако недостаток литературных свидетельств, не позволяет поставить точку в этом вопросе.

Анализ терминологии античной борьбы в трактате «Об упражнении с маленьким мячом» Галена позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, Гален пользуется как традиционными спортивными терминами (τραχηλισμός, ἄμμα и λαβή), так и малоупотребительными или введенными им самим (ἄλωσις, ἀντίληψις и ἀποστήριξις). Во-вторых, некоторые слова из борцовского лексикона были заимствованы в медицинский лексикон: узкие медицинские значения получили слова τραχηλισμός и ἄμμα. В-третьих, некоторые понятия

²⁴⁶ Galenus. Hygiene. In 2 vols. Vol. 2. Hygiene II. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball. Cambridge, London, 2018. P. 385.

²⁴⁷ Sweet W.E. Sport and Recreation in Ancient Greece: A Sourcebook with Translations. New York, 1987. P. 97.

могли иметь независимые друг от друга специальные медицинские и спортивные значения, как, например, существительное περίθεσις. В-четвертых, заимствование могло идти из врачебной сферы в спортивную, как, например, в случае с термином ἀποστήριξις. Это указывает на то, что две терминологические системы древнегреческого языка, спортивная и медицинская, были взаимосвязаны: Гален с легкостью наделяет старые термины новым значением. В-пятых, под термином ἀντίληψις мы предлагаем понимать защитный прием, будь то борьба или игра в мяч. Наконец, перевод термина ἀποστήριξις русским словом «упирание» представляется нам довольно точным, однако его нельзя назвать окончательным.

2.5. «Фрасибул»: спор о терминах

Завершая разговор о физических упражнениях в сочинениях Галена, нельзя обойти вниманием один пассаж трактата «Фрасибул», имеющий самое прямое отношение к терминологической стороне вопроса. В финальной главе этого сочинения мы читаем (Gal. *Thras.* 47): καθάπερ οὖν Ἱπποκράτης καὶ Διοκλῆς καὶ Πραξαγόρας καὶ Φιλότιμος καὶ Ἡρόφιλος ὅλης τῆς περὶ τὸ σῶμα τέχνης ἐπιστήμονες ἦσαν, ὡς δηλοῖ τὰ συγγράμματα αὐτῶν, οὕτως αὖ πάλιν οἱ περὶ Θέωνα καὶ Τρύφωνα τὴν περὶ τοὺς ἀθλητὰς κακοτεχνίαν μετεχειρίσαντο, καθάπερ αὖ καὶ τὰ τούτων δηλοῖ συγγράμματα, παρασκευὴν τέ τι γυμνάσιον ὀνομαζόντων καὶ αὖθις ἕτερόν τι μερισμόν, ἔπειτ' ἄλλο τι τέλειον, ἀποθεραπείαν δ' ἄλλο, καὶ ζητούντων, εἴτε κατὰ τὴν τοιαύτην περίοδον ἀσκητέον ἐστὶ καὶ γυμναστέον τὸν ἀθλητὴν εἴτε κατ' ἄλλον τινὰ τρόπον («Подобно тому, как Гиппократ, Диокл, Праксагор, Филотим и Герофил были знатоками всего искусства, пекущегося о теле, о чем свидетельствуют и их сочинения, так последователи Теона и Трифона, со своей стороны, занимаются порочным искусством, связанным с атлетами, что изобличается и их писаниями. Они называют одно упражнение разминочным, другое частичным, затем третье полным, а четвертое восстановительным и рассуждают о том, следует ли тренировать и упражнять атлета согласно определенному циклу или как-то иначе»).

Если о гимнасте Трифоне из приведенного выше отрывка мы не имеем никаких сведений, то имя Теона Александрийского мы встречаем далеко не первый раз. Именно Галену мы обязаны тем, что до наших дней дошли фрагменты сочинений этого гимнаста. В трактате “De sanitate tuenda” упоминаются труды Теона “Περὶ τῶν κατὰ μέρος γυμνασίων” («О частных видах упражнений») (Gal. *San.Tu.* III, 4 K VI 182) и “Γυμναστικά” («Гимнастика») (Gal. *San.Tu.* III, 8 K VI 209). Привлекательно выглядит предположение, что крикливый гимнаст-самоучка, встреча Галена с которым описана во «Фрасибуле» (*Thras.* 46), есть не кто иной, как Теон²⁴⁸. В прямых и косвенных цитатах из сочинений Теона, приведенных в “De sanitate tuenda”, действительно встречается термин τὸ τέλειον γυμνάσιον («полное упражнение») (Gal. *San.Tu.* III, 8 K VI 209), в качестве синонима к которому может употребляться также выражение τὸ τελεώτατον γυμνάσιον (Gal. *San.Tu.* III, 2 K VI 169). Гален объясняет его следующим образом (Gal. *San.Tu. enda* III, 2 K VI 168–169): οὐδ' οἱ πλεῖστα πονοῦντες ἀθληταὶ κατ' ἄλλο τι γυμνάσιον ἐφεδρεύοντα κόπον ἔχουσι, πλὴν τὸ καλούμενον ὑπ' αὐτῶν τέλειον, οὕτως οὐδ' οἱ βίον ἐλευθέριον ζῶντες ὑγείας μόνης ἔνεκα γυμναζόμενοι κοπωθήσονται ποτε διὰ τὸ μηδ' εἰς ἀνάγκην ἀφικνεῖσθαι τοῦ τοιούτου γυμνασίου. τοῖς μὲν γὰρ ἀθληταῖς ἀναγκαῖόν ἐστιν, ὥς ἂν παρασκευάζωσι τὰ σώματα πρὸς τοὺς ἐν τοῖς ἄθλοις πόνους ἀμέτρους ἔσθ' ὅτε καὶ δι' ὅλης ἡμέρας γινομένους, γυμνάζεσθαι ποτε τὸ τελεώτατον ἐκεῖνο γυμνάσιον, ὃ δὲ καὶ κατασκευὴν ὀνομάζουσι («Даже для атлетов, которые напрягают все свои силы, ни одно упражнение не таит в себе опасности утомления, кроме того, которое они называют “полным”. Точно так же и те, кто живет свободной жизнью и упражняется исключительно для здоровья, никогда не подвергнутся утомлению из-за отсутствия необходимости в подобном упражнении. Атлетам же, когда они подготавливают свои тела к неумеренным нагрузкам на состязаниях, порой длящимся целый день, приходится время от

²⁴⁸ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 16–17. См. также: Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 149.

времени выполнять это “полное” упражнение, которое носит у них также именование “подготовки”»). Причина, по которой Гален столь неодобрительно относится к так называемым «полным» упражнениям, довольно очевидна. Вслед за Гиппократом, провозгласившим девиз “*πόντοι σιτία ποτὰ ὕπνοι ἀφροδίσια, πάντα μέτρια*” («труд, пища, питье, сон, любовь – во всем должна быть мера») (Hippocr. *Epid.* VI, 6 2), Гален говорит о ключевой роли умеренности в попечении о здоровом человеческом теле (Gal. *San.Tu.* II, 12 K VI 159): *εἰς οὖν ἐπὶ τοῦ τοιοῦτου σώματος ὁ σκοπὸς ἐν ἀπάσαις ταῖς ὑγιειναῖς ὕλαις τὸ σύμμετρόν τε καὶ μέτριον* («Итак, для такого тела во всем, что касается поддержания здоровья, цель одна – соразмерность и умеренность»). Показательно, что приведенное выше изречение Гиппократа Гален цитирует в критическом пассаже, направленном против атлетов, которые «каждый день сверх меры изнуряют себя тренировками» (Gal. *Protr.* XI, 4). Кроме того, Галену, как уже не раз отмечалось, свойственно пренебрежительное отношение к спортивным соревнованиям как таковым, причем особенно яростно он нападает на боевые искусства: в трактате «Фрасибул» он утверждает, что современные атлеты «уподобились гомеровскому Эпею, последнему во всех естественных занятиях, но сильному в кулачном бою, применение которому есть только на состязаниях» (Gal. *Thras.* 33). Усиленная подготовка к ним очевидным образом не могла вызвать одобрения Галена.

Что касается термина *ἀποθεραπεία* («восстановительное упражнение»), то его в цитатах из трудов Теона мы не находим, однако Гален прямо говорит о заимствовании этого слова из лексикона «новейших гимнастов» (Gal. *San.Tu.* II, 4 K VI 116), имея, вероятно, в виду того же Теона. В представлении Галена понятие *ἀποθεραπεία* имеет двоякий смысл (Gal. *San.Tu.* III, 2 K VI 167): *ἐν μὲν καὶ πρῶτον, ὡς διττὴ κατὰ γένος ἐστί· ἡ μὲν τις ὡς μέρος, ἡ δ' ὡς εἶδος γυμνασίου. <...> ἅπαντος γυμνασίου καλῶς ἐπιτελουμένου τὸ τελευταῖον μέρος ἀποθεραπεία καλεῖται* («Первое и главное: [восстановление] бывает двух родов: один есть часть упражнения, другой – его разновидность. «Восстановлением»

называется заключительная часть всякого правильно выполняемого упражнения»). Как мы видим, Гален, несмотря на уничижительный тон приведенного выше отрывка из «Фрасибула», нисколько не отрицает, что ἀποθεραπεία действительно может обозначать один из видов физических упражнений. Дело в том, что он придает гораздо большее значение первому роду восстановления, которое само по себе физическим упражнением не является. Это восстановление связано в первую очередь с разнообразными техниками массажа. Им посвящена внушительная часть “De sanitate tuenda” (II, 2–6 К VI 90–125), более половины которой (II, 3–5 К VI 96–119) занимает разбор ошибочных представлений Теона о массаже, вытекающих из неправильного понимания Гиппократата. Здесь Гален применяет свою излюбленную стратегию²⁴⁹: заимствуя термин из атлетической сферы, он корректирует его значение и использует его в полемических целях, чтобы показать читателю невежество своих соперников-гимнастов в их же собственной области знания.

Два оставшихся термина, παρασκευή и μερισμός, в специальном спортивном значении в галеновском корпусе, кроме процитированного выше отрывка, не встречаются. Тем не менее мы имеем возможность восстановить их значение благодаря одному месту из «Гимнастики» Флавия Филострата. У него мы читаем следующее (Philostr. *Gymn.* 47): προσεκτέα δὲ οὐδὲ ταῖς τῶν γυμναστῶν τετράσιν, ὑφ’ ὧν ἀπόλωλε τὰ ἐν γυμναστικῇ πάντα. ἡγούμεθα δὲ τὴν τετράδα κύκλον ἡμερῶν τεττάρων ἄλλο ἄλλην πράττουσαν· ἡ μὲν γὰρ παρασκευάζει τὸν ἀθλητὴν, ἡ δ’ ἐπιτείνει, ἡ δὲ ἀνίησιν, ἡ δὲ μεσεύει. ἔστι δὲ τὸ παρασκευάζον γυμνάσιον σύντονος πρὸς βραχὺ καὶ ταχεῖα κίνησις ἐγείρουσα τὸν ἀθλητὴν καὶ [σὺν] τῷ μέλλοντι μόχθῳ ἐφιστᾶσα, τὸ δὲ ἐπιτεῖνον ἔλεγχος ἀπαραίτητος τῆς ἐναποκειμένης ἰσχύος τῇ ἔξει, ἡ <δ’> ἀνεσις [ὥς] ὥρα κίνησι[v] [καὶ] ξὺν λόγῳ ἀνακτωμένη, ἡ δὲ μεσεύουσα τῶν ἡμερῶν διαφεύγειν μὲν τὸν ἀντίπαλον, διαφυγόντος δὲ μὴ ἀνιέναι («Никоим образом не следует применять

²⁴⁹ König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge, 2005. P. 269.

гимнастические тетрады, из-за которых все в гимнастике пришло в упадок. Под тетрадой мы подразумеваем цикл из четырех дней, каждый из которых посвящен отдельному занятию, то есть первый день занят подготовкой атлета, второй изнурительной тренировкой, третий – отдыхом, а четвертый – тренировкой средней степени тяжести. Подготовительное упражнение представляет собой резкое и быстрое движение, выполняемое непродолжительное время. Оно бодрит атлета и настраивает его на предстоящие нагрузки. Изнурительная тренировка подвергает беспощадному испытанию телесную силу атлета. Передышка – то время, когда последовательно восстанавливается движение. Наконец, в день, занятый тренировкой средней степени тяжести, атлет учится как ускользать от противника, так и не терять хватки, когда ускользает противник». То, что Гален и Филострат говорят об одних и тех же практиках с использованием различной терминологии, было замечено уже давно²⁵⁰. Кажется очевидным, что галеновским понятиям *παρασκευή*, *τὸ τέλειον γυμνάσιον* и *ἀποθεραπεία* соответствуют *τὸ παρασκευάζον γυμνάσιον*, *τὸ ἐπιτεῖνον γυμνάσιον* и *ἄνεσις* у Филострата, а вместо существительного *μερίσμός* из «Фрасибула» Галена в «Гимнастике» Филострата употребляется глагол *μεθεύειν*. Причина неприятия Галеном упражнения, носящего название *μερίσμός*, как показывает описание тренировки средней степени тяжести, предложенное Филостратом, мало отличается от той причины, по которой он отвергает и «полное» упражнение. Это «частичное» упражнение предназначено для борцов, а то, как Гален относится к упражнениям, направленным исключительно на развитие борцовских навыков, недвусмысленно выражено в том же «Фрасибуле»: людям, занятым естественными (*κατὰ φύσιν*) человеческими занятиями, он противопоставляет тех, «для кого упражнения самоценны, и кто оттачивает умение опрокинуть соперника» (*οἷς αὐτὸ τοῦτ' ἔστιν ἀγώνισμα τὸ γυμνάζεσθαι καταβλητικὴν τῶν ἀντιπάλων ἰσχὺν ἐπασκοῦσιν*) (Gal. *Thras.* 9). Понятие

²⁵⁰ Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909. S. 285.

παρὰσκευή в значении «разминочное» или «подготовительное» упражнение могло, в свою очередь, казаться Галену недостаточно специализированным. Это слово используется в его трактатах в широком значении «подготовка», причем это может быть как подготовка к состязаниям (Gal. *Alim.Fac.* I, 2 K VI 487), так и «софистическая подготовка» (Gal. *Hipp.Epid.* VI II, 39 VI K XVIIa 977). Оно означает также, к примеру, и «приготовление лекарств» (Comp. *Med. Gen.* II, 1 K XIII 469). При этом Гален не имеет ничего против однокоренного с παρὰσκευή термина τὸ παρὰσκευαστικόν (sc. γυμνάσιον), который несколько раз встречается в “De sanitate tuenda” (Gal. *San.Tu.* III, 11 VI 222, 223, 225). Характеристика этого упражнения, предложенная Галеном, похожа на ту, о которой говорит Филострат (Gal. *San.Tu.* III, 11 VI 222): ἔστι δὲ δήπου τὸ παρὰσκευαστικὸν γυμνάσιον ἐν μὲν τῇ ποσότητι τῶν κινήσεων ἔλαττον τοῦ συμμέτρου, κατὰ δὲ τὴν ποιότητα συντονώτερόν τε καὶ ὀξύτερον («Подготовительное упражнение, конечно, уступает умеренному в количестве движений, но в качественном отношении оно интенсивнее и быстрее»). Стоит отметить, что здесь под τὸ σύμμετρον подразумевается не абстрактная категория соразмерности или умеренности, как в процитированном выше отрывке, – термином τὸ σύμμετρον γυμνάσιον Гален обозначает упражнение, не являющееся ни медленным, ни быстрым (Gal. *San.Tu.* II, 12 VI 157). Таким образом, в случае с παρὰσκευή разногласия Галена с представителями атлетической среды носят по большей части лингвистический характер: обширному понятию παρὰσκευή он предпочитает более специализированное τὸ παρὰσκευαστικὸν γυμνάσιον. Впрочем, с практической точки зрения этот термин имеет крайне узкую сферу применения: в единственной главе “De sanitate tuenda”, где он фигурирует, речь идет исключительно об упражнениях, призванных восстановить организм после половой близости.

2.6. Итоги: гуманная гимнастика

Рассмотренные нами причины галеновской критики атлетических терминов и практик прямо вытекают из отличия его концепции физических

упражнений от принятой у большинства современных ему гимнастов. Одна из важнейших претензий Галена к Теону состоит в том, что тот считает свой опыт подготовки спортсменов универсальным и распространяет его в своих сочинениях на людей, не являющихся профессиональными атлетами (Gal. *San. Tu.* III, 8 VI 212). Гален предлагает иной метод (Gal. *Hipp. Epid.* VI III, 2 VI K XVIIb 8): κατὰ τὰς ἑξείς καὶ κατὰ τὰς ἡλικίας καὶ τὴν δύναμιν <καὶ τὴν κρᾶσιν> καὶ τὸ ἔθος ἐξευρίσκειν ἑκάστῳ προσήκει τὸ ἐπιτήδειον γυμνάσιον («Следует подбирать каждому человеку подходящее упражнение в соответствии с состоянием его тела, возрастом, силой, темпераментом и характером»). На последнем замечании следует остановиться подробнее. Руководствуясь существовавшей еще со времен Гиппократов идеей о влиянии баланса телесных соков на состояние не только самого тела, но также души и разума человека²⁵¹, Гален отмечает, что недостатки характера могут быть обусловлены дурными привычками, касающимися не только пищи, питья и зрелищ, но и физических упражнений (Gal. *San. Tu.* I, 8 K VI 40). Лучшими упражнениями он называет те, которые способны оказать благотворное влияние и на душу (Gal. *Parv. Pil.* 1). То, чем занимаются атлеты в палестрах, конечно, не может быть полезным для их душевного состояния (Gal. *Protr.* 11, 1), тем более что они, согласно Галену, даже не знают, есть ли у них душа (*ibid.*). Стоит отметить, что среди античных медиков не было консенсуса относительно границ между уходом за телом и уходом за душой и, соответственно, между медициной и философией. Если для Галена лучший врач – это одновременно и философ, то, например, Соран скептически относился ко вмешательству медицины в вопросы воспитания и образования²⁵².

В описании упражнения с маленьким мячом встречается неожиданный эпитет – φιλόανθρωπον (Gal. *Parv. Pil.* 2), «человеколюбивое» (упражнение).

²⁵¹ Galen and the World of Knowledge. Ed. By Christopher Gill, Tim Whitmarsh and John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 202–203.

²⁵² Подробнее см.: Coughlin S. Athenaeus of Attalia on the Psychological Causes of Bodily Health // Mental Illness in Ancient Medicine: From Celsus to Paul of Aegina. Ed. by Chiara Thumiger and P. N. Singer. Leiden, Boston, 2018. P. 140–141.

Имеется в виду, что благодаря великому разнообразию форм и техник выполнения оно доступно и безопасно для людей любого телосложения и возраста, всякого достатка и рода деятельности. Однако найдя идеальное, по его мнению, упражнение, Гален не считает нужным предписывать его всем без исключения, ведь это было бы как раз в духе его оппонентов. Он всегда сохраняет верность своей идее гибкого подхода к человеку, и поэтому сам термин γυμνάσιον понимается в его трудах очень широко. Как мы имели возможность заметить, им он обозначает не только традиционные формы упражнений, например, прыжки, метание диска или бег, но также и пешие или конные прогулки, охоту, греблю, жатву или даже обрезку винограда (Gal. *San. Tu.* II, 8 K VI 134–135). При этом Гален готов использовать в медицинских целях и столь нелюбимые им борьбу и панкратион (Gal. *San. Tu.* II, 12 K VI 158):
μυρίους γοῦν ἡμεῖς <...> διὰ μόνης γυμναστικῆς ἀνερρώσαμεν οὐκ ἀπαγαγόντες ἀπὸ τῶν οἰκείων γυμνασίων, ἀλλ', εἴτ' ὀρχηστικὸς ἦν ὁ ἄνθρωπος εἴθ' ὀπλομαχικὸς εἴτε παγκρατιαστικὸς εἴτε παλαιστρικὸς εἴθ' ὅτιοῦν ἄλλο, τὰς ἐν ἐκείνῃ τῇ τέχνῃ κινήσεις ἀπάσας αὐτὸν ἐπιτάξαντες ἡμῶν παρόντων κινηθῆναι καὶ αὐτῶν ἐκλεξάμενοι τὰς ἐπιτηδειοτάτας ἅμα καιρῷ τε καὶ μέτρῳ προσετάττομεν ταύταις χρῆσθαι («Ведь мы вернули силы бесчисленному количеству людей одной только гимнастикой. Мы не запрещали им выполнять их собственные, привычные упражнения, но в зависимости от того, был человек танцором, воином, панкратиастом, борцом²⁵³ или еще кем-то, мы приказывали ему произвести в нашем присутствии все движения, используемые в его искусстве, и, выбрав наиболее подходящие из них, давали предписания для времени и объема их выполнения»). Это, конечно, можно рассматривать и в качестве очередного выпада против гимнастов: под руководством Галена даже вредные практики палестры могут быть употреблены на пользу.

²⁵³ Гален не делает различия между παλαιστικός («борцовский») и ὁ παλαιστρικός («относящийся к палестре») (Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 376).

Примечательно, что Флавий Филострат, апологет атлетической культуры, видевший в ней воплощение классической культуры Греции²⁵⁴, в процитированном выше отрывке «Гимнастики» высказывает идеи, очень схожие с идеями Галена, своего оппонента. Строгое следование пресловутым тетрадам, циклическим тренировкам, подразумевает полное невнимание к личным особенностям и потребностям атлетов, то есть тот порочный универсализм гимнастов, против которого выступает Гален. Его последствия могут быть трагическими: Филострат рассказывает, как один неумелый и грубый гимнаст (ἀγύμναστος καὶ ἀπαιδέυτος γυμναστής) тетрадами довел атлета до смерти (Philostr. *Gymn.* 54). Известно, что гимнасты прибегали и к телесным наказаниям²⁵⁵, не говоря уж о том, что и диета атлетов была принудительной (не случайно ее греческое название – ἀναγκοφαγία). Насилию невежественных гимнастов Гален противопоставляет индивидуальный подход и свободное творчество подлинных знатоков искусства, пекущегося о теле (ἡ περὶ τὸ σῶμα τέχνη), к числу которых, несомненно, он относит и самого себя.

Полемика Галена с гимнастами стала одним из стимулов к созданию систематического описания атлетических практик древности, представленного в текстах галеновского корпуса. Эти тексты служат основным, а в некоторых случаях и единственным источником для изучения античного спорта, и особенно древнегреческой спортивной терминологии, причем Галену принадлежит значительная роль не только в ее объяснении, но и в самом ее создании. Нередко за терминологическими спорами скрываются не лингвистические, но более глубокие, концептуальные разногласия. На примере отрывка из «Фрасибула», процитированного в начале, мы видим, что критика используемых гимнастами терминов является на самом деле отражением нового «гуманистического» подхода Галена к человеку как таковому.

²⁵⁴ König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge, P. 303, 305.

²⁵⁵ Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2016. Т. 20. С. 1152–1153.

Глава третья. Атлетическая терминология: метафорика и риторика

Еще в первой половине XIX века Иоганн Генрих Краузе, автор одного из основополагающих научных трудов, посвященных античной атлетике, отметил: „Einen bedeutsamen Beweis von der ausserordentlichen Betriebsamkeit der Hellenen in der Gymnastik und Agonistik kann der vielfache und der vom Homeros an bis auf die spätesten Schriftsteller überall begegnende metaphorische Gebrauch von gymnastischen und agonistischen Kunstausdrücken gehen“²⁵⁶ («Немаловажным свидетельством исключительного усердия эллинов в области гимнастики и агонистики может служить частое метафорическое использование гимнастических и агонистических технических терминов, повсеместно встречающееся начиная с Гомера и заканчивая позднейшими писателями»). Мы уже обращались к спортивным метафорам в нашей работе – вспомним Дионисиодора из платоновского «Евтидема», «подхватившего слово, будто мяч» (Pl. *Euthd.* 277b) или новеллу «Лукий, или Осел», где за терминами палестры кроется эротическое содержание (Ps.-Luc. *Asin.* 8). Множество метафор, связанных с борьбой, описано в уже цитировавшихся работах М. Поляков “Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports” и Э.В. Янзиной «Античная борьба». Позволим себе привести еще несколько ярких, на наш взгляд, примеров атлетической метафорики.

Так, в древнегреческом атлетическом лексиконе существовало понятие ἀκονίτι (Philostr. *Gymn.* 11): παγκράτιον γοῦν καὶ πυγμὴν [καὶ πάλην] ἀκονίτι στεφανοῦν δεινὸν ἡγούμενοι τὸν παλαιστήν οὐκ ἀπελαύνουσιν, ἐπειδὴ ὁ νόμος τὴν τοιάνδε νίκην μόνη ξυγχωρεῖν φησι τῇ γυρῷ καὶ ταλαιπώρῳ πάλῃ («В то время как элидцы считают странным, если победа в панкратионе или кулачном бое достанется кому-то “без пыли”, они не воспрепятствуют этого борцам, потому как закон гласит, что подобная победа допускается только в приносящей муки и “круглой” борьбе»). Дословный перевод термина ἀκονίτι – «без пыли» (от κόνις

²⁵⁶ Krause J.H. Theagenes oder wissenschaftliche Darstellung der Gymnastik, Agonistik und Festspiele der Hellenen. Halle, 1835. S. XI.

– «пыль», «песок»). Под *kónis* имеется в виду специальная гимнастическая пыль, которой посыпали себя борцы перед состязанием, а также пыль, которой была покрыта площадка палестры. «Победа без пыли» означает, что один из соперников отказался от участия или опоздал на соревнование или же что на соревнование вовсе никто не явился, кроме единственного участника, который в таком случае и объявлялся победителем. Довольно часто это наречие можно встретить в контекстах, никак не связанных со спортивными состязаниями, в значении «без усилий» или «без борьбы». Фукидид пользуется им, сообщая, что спартанский полководец Брасид рассчитывал на победу без боя (Th. IV, 73 2): ἀκονιτὶ τὴν νίκην δικαίως ἂν τίθεσθαι. Точно так же Ксенофонт говорит о победах без боя, одержанных царем Агесилаем (X. Ages. 6, 3): ἐν τοῖς ἀγῶσι δὲ οὐδὲν ἥττον τοὺς ἀκονιτὶ ἢ τοὺς διὰ μάχης νικῶντας στεφανοῦσι. Наконец, Дионисий Галикарнасский пишет, что соратники знаменитого Луция Сикция не могли поверить, что он погиб без сопротивления (D.H. Ant.Rom. XI, 27 5): οὐ γὰρ ἀκονιτί γ' ἂν ἐδόκουν ἀποθανεῖν Σίκκιον.

Особенно интересны, на наш взгляд, атлетические образы в текстах христианских писателей, ведь, как известно, с ранних веков христианства отношение Церкви к атлетике было в лучшем случае сдержанным, а чаще всего прямо враждебным²⁵⁷. Поэтому мы не без удивления читаем следующие строки в послании к коринфянам Климента Римского (ок. 50 – ок. 100 г. н.э.) (Clem. Rom. Ep. 1 ad Cor. 7): ἐν γὰρ τῷ αὐτῷ ἐσμὲν σκάμματι, καὶ ὁ αὐτὸς ἡμῖν ἀγὼν ἐπὶκείται («Ибо мы находимся на одной площадке, и нам предстоит общее соревнование»). Еще более любопытный пример находим у Евагрия Понтийского (345–399 гг. н.э.), который пишет, что нестяжательный монах подобен «не схваченному за середину атлету и легкому бегуну»: (Evagr. De octo spirit. 8 PG 79 Col. 1153) ἀκτῆμων μοναχὸς, ἀθλητῆς ἀμεσολάβητος, καὶ δρομεὺς κοῦφος. Выше (с. 137) мы уже упоминали борцовские выражения μέσον διαλαμβάνειν и μεσολαβεῖν. Прилагательным ἀμεσολάβητος, соответственно,

²⁵⁷ См., например: Remijsen S. The End of Greek Athletics in Late Antiquity. Cambridge, 2015. P. 181–198.

обозначался атлет, избежавший захвата за туловище. Это считалось весьма значимым достижением, и мы располагаем рядом эпиграфических памятников, в которых это ставится в заслугу атлету (Mylasa 250; SEG 42:1186 и др.). У Евагрия, как мы видим, этот эпитет играет новыми красками в контексте борьбы со страстями.

Немало средств художественной выразительности, взятых из атлетической сферы, встречается и в галеновских сочинениях. В настоящей главе нашей работы мы рассмотрим эти образы, сравнения и метафоры, а также проанализируем, как Гален пользуется спортивной лексикой в риторических целях.

3.1. Спортивные метафоры в анатомии и физиологии (“De usu partium”)

Среди всех областей медицины, которые Гален обогатил своими сочинениями, анатомия занимает виднейшее место, а ее изучение, как замечает Ю. Рокка, было для него не просто подспорьем во врачебной практике, но способом познания сложной архитектоники природного мира²⁵⁸. До нашего времени дошло более десятка анатомических работ Галена²⁵⁹, в число которых входит и обширный трактат «О назначении частей человеческого тела», включающий, например, такое описание нервов гортани (Gal. *UP* VII, 14 K III 580): ὁ μὲν οἶον ἄξων, ὁ τὴν ἀρχὴν τῆς κινήσεως λαμβάνων, ἡ ἐξ ἐγκεφάλου τῶν νεύρων ἐστὶν ἑκφυσις· ἡ δ' οἶον τροχιλία τὸ μέρος ἐκεῖνο τοῦ θώρακος, ὅθεν ὑποστρέφειν ἄρχεται τὰ νεῦρα. διαύλῳ δ' εἰκάζων αὐτῶν τὴν φορὰν οὐ τροχιλίαν ἐρεῖς ἐκεῖνο τὸ μέρος, ἀλλὰ τὸν καλούμενον καμπτήρα, περὶ ὃν οἱ θέοντες δόλιχον ἐν κύκλῳ κάμπτοντες αὖθις εἰς τοῦπίσω φέρονται τὴν αὐτὴν ὁδόν, ἣν πρότερον ἦνυσαν. αὕτη σοι καὶ τοῦ μὴ πρότερον ὑποστρέψαι τὸ νεῦρον ἢ αἰτία, καίτοι γ' οὕτω μακρὰν ὁδὸν δι' ὅλου τε τοῦ τραχήλου καὶ προσέτι τοῦ θώρακος οὐκ ὀλίγου μέρους διερχόμενον, ὅτι μηδὲν εἶχε τοιοῦτον μόριον οἶον νύσσης τινὸς ἢ τροχιλίας αὐτῷ παρασχέσθαι χρεῖαν («Выходящий из головного мозга пучок нервов является,

²⁵⁸ Rocca J. *Anatomy // Cambridge Companion to Galen*. Cambridge, 2008. P. 242.

²⁵⁹ Полный список см.: Ibid. P. 258.

наподобие оси, началом движения. Та же часть грудной клетки, где нервы начинают поворачиваться, подобна блоку. Сравнивая их путь с путем двойного бега при состязании, ты увидишь, что эта часть представляет собой не блок, а то, что называется поворотным камнем (метой); бегуны, проходящие двойной путь, поворачиваются в круге и снова следуют по тому пути, который они только что пробежали. Причина же, почему нерв не возвращается обратно раньше несмотря на то, что прошел такой длинный путь вдоль шеи и значительной части грудной клетки, заключается в том, что никакая часть грудной клетки не могла служить ему поворотным камнем (метой) или блоком»²⁶⁰).

В приведенном отрывке встречаются сразу несколько спортивных терминов: *δίαιλος*, *δόλιχος*, *καμπτήρ* и *νύσσα*. Первые три уже были нами прокомментированы в предыдущей главе (с. 103, 108), последний же может обозначать как поворотный столб ристалища (*II. XXIII, 332*), будучи синонимом существительного *καμπτήρ*, так и его начальный (*II. XXIII, 758*) или конечный (*A.R. III, 1272*) столб. В этом развернутом сравнении отсутствует четкое разделение между двойным (*δίαιλος*) и длинным (*δόλιχος*) бегом, что совершенно верно подметил и переводчик, передавший эти термины почти одинаково, хотя они ни в коем случае не являются синонимами. Действительно, здесь различие между двумя видами бега не играет никакой роли, так как античные бегуны огибали мету и бежали обратно не только при двойной, но и при длинной дистанции, о чем сообщает, например, Marrou²⁶¹.

Продолжая то же описание нервов гортани, Гален использует выражение *χωρίς καμπῆς* (*Gal. UP VII, 14 K III 581*): *οὐ μὴν οὐδὲ χωρὶς καμπῆς ἀσφαλὲς ἦν ἀπὸ τοῦ μεγάλου νεύρου σμικρὸν νεῦρον ἀποφύσασαν ἐπανάγειν οὕτως ἐπὶ τὸν λάρυγγα* («Все же было бы неосторожно без загиба вернуть в гортань

²⁶⁰ Перевод С.П. Кондратьева (Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. М., 1971).

²⁶¹ Marrou H.-I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris, 1965. P. 186.

маленький нерв, отделившийся от большого»²⁶²). Напомним, что с этим выражением мы уже сталкивались в пассаже из “De sanitate tuenda”, посвященном одному из беговых упражнений: тогда под словосочетанием χωρὶς καμπῆς подразумевался резкий поворот бегунов без огибания меты. Гален снова обращается к этому образу в предпоследней книге трактата «О назначении частей человеческого тела» (Gal. *UP* XVII, 4 K IV 282) ἀλλ' οὐχ οἷον τ' ἦν αὐτὰ παλινδρομῆσαι χωρὶς καμπῆς, ὥστ' ἀναγκαῖον ἐγένετο τῇ φύσει ζητῆσαι τοῖς νεύροις οἷον νύσσαν τινά, περὶ ἣν ἐξελίξασα τῆς μὲν ἐπὶ τὰ κάτω φορᾶς αὐτὰ παύσειεν, ἀγαγεῖν δ' ἄρξαιτο πρὸς τὸν λάρυγγα ταύτην τὴν νύσσαν («Ведь эти нервы не могли возвратиться назад, не делая поворота, поэтому природа была вынуждена искать для них нечто вроде столба, вокруг которого она бы обернула эти нервы, остановив их продвижение к нижним частям и положив здесь исходную точку их возвращения к гортани»²⁶³). В этом отрывке термин νύσσα означает и поворотный, и начальный столб.

Кроме других случаев, когда Гален прибегает к термину διάυλος, говоря о строении нервов (Gal. *UP* VII 14 K III 575, 579), им он пользуется и для описания кровотока (Gal. *UP* VI 10 K III 454): τὸ αἷμα μάτην κινεῖσθαι διάυλόν τινα τοῦτον ἀκατάπαυστον («Кровь проходит без пользы и без перерыва этот двойной путь»²⁶⁴). Для полноты картины можно, пожалуй, присовокупить еще один пример употребления этого термина, никак не связанный с анатомией. В другом своем трактате Гален называет словом διάυλος ход мысли, поворачивающей от сложного к простому, а затем обратно, и тем самым «катающейся» между двумя крайностями (Gal. *Diff.Puls.* II, 7 K VIII 609): καὶ τοῦτον τὸν διάυλον κάμπτοντά τε καὶ κυλινδούμενον ἐν τῷ μέσῳ τῶν ἄκρων.

²⁶² Перевод С.П. Кондратьева (Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. М., 1971. С. 279).

²⁶³ Там же. С. 514.

²⁶⁴ Там же. С. 234.

В текстах гиппократовского корпуса мы не находим ни термина *καμπτήρ*, ни термина *νύσσα*, однако одно место из трактата «О рычаге»²⁶⁵ содержит небезынтересный пример заимствования другого связанного с бегом понятия в медицинский лексикон. По отношению к кости Гиппократ использует (Нр. *Mochl.* 1.) редчайшее прилагательное *βαλβιδῶδες*, которое В.И. Руднев переводит словосочетанием «с углублениями»²⁶⁶. Термином *βαλβίς*²⁶⁷ традиционно обозначался специальный барьер, например, канат²⁶⁸ (Лус. 13), от которого стартовали бегуны (Е. *Med.* 1245; Нлд. IV, 3) или колесницы (А.Р. III, 1272), или, наоборот, финишная линия (Poll. III, 147), а также опора²⁶⁹, на которую ставили ногу метатели диска перед броском (Philostr. *Im.* I, 24). В словаре вышедших из употребления слов, встречающихся у Гиппократа, Гален объясняет специальное медицинское значение этого термина очень емко (Gal. *Gloss.* В К XIX 87): *κοιλότης παραμήκης* («продолговатая выемка»). Возможно, барьер на стадионе мог также иметь форму неглубокой канавки, и появление термина *βαλβίς* в медицинских контекстах обусловлено именно этим. Косвенным образом это подтверждается еще одним синонимом этого термина, приведенным Поллуksom (Poll. III, 147), – *γραμμή*, то есть буквально «черта» или «линия».

²⁶⁵ Этот текст представляет собой конспект двух других гиппократовских сочинений, «О суставах» и «О переломах». См.: *Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré.* Т. 1. Paris, 1839. Р. 248–254; 340–341. Э. Литтре включает все три произведения в список подлинных творений Гиппократа, однако насчет трактата «О рычаге» В.И. Руднев высказывает сомнения. См.: Гиппократ. Сочинения. Кн. 3. М.; Л., 1941. С. 88.

²⁶⁶ Гесихий в своем лексиконе даст такое определение прилагательному *βαλβιδῶδες* (Hsch. В 136): *τὸ ἔχον ἐκατέρωθεν ἐπαναστάσεις* («имеющий возвышения с двух сторон»).

²⁶⁷ Подробнее см.: Miller S.G. *Ancient Greek Athletics.* New Haven and London, 2004. Р. 35–38.

²⁶⁸ По всей вероятности, этот барьер мог представлять собой и некое механическое приспособление. Для него существовал термин *ὑσπληξ* (*ὑσπληγξ*), который Поллукс называет в числе синонимов термина *βαλβίς* (Poll. III 147). Этот механизм использовался как для беговых состязаний (Sch. D.P. 121), так и для гонок колесниц (IvP I 10). Его устройство пока не реконструировано (“contrivance of uncertain nature” – так звучит одно из определений слова *ὑσπληξ* в словаре LSJ). Подробнее о *ὑσπληξ* см.: Valavanis P. *Hysplex: The Starting Mechanism in Ancient Stadia. A Contribution to Ancient Greek Technology.* Berkeley; Los Angeles; London, 1999.

²⁶⁹ Подобную опору можно наблюдать в нижней части знаменитой скульптуры «Дискобол».

Рис. 6. Барьер (βαλβίς), от которого стартовали бегуны на стадионе в Немее (320–280 гг. до н.э.). University of California at Berkeley, Nemea Excavations Archives, no stad. 78.34.

Даже движение воздуха в органах речи описывается в трактате «О назначении частей человеческого тела» с использованием атлетической (или, возможно, военной²⁷⁰) лексики (Gal. *UP* VII, 4 К III 522): δέδεικται γὰρ ἐν τοῖς *Περὶ φωνῆς ὑπομνήμασιν*, ὡς οὐχ ἅπασα πληγὴ τοῦ ἀέρος ἰκανὴ φωνὴν ἀπεργάσασθαι, χρῆναι γὰρ δὴ συμμετρίαν ὑπάρχειν τινὰ τῆς τοῦ πλήττοντος οὐσίας τε ἅμα καὶ ῥώμης, ὡς ἐπ' ὀλίγον ἀνθίστασθαι τὸν ἀέρα, καὶ μὴ κατὰ τὴν πρώτην ἐμβολὴν ἀνατραπῆναι νικηθέντα («В своем труде “О голосе” я доказал, что не всякий удар воздуха способен вызвать звук, но что необходимо известное соотношение между субстанцией ударяемого тела и силой, с которой в течение известного промежутка воздух мог бы сопротивляться и не был бы отброшен, побежденный при первом столкновении»). Термин ἐμβολή использовался для обозначения атакующих действий борцов, и Э.В. Янзина предлагает для него вариант перевода «атака во фронтальной плоскости»²⁷¹.

²⁷⁰ Словом ἐμβολή может обозначаться сражение (X. *Сур.* II, 3 17) или атака (X. *Сур.* VII, 1 18).

²⁷¹ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 128.

3.2. Медицинские агоны

В первой главе нашей работы (с. 21) мы упоминали, что медицинская и литературная деятельность Галена протекала в беспокойной атмосфере конкуренции с другими врачами. Особой ожесточенностью она отличалась, конечно, в Риме, где уроженцу Пергама удалось добиться признания в самых высших кругах общества, несмотря на противодействие коллег по цеху²⁷². В корпусе галеновских сочинений мы встречаем множество критических пассажей, направленных против его предшественников и современников, занимавшихся врачебным искусством, а некоторые трактаты, например, “*De venae sectione adversus Erasistratum*” («О веносечении: против Эрасистрата») или “*Adversus Lycum*” («Против Лика²⁷³»), специально посвящены полемике с кем-то из них. Порой эти критические пассажи включают в себя образы, которые были близки и понятны каждому эллину, – образы спортивных состязаний.

В трактате “*De purgantium medicamentorum facultate*” («О силе очищающих лекарств») Гален нападает на Асклепиада в таких выражениях (Gal. *Purg. Med. Fac.* 1 K XI 324): λέλεκται δ' οὐδὲν Ἱπποκράτει πρὸς τὴν τοιαύτην δόξαν. οὐπω γὰρ οὗτ' Ἀσκληπιάδης ἦν κατ' αὐτὸν ὁ προφανῶς ἀναισχυντήσας τε καὶ ὡς ἐπ' ἄθλόν τινα κατὰ τῆς ἀληθείας ἀποδυσάμενος («Гиппократ ничего не сказал против такого мнения. А Асклепиад²⁷⁴ с его открытым бесстыдством,

²⁷² Подробнее см.: Schlange-Schöningen H. Die römische Gesellschaft bei Galen. Biographie und Sozialgeschichte. Berlin, New York, 2003. S. 137–172. См. также: Boudon-Millot V. Galien de Pergame: Un médecin grec à Rome. Paris, 2012. P. 125–131.

²⁷³ «Лик, ученик Квинта и известный анатом, долгое время жил в Македонии, но в конце жизни переехал в Рим. Гален знал его только по критическим комментариям на Гиппократа и часто с ним полемизировал (в 182 г. написал трактат «Против Лика», посвященный критике его учения<...>). Обычно он представляет его как не благодарного ученика Квинта, который не понял учения ни своего учителя, ни Гиппократа <...> Квинт практиковал в Риме незадолго до Галена. Он не оставил письменного наследия, но у него было много учеников, в том числе Нумизиан, Сатир, Эфициан и Лик. В своих комментариях Гален часто косвенно ссылается на интерпретации Квинта, которые он всегда критикует» (Гален. О порядке собственных книг // Историко-философский ежегодник, 2016. С. 63).

²⁷⁴ Асклепиад Вифинский (129/124 – ок. 40 н. до н.э.) – древнегреческий врач, трудившийся в Риме. Согласно Галену (Gal. *San. Tu.* I, 8 K VI 37), это был один из немногих врачей, отрицательно относившихся к физическим упражнениям как таковым. Впрочем, Сингер убедительно доказывает, что это преувеличение и Асклепиад не придерживался столь экстремальной точки зрения (Galen:

будто бы разоблачившийся для некоего состязания против истины, еще не жил в то время»). Как известно, греки соревновались в обнаженном виде, причем для раздевания перед началом игр традиционно использовался глагол ἀποδύεσθαι²⁷⁵ (Philostr. *Gymn.* 17, 26, 35, 46, 48). Разумеется, в этом не было ничего постыдного, даже наоборот, публичная нагота, по остроумному замечанию Л. Бонфанте, была «костюмом» греческого гражданина²⁷⁶, но здесь Гален обыгрывает обычную практику стадионов, и нагота Асклепиада, раздевшегося для поединка с истиной, дополнительно подчеркивает его бесстыдство. При этом в роли защитника истины выступает сам автор, также готовый к соревнованию (Gal. *Purg.Med.Fac.* 1 К XI 325): δίκαιον ἂν εἴη περὶ τῆς ἀληθείας ἀνθ' Ἱπποκράτους ἡμᾶς ἀγωνίσασθαι («Было бы, пожалуй, справедливо, чтобы мы вступили в борьбу за истину вместо Гиппократата»). Употребленный здесь глагол ἀγωνίζεσθαι входит в базовый спортивный лексикон в значении «состязаться» (Hdt. II, 160; Pl. *Hr.Mi.* 364a и др.). Далее, вызывая на поединок последователей Асклепиада и Эратосфена, Гален пишет (Gal. *Purg.Med.Fac.* 2 К XI 328): ἤκοντες τοίνυν ἐπὶ τὸν ἄθλον οἱ τε μετρίως ἀναίσχυντοι τῶν σοφιστῶν οἱ τ' ἐσχάτως ἀγωνιζέσθωσαν ὥσπερ ἐν σταδίῳ μὴ λόγοις πρὸς με μηδὲ λήροις μακροῖς, ἀλλ' αὐτοῖς τοῖς ἔργοις, εἰς ἃ προσκαλοῦμαι κατὰ τὴν πολυανθρωποτάτην πόλιν τήνδε («Однако собравшиеся на соревнование софисты, бесстыжие как в меру, так и безмерно, пусть состязаются со мной, будто на стадионе, не при помощи слов и долгой болтовни, а самими своими делами. Для этого я вызываю их в сей многолюднейший город»). Глагол προσκαλεῖν очень часто имеет юридическое значение, связанное с вызовом свидетеля или вообще вызовом в суд, но он может использоваться и в агонистических контекстах, в том числе у того же Галена. К примеру, издеваясь в одном из своих сочинений над Фессалом из

Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023. P. 177–178).

²⁷⁵ Однокоренным с этим глаголом существительным ἀποδυτήριον обозначалась раздевалка (Pl. *Euthd.* 272e; Poll. III, 154)

²⁷⁶ Bonfante L. Nudity as a Costume in Classical Art // American Journal of Archaeology, Vol. 93, No. 4, 1989. P. 543.

Траллы²⁷⁷, обещавшим обучить всему искусству медицины за полгода, он пишет (Gal. *MM* I, 2 K X 11): τοῦτο γάρτοι τὸ θαυμαστόν ἐστι τόλμημα τοῦ σοφωτάτου Θεσσαλοῦ, νικῆσαι μὲν ἅπαντας ἰατροὺς, αὐτὸν ἀγωνιστὴν, αὐτὸν ἀγωνοθέτην, αὐτὸν κριτὴν γενόμενον· ἐφεξῆς δὲ καὶ τοὺς ἄλλους Ἑλληνας εἰς ἀγῶνα προσκαλέσασθαι <...> ἀξιοῦν ἁπάντων εἶναι πρῶτον («Ибо таково было дерзновение премудрого Фессала – победить всех врачей, будучи одновременно и участником, и устройтелем, и судьей соревнования, а затем созвать на состязание и прочих греков и заявить о своем первенстве»).

В том же трактате “De purgantium medicamentorum facultate” незадачливый оппонент Галена, уклоняющийся от честного спора, уподобляется атлету, незаконно добившемуся победы (Gal. *Purg.Med.Fac.* 3 K XI 332): χθὲς μὲν ἀπέδρας τὸν λόγον ὁμοίον τι ποιήσας ἀγωνιστῇ τὸν στέφανον ἀρπάσαντι καὶ φυγόντι πρὶν ἀγωνίσασθαι («Твое вчерашнее уклонение от спора подобно тому, как если бы участник соревнования схватил венок и убежал до начала игр»). Правила, как мы бы сейчас выразились, научной добросовестности, для Галена не отличаются от правил спортивных состязаний.

3.3. Метафоры борьбы

Особое место среди агональных образов занимают метафоры борьбы, к которым Гален обращается несколько раз. Так, в одном сочинении он использует в своей аргументации соображения Асклепиада, направленные против осмелившегося противоречить Гиппократу Юлиана²⁷⁸, уподобляя происходящее борцовскому поединку (Gal. *Adv.Jul.* 6 K XVIIIa 278): βέλτιον εἶναι δοκεῖ τῶν <Ιουλιανοῦ> λήρων ἀνεσχημένους ἄχρι δεῦρο γυμνάσασθαι ποτε διαλεκτικώτερον ἀνθρώπῳ προσπαλαίσαντας ὄντι σοφιστῇ («Кажется, будет лучше, чтобы те, кто до сих пор держится вздорных положений Юлиана,

²⁷⁷ Врач I в. н.э., подвизавшийся при дворе Нерона.

²⁷⁸ Врач методической школы, современник Галена. Подробнее см.: Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Band X, 1: Iugurtha–Ius Latii. Stuttgart, 1918. Col. 11–12.

поупражнялись несколько более диалектическим способом, вступив в борьбу с софистом»). В другом трактате Гален, дискутируя с предшественниками о различиях пульса, бросает риторический вопрос (*Gal. Diff.Puls.* 6 К VIII 600): τί γὰρ ἂν τις τοῖς τελέως καταπεπτωκόσι προσπαλαίοι; («Ибо зачем продолжать борьбу с теми, кто окончательно повержен?»). Если в трактате «О силе очищающих лекарств» он заявлял о своей готовности явиться на состязание, не уточняя его разновидность, то здесь он уже примеряет на себя победную роль борца. Еще один небезынтесный пример употребления того же глагола προσπαλαίειν содержится в трактате “*De naturalibus facultatibus*” («О природных возможностях»): возражая Эрасистрату по поводу одного связанного с процессом пищеварения понятия, Гален пишет, что тот «тщетно борется с термином», ὀνόματι προσπαλαίοντα μάτην (*Gal. Nat.Fac.* II, 7 К II 167).

В том же сочинении он сравнивает упорствующих в своих заблуждениях относительно свойств желчи последователей Эрасистрата с борцами, пытающимися продолжать поединок после поражения (*Gal. Nat.Fac.* II, 11 К II 80): ὁμοῖος ἔσται τοῖς ιδιώταις τῶν παλαιστῶν, οἱ καταβληθέντες²⁷⁹ ὑπὸ τῶν παλαιστρικῶν καὶ κατὰ τῆς γῆς ὑπτιοὶ κείμενοι τοσοῦτου δέουσι τὸ πτώμα²⁸⁰ γνωρίζειν, ὥστε καὶ κρατοῦσι τῶν ἀνέχων αὐτοὺς τοὺς καταβαλόντας οὐκ ἔδωντες ἀπαλλάττεσθαι, κὰν τοῦτῳ νικᾷν ὑπολαμβάνουσι («Он будет похож на тех неопытных борцов, которые, будучи сбиты своими опытными соперниками и лежа навзничь на земле, настолько далеки от того, чтобы признать падение, что, вцепившись в шею бросивших их противников, не дают им встать и при этом мнят себя победителями»²⁸¹).

Позволим себе сделать небольшое отступление касательно терминов παλαιστής и παλαιστρικός, кажущееся нам в этом контексте вполне уместным.

²⁷⁹ О термине καταβάλλω см. сноску 99 на с. 54.

²⁸⁰ Для победы в борцовском состязании необходимо было трижды бросить соперника, и термином πτώμα обозначалось падение борца во время поединка. Борцы, ни разу не повергнутые наземь, могли награждаться эпитетами ἀπτώς (*SEG* 35:1125), ἀπτής (*Moretti* №20), и ἄπτωτος (*Mylasa* 250). Подробнее см.: Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 108.

²⁸¹ Перевод Э.В. Янзиной (Там же. С. 109).

Выше мы уже упоминали, что Гален смешивает прилагательное *παλαιστικός* («борцовский»), которое в субстантивированном виде может иметь значение «опытный борец», с прилагательным *παλαιστικός* «относящийся к палестре». Понятие *παλαιστικός* у Галена может обладать различными коннотациями. Во «Фрасибуле» он пишет (Gal. *Thras.* 43): προσέχειν δ' ἐνταῦθα τὸν νοῦν χρή, μή πη λάθωμεν τὸν αὐτὸν ἀποδείξαντες τῷ γυμναστικῷ τὸν ἐπιστάτην τῶν παλαισμάτων καὶ μόριόν τι ποιήσαντες ὅλης τῆς γυμναστικῆς τὴν ὡς ἂν εἴποι τις παλαιστικήν· ὁ γὰρ ἐπιστάμενος τά τε παλαίσματα σύμπαντα καὶ τῶν τρίψεων ἀπάσας καλῶς ἐργάζεσθαι τὰς κατὰ μέρος ἐνεργείας ἀνάλογόν ἐστι σιτοποιῷ καὶ μαγεῖρῳ καὶ οἰκοδόμῳ, δημιουργεῖν μὲν ἐπισταμένοις ἄρτους τε καὶ ὄψα καὶ οἰκίας, οὐ μὴν ἐπαΐουσί γ' οὐδὲν οὐδὲ γινώσκουσιν, ὃ τί τε χρηστὸν ἐν αὐτοῖς καὶ μὴ χρηστὸν ἦντινά τε δύναμιν ἔχον ἕκαστον αὐτῶν ἐστι πρὸς ὑγίειαν («Здесь нам следует быть особенно внимательными, чтобы каким-то незаметным образом не объявить, что надзиратель палестры есть то же самое, что и знаток гимнастики, и не выделить тем самым некую часть общего гимнастического искусства, которую можно было бы назвать искусством палестры. Ибо человек, умеющий правильно выполнять приемы борьбы и все частные действия, связанные с массажем, подобен пекарю, повару и строителю, которые знают, как испечь хлеб, приготовить кушанье, построить дом, но при этом не имеют ни малейшего представления и понимания того, что в хлебе, кушанье или доме полезно или вредно и каковы их свойства по отношению к здоровью»). Очевидно, здесь понятие *παλαιστική* синонимично понятию *παιδοτριβική*, искусству низшего ранга в галеновской классификации. Однако высказанные во «Фрасибуле» соображения нисколько не мешают Галену написать в “*De sanitate tuenda*” (Gal. *San. Tu.* I, 12 K VI 61): μετὰ δὲ τὴν δευτέραν ἑβδομάδα μέχρι τῆς τρίτης εἰ μὲν εἰς τὴν ἄκραν εὐεξίαν ἄγειν αὐτὸν ἐθέλοις, ἥτοι στρατιώτην τινὰ γενναῖον ἢ παλαιστικὸν ἢ ὁπωσοῦν ἰσχυρὸν ἀπεργάσασθαι βουλόμενος, ἥττον τῶν τῆς ψυχῆς ἀγαθῶν, ὅσα γε εἰς ἐπιστήμην τινὰ καὶ σοφίαν ἄγει, προνοήσῃ («На протяжении следующих семи лет по окончании второго семилетия [жизни] тебе стоит меньше заботиться о душевных благах

[ребенка], по крайней мере тех, которые связаны с какой-либо наукой или мудростью, если ты хочешь довести его до высшего телесного благосостояния, сделав из него превосходного воина, борца или любого другого силача»). Здесь, как мы видим, борец (παλαιστρικός) – это не просто допустимое, но даже желанное призвание для мальчика. Не служит ли это лишним доказательством высокого статуса борьбы, который не осмеливался отрицать даже Гален?

Что до термина παλαιστής («борец»), то он используется в галеновских сочинениях крайне редко (впрочем, и прилагательное παλαιστρικός зафиксировано в них всего пять раз) и является вполне нейтральным, что видно и из приведенного выше отрывка. Дополним его еще одним примером (Gal. *CAM* 17 K I 293): ὁρῶμεν γὰρ οὐκ ὀλίγους τῶν γυμναστικῶν ἐκ τῶν πρώτων κινήσεων, ἃς κινουῦνται πρὸς ἀλλήλους οἱ παλαισταὶ, προλέγοντας τὸν νικήσοντα πολλάκις γε καὶ πρὸ τῆς νίκης («Мы часто видим, как по первым движениям, которые выполняют борцы в схватке, многие гимнасты предсказывают победителя до окончания поединка»). У Галена παλαιστής – это любой участник борцовского поединка, а παλαιστρικός – профессиональный борец.

В трактате “An in arteriis natura sanguis contineatur” («Содержится ли в естественном состоянии в артериях кровь?»²⁸²), споря с Эрасистратом и его последователями относительно устройства кровеносной системы, Гален снова рисует образ не желающего признавать поражение борца: (Gal. *Art.Sang.* 5 K IV 717) πρὸς ταῦτ' ἐγὼ μὲν ὥομην αὐτοὺς μήτ' ἀντιλέξειν μηδὲν μαθήσεσθαι τε τὰ κακῶς ἐγνωσμένα. οὐ μὴν ἐθέλουσί γε, ἀλλ' ὥσπερ οἱ παντελῶς ἰδιῶται παλαισμάτων οὐ γνωρίζοντες κείμενον ἐπὶ γῆς ἐνίοτε τὸν νῶτον αὐτῶν ἔχονται τραχήλου τῶν καταβαλόντων οὐδ' ἐπιτρέποντες ἀναστῆναι, τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ οὗτοι ἀμαθεῖς ὄντες τῶν ἐν τοῖς λόγοις πτωμάτων οὐκ ἐπιτρέπουσιν ἀπαλλάττεσθαι καινάς τινας ἀεὶ στροφὰς στρεφόμενοι καὶ παντοίως λυγιζόμενοι μέχρι τοῦ μισήσαντά τινα τὴν τ' ἀναισχυντίαν ἅμα καὶ τὴν ἀμαθίαν αὐτῶν ἀποδυσπετήσαντα

²⁸² О смысле названия см.: Furley D.J.; Wilkie J.S. Galen on respiration and the arteries. Princeton, 1984. P. 137.

χωρισθῆναι («Я полагал, что они не станут противоречить вышесказанному и примут к сведению свои заблуждения. Тем не менее они не хотят этого делать. Напротив, как совершенно неопытные борцы, которые иногда не признают, что коснулись спиной земли и хватают противников за шею, не позволяя им подняться, так и эти неучи, не осознающие своего проигрыша в споре, не дают его закончить, все время изворачиваясь и всячески увертываясь, пока соперник не проникнется ненавистью к их бесстыдству и невежеству и не уйдет, потеряв терпение»). Трудно не заметить множества лексических совпадений с приведенным выше пассажем из “De naturalibus facultatibus”, однако борцовские термины στρέφειν («вертеть», «поворачивать») и λυγίζειν («сгибать», «крутить») ранее нам не встречались и потому заслуживают комментария.

Юлий Поллукс упоминает оба эти глагола в своем списке основных борцовских терминов (Poll. III, 155). Первым обозначались разнообразные вращательные движения при выполнении бросков²⁸³. Поляков отмечает, что глагол στρέφειν получил переносное значение для описания риторических приемов²⁸⁴, и приводит такой пример из «Государства» Платона (Pl. R. 405b): ἢ δοκεῖ σοι, ἦν δ' ἐγώ, τούτου αἵσχιον εἶναι τοῦτο, ὅταν δὴ τις μὴ μόνον τὸ πολὺ τοῦ βίου ἐν δικαστηρίοις φεύγων τε καὶ διώκων κατατρίβηται, ἀλλὰ καὶ ὑπὸ ἀπειροκαλίας ἐπ' αὐτῷ δὴ τούτῳ πεισθῇ καλλωπίζεσθαι, ὥς δεινὸς ὢν περὶ τὸ ἀδικεῖν καὶ ἰκανὸς πάσας μὲν στροφὰς στρέφεσθαι, πάσας δὲ διεξόδους διεξελθὼν ἀποστραφῆναι λυγιζόμενος, ὥστε μὴ παρασχεῖν δίκην («А не кажется ли тебе еще более позорным то обстоятельство, что человек не только проводит большую часть своей жизни в судах как ответчик либо как истец, но по своей невоспитанности еще и чванится этим в уверенности, что он горазд творить несправедливости, знает всякие уловки и также лазейки, чтобы увернуться от

²⁸³ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 122.

²⁸⁴ Poliakoff M. Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports // Beiträge zur klassischen Philologie, 146. Königstein im Taunus, 1982. P. 140.

наказания»²⁸⁵). Выражение “ἀεὶ στροφὰς στρεφόμενοι καὶ παντοίως λυγίζόμενοι” у Галена очень напоминает платоновское “ἱκανὸς πάσας μὲν στροφὰς στρέφεσθαι, πάσας δὲ διεξόδους διεξελθὼν ἀποστραφῆναι λυγίζόμενος”, так что, по всей вероятности, здесь прямо цитируется «Государство». Это не единственный случай употребления этого выражения. В другом своем сочинении, трактате “De placitis Hippocratis et Platonis” («Об учениях Гиппократов и Платона»), Гален пишет (Gal. *PHP* VII, 1 K V 591): οὗτοι γάρ εἰσι καὶ οἱ πρὸς ἅπασαν ἀπόδειξιν ἀεὶ λυγίζόμενοι καὶ στροφὰς ἀσχήμονας στρεφόμενοι χάριν τοῦ δοκεῖν ἀτελεῖν τὸν ὅλον ὑπάρχειν λόγον («Есть и те, кто постоянно уворачивается от всякого доказательства и выделяет безобразные коленца, чтобы все рассуждение показалось незаконченным»).

Термином λυγίζειν²⁸⁶, в свою очередь, обозначались разнообразные способы освобождения из захватов²⁸⁷. Как явствует из того же места «Государства» этот глагол также получил переносное значение в описаниях софистических словесных ухищрений. Кроме того, он мог обладать специальным значением и в сфере медицины, о чем свидетельствует следующее место из «Протрептики», где Гален описывает последствия атлетических излишеств (Gal. *Protr.* 11): τὰ δὲ λυγισθέντα τῶν ἄρθρων ἀσθενῆ πρὸς πᾶσαν τὴν ἑξωθεν βίαν γίνεται («Вывернутые суставы становятся бессильны против всякого внешнего воздействия»²⁸⁸). Однокоренным с глаголом λυγίζειν существительным λύγισμα могли обозначаться растяжения или вывихи (Dsc. V, 117 1; Gal. *Comp.Med.Loc.* X, 2 K XIII 346).

Последний пример того, как Гален использует образ недобросовестного атлета в дискуссии мы находим в его труде “De difficultate respirationis” («О затрудненном дыхании») (Gal. *Diff.Resp.* II, 5 K VII 838): ὥς οὖν οὐδεὶς Ὀλύμπια

²⁸⁵ Перевод А.Н. Егунова (Платон. Собрание сочинений. Том 3. М., 1994. С. 172).

²⁸⁶ Ср. лат. названия борьбы – lucta, luctatio, luctatus.

²⁸⁷ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 120.

²⁸⁸ Перевод И.В. Пролягиной (Гален. Протрептик. // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 862).

νικῆσαι δύναται μὴ πολλῷ πρότερον γυμνασάμενος, οὕτως οὐδὲ τῆς ἐν τοῖς λόγοις ἀληθείας ἐπιβοηθὸς γενέσθαι μὴ μαθὼν τὰ καὶν τούτοις παλαίσματα. καὶ ὥσπερ οὐδὲ πεσεῖν εὐσχημόνως ἴσασιν οἱ παντάπασιν ἀμαθεῖς παλαισμάτων, ἀλλ' ἔσθ' ὅτε κατὰ τῆς γῆς ὑπτιοὶ κείμενοι κρατοῦσι καὶ ἄγχουσι καὶ οὐ μεθιᾶσι, τὸν αὐτὸν, οἶμαι, τρόπον οἱ ἀμαθεῖς τῆς ἐν τοῖς λόγοις τέχνης, ἐναργῶς πεπτωκότες πολλάκις αἰσχιστον πτῶμα, τοσαῦτα δέουσιν αἰδεῖσθαι, ὥστε καὶ νενικηκέναι νομίζουσιν («Как никто не может победить на Олимпийских играх без длительной подготовки, так невозможно и прийти на помощь скрытой в речах истине, не изучив сперва словесных приемов. И подобно тому, как совершенно незнакомые с приемами борьбы люди не умеют даже упасть по правилам, но растянувшись навзничь, вцепляются в соперника, пытаются душить его и не сдаются, точно так же зачастую те, кто чужд словесного искусства, когда земля отчетливо запечатлела их позорнейшее падение, настолько лишены стыда, что считают себя победителями»). Здесь мы сталкиваемся с ранее не обсуждавшимся борцовским термином – глаголом ἄγχειν, который использовался для обозначения всего разнообразия удушающих приемов²⁸⁹. Этот пассаж служит еще одной иллюстрацией обычной для греческого сознания параллели между сплетениями тел борцов и риторическим плетением словес. Гален обыгрывает двойственность значения существительного πάλασμα, первоначально обозначавшего прием борьбы в самом широком смысле, но употреблявшегося в переносном значении «уловка» уже, например, Аристофаном (*Ar. Ra.* 689). К уподоблению словесных упражнений спортивной подготовке мы обратимся в одном из следующих разделов этой главы.

3.4. Галеновская ирония

В предыдущих главах нашей работы мы не раз приводили критические пассажи Галена, направленные против атлетов. Иногда в них не без иронии,

²⁸⁹ Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 111.

причем довольно злой, обыгрываются термины и практики палестры. Такой, например, издевательский вопрос звучит во «Фрасибуле» (Gal. *Thras.* 37): ἴσως οὖν ἢ κόνις ἔτι μόνη σοφίαν αὐτοῖς ἐδωρήσατο. τὸν μὲν γὰρ πηλόν, ἐν ᾧ πολλάκις ἐκυλινδοῦντο, τίς ὑπολαμβάνει σοφίας εἶναι δημιουργὸν ὁρῶν γε καὶ τοὺς σὺς ἐν αὐτῷ διατρίβοντας; («Возможно, конечно, что уже одна только пыль [палестры] наделила их мудростью. Впрочем, разве кто сочтет грязь²⁹⁰, в которой они часто катаются, источником мудрости, глядя на валяющихся в ней свиней?»²⁹¹)

Глагол κυλίνδειν, как мы уже имели возможность отметить выше, был одним из технических терминов античной борьбы. Однако тут Гален смешивает его специальное значение с общеупотребительным для создания комической картины звероподобных²⁹² атлетов, катающихся в грязи. Он возвращается к этому образу несколько позже: (Gal. *Thras.* 37) καὶ μὴν παρὰ ταῦτ' οὐδὲν ἄλλο πρότερον ἔπραττον· ὅλον γὰρ ἐωρῶμεν αὐτῶν τὸν βίον ἐν ταύτῃ τῇ περιόδῳ συστρεφόμενον ἢ ἐσθιόντων ἢ πινόντων ἢ κοιμωμένων ἢ ἀποπατούντων ἢ κυλινδουμένων ἐν κόνει τε καὶ πηλῷ («Но они, право же, ничем другим никогда и не занимались. Ибо вся их жизнь, как мы имели возможность наблюдать, представляет собой замкнутый круг: они или едят, или пьют, или спят, или испражняются, или катаются в пыли и грязи»). Гален использует термин κυλίνδειν и в его традиционном спортивном значении, говоря о принятых в палестре упражнениях (Gal. *San.Tu.* II, 3 К VI 145). Что любопытнее, в галеновских текстах этот глагол не раз употребляется в переносном значении, связанном с затруднениями интеллектуального характера. Один такой пример мы уже приводили выше, дополним его двумя другими. Так, в трактате “De dignoscendis pulsibus” «О распознавании видов пульса» Гален говорит о людях, «барахтающихся в некоем глубоком затруднении» – ἀλλ' ἐν βαθείᾳ τινὶ

²⁹⁰ Имеется в виду один из типов покрытия площадки, на которой упражнялись борцы. Он мог также обозначаться термином πῆλωμα (Roueché №52).

²⁹¹ Гален, конечно, не единственный автор, у которого встречается сравнение борющихся в партере атлетов со свиньями. К точно такому же образу прибегает Лукиан в своем «Анахарсисе», где атлеты «катаются в грязи, как свиньи», ἐν τῷ πηλῷ <...> κυλινδοῦμενοι ὥσπερ σῦες (Luc. *Anach.* 24).

²⁹² Подробный анализ примеров атлетического зооморфизма в корпусе галеновских сочинений представлен в диссертации Фельзенхельда. См.: Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 237–265.

κυλινδουμένοις ἀπορία (Gal. *Dig.Puls.* I, 1 K VIII 772), а в сочинении “De crisibus” («О критических днях») он употребляет выражение «кататься по книгам» – κυλινδεῖσθαι κατὰ τὰ βιβλία (Gal. *Cris.* II, 3 K IX 647), то есть учиться на отвлеченных примерах, а не на практике. Наконец, тот же глагол может использоваться и в сугубо медицинском значении при описании движений суставов (Gal. *Hipp.Art.* I, 7 K XVIIIa 323).

Заметим, что и пыль (κόνις), и глина (πηλός), покрывавшие тела атлетов, в некоторых галеновских сочинениях упоминаются в совершенно нейтральных контекстах. Более того, в “De sanitate tuenda” даются рекомендации относительно использования пыли: (Gal. *San.Tu.* II, 12 K VI 162) εἰ μὲν δὴ κονίσαιτο, πάντως λουστέον· εἰ δὲ μὴ κόνει χρήσαιτο, δυνατόν καὶ μὴ λελοῦσθαι, καὶ μάλιστα χειμῶνος («Если он посыпал себя пылью, то омовение конечно, необходимо. Если нет, то можно обойтись без него, особенно зимой»). В этом же сочинении Гален углубляется в тонкости, связанные с отдельными разновидностями²⁹³ пыли (Gal. *San.Tu.* V, 10 K VI 329): ἔστω δὲ κόνις ἡ καλουμένη λιπαρά· προσαγορεύουσι δ' οὕτως, ἐν ᾗ μήτε τραχὺ μήτε δριμύ («Пусть будет использована пыль, называемая “жирной”. Так говорят о пыли, лишенной жесткости и едкости»). Помимо этого, некоторые соображения о свойствах пыли в сравнении со свойствами масла содержатся в трактате “De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus” («О смесях и свойствах простых лекарственных средств») (Gal. *SMT* VIII, 17 10 K XII 116).

²⁹³ Одна из главок «Гимнастики» Филострата посвящена специально разновидностям пыли (Philostr. *Gymn.* 56): κόνις δὲ ἡ μὲν πηλώδης ἱκανὴ ἀπορρύψαι καὶ ξυμμετρίαν δοῦναι τοῖς περιττοῖς, ἡ δὲ ὀστρακώδης ἀνοῖξαι τε ἐπιτηδεῖα καὶ ἐς ἰδρώτα ἀγαγεῖν τὰ μεμυκότα, ἡ δὲ ἀσφαλτώδης ὑποθάλλειν τὰ ἐπεψυγμένα· μέλαινα δὲ καὶ ξανθὴ κόνις γεώδεις μὲν ἄμφω καὶ ἀγαθαὶ μαλάξαι τε καὶ ὑποθρέψαι, ἡ δὲ ξανθὴ κόνις καὶ στιλπνοὺς ἐργάζεται καὶ ἡδίων ἰδεῖν ὥς περὶ γενναίῳ τε καὶ ἡσκημένῳ σώματι. ἐπισκεδαννύναι δὲ χρὴ τὴν κόνιν ὑγρῷ τῷ καρπῷ καὶ διεστῶσι τοῖς δακτύλοις διαρραίνοντα μᾶλλον ἢ ἐπιπάττοντα, ἵν' ἐς τὸν ἀθλητὴν ἡ ἄχνη πίπτει («Глинистая пыль подходит для того, чтобы тщательно очистить тело и придать соразмерность частям, ее лишенным. Черепичная пыль, в свою очередь, пригодна для того, чтобы заставить тело дышать и вызвать потоотделение из закупоренных пор, а битумная пыль для того, чтобы разогреть ооченевшие части тела. И черная пыль, и желтая, земляные по своей природе, хорошо подходят для размягчения и ухода за телом, правда, желтая пыль еще придает блеск, и на нее, когда она покрывает благородное и тренированное тело, приятнее смотреть. Посыпать пылью следует расслабив запястье и расставив пальцы, и скорее не ссылая ее, а разбрызгивая, так чтобы она падала на атлета»).

Это служит дополнительным подтверждением высказывавшегося выше тезиса, что Гален старается (с переменным, впрочем, успехом) разграничить критику атлетики и рассуждения медицинского характера.

Еще один прием, который использует Гален в полемических целях, – это игра слов. В первой главе мы приводили пассаж из “*De sanitate tuenda*”, где обыгрываются слова παιδιτρίβης и τρίβη. «Протрептик» предоставляет возможность увидеть, как Гален иронически сближает²⁹⁴ слова ἀθλητής («атлет») и ἄθλιος («жалкий»), действительно связанные общей этимологией (Gal. *Protr.* 11): σωματικῆς μὲν οὖν ὑγείας ἔνεκα φανερόν ὡς οὐδὲν ἄλλο γένος ἀθλιώτερόν ἐστι τῶν ἀθλητῶν. ὥστ' εἰκότως ἂν τις εἴποι συγγενῶς ὀνομάζεσθαι <τοὺς ἀθλητάς τε καὶ τοὺς ἀθλίους, ἦτοι γε ἀπὸ τοῦ ἀθλίου> τῶν ἀθλητῶν προσαγορευθέντων ἢ ἀπὸ τοῦ ἀθλητοῦ τὴν προσηγορίαν τῶν ἀθλίων ἐσχηκότων ἢ κοινῶς ἀμφοτέρων καθάπερ ἀπὸ πηγῆς μιᾶς τῆς ἀθλιότητος ὀνομασμένων («Итак, очевидно, что относительно телесного здоровья нет никакого иного более жалкого рода (ἀθλιώτερον), чем атлеты (ἀθλητῶν), а потому вполне справедливо можно сказать, что они имеют сродное имя, поскольку или атлеты получили свое название от слова “жалкий” (ἀθλίου), или жалкие заимствовали свое имя от слова “атлет” (ἀθλητοῦ), или наименование и тех, и других вместе происходит от их жалкого состояния (ἀθλιότητος), словно из одного источника»²⁹⁵).

В другой главе «Протрептика» приводится высмеивающая атлетов басня неизвестного автора, возможно, сочиненная самим Галеном²⁹⁶, содержание

²⁹⁴ Будон-Мийо пишет, что Гален не был изобретателем этой игры слов, ссылаясь на похожее место у Климента Александрийского, младшего современника Галена (Clem. Al. *Paedag.* II, 1) См.: Galien, Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. Texte établi et traduit et annoté Par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000. P. 140).

²⁹⁵ Перевод И.В. Пролыгиной (Гален. Протрептик // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 848).

²⁹⁶ И.В. Пролыгина в своем комментарии сообщает следующее: «Автор этой басни неизвестен. Среди возможных авторов назывались Ксенофан, Федр, Плутарх, отрывок из поэмы которого известен под названием “Περὶ ζῳῶν ἀλόγων ποιητικός” (п. 127 по каталогу Ламприаса), и кинический философ Кратет из Фив, ученик Диогена. Ср. также Dio Chrys. Or. IX. 22. По мнению В. Будон-Мийо, Гален пародирует здесь какую-то поэму, которая имела распространение в среде философов-

которой сводится к тому, что на всех соревнованиях животные оказываются сильнее людей. Атлеты в ней снова называются «жалкими» (Gal. *Protr.* 13): ὁ κοῦφον ἀσκήτορες, ἄθλιοι ἄνδρες («о участники легких состязаний, несчастные мужи»). Здесь на комический эффект работает и существительное ἀσκήτορες (больше нигде, надо сказать, в греческой литературе не встречающееся): в сочетании с прилагательным κοῦφον. Последним, напомним, традиционно обозначались состязания в беге, но здесь оно употреблено не как спортивный термин, а в другом своем значении – «пустой». Соответственно, κοῦφον ἀσκήτορες – это люди, посвятившие свою жизнь совершенно бессмысленным занятиям, в которых они терпят поражение от бессловесных тварей.

3.5. Γυμνάζειν и ἀσκεῖν: тело и разум

Тема лексических пересечений между областями физического и умственного труда в древнегреческом языке уже затрагивалась в нашей работе, однако представляется необходимым дополнить предыдущие рассуждения анализом употребления двух основных глаголов со значением «упражнять», γυμνάζειν и ἀσκεῖν, в трактате Галена «Фрасибул», отличительной чертой которого является частое их употребление. Конечно, для полноты анализа мы привлечем и другие галеновские сочинения. Некоторые соображения самого общего характера, касающиеся этих глаголов, содержатся в работах Дж. Кёнига²⁹⁷ и Э. Фельзенхельда²⁹⁸, однако сколько-нибудь подробных исследований пока произведено не было.

Сперва следует кратко сказать о развитии области их значений в древнегреческом языке. Эта эволюция происходила в противоположных направлениях. Глагол γυμνάζειν был связан с атлетикой изначально, самые ранние его употребления мы находим у Феогида (Thgn. II, 1335) и Эхила (A.

киников» (Гален. Протрептик. // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 864).

²⁹⁷ König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge, 2005. P. 269–270.

²⁹⁸ Felsenheld É. *La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains*. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 527–528.

Ag. 540, Pr. 586, 592, Th. 441), и у этих авторов он означает «упражнять» и «мучить», причем первичным значением является «упражнять(ся) в обнаженном виде»²⁹⁹. Вместе с тем уже в V–IV вв. до н. э. глагол γυμνάζειν начинает употребляться и в более широком значении «обучать» (Isoc. *Hel.* 10, 5) или «упражняться в каком-либо искусстве или ремесле» (Pl. *Grg.* 514e). Глагол ἄσκειν гораздо более древний, в отличие от γυμνάζειν он встречается в гомеровских поэмах (Il. III, 388; IV, 110), в которых он используется в значениях «отделять», «выделять», «обрабатывать» (какой-либо материал). В классическую эпоху область значений глагола ἄσκειν, как и глагола γυμνάζειν, претерпевает серьезные изменения³⁰⁰: ἄσκειν начинает означать «упражнять», причем «упражнять» как в спортивном контексте (Pl. *R.* 389c), так и в контексте образования или духовного совершенствования (Pl. *R.* 407c).

Уже в первой главе трактата «Фрасибул» Гален не без гордости заявляет, что «не берется ни о чем говорить, не изучив предварительно подходящего к вопросу метода и не поупражнявшись в нем сколько-нибудь времени», прибегая к глаголу γυμνάζειν (Gal. *Thras.* 1): γινώσκεις <...> ὥς εἰς οὐδὲν ἐπιχειρῶ λέγειν, ὧν οὔτε μέθοδον ἔμαθον οὔτ' ἐγυμνασάμην πῶ κατ' αὐτήν. В похожих выражениях об упражнении в методе рассуждений он пишет, например, в сочинении “De constitutione artis medicae” («Об устройстве врачебного искусства») (Gal. *CAM* 14 K I 273). При этом в точно таком же контексте может употребляться и глагол ἄσκειν (Gal. *Opt. Med.* K I 59): καὶ μὲν δὴ καὶ τὴν λογικὴν μέθοδον ἄσκειν <ἀνάγκη> («Конечно, необходимо упражняться в логическом методе»).

²⁹⁹ Christesen P. On the meaning of γυμνάζω // Nikephoros (*Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum*), 15, 2002. S. 13–17.

³⁰⁰ Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 48.

Несколько раз Гален использует во «Фрасибуле» глагол γυμνάζειν, говоря о владении приемами логики и риторики. Приведем два примера (Gal. *Thras.* 2, 29):

- 1) τῶν τινὰ γεγυμνασμένων ἐν λογικῇ θεωρίᾳ φιλοσόφων <...> ἡξίουσαν ἀποκρίνασθαι μοι («я попросил одного <...> философа, вполне овладевшего методом логического рассуждения, ответить мне»);
- 2) καὶ χρὴ πρότερον ἐν ἐκείνῳ γυμνάσασθαι τῷ λόγῳ τὸν ἀκριβῶς θέλοντα τοῖς ἐνεστῶσιν ἀκολουθεῖν («тому, кто желает точно уразуметь то, о чем идет речь, следует сперва поупражняться в таком способе рассуждения»).

Эти два пассажа можно дополнить отрывком из трактата “De optima doctrina” («О лучшем способе обучения») (Gal. *Opt.Doc.* 3 K I 46): εἰ μὲν οὖν ἔγραψέ τις τῶν Ἀκαδημαϊκῶν, οἷον μὲν τι χρῆμά ἐστιν ἀπόδειξις, οἷον δὲ σόφισμα καὶ ὥς χρὴ διαγιγνώσκειν αὐτὰ [καὶ ὥς χρὴ γυμνάζεσθαι κατ' αὐτά] («Если бы кто-нибудь из академиков написал и о том, что такое доказательство, и о том, что такое софизм, как их распознавать и как в упражняться»). Похожее словоупотребление находим и в других трактатах (Gal. *Pecc.Dig.* 3 K V 73 и др.). Кроме того, глагол γυμνάζειν может использоваться по отношению к математике (Gal. *PHP* II, 3 K V 223): ἐφεξῆς δὲ γυμνάζεται χρόνῳ παμπόλλῳ πολλαπλασιάζειν καὶ μερίζειν («Затем он очень долго упражняется в умножении и делении»).

В схожих контекстах в качестве полного синонима к глаголу γυμνάζειν встречается и глагол ἀσκεῖν (Gal. *Thras.* 4, 22):

- 1) τὴν γὰρ λογικὴν ὀνομαζομένην παρὰ τοῖς φιλοσόφοις θεωρίαν ὅστις ἂν ἱκανῶς ἀσκήσῃ, πᾶν οὗτος ὁμοίως δυνήσεται μεταχειρίζεσθαι ζήτημα («всякий, кто в достаточной мере овладел тем, что у философов называется логическим рассуждением, сможет провести любое исследование подобным образом»);
- 2) μεθόδου γὰρ ἤδη λογικῆς τὸ τοιοῦτον, ἣν οὐτ' ἔμαθον οὐτ' ἥσκησαν οἱ τολμῶντες ἐκάστης ἡμέρας εἰς τὰ προβλήματα λέγειν («ибо это относится уже к логическому

методу рассуждения, которого те, кто каждодневно дерзают спорить о трудных вопросах, не изучили и не освоили»).

Эти же глаголы используются в трактате для описания разных сторон медицинского образования. Так, во «Фрасибуле» мы читаем (Gal. *Thras.* 24): καί τις ἄριστος ὢν ἐν φαρμακείᾳ διαιτᾶν ὀρθῶς οὐκ ἐπίσταται καὶ τοῦτ' ἄλλος ἡσκηκῶς οὐκ ἐγυμνάσατο τὰς χεῖρας («кто-то, будучи прекрасным знатоком лекарств, мало сведущ в диетических предписаниях, а иной, разбираясь в последних, не получил хирургической подготовки»). В другом галеновском сочинении, трактате “De anatomicis administrationibus” («Руководство по анатомии»), глагол γυμνάζειν регулярно употребляется по отношению к упражнениям в анатомировании (Gal. *AA* I, 3 К II 230 и др.), а в труде “De locis affectis” («О затронутых болезнью частях тела») – по отношению к диагностике (Gal. *Loc.Aff.* II, 1 К VIII 69 и др.). В трактате “De dignoscendis pulsibus” «О распознавании видов пульса», в свою очередь, в идентичных контекстах использован глагол ἀσκεῖν (Gal. *Dig.Puls.* III, 1; IV, 3 К VIII 878, 955).

Одновременно с этим в трактате «Фрасибул» встречаются и употребления глаголов γυμνάζειν и ἀσκεῖν в их узкоспециальном значении, относящемся к области атлетики (Gal. *Thras.* 36, 45):

1) τὴν μὲν τῶν τοὺς ἀθλητὰς γυμναζόντων γυμναστικὴν, ὑποδουμένην μὲν ὀνόματι σεμνῶ, κακοτεχνίαν δ' οὖσαν, οὕτω μὲν εἰς τοσοῦτον ἀποκεχωρηκυῖαν τοῦ κατὰ φύσιν, εἰς ὅσον αὐτὴν νῦν προήχασιν <...> ἐν τῷ τρίτῳ τῆς Πολιτείας ἐμέμψατο («Гимнастику, которой занимаются те, кто тренирует атлетов, прикрытую гордым названием, но на самом деле представляющую собой вредное занятие, он (Платон) порицает в третьей книге “Государства”, хотя в ту пору она еще не настолько отделилась от естественного порядка, насколько она далека от него ныне»);

2) οὕτω καὶ ὁ παιδοτρίβης, ἧ μὲν γυμνάζει, τῆς γυμναστικῆς, ἧ δ' ἀσκεῖ τέχνην παλαισμάτων, ἑτέρας αὖ τινός ἐστιν ἐπιτηδεύσεως ὑπηρετής, ἣν ἐγὼ μὲν ὀνομάζω καταβλητικήν, οὐ μὴν γ' αὐτοὺς οὕτω καλοῦσιν οἱ τοὺς ἀθλητὰς ἀσκοῦντες, ἀλλὰ γυμναστὰς ὀνομάζουσι («так и педотриб находится в услужении у гимнастики, покуда он обучает гимнастическим упражнениям. А в той мере, в какой он учит искусству борцовских приемов, он подчиняется уже другому занятию, которое я называю “искусством повалить на землю”. Впрочем, те, кто занимаются подготовкой атлетов, о своем занятии так не говорят, они называют себя гимнастами»).

Без сомнения, в большинстве случаев глагол γυμνάζειν в корпусе Галена так или иначе связан с атлетикой. В одном только трактате “De sanitate tuenda” насчитываются десятки подобных употреблений. Ситуация с глаголом ἀσκεῖν несколько иная: хотя он и может, как показывает последний процитированный пассаж, использоваться в спортивных контекстах, к нему Гален прибегает в таких случаях значительно реже. Для сравнения в “De sanitate tuenda” мы находим всего один подобный пример (Gal. *San. Tu.* II, 9 K VI 143).

По замечанию Дж. Кёнига, Гален пользуется словами из атлетического обихода, заимствуя их для описания собственной основательной медицинской подготовки и перенося их, таким образом, из низменной (с точки зрения Галена) области спорта в возвышенную область интеллектуальной деятельности³⁰¹. Это замечание, безусловно, верно, но нам представляется, что этим дело не ограничивается. Гален умышленно использует глаголы γυμνάζειν и ἀσκεῖν как в широком значении, так и в специальном: в первом случае они приобретают положительные коннотации, связанные с образованностью самого Галена или иных врачей, философов и риторов, во втором, наоборот, отрицательные, учитывая то, что они встречаются в критических пассажах, направленных против профессионального спорта и его адептов. Особенно это хорошо видно из фрагмента тридцать седьмой главы «Фрасибула», где глагол

³⁰¹ König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge, 2005. P. 266, 269–270.

ἀσκεῖν употреблен сразу в обоих значениях (Gal. *Thras.* 37): θαυμαστὸν μὲντ' ἂν ᾦν, εἰ τοῖς μὲν ἐκ παίδων ἀσκουμένοις ἐν τοῖς ἀρίστοις μαθήμασιν οὐχ ἅλασιν ὑπάρχει κριταῖς ἀγαθοῖς εἶναι τῆς τοιαύτης θεωρίας, ὅσοι δ' ἀσκοῦνται μὲν, ὥστ' ἐν ἄθλοις νικᾶν, ἀφυεῖς δ' ὄντες κακεῖ στεφάνων μὲν ἡτύχησαν, ἐξαίφνης δ' ἀνεφάνησαν γυμνασταί, τούτοις ἄρα μόνοις ὑπάρξει νοῦς περιττός («поистине было бы удивительно, если бы те, кто с детства упражнялись в самых благородных науках, не были бы все превосходными судьями в том, что касается этой области знания, а те, кто упражняются лишь для того, чтобы побеждать на состязаниях, и при этом, будучи лишенными дарований, не смогли добыть венка и немедленно провозгласили себя учителями гимнастики, одни отличались бы избытком ума»). Более того, Гален стремится словно забрать глагол γυμνάζειν из ведения преподавателей гимнастики. В одном фрагменте трактата этот глагол в своем специальном спортивном значении употреблен по отношению к врачам (Gal. *Thras.* 19): οὕτω δὲ καὶ γυμνάζων μὲν, ἐπειδὴν ῥῶσαι μὲν βούληται τὴν διοικοῦσαν ἡμᾶς δύναμιν, ἐκκαθῆραι δὲ τοὺς κατὰ λεπτὸν πόρους («подобным образом он (врач) и предписывает упражнения, когда желает укрепить управляющую нами силу и полностью очистить поры»).

Таким образом, глаголы γυμνάζειν и ἀσκεῖν используются Галеном в трактате «Фрасибул» для тонкой риторической игры, ведущейся против профессиональных преподавателей гимнастики. Стремясь направить против них их же оружие, понятия, взятые из сферы атлетики, и противопоставляя им врачей, занимающихся истинным искусством (в отличие от тех, чей род деятельности Гален обозначает словом *κακοτεχνία*), он противопоставляет и две области значений глаголов γυμνάζειν и ἀσκεῖν – широкую и специальную.

В одной из своих статей Ж. Жуанна, упомянув эти глаголы, отметил, что до сих пор не было произведено исследования относительно разницы их значений³⁰². Наш обзор их употребления у Галена позволяет сделать несколько

³⁰² Jouanna J. Does Galen have a medical programme for intellectuals and the faculties of the intellect? // Galen and the World of Knowledge. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 202.

предположений. Мы показали, что в ряде случаев *γυμνάζειν* и *ἀσκεῖν* используются как полные синонимы, вместе с тем второй глагол гораздо реже встречается в связанных с атлетикой контекстах, и кажется, что он обладал для Галена, если так можно выразиться, более высоким статусом. Помимо этого, некоторые из приведенных нами примеров (Gal. *Thras.* 22, 37) предполагают определенную нюансировку значения: глагол *ἀσκεῖν* подразумевает не просто упражнения, а упорную и целенаправленную деятельность, так что он может в некоторых случаях переводиться как «достигать в чем-либо высоты». Приведем характерное место из “De locis affectis” (Gal. *Loc.Aff.* К VIII 216): *ἀσκεῖσθαι χρὴ γυμναζόμενον ἐν τοῖς κατὰ μέρος, εἰ μέλλοι τις ἀσφαλῶς τε ἅμα καὶ ταχέως ἐπὶ τῶν ἔργων τῆς τέχνης ἕκαστα πράττειν* («Нужно достичь упражнениями высоты в отдельных [врачебных] действиях, если хочешь надежно и быстро выполнять все свойственные искусству действия»).

3.6. Выводы

Связь с философской и риторической традицией была чертой античной медицины уже начиная с V в. до н.э.³⁰³, и в эпоху Второй софистики эта связь несколько не ослабла. При этом Гален стремился отделить медицину от риторики как «точную» науку³⁰⁴, далекую от словесных уловок и ухищрений³⁰⁵, что хорошо иллюстрируется хотя бы приведенными выше примерами из трактатов “De naturalibus facultatibus”, “An in arteriis natura sanguis contineatur” и “De placitis Hippocratis et Platonis”. Однако это ни в коем случае не означает, что сам Гален не прибегал к риторическим приемам, наоборот, его владение ими было, мы бы сказали, виртуозным. К. Гибсон, к примеру, показывает, что сочинение «Об упражнении с маленьким мячом» построено по правилам составления энкомия, подобным тем, которые

³⁰³ Percy L.T. *Medicine and Rhetoric in the Period of the Second Sophistic* // ANRW, 37, 1, 1993. P. 445.

³⁰⁴ Ibid. P. 456.

³⁰⁵ Характерно, что в «Гимнастике» Филострата при перечислении искусств риторика упоминается в одном ряду с медициной и гимнастикой (Philostr. *Gymn.* 1). При этом в начале «Протрептика», где также перечисляются искусства, о риторике не сказано ни слова, в отличие от, например, грамматиков (Gal. *Protr.* 5, 2).

содержатся в позднеантичных риторических руководствах Николая из Миры и Псевдо-Гермогена³⁰⁶. Более того, риторичность этого трактата так в свое время впечатлила В. Шефера, что он высказал предположение, что “*De parvae pilae exercitio*” принадлежит не Галену, а какому-то софисту или ритору той же эпохи³⁰⁷.

Атлетические образы и метафоры, понятные широкому кругу современников Галена, использовались в галеновских сочинениях в качестве одного из средств убеждения. Конечно, это не было новаторством, выше мы упоминали, что параллели между атлетикой и риторикой появляются уже в диалогах Платона. Однако Гален, как нам кажется, довел до совершенства использование в собственных целях инструментария противников (в данном случае – атлетов и гимнастов): он с легкостью оперирует спортивными терминами, меняя их значение в зависимости от контекста, и тем самым не только риторически воздействует на читателя, но и выказывает глубину своих познаний в спортивной сфере. Свои споры с коллегами по вопросам анатомии, физиологии и диагностики болезней Гален уподобляет соревнованиям стадиона и поединкам палестры. Это не удивительно, ведь, как метко замечает Ж. Жуанна, для Галена интеллектуалы были «атлетами высшего уровня» (“high-level athletes”), занимающимися умственными упражнениями в процессе поиска истины³⁰⁸. Э. Фельхенхальд предлагает небольшое дополнение, кажущееся нам совершенно верным: если профессиональные атлеты обычно специализировались в одном виде спорта, то атлеты интеллектуального толка, к числу которых относит себя сам Гален, владеют

³⁰⁶ Gibson C.A. Encomium and Thesis in Galen’s *De parvae pilae exercitio* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 54, 2014. P. 462–473.

³⁰⁷ *De Galeni qui fertur de parvae pilae exercitio libellum*. Scripsit Guilelmus Schaefer. Bonnae, 1908. P. 34.

³⁰⁸ Jouanna J. Does Galen have a medical programme for intellectuals and the faculties of the intellect? // *Galen and the World of Knowledge*. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 205.

сразу множеством навыков³⁰⁹, например, – и философией, медициной, и риторикой.

³⁰⁹ Felsenheld, Édouard. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011. P. 527.

Заключение

Период I–III вв. н.э. отмечен, с одной стороны, ожесточенной критикой атлетики, которую мы находим не только в сочинениях Галена, но и в памфлетах Лукиана, другого виднейшего писателя Второй софистики. С другой стороны, бесчисленные агонистические надписи свидетельствуют о небывалом размахе состязаний и чествований атлетов-победителей³¹⁰, а в литературе атлетика нашла себе преданного защитника в лице Флавия Филострата. Конечно, эти разнонаправленные тенденции не были всецело порождением своей эпохи: первая берет свое начало еще в выпадах Ксенофана и Еврипида³¹¹, направленных против спортивных состязаний, рекомендациях Гиппократов относительно опасностей, которые подстерегают слишком усердных атлетов, замечаниях Платона, порицающего в «Государстве» гимнастические упражнения, направленные на укрепление тела, а не на пробуждение отваги (Pl. R. 410b). Вторая тенденция, в свою очередь, была связана с одами Пиндара, великолепными статуями олимпийцев и рассказами об олимпийских древностях Павсания. На этом пестром фоне литературное наследие Галена выделяется одной ключевой, на наш взгляд,

³¹⁰ König J. *Athletics and Literature in the Roman Empire*. Cambridge, 2005. P. 2.

³¹¹ В «Протрептике» Галена приводится (Gal. *Protr.* 10, 12–20) фрагмент еврипидовского «Автолика», прекрасно подходящий для очернения атлетов (E. Fr. 282. 1–9 ex Autolyco):

κακῶν γὰρ ὄντων μυρίων καθ' Ἑλλάδα
οὐδὲν κάκιον ἔστιν ἀθλητῶν γένους·
οἱ πρῶτον οἰκεῖν οὔτε μανθάνουσιν εὖ
οὔτ' ἂν δύναιντο. πῶς γὰρ ὅστις ἔστ' ἀνὴρ
γνάθου τε δοῦλος νηδύος θ' ἡττημένος,
κτήσασαί τ' ἂν ὄλβον εἰς ὑπεκτροφὴν πάτρας;
οὐδ' αὖ πένεσθαι κάξυπηρετεῖν τύχαις
<οἷοί τ'>· ἔθνη γὰρ οὐκ ἐθισθέντες καλὰ
σκληρῶς μεταλλάσσουσιν εἰς τὰ μίχανον.

«Из тысяч бед, терзающих Элладу,

Нет ничего атлетов рода хуже.

Во-первых, не стремятся здраво жить

Они и не могли бы: как тот муж,

Что глотке раб и угождает чреву,

Стяжал бы счастье родине служить?

Затем, нужде и судьбам покоряться

Они не в силах, нравов добрых чужды,

С трудом лишения претерпевают» (Гален. Протрептик. Пер. и комм. И.В. Пролыгиной // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 858–859).

особенностью: если эпиграфические памятники и памятники изобразительного искусства, торжественная поэзия и позднейшие описания греческих достопримечательностей важны в первую очередь для понимания истории соревнований, то трактаты Галена служат ценнейшим источником по повседневному атлетическим практикам, напрямую не связанным с Олимпийскими – или любыми другими – играми. Одной из важных сторон этих обыденных практик было, конечно, использование особого атлетического лексикона, достигшего в древнегреческом языке очень высокой степени разработанности. В нашей работе на материале сочинений галеновского корпуса были проанализированы древнегреческие спортивные термины. Нами были изучены дефиниции, которые Гален дает связанным с атлетикой понятиям, их происхождение и функции, которые они выполняют в его произведениях. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Агональный дух, присущий всей эллинской культуре, в современную Галену эпоху проявлялся в том числе и в борьбе между представителями медицины и профессионального спорта за эксклюзивное право на знание и преподавание физических упражнений. Мы проследили, как в трактате «Фрасибул» развивается галеновское представление об иерархии искусств, в которой медицина объемлет компетенции гигиены, гигиена – гимнастики, а последняя, наконец, управляет педотрибикой, искусством низшего ранга. Если гимнастика, согласно галеновским определениям, представляет собой интеллектуальное занятие, требующее тонкого знания человеческого тела, то профессиональная область педотриба ограничивается демонстрацией борцовских приемов и массажем, тем самым значительно понижаясь в своем статусе. При этом в одном ряду с педотрибом Гален называет учителей боя в доспехах (ὀπλομαχικός), игры в мяч (σφαίριστικός) и управления колесницей (ἡνιοχικός), а также помощника гимнаста (προγυμναστής), функции которого, по всей видимости, сводились к восстановительному массажу. Эпоха римского

владычества была отмечена не только высокой степенью теоретизации атлетики, но и узкой специализацией связанных с этой областью профессионалов.

Галеновская концепция могла бы поставить точку в спорах о компетенциях гимнаста, педотриба и врача, однако этого не произошло, и построение Галена во многом осталось памятником отвлеченной теоретизации. Впрочем, нельзя сказать, что она вовсе не оказала влияния на последующих авторов. Определения, которые дает педотрибике и гимнастике Филострат», имеют немало сходств в галеновскими определениями: педотриб для Филострата так же, как и для Галена, оказывается ремесленником, чья деятельность сведена к обучению борцовским приемам, а гимнаст ставится на один уровень с врачом как обладатель теоретических познаний, касающихся устройства человеческого тела и способов лечения недугов. Так или иначе сам факт появления «Фрасибула» дополняет сложную картину интеллектуальной жизни Римской империи II в. н.э., и этот трактат служит уникальным образцом полемического сочинения, посвященного гимнастике.

Прямым следствием постулируемого во «Фрасибуле» подчинения гимнастики врачебному искусству становится необходимость ее описания с медицинской точки зрения, и Гален принимает на себя роль систематизатора знаний о спорте, причем к числу его заслуг относится не только упорядочивание медицинских и атлетических терминов, но во многом и само их создание.

Трактат “De sanitate tuenda” представляет собой самое подробное описание физических упражнений в античной литературе. Безусловно, это не целиком заслуга Галена, ведь по его собственному утверждению, он был знаком с пространными сочинениями гимнаста Теона Александрийского, не дошедшими до наших дней. Понятие γυμνάσιον получает в “De sanitate tuenda” новаторское определение, позволяющее объединить не только непосредственно спортивные упражнения, но также движения, вызванные

внешней силой, и процессы, происходящие внутри организма. В качестве синонимов к термину γυμνάσιον, помимо однокоренных с ним слов γυμνασία и γύμνασμα, в галеновских сочинениях выступают такие существительные, как πόνος, κάματος, ταλαιπωρία, ἄσκημα и ἄσκησις. Все они могут использоваться с различными семантическими оттенками: к примеру, ταλαιπωρία может иметь значение «изнурительная тренировка», а широкое понятие πόμος объединяет все виды физического и даже душевного напряжения. Кроме того, слова γυμνάσιον и γυμνασία, равно как и ἄσκημα и ἄσκησις, у Галена часто встречаются в контекстах, связанных не с атлетическими, а с медицинскими или философскими занятиями.

Гален предлагает многоуровневую классификацию упражнений, испытавшую влияние Платона, Ксенофонта, Аристотеля и Афинейя Атталийского. В трактате “De sanitate tuenda” выделяются три типа упражнений, соответствующие трем типам движения. К первому типу относятся движения, берущие начало в самом теле человека, ко второму – вызванные внешним воздействием, а к третьему – вызванные действием лекарств. Продолжая свою классификацию, Гален выделяет две категории: «только упражнения», или «просто упражнения» (γυμνάσια μόνον), и «не только упражнения, но и трудовые занятия» (οὐ γυμνάσια μόνον, ἀλλὰ καὶ ἔργα). К первой категории относятся, например, бег или борьба, а ко второй – гребля или охота.

Традиционное деление упражнений на «легкие» и «тяжелые» (τὰ κοῦφα и τὰ βαρύτερα) не устраивает Галена, и для классификации разнообразных упражнений он вводит антонимических пары прилагательных εὐτονος–ἄτονος («напряженный»–«расслабленный») и σφοδρός–ἀμυδρός («интенсивный»–«вялый»). Эти прилагательные были употребительны в медицинском лексиконе для обозначения видов пульса, и Гален переносит их в атлетический лексикон. Помимо этого, для описания упражнений он использует

прилагательные ταχύς («быстрый»), ῥωμαλέος и βίαιος («сильный» или «мощный»).

Некоторые борцовские термины, употребленные в трактате “De parvae pilae exercitio” (ἄλωσις, «отталкивание», ἀντίληψις, «защитный прием», и ἀποστήριξις, «упирание»), возможно, являются изобретением самого Галена, так как у других авторов в спортивных контекстах они не зафиксированы. Кроме того, к числу редчайших терминов, встречающихся только в галеновских текстах, относятся глаголы ἐκπλεθρίζειν («выполнять челночный бег») и глагол πιτυλίζειν («выполнять махи руками»). Некоторые атлетические термины, например, ἄμμα («захват») и τραχηλισμός («захват шеи»), были, наоборот, заимствованы в медицинский лексикон, где получили новое специальное значение: слово ἄμμα Гален использует для описания положения рук при массаже, а термином τραχηλισμός в медицинской традиции обозначалось состояние скованности шеи.

Терминология всегда занимала важное место в рассуждениях Галена, и не стоит удивляться, что во «Фрасибуле» он отказывается от уже сформировавшегося во враждебной ему среде гимнастов набора терминов (παρασκευή, «разминочное упражнение», μερισμός, «частичное упражнение», τέλειον «законченное упражнение», ἀποθεραπεία, «восстановительное упражнение»), предпочитая уточнить их или ввести собственные. Эти разногласия вызваны в том числе и соображениями лингвистического характера: к примеру, широкому понятию παρασκευή Гален предпочитает более узкое τὸ παρασκευαστικόν. Однако главная причина кроется в фундаментальном отличии галеновского подхода к человеку как таковому от подхода, принятого в современной ему атлетической среде. Ригоризму гимнастов, повторяющих одни и те же приемы, он противопоставляет гибкий подход, свободный от жестких правил и норм, распространенных в современной ему атлетической среде.

Анализ употребления атлетической терминологии в корпусе сочинений Галена, во-первых, позволил скорректировать значение ряда древнегреческих слов. Так, были подробно реконструированы значения понятий γυμναστής, γυμναστική, παιδοτρίβης, παιδοτριβική, а также высказаны предположения относительно значения терминов προγυμναστής и ἐπιστάτης τῶν παλαισμάτων и нюансировки значений прилагательных παλαιστικός, παλαιστρικός, εὔτονος, ἄτονος, σφοδρός, ἀμυδρός, ὁμοίόρροπος и глаголов γυμνάζειν и ἀσκεῖν. В работе было уточнено значение термина αἰώρησις, который в галеновских контекстах может переводиться и как «раскачивание на руках», и как «путешествие в повозке», и как «растирание». Кроме того, было предложено включить в атлетический лексикон ряд понятий, связанных с единоборствами: глаголы ἐνειλεῖν и ζωννύναι, существительные περίθεσις и ἀποστήριξις. Для термина ἀντίληψις, в свою очередь, было предложено новое значение – «защитный борцовский прием». Для всех атлетических терминов, проанализированных в диссертации, создан специальный указатель, позволяющий легко в них ориентироваться.

Метафорическое употребление спортивных терминов у Галена демонстрирует обе отмеченные в начале заключения особенности эллинского культурного сознания. В анатомических и физиологических описаниях он пользуется рядом атлетических понятий – δίαιλος («двойной бег»), δόλιχος («длинный бег»), καμπτήρ, νόσσα («поворотный стол»), а в полемике с коллегами-врачами уподобляет медицинские споры спортивным состязаниям. Особенно часто в текстах галеновского корпуса встречаются образы, заимствованные из соревнований в борьбе: своих оппонентов он сравнивает с неумелыми борцами, тщетно силящимися продолжать поединок, будучи уже поверженными на землю. Некоторые термины, обозначающие борцовские приемы, например, στρέφειν и λυγίζειν («крутить(ся)», «изворачивать(ся)») Гален вслед за Платоном использует по отношению к софистическим словесным ухищрениям. При этом в полемике с гимнастами

он вторгается в их область знания и модулирует значения атлетических терминов (κυλίνδειν, γυμνάζειν, ἀσκεῖν) и играет на созвучиях слов (ἄθλητής и ἄθλιος, παιδοτρίβης и τρίβη), стремясь очернить соперников и продемонстрировать собственные познания в гимнастике. Несмотря на свое неодобрительное отношение к спорту и атлетам-профессионалам Гален остается истинным эллином, и обаятельная сила атлетики остается для него непреодолимой.

Библиография

Справочная литература и словари

1. Греческо-русский словарь. Сост. А.Д. Вейсманом. СПб., 1899.
2. Древнегреческо-русский словарь. Сост. И.Х. Дворецкий. М., 1958.
3. Bailly A. Dictionnaire grec-français. Paris, 1935.
4. Corpus Inscriptionum Graecarum. Berolini, 1828–1877.
5. Diccionario Griego-Español. Madrid, 1980–.
6. Hesychii Alexandrini Lexicon. Hrsg. von Peter Allan Hansen. Π-Σ. Berlin, 2005.
7. K. F. Hermann's Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. Unter Mitwirkung von H. Droysen et al. Freiburg i. B; Tübingen, 1882.
8. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement. Oxford, 1996.
9. Paulys Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1890–1980.
10. Photii Patriarchae Lexicon. Hrsg. von Christos Theodoridis. Berlin, 1982–2013.
11. Suidae Lexicon. Ed. A. Adler. München, Leipzig, 1994–2001.
12. Thesaurus Graecae linguae, ab Henrico Stephano constructus. Parisiis, 1831–1865.
13. W. Pape's Handwörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1884.

Издания и переводы Галена

14. Гален. Об упражнении с маленьким мячом. Пер. с древнегреч. и примеч. И.В. Пролыгиной // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, №1. С. 253–261.
15. Гален. О порядке собственных книг // Историко-философский ежегодник, 2016. С. 50–68.
16. Гален. Протрептик. Пер. и комм. И.В. Пролыгиной // Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона. М., 2017. С. 847–866.
17. Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела. М., 1971.
18. Cl. Galeni Proptreptici quae supersunt. Ed. Georgius Kaibel. Berolini: Apus Weimannos, 1894.
19. Claudii Galeni Pergameni Scripta minora. Ex recognitione Georgii Helmreich. Lipsiae, 1884–1893.
20. Claudii Galeni opera omnia. Ed. curavit C.G. Kühn. Lipsiae, 1821–1833.
21. De Galeni qui fertur de parvae pilae exercitio libellum. Scripsit Guilelmus Schaefer. Bonnae, 1908.
22. Galen. Method of Medicine. Ed. and transl. by Ian Johnston and G.H.R. Horsley. Cambridge, Massachusetts, 2011.
23. Galen: Psychological Writings. Ed. by P.N. Singer. Cambridge, 2013.
24. Galen: Writings on Health. Thrasybulus and Health (De sanitate tuenda). Transl. with introduction and notes by P. N. Singer. Cambridge, 2023.
25. Galeni De sanitate tuenda libri VI. Ed. K. Koch // Corpus Medicorum Graecorum. V 4, 2. Lipsiae et Berolini: In aedibus B.G. Teubneri, 1923.
26. Γαληνου. Galeni librorum... Venetiis: Aldus, 1525–1526.

27. Galenus. Hygiene. In 2 vols. Vol. 2. Hygiene II. Thrasybulus. On Exercise with a Small Ball / ed. and trans. from the Ancient Greek by I. Johnston. Cambridge, London, 2018.
28. Galien. Méthode de traitement. Éd. et trad. du grec ancien par Jacques Boulogne. 2009.
29. Galien. Œuvres. Tome II: Exhortation à l'étude de la médecine. Art medical. Texte établi et traduit et annoté par Véronique Boudon-Millot. Paris, 2000.
30. Furley D.J.; Wilkie J.S. Galen on respiration and the arteries. Princeton, 1984.
31. Operum Hippocratis Coi, et Galeni Pergameni, medicorum omnium principum. Lutetia Parisiorum, 1638–1639.
32. Sweet W.E. Sport and Recreation in Ancient Greece. A sourcebook with transl. New York, Oxford, 1987.

Издания и переводы прочих авторов

33. Аристотель. Сочинения. В 4 т. М., 1975–1984
34. Гиппократ. Сочинения. В 3 кн. М., 1936–1944.
35. Лукиан Самосатский. Сочинения. В 2 т. М., 2001.
36. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
37. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Изд. подгот. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек и С.Л. Утченко. М.: Наука, 1974.
38. Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1996.
39. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1990–1994.
40. Элиан. Пестрые рассказы. Пер. с древнегреч., ст., прим. и ук. С.В. Поляковой. М., Л., 1963.
41. Aeschly septem quae supersunt tragoediae. Recensuit Gilbertus Murray. Oxonii, 1964.
42. Aetii Amideni Libri medicinales I–IV. Ed. A. Olivieri. Lipsiae et Berolini, 1935.
43. Anonymi Londinensis ex Aristotelis Iatricis Menoniis et aliis medicis eclogae. Hrsg. von H. Diels // Suppl. Aristotel. III, 1. Berolini, 1893. P. 6–37.
44. Apollonios von Rhodos. Die Fahrt der Argonauten. Griechisch/Deutsch. Übers. und komm. von Paul Dräger. Stuttgart, 2010.
45. Aristophanis Comoediae. Recensuerunt F. W. Hall und W. M. Geldart. Oxonii, 1906–1907.
46. Aristotelis opera. Besorgt von Olof Gigon. Berlin, 1960–1987.
47. Athenaei Naucratis Dipnosophistarum libri XV. Recensvuit Georgius Kaibel. Lipsiae, 1887–1890.
48. Callimachus. Ed. R. Pfeiffer. Oxonii, 1949–1953
49. Celsus. De medicina. With an English Translation by W. G. Spencer. London, 1960.
50. Cicero. Epistulae ad familiares. Ed. by D.R. Shackleton Bailey. Cambridge, 2004.
51. Cicéron. Caton l'Ancien (De la vieillesse). Texte établi et traduit par Pierre Willeumier. Paris, 1961.

52. Claudii Aeliani De natura animalium libri XVII, Varia historia, Epistolae fragmenta. Ex recognitione R. Hercheri. Lipsiae, 1864.
53. Clemens Alexandrinus. Vol. I. Protrepticus und Paedagogus. Hrsg. von Otto Stählin. Leipzig, 1905.
54. Clément de Rome. Épître aux Corinthiens. Introd., texte, trad., notes et index par Ed. Jaubert, A. Paris, 1971.
55. C. Plini Caecili Secundi Epistularum Libri Decem. Recognovit R. A. B. Mynors. Oxford, 1963.
56. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von H. Diels. Hrsg. von W. Kranz. Hildesheim, 2004–2005.
57. Diodore de Sicile: Bibliothèque historique. Paris, 1972–2003.
58. Dionysii Halicarnasei quae exstant. Leipzig, 1885–1929.
59. Epicteti Dissertationes ab Arriano digestae. Recensuit H. Schenkl. Lipsiae, 1916.
60. Epictetus. Encheiridion. Ed. Gerard J. Boter. Berolini et Novi Eboraci, 2007.
61. Eschine, Discours. Texte établi et traduit par Victor Martin et Guy de Budé. Paris, 1927.
62. Euripidis Fabulae. Recensuit Gilbertus Murray. Oxonii, 1901–1909.
63. Evagrius Scr. Eccl., De octo spiritibus malitiae. MPG. Vol. 79. Col. 1145A–1165C. 1865.
64. Flavius Philostratus. Vita Apollonii Tyanei. Ed. Gerard Boter. Berlin, 2022.
65. Héliodore. Les Éthiopiennes (Théagène et Chariclée). Texte établi par R.M. Rattenbury und T.W. Lumb et trad. par J. Maillon. Paris, 1960.
66. Herodoti Historiarum libri IX. Ed. Henr. Rudolph. Dietsch. Lipsiae, 1894–1898.
67. Hesiodi Theogonia, Opera et Dies, Scutum. Ed. Fr. Solmsen. Oxonii, 1983.
68. Hippocrates. Vol. 1. Ed. and transl. by P. Potter. Cambridge, Massachusetts; London, 2022.
69. Homeri Ilias. Iterum recognovit H. van Thiel. Hildesheim; Zürich; New York, 2010.
70. Homeri Odyssea. Recognovit H. van Thiel. Hildesheim; Zürich; New York, 1991.
71. Isocrate. Discours. Paris, 2003.
72. Jüthner J. Philostratos über Gymnastik. Leipzig u. Berlin, 1909.
73. L. Annaei Senecae ad Lucilium Epistulae Morales. Recognovit L. D. Reynolds. Oxonii, 1965.
74. Lucian with an English translation. Ed. A.M. Harmon; K. Kilburn; M.D. Macleod. London; New York; Cambridge, Mass., 1913, 1915, 1921, 1925, 1936, 1959, 1961, 1967.
75. Lycophronis Alexandra. Recensuit Eduardus Scheer. Berolini, 1881–1908.
76. M. Valerii Martialis Epigrammaton libri. Recognovit W. Heraeus. Ed. correctiorem curavit Iacobus Borovskij. Leipzig, 1982.
77. Michaelis Pselli chronographia. Hrsg. von Diether Roderich Reinsch. Berlin, 2014.
78. Œuvres complètes d'Hippocrate. Trad. nouvelle par É. Littré. Paris, 1839–1861.
79. Oribasii Collectionum medicarum reliquiae. Ed. I. Raeder. Lipsiae et Berolini, 1928–1933.

80. Pausaniae Graeciae descriptio. Hrsg. von Maria Helena da Rocha-Pereira. Leipzig, 1973–1981.
81. Pedanii Dioscuridis Anazarbei De materia medica libri quinque. Ed. Max Wellman. Berolini, 1907–1914.
82. Philonis Alexandrini opera quae supersunt. Ed. L. Cohn et P. Wendland. Berolini, 1896–1930.
83. Philostratos. Die Bilder. Hrsg. von Otto Schönberger. Würzburg, 2004.
84. Philostratus. Heroicus. Gymnasticus. Discourses 1 and 2. Ed. and transl. by J. Rusten and J. König. Cambridge, Mass., 2014.
85. Platonis Opera. Recognovit J. Burnet. Oxonii, 1900–1907.
86. Pline L'Ancien. Histoire naturelle. Paris, 1951–2008.
87. Plutarchi moralia. Vol. 4. Recensuit C. Hubert. Leipzig, 1938.
88. Plutarchi vitae parallelae. Recensuit K. Ziegler. Lipsiae, 1960–1996.
89. Pollucis Onomasticon. Ed. E. Bethe. Lipsiae, 1900–1967.
90. Scholia in Theocritum vetera. Recensuit Carolus Wendel. Lipsiae, 1914.
91. Scholia in Vespas, Pacem, Aves et Lysistratam. Ed. Koster, W.J.W. Groningen, 1978.
92. Sophoclis Fabulae. Recognovit A.C. Pearson. Oxonii, 1928.
93. Sorani Gynaeciorum libri IV, De signis fracturarum, De fasciis, Vita Hippocratis secundum Soranum. Ed. I. Ilberg. Lipsiae, 1927.
94. Supplementum comicum. Comoediae graecae fragmenta post editiones Kockianam et Kaibelianam reperta vel indicata, collegit, disposuit, adnotationibus et indice verborum instruxit I. Demiańczuk. Hildesheim, 1967.
95. The Greek New Testament. Ed. Aland, K., et. al. Stuttgart, 1968.
96. Theognis. Elegiae. Ed. Young, D. (post E. Diehl). Leipzig: Teubner, 1971.
97. Theokrits Gedichte. Erklärt von Hermann Fritzsche. Leipzig, 1881.
98. Theophrasti Characteres. Hrsg. von Heinrich Eduard Foss. Leipzig, 1858.
99. Thucydidis De bello Peloponnesiaco libri octo. Hrsg. von Gottfried Boehme. Leipzig, 1889–1892.
100. T. Macci Plauti Comoediae. T. I. Recognovit W.M. Lindsay. Oxonii, 1904.
101. van der Eijk, P.J. Diocles of Carystus: A Collection of the Fragments with Translation and Commentary // Studies in Ancient Medicine 22, 23. Leiden, 2000–2001.
102. Vitruvii De architectura libri decem. Ed. F. Krohn. Lipsiae, 1912.
103. Xenophontis opera omnia. Recognovit E.C. Marchant. Oxonii, 1961.

Исследования

104. Павлова О.С. К вопросу об интерпретации выражения *pitulus septesemiodialis* (CIL X 3480 = Dess. 2880 и CIL X 3481 = Dess. 2881) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. 20. С. 830–833.
105. Сергеев М. Жизнь древнего Рима. Санкт-Петербург, 2022.
106. Троицкий П.А. Иерархия искусств: Флавий Филострат против Галена // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. 28. С. 1420–1428.

107. Янзина Э.В. Античная борьба. Опыт интерпретации греческих и латинских спортивных терминов // ВДИ. 2014. №1. С. 102–131.
108. Янзина Э.В., Корнеев О.В. О значении выражения γυρὰ πάλῃ в трактате Филострата «О гимнастике» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. Т. 28. С. 1617–1629.
109. Янзина Э.В., Корнеев О.В. Оксиринхские папирусы как источник знаний об античных единоборствах (Р. Оху. III, 466; Р. Оху. LXXIX, 5204) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. Т. 29. С. 662–673.
110. Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. Т. 20. С. 1143–1161.
111. Anderson G. Philostratus. Biography and Belles Lettres in the Third Century A.D. London; Sydney; Dover, New Hampshire, 2014.
112. Bonfante L. Nudity as a Costume in Classical Art // American Journal of Archaeology. 1989. Vol. 93. No. 4. P. 543–570.
113. Boudon-Millot V. Galien de Pergame: Un médecin grec à Rome. Paris, 2012.
114. Boudon-Millot V. Réflexions galéniques sur la médecine du sport chez Hippocrate: la notion d'euexia // Le Normal et le Pathologique dans la Collection hippocratique: Actes du Xème colloque international hippocratique, Nice, 1999. Publications de la Faculté des Lettres de Nice-Sophia Antipolis, 2002. P. 711–730.
115. Christesen P. On the meaning of γυμνάζω // Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum), 15, 2002. S. 7–37.
116. Coughlin S. Athenaëus of Attalia on the Psychological Causes of Bodily Health // Mental Illness in Ancient Medicine: From Celsus to Paul of Aegina. Ed. by Chiara Thumiger and P. N. Singer. Leiden, Boston, 2018. P. 109–142.
117. Das hellenistische Gymnasion. Hrsg. von Daniel Kah und Peter Scholz. Berlin, 2007.
118. Donini P. Le scuole, l'anima, l'impero: la filosofia antica da Antioco a Plotino. Torino, 1982.
119. Drees L. Olympia: Gods, Artists and Athletes. New York, Washington, 1968.
120. Durling R.J. A Chronological Census of Renaissance Editions and Translations of Galen // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1961, 24. P. 230–305.
121. Englert L. Untersuchungen zu Galens Schrift Thrasybulos // Studien zur Geschichte der Medizin. Heft 18. Leipzig, 1929.
122. Felsenheld É. La médecine du sport chez Galien: corps athlétiques, corps sains, corps malsains. Diss. Paris-Sorbonne, 2011.
123. Ferrari F. Galeno Interprete del Timeo // Museum Helveticum, 55, 1998. P. 14–34.
124. Fichtner G. Corpus Galenicum. Bibliographie der galenischen und pseudogalenischen Werke. Berlin, 2019.

125. Fortuna S. The Latin Editions of Galen's Opera omnia (1490–1625) and Their Prefaces // *Early Science and Medicine*, 17, 2012. P. 391–412.
126. Galen and the World of Knowledge. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009.
127. Gardiner N.E. Athletics of the Ancient World. Oxford, 1967.
128. Gardiner N.E. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910.
129. Gauthier P. Notes on the Role of the Gymnasium in the Hellenistic City // *Greek Athletics*. Ed. by Jason König. Edinburgh, 2010. P. 87–101.
130. Gibson C.A. Encomium and Thesis in Galen's *De parvae pilae exercitio* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*, 54, 2014. P. 462–473.
131. Golden M. Sport and Society in Ancient Greece. Cambridge, 1998.
132. Hankinson R.J. Actions and Passions: Affection, Emotion and Moral Self-Management in Galen's Philosophical Psychology // *Passions and Perceptions: Studies in Hellenistic Philosophy of Mind*. Ed. by J. Brunschwig and M. C. Nussbaum. Cambridge, 1993. P. 184–222.
133. Harris H.A. Sport in Greece and Rome. Ithaca, New York, 1985.
134. Hatzopoulos M.B. La formation militaire dans les gymnases hellénistiques // *Das hellenistische Gymnasium*. Hrsg. von Daniel Kah und Peter Scholz. Berlin, 2007. S. 91–96.
135. Jouanna J. Does Galen have a medical programme for intellectuals and the faculties of the intellect? // *Galen and the World of Knowledge*. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 190–205.
136. Jüthner J. Über antike Turngeräthe. Wien, 1896.
137. Lawrence I.C. et al. The Western Medical Tradition: 800 BC to AD 1800. Cambridge, 2011.
138. Kollesch J. Galen und seine ärztliche Kollegen // *Altertum*. 1965. 11. S. 47–53.
139. König J. Athletics and Literature in the Roman Empire. Cambridge, 2005.
140. König J. Training athletes and interpreting the past in Philostratus' *Gymnasticus* // *Philostratus*. Ed. by Ewen Bowie, Jaś Elsner. Cambridge, 2009. P. 251–283.
141. Krause J. H. Gymnastik und Agonistik der Hellenen: aus den Schrift- und Bildwerken des Altertums, wissenschaftlich dargestellt und durch Abbildungen veranschaulicht. Leipzig, 1841.
142. Krause J. H. Olympia oder Darstellung der großen Olympischen Spiele und der damit verbundenen Festlichkeiten. Wien, 1838.
143. Krause J.H. Theagenes oder wissenschaftliche Darstellung der Gymnastik, Agonistik und Festspiele der Hellenen. Halle, 1835.
144. Krause J.H. Ελληνικά oder Institute, Sitten und Bräuche des alten Hellas mit besonderer Rücksicht auf Kunstarchäologie. Erster Teil, erster Band. Leipzig, 1841.
145. Marrou H.-I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris, 1965.
146. Miller S.G. Ancient Greek Athletics. New Haven and London, 2004.
147. Moretti L. Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953.

148. Moretti L. *Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Roma, 1957.
149. Nieto I.J.M. Galen's Treatise *Thrasyllos* and the Dispute between Paidotribes and gymnasts // *Nikephoros (Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum)*. 2003. 16. S. 147–156.
150. Nutton V. *Ancient Medicine*. London and New York, 2024.
151. Pearcy L.T. *Medicine and Rhetoric in the Period of the Second Sophistic* // *ANRW*. 1993. 37, 1. P. 445–456.
152. Perilli L. *Risky Enterprise: The Aldine Edition of Galen, the Failures of the Editors, and the Shadow of Erasmus of Rotterdam* // *Early Science and Medicine*, 17, 2012. P. 446–466.
153. Pleket H.W. The social status of physicians in the Graeco-Roman world // *Ancient Medicine in its Socio-Cultural Context*. Vol. 1. Ed. by Ph.J. van der Eijk, H.F.J. Horstmannshoff, P.H. Schrijvers. Amsterdam-Atlanta, 1992. P. 27–34.
154. Poliakoff M. *Combat Sports in the Ancient World. Competition, Violence, and Culture*. New Haven and London, 1987.
155. Poliakoff M. *Studies in the Terminology of the Greek Combat Sports* // *Beiträge zur klassischen Philologie*, 146. Königstein im Taunus, 1982.
156. Remijsen S. *The End of Greek Athletics in Late Antiquity*. Cambridge, 2015.
157. Robert L. *Études anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie mineure*. Paris, 1937.
158. Robert L. Un citoyen de Téos à Bouthrôtos d'Épire // *CRAI*, 1974. P. 508–530.
159. Roueché C. *Performers and partisans at Aphrodisias*. London, 1993.
160. Roux G. À propos des gymnases de Delphes et de Délos. Le site du Damatirion de Delphes et le sens du mot sphairistérion // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1980. 104-1. P. 127–149.
161. Schlange-Schöningen H. *Die römische Gesellschaft bei Galen. Biographie und Sozialgeschichte*. Berlin, New York, 2003.
162. Taylor A.E. *A commentary on Plato's Timaeus*. Oxford, 1928.
163. *The Cambridge Companion to Galen*. Ed. by R.J. Hankinson. Cambridge, 2008.
164. *The Cambridge Companion to Hippocrates*. Ed. by Peter E. Pormann. Cambridge, 2018.
165. Valavanis P. *Hysplex: The Starting Mechanism in Ancient Stadia. A Contribution to Ancient Greek Technology*. Berkeley; Los Angeles; London, 1999.
166. van der Eijk P.J. 'Aristotle! What a thing for you to say!' Galen's engagement with Aristotle and Aristotelians // *Galen and the World of Knowledge*. Ed. by Christopher Gill, Tim Whitmarsh, John Wilkins. Cambridge, 2009. P. 261–282.
167. Vegetti M. *De caelo in terram. Il Timeo in Galeno (De placitis, Quod animi)* // *La filosofia in età imperiale*. Ed. A. Brancacci. Naples, 2000. P. 69–84.
168. von Staden H. *Herophilus: The Art of Medicine in Early Alexandria*. Cambridge, 1989.

169. Wenkebach E. Galenos von Pergamon: Allgemeine Ertüchtigung durch Ballspiel: Eine sporthygienische Schrift aus dem zweiten Jahrhundert n. Chr. // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. Bd. 31, H. 4/5, 1938. S. 254–297.
170. Zeltchenko V.V. Philogelos 63 and the Meaning of ἐώρα // Philologia classica. Vol. 14, Fasc. 2, 2019. P. 314–315.

Список иллюстраций

«Рисунок 1: Бегуны приближаются к поворотному столбу (καμπτήρ)» – с. 108.

«Рисунок 2: Атлет, держащий дротики и галтер» – с. 112.

«Рисунок 3: Κώρυκος» – с. 114.

«Рисунок 4: Юноша с мячом» – с. 118.

«Рисунок 5: Гимнаст, атлет, несущий диск и дротики, и атлет, держащий мотыгу» – с. 127.

«Рисунок 6: Барьер (βαλβίς), от которого стартовали бегуны на стадионе в Немее» – с. 161.

Приложение. Перевод трактата «Фрасибул»

Фрасибул, или относится ли поддержание здоровья к медицине или гимнастике

I. То, что я сказал тогда, выступая без подготовки, на предложенную тобой, Фрасибул, тему, не отличается от того, что я имею сообщить в этих записках. Ведь ты, конечно, знаешь, что не в моих правилах говорить о каком-то предмете сначала одно, а потом другое и что я не берусь за рассуждение, не изучив сперва подходящего для него метода и сколько-нибудь в нем не поупражнявшись. Итак, начало изыскания – и это касается не только нашего нынешнего предмета, но и всякого другого – лежит в знании того, что же представляет собой предмет исследования. Само это знание, без сомнения, двояко: или мы имеем лишь приблизительное представление (ἔννοια) о какой-либо вещи, или нам известна ее сущность (οὐσία). О том, как первое и второе различаются между собою, подробно рассказано в сочинении «О доказательстве», где я привожу и все прочие методы рассуждения. Их различие станет, пожалуй, ясно и из дальнейшего употребления [этих понятий].

II. Вопрос состоял в том, относится ли то, что мы называем поддержанием здоровья (τὸ ὑγιαίνον), к области медицины или к области гимнастики, и ты потому захотел услышать мое мнение, что часто, по твоим словам, присутствовал при спорах врачей и гимнастов на эту тему. Поэтому сперва я попросил тебя описать твое собственное понимание (ἔννοια) таких терминов как «медицина», «гимнастика» и «поддержание здоровья». Спросил я это затем, чтобы не вышло вдруг так, что ты хотел послушать об одних вещах, а я начал бы говорить про другие, – тогда весь наш разговор касался бы только именований, а не предмета как такового. Ты же ответил молчанием, полагая, что мне следует говорить самому обо всех сторонах всех [упомянутых выше] вопросов, но это неверно. Иначе оказалось бы, что ты выдвинул не один вопрос, а множество: во-первых, что такое медицина, во-вторых, что такое гимнастика, в-третьих, вдобавок к двум предыдущим, что такое поддержание

здоровья, или непосредственно, как это было сформулировано изначально, к какому из искусств относится поддержание здоровья. К тому же этот последний, четвертый вопрос, как я уже не раз говорил, должен звучать не просто как «к какому из двух этих искусств относится поддержание здоровья», но сразу же требуется уточнение: является ли оно отличительной особенностью (ἴδιον) [медицины или гимнастики], или присущим (οἰκεῖον) одному из этих искусств, или же оно является частью (μέρος) одного из них, или еще как-нибудь, как кому будет угодно выразиться. В таком случае уже здесь будет некоторое начало для изыскания. Если же вопрос получит такой заверченный вид, то есть является ли поддержание здоровья присущим медицине или гимнастике, и если он, право же, будет задан, то после того, как будет установлено значение этих трех терминов, медицины, гимнастики и поддержания здоровья, необходимо будет помимо этого объяснить, что означает понятие «присущий» и каков принцип определения (καὶὼν τῆς διαγνώσεως) [этого понятия]. Это все-таки относится к нашему изысканию самым непосредственным образом, в то время как разговор о том, что такое медицина, что такое гимнастика и что такое поддержание здоровья, напрямую к делу не относятся, хотя касательно этих терминов необходимо прийти к соглашению.

Затем, так как ты тогда захотел разобрать только один предложенный тобою вопрос, но я видел, что ты медлишь, не отваживаясь приступить к нему, я попросил одного случайного свидетеля нашей беседы, философа, вполне овладевшего методом логического рассуждения, ответить на остальные вопросы. Он с готовностью согласился и, дав верные ответы на все вопросы, с легкостью, как ты знаешь, довел наше исследование до конца.

III. Было совершенно ясно, что ты сразу же нашел немалое удовольствие в методе тогдашних рассуждений, так как искомое было найдено быстрее, чем можно было ожидать. Позднее, неотступно меня преследуя, ты настаивал на том, чтобы я записал ту беседу, и принуждал меня к этому против моего желания: я не видел надобности запечатлевать на письме то, что касалось

одного полностью решенного вопроса, а разъяснять все множество остальных вопросов, подобных этому, мне было недосуг. Поэтому я подумал, что достаточно будет и вам, моим друзьям, того, чем мне самому случалось пользоваться в моих собственных занятиях, и [я решил] показать путь, пользуясь которым всякий мог бы решить не только наш вопрос, но и все прочие.

IV. Тот, кто в достаточной мере изощрился в том, что у философов называется логическою теорией, сможет использовать один и тот же подход в отношении любого предмета исследования. Без знания этой теории чтение записей споров о различных вопросах есть не что иное, как пустая трата времени. Для человека, этим знанием не обладающего, невозможно рассудить, что в этих записях правдивого, а что ложного, равно как невозможно и запомнить все написанное. Так как я взялся дать окончательный ответ на поставленный [тобой, Фрасибул,] вопрос, начать следует с того, о чем речь шла выше.

V. Зевс мне свидетель, если бы на вопрос, что же такое медицина, некто ответил, что это искусство, которое лечит недомогающих (θεραπευτική) и оберегает [от вреда] здоровых (φυλακτική), то ему тотчас бы показалось, что доказывать больше нечего, и он бы объявил поддержание здоровья частью медицины. Точно так же другой, утверждающий, в свою очередь, что медицина занимается только лечением больных, считает уже доказанным обратное и ничтоже сумняшеся отделяет поддержание здоровья от медицины. Затем, если третий скажет, что о сохранении здоровья радуется гимнастика, то и он с легкостью примет на веру [вытекающее из этого] положение, равно как если, наконец, четвертый заявит, что гимнастика наделяет человека телесным благосостоянием (εὐεξία), этот последний предложит иной ответ как нечто само собой разумеющееся. Вообще, собираясь дать какому-либо искусству определение или хотя бы беглый обзор, следует избегать бездоказательных отрицаний или утверждений и пытаться подойти к вопросу как бы с другой стороны и оттолкнуться от общепризнанного. Не лучше ли нам будет в таком

случае сказать, что медицина – это искусство, конечная цель (τέλος) которого связана со здоровьем, а гимнастика – это искусство, конечная цель которого связана с телесным благосостоянием, и такие предварительные описания этих понятий сделать исходной точкой нашего изыскания? Однако и в этом случае мы, недолго думая, изыщем поддержание здоровья из ведения гимнастики, но при этом оставим в неясности вопрос о его отношении к медицине. Ибо если конечная цель этого искусства – здоровье, то в нашем рассуждении появляется, пожалуй, уязвимое место для разграничения, поскольку утверждается, что конечная цель медицины состоит не в сохранении существующего здоровья, но в сотворении и порождении несуществующего. Впрочем, оба взгляда на этот вопрос могут быть подкреплены наглядными примерами. Если бы мы хотели показать, что и создание чего-то ранее не существовавшего, и сохранение его в целости впоследствии принадлежат одному и тому же искусству, мы бы припомнили такие искусства как зодчество, кораблестроение, плотничество и кузнечное дело. С другой стороны, если бы мы хотели показать, что одно искусство созидает, а другое сохраняет в целости, мы бы назвали ткачество и штопанье, а также тачание сапог и подкидывание подметок (νευρορραφία) (так ведь называют починку прохудившейся обуви). Стало быть, оказывается, что соткать плащ – дело одного ремесленника, а заштопать дыру – дело другого, равно как и изготовить сапог – дело сапожника, а залатать поношенный – починщика. В книге «О доказательстве» нами было разъяснено, что подобного рода рассуждения неприменимы в научных доказательствах, так что всякий, кто в должной мере изучил это сочинение, побрезгует идти таким путем и будет искать другой, лучший путь. Тот же, кто этого не сделал, может по собственному желанию выбрать любой из двух [приведенных выше путей рассуждения] и спорить по пустякам весь день.

VI. Для тех, кто станет утверждать, что конечная цель медицины – созидание здоровья, а не его сохранение и поддержание, а конечная цель гимнастики – телесное благосостояние, возникнет вдобавок ко всему вышесказанному еще один немаловажный вопрос. Ибо с необходимостью, я

полагаю, придется показать, что и для здоровья, и для телесного благосостояния одно искусство является сохраняющим (φυλακτικήν), а другое – созидającym (δημιουργικήν). В таком случае мы будем вынуждены заняться изучением еще и двух других искусств: первого, связанного с медициной, сохраняющего здоровье, и второго, связанного с гимнастикой, поддерживающего (διασωστικήν) телесное благосостояние. А коль скоро последнее – понятие двоякое, как было отмечено в другом нашем сочинении, трудно определить, что именно создает гимнастика: естественное (κατὰ φύσιν) телесное благосостояние или атлетическое. Не очевидно ли, что нам теперь нужно исследовать еще два искусства? И вот возникают искусства, числом шесть, конечная цель первых трех – созидание, конечная цель других трех – сохранение [созданного]. Ведь раз были установлены три возможные цели, здоровье, естественное телесное благосостояние и атлетическое, приходится довести число искусств до шести. И, конечно, если для двух видов телесного благосостояния и для здоровья потребуются разные искусства по причине их различия между собой, то совершенно необходимо будет и для здоровья, тоже двоякого понятия, ввести два искусства: одно для так называемого устойчивого состояния [здоровья] (καθ' ἑξίν), а второе для так называемого неустойчивого (κατὰ σχέςιν). Телесное же благосостояние лучше устойчивого состояния здоровья в большей степени, чем последнее лучше неустойчивого.

VII. Ты ясно поймешь, [о чем идет речь], внимательно рассмотрев свойства каждого [состояния здоровья], а сделать это можно следующим образом. Представь себе человека, какого ты не раз видел, недавно выздоровевшего, но еще слабого от жестокой болезни, настолько истощенного и неспособного самостоятельно передвигаться, что его приходится носить другим. Он более не нуждается в лечении, поскольку уже не болен, но ему требуется некоторое восстановление и накопление сил, чтобы стать достаточно крепким для обычной человеческой деятельности и мочь переносить то, что выпадает на его долю. Очевидно же, что такой человек, только что избавившийся от недуга, в своем теперешнем состоянии не

выдержит ни зноя, ни мороза, ни бессонницы, ни расстройства пищеварения, и с легкостью может снова заболеть, потому как он пока что не наделен надежным и крепким здоровьем. Однако даже если это состояние станет постоянным и устойчивым (καθ' ἑξίν), его все еще нельзя назвать телесным благосостоянием (само это понятие получается, если к слову «состояние» (ἑξίς) прибавить слово «благо» (εὖ)), при этом такое состояние уже перестало быть негодным и достойным порицания. Неспособность к обычной жизнедеятельности и чрезмерная подверженность вредным воздействиям – вот что негодно и достойно порицания. Если отсутствуют и препятствия к осуществлению [обычной] деятельности, и болезненная уязвимость к вреду, то это и есть устойчивое состояние здоровья, переставшее быть достойным порицания и непригодным для человеческой деятельности, но еще не заслуживающее похвалы. Оно будет ее заслуживать, если не только не будет отмечено слабостью действий, но и приобретет некоторую значительную силу. Устойчивое состояние здоровья в отношении обычной жизнедеятельности находится между телесным благосостоянием и неустойчивым состоянием. Последнее отличается слабостью действий, телесное благосостояние – силой, в случае же с устойчивым состоянием слабости уже нет, но и сила еще не появилась. Так или иначе ясно, что устойчивое состояние, хотя ему и отведено среднее место, более пригодно для всех житейских дел, чем неустойчивое состояние, но оно все еще далеко от совершенства. Оно относится только к телесному благосостоянию. Мне все это представляется в виде некой последовательности. [В ее начале] лежит то состояние, в котором житейские дела [человека] терпят ущерб от болезни. Далее находится состояние, в котором [человек] избавлен от вреда, но непригоден для деятельности по причине упадка сил, – это неустойчивое здоровье. Третье состояние, когда слабость уже прошла, но настоящей мощью (εὐρωστία) [человек] еще не обладает, – это устойчивое здоровье. Наконец, за ним следует четвертое состояние, как бы совершенство всех отправлений, – это телесное благосостояние. А их высшая степень развития и безупречность есть телесное

благосостояние, достигшее пика. Итак, искусство, приводящее человека в здоровое состояние, очевидным образом будет отличаться от искусства, занимающегося его лечением [от болезней], раз уж мы сошлись на том, во-первых, что для различных целей потребны различные искусства, а во-вторых, что для каждой цели должно быть два искусства: одно для ее достижения и другое для сохранения [получившегося результата]. Отсюда ясно, что представление о цели [искусства] объяло все предложенное нам ныне изыскание, и поэтому определения, в основание которых положено понятие цели, порождают немалые трудности.

VIII. Возможно, лучше будет, перейдя к самой сущности искусства, ее положить в основание изыскания. Так что же такое медицина? Кто-нибудь сказал бы, что это знание того, что относится к здоровью, и того, что относится к болезни. Однако и в этом случае окажется, что поддержание здоровья без раздумий воспринято как несомненная часть медицины. По этой причине, я полагаю, некоторые, утверждая обратное, признают за медициной только знание болезней. Но они прежде всего упускают из внимания то, что противоположные [явления суть части] одного и того же знания, и всякий, кому ведомо то, что касается болезни, с необходимостью не лишен знания и того, что касается здоровья. Впрочем, это соображение находится за пределами их понимания, так что оставим его и лучше скажем о втором их заблуждении. Быть может, у них получится проследить за нашей мыслью, которая состоит в том, что предмет исследования не обязательно должен быть включен в определение медицины. Ведь вполне можно взяться за решение вопроса с противоположной стороны, разделив значения понятия «здоровье» и показав затем, что медицина представляет собой знание наделенных здоровьем тел, указывающих на здоровье признаков и причин появления здоровья, но не имеет при этом никакого отношения к знанию того, что сохраняет здоровье. Кажется, что те, кто занимается подобным пустым мудрствованием, не имеют четкого представления о предмете исследования. Не знают они ни того, что мы называем признаком здоровья (σημεῖον ὑγείνης) (это примета, указывающая на

скорое выздоровление больных), ни причиной появления здоровья (здесь мы имеем в виду то, применение чего ведет к выздоровлению больных, то есть, конечно же, все лекарства). Наконец, им неведомо и то, что тело, получившее здоровье, мы называем «здоровым телом». Все это известно врачу, но никак не связано с нашей темой, разве что термины употреблены те же. Ибо решение выдвинутого изначально вопроса, а именно врачу ли поручен надзор за здоровыми или же это вотчина гимнаста, лежит, как было показано выше, в рассмотрении целей [медицины и гимнастики]. Является ли все же целью медицины здоровье как таковое, без различия между созиданием ранее не существовавшего и сохранением существующего, или только первое относится к ведению медицины, а второе – гимнастики? То же и в случае с последней: [считать ли] ее целью телесное благосостояние или здоровье вообще или созидание или сохранение чего-то одного из двух?

IX. Наше рассуждение показало, что если мы введем больше одного искусства, связанного с телом, то с немалой вероятностью придется увеличить их число до семи. Первое из них, самое очевидное и единственное, пожалуй, не вызывающее споров, занимается лечением болезней. Затем еще два: одно приводит неустойчивое здоровье в устойчивое состояние, а другое это устойчивое состояние поддерживает. Похожим образом [потребуется] два искусства, относящиеся к телесному благосостоянию, одно созидющее и другое сохраняющее. К ним прибавятся и два искусства, связанные уже с телесным благосостоянием атлетов. Ведь естественное телесное благосостояние называется просто телесным благосостоянием, в то время как в случае с неестественным атлетическим этот термин всегда используется с каким-нибудь дополнением, как, например, когда Гиппократ говорит примерно следующее: «Состояние атлета не сообразно с природой, [обычное] здоровое состояние лучше». В другом месте он снова повторяет: «наивысшее телесное благосостояние у тех, кто упражняется, опасно». ... однако [речь идет] о телах атлетов и тех, кто занимается упражнениями. Причем под последними здесь следует разуметь не тех, кто занят каким бы то ни было физическим трудом,

как то, допустим, копание, гребля, жатва или какое-нибудь другое естественное человеческое занятие, но тех, для кого упражнения самоценны, и кто оттачивает умение опрокинуть соперника. Почему состояние [тела атлета] противоестественно, мы объяснили в другом нашем сочинении. Важно из него для нынешнего разговора только то, о чем только что было сказано, а именно, что если мы введем больше одного искусства, пекущегося о теле, то таких искусств станет семь, а то и, клянусь Зевсом, девять. Ведь почему бы нам не назначить еще два искусства: одно создающее состояние наивысшего телесного благосостояния, а другое его сохраняющее? О том, что надо избегать и опасаться наивысшего телесного благосостояния, присущего любителям гимнастики, ясно сказано у Гиппократов. Что же до обычного, естественного телесного благосостояния, то его высшую степень надлежит не только поддерживать, но и всеми силами к ней стремиться. Таким образом, получается всего девять искусств, заботящихся о теле, из которых первые семь заслуживают похвалы, а два оставшихся очевидным образом порочны (какотехνίαι), как и, например, искусство украшения внешности (κοσμητική). Эти два, если не возражаешь, мы оставим в стороне и пройдемся снова по семи начальным искусствам. Первое, как мы сказали, врачует недуги, следующие два пекутся об устойчивом состоянии здоровья, другие два – о телесном благосостоянии, а последние два – о наивысшем телесном благосостоянии. Уже из этого отчетливо явствует, что если не назначить одно искусство с одной, разумеется, конечной целью, то мы будем вынуждены довести число искусств до семи. Ясно, что и целью этой не может быть ничто, кроме здоровья.

Х. Быть может, здесь следует остановиться подробнее и припомнить первым делом всем известную истину, что порочные искусства (какотехνίας) приносят всему, с чем они связаны, лишь мнимое благо, в то время как [подлинные] искусства приносят в своих областях подлинное благо. Вслед за этим стоит отметить, что если так называемое искусство украшения внешности создает поддельную красоту, то это вредное искусство и угодничество, и должно быть назначено какое-то другое искусство для чистой

и действительно настоящей красоты. Последняя заключается в здоровом цвете кожи (εὐχροία), умеренной полноте (εὐσάρκία) и соразмерности частей [тела], а все это – признаки естественного телесного благосостояния, которое мы и в другом нашем сочинении изъяли из ведения гимнастики. Тем не менее нелишним, пожалуй, будет изложить в общих чертах [то рассуждение], сделав его началом нынешнего разговора.

XI. Или здоровье – это правильное выполнение отправлений всех частей тела, или же последнее является необходимым следствием правильного телесного сложения, а здоровье – это и есть само правильное телосложение. Можешь выбрать любое определение из двух, так как это не имеет значения для нашего обсуждения. А теперь сосредоточься и с особым вниманием слушай, что я скажу далее. В чем мы имеем надобность – в правильном устройстве каждой части тела или же в правильном выполнении ее отправлений? Мне кажется, что никто равным счетом не захочет иметь непригодную для своего предназначения часть тела, ни незрячие глаза, ни лишенный обоняния нос, ни неспособные ходить ноги, ни какой-нибудь другой член тела, который либо вообще не выполняет своей работы, либо выполняет ее дурно. Ведь из всего, в чем мы нуждаемся, будь то жилище, обувь, ложе или плащ, ничто не требуется нам в своем несовершенном виде. Нет, мы нуждаемся не просто [в этих вещах], но в совершенных их образцах. Следовательно, ни вялая и шаткая походка, ни притупленное зрение или слух, ни еще что-нибудь [в нашем теле] неисправное не представляются нам чем-то желательным. Кто бы захотел иметь недостаточно здоровый цвет кожи, недостаточную полноту, силу или телесную красоту в целом? В самом деле, если мы испытываем надобность не в недостаточном, но в наилучшем выполнении [телесных] отправлений, то нам необходимо для выполнения этих отправлений и наилучшее телосложение. [Как было сказано выше], здоровье является либо первым, либо вторым. Отсюда очевидно, что никому не требуется несовершенное здоровье, но наоборот, всем нам потребно здоровье как можно более совершенное.

ХII. Конечно, если кто-то считает, что телесное благосостояние есть нечто отличное от совершенного здоровья, то пусть изыскивает одно искусство последнего и другое для первого. Если же они оба суть одно и то же, неизбежно и искусство [для них] будет одно. Итак, каким же образом телесное благосостояние и всесовершенное здоровье суть одно и то же? Во-первых, если мы уверены, что основанием второго является телосложение, и оно же в самом деле является основанием и первого, то они оба – одно и то же. Во-вторых, [это следует] из самой их сущности (οὐσία). Ибо телесное благосостояние (εὐεξία) есть не что иное, как «благое» «состояние» (εὖ ἔχουσα ἔξις), а состояние (ἔξις) – это постоянное расположение (διάθεσις), а соответственно, чему принадлежит состояние, тому же принадлежит и телесное благосостояние, они оба [существуют] по отношению к чему-то (πρός τι). Кроме того, о некотором человеке может быть сказано, что он обладает некоторым состоянием (т. е. навыком) в словесности, арифметике, астрономии, геометрии или любом другом из существующих [искусств]: всякий раз, когда возникает [некоторое] прочное положение, оно называется «состоянием». Для настоящего разговора, как бы то ни было, нет нужды проводить различие между расположением (διάθεσις) и положением (σχέσις). Следовательно, если телесное благосостояние принадлежит тому же, чему принадлежит состояние, а состояние при этом принадлежит кому-то, очевидным образом и телесное благосостояние кому-то принадлежит, причем тому же самому [человеку]. Однако речь сейчас идет не о состоянии в геометрии, музыке или словесности, но о здоровом состоянии. Стало быть, когда мы говорим о благосостоянии, это касается здоровья, а не словесности, музыки или геометрии. Именно это-то многие и упускают из виду и полагают, что понятие «телесное благосостояние» совпадает с понятием «здоровье», хотя последнее относится к некоторому расположению, а первое обозначает не просто расположение, но его лучшую и постоянную разновидность (ибо телесное благосостояние – это лучшее состояние того расположения [тела], которое мы называем здоровым). Приходится твердить одно и то же снова и снова, если стремишься истребить

старинное заблуждение большинства: понятие «телесное благосостояние» указывает не на расположение, сложение или деятельность, равно как и понятие «состояние». Последнее обозначает только устойчивое и постоянное расположение, первое же всего лишь прибавляет к состоянию хорошее [качество]. Оно ведь и состоит из слова «состояние» с приставленным к нему [корнем] «благо», который мы имеем обыкновение применять, выражая свое одобрение, ко всему, что устроено прекрасно и с подобающим совершенством. К чему же мы стремимся и чего неустанно желаем для наших тел? Ужели только того, чтобы они были в здоровом расположении? Или же [вопрос] скорее подобен тому, как если бы мы стали рассуждать, нужно ли нам ветхое и готовое вот-вот развалиться жилище или же соответствующее своему назначению, устроенное лучшим образом и как можно более долговечное? Никто ведь не хочет быть здоровым не в полной мере или лишь недолгое время. Нет вообще ни одного искусства, которое бы стремилось к худшему и менее долговечному, напротив, все созидательные искусства стремятся к тому, что при использовании одного и того же материала получится лучшим и наиболее долговечным. Конечная же цель (τέλος) не может быть ничем другим, как успешным достижением предмета стремления (σκοπός), а из сказанного [выше] ясно, что у искусства, пекущегося о человеческом теле, одна конечная цель и один предмет стремления. Сейчас нет надобности выбирать, называть его [телесной] крепостью, [телесным] благосостоянием, здоровьем, правильным телосложением, правильным выполнением [телесных] отправлений или же тем расположением или сложением, которое позволяет надлежащим образом выполнять эти отправления.

ХIII. Мне предстоит только одно: показать, что каждое искусство направлено на [некоторую] цель и предмет стремления. У всего, что только ни есть [в мире], есть одна цель, а эта цель есть не что иное как благо для этого существа. Так, совершенство винограда совпадает с его благом, и искусству, посвященному винограду, ни о чем, кроме этого, не надлежит заботиться. Подобным образом [обстоит дело] и в случае с оливой: посвященное ей

искусство имеет своим предметом стремления совершенство ее природы. Человеческое тело, конечно, есть одна из существующих [вещей], и для него возможно некоторое полное совершенство. И должно быть, в свою очередь, установлено некоторое искусство, чтобы сохранять это совершенство, если оно наличествует, и восстанавливать его, если оно отсутствует. Установим ли мы для этого искусства какую-то другую цель более низкого порядка? Это покажет уже начатое нами рассуждение. Получается, что у нас будет одно искусство, ведущее к телесному благосостоянию, другое к его наивысшей разновидности, третье к устойчивому здоровому состоянию, какое-то четвертое к неустойчивому, а в стороне от них будет пятое искусство, посвященное атлетическому телесному благосостоянию. Если же мы назначим целью одних искусств созидание, а других – сохранение, то для попечения о человеческом теле придется искать и учреждать не только эти [пять] искусств, но вдобавок еще столько же.

XIV. Из этого явствует, что не должно ни изобретать множества телесных благ, ни [назначать] одно какое-то [искусство] для созидания, а другое – для сохранения. Тому, кто способен вникнуть во все [рассуждение], довольствуясь главными соображениями, больше никаких [доказательств] и не потребуется. Тому же, кто неспособен этого сделать или кому следует [сперва] стереть из памяти все следствия ложных предположений, потребуются, я думаю, многочисленные дополнительные [доказательства]. Иные несправедливо полагают, будто телесное благо не едино, но есть [отдельно] здоровье, сила и красота, а также будто может существовать для каждого из них одно созидающее искусство, а другое сохраняющее, из чего они делают неправильные выводы. [Все это] необходимо опровергнуть. И в самую первую очередь следует разъяснить, что существует одно телесное благо в первичном и собственном смысле, с которым соотносятся все остальные [блага]. Все прочее, называемое телесным благом, носит такое название или в качестве части [единого телесного блага], или в качестве его причины, или же, если угодно, какого-то его следствия. Ибо если красота состоит из здорового цвета

кожи, умеренной полноты, соразмерности [членов] и некоторых других частей, что же препятствует телесному благу быть составленным из здоровья, силы и красоты? С другой стороны, что препятствует [считать] здоровье самым телесным благом, а красоту и [правильное] выполнение отправлений – его следствиями? Наконец, что мешает назвать первичным телесным благом [правильное] выполнение отправлений, а здоровье их причиной? Ведь тело [становится] поистине здоровым по тем же причинам, по каким оно становится сильным или красивым: ...то, что наделит тело [силой или красотой], тотчас же дарует ему и подлинное здоровье.

XV. Соответственно, и по этой причине [есть только] одно искусство, пекущееся о теле. Посредством одних и тех же занятий мы становимся одновременно и сильнее в своих действиях, и красивее видом, и здоровее, и [приобретаем] телесное благосостояние. Равным образом, если тело подвергается какому-то дурному воздействию, то и сила действий истощается, и красота меркнет, и телесное благосостояние разрушается, и здоровье слабеет, потому что все это, как и подобает, совместно увеличивается и так же уменьшается. Итак, для [правильного] выполнения [телесных] отправлений требуется правильное телосложение, посредством которого это отправление и происходит, [то есть] телосложение выступает по отношению к нему в качестве причины. Невозможно, следовательно, чтобы второе не существовало, если уже в наличии первое. И кроме того, оба они совместно возрастают и убывают. Если же они совершенствуются, одни называют это телесным благосостоянием, другие силой. Сила находится в том же отношении к выполнению [телесных] отправлений, что и [телесное] благосостояние к здоровью: в каждой паре одно возникает благодаря другому, и, как [телесное] благосостояние принадлежит кому-то, так и сила. [Телесное] благосостояние можно назвать, если тебе угодно, превосходством (ἀρετή) правильного телосложения или же превосходством состояния [тела], а силу – превосходством выполнения [телесных] отправлений. Превосходство – это то же самое, что и совершенство (τελειότης), и благо для каждой существующей

[вещи], которое и называют благом в первичном и простом смысле [этого слова]. [Телесное] благосостояние и сила и ухудшаются по одинаковым причинам. Здоровое расположение, как было сказано выше, называется [телесным] благосостоянием, а слабость отправления тела – недостатком и упадком сил. И красота, конечно же, с необходимостью следует за [телесным] благосостоянием, уродство – за слабостью. Итак, [сила, красота, телесное благосостояние и здоровье] взаимосвязаны: совместно увеличиваются и уменьшаются и совместно же совершенствуются и изничтожаются. Вредное для чего-то одного из них тотчас же вредит и всему остальному, а полезное для чего-то одного точно таким же образом приносит пользу всему сразу. Из этого так же ясно, что должно быть одно искусство, заботящееся обо всем перечисленном. На вопрос о том, что же именно является телесным благом в первичном и простом смысле [этого слова], отвечать в нынешней беседе нет особой нужды, но я все же прибавлю [несколько слов], дабы избежать недосказанности. Таковое благо, наиболее для нас необходимое, есть совершенство [телесных] отведений, для которого используются недостаточные понятия «сила» и «крепость». Следовало бы добавить: сила или крепость «в отведениях тела». За ним идет второе телесное благо, которое не является благом в простом смысле [этого слова] или благом как таковым. [Благом оно считается] потому, что оно совершенно необходимо для появления первого блага, блага как такового. Это – благосостояние здоровья. Для него используют опять-таки недостаточное понятие и дают тем самым повод для пустых измышлений. Ибо то, что нужно называть «благосостоянием здоровья», люди именуют просто «благосостоянием». За ним с необходимостью следует красота, третье телесное благо. Таким образом, телесные блага, равно как и блага духовные, разнородны и неравнозначны: первое – благо как таковое, второе – его причина, а третье – его неизбежное следствие. Что же из этой троицы искусство, пекущееся о человеческом теле, создает в первую очередь – здоровье, [правильное] выполнение отведений или красоту? Уже было ясно показано, что оно приносит пользу и создает все

три [блага], даже если благоприятствует только одному. Ведь если оно содействует [правильному] выполнению отправлений, то непременно также и здоровью и красоте. Первое не может возникнуть без порождающей его причины, а красота есть его обязательное следствие. Если [искусство] благотворит здоровью, то тотчас же [вместе с ним] и выполнению отправлений и красоте, так как они оба суть его следствия. Если, наконец, оно создает красоту, то так или иначе непременно уже создало перед этим здоровье, а если его, то и [правильное] выполнение отправлений.

XVI. Однако наше рассуждение стремилось изыскать, что же создается представителем искусства, [посвященного телу], прежде всего остального. Из сказанного выше совершенно ясно, что это искусство производит здоровье, за которым с необходимостью следуют [правильное] выполнение отправлений и естественная красота. Как только мастер останавливает работу, его цель достигнута. [В нашем случае] он остановится на выработке того состояния, в котором возможна естественная [человеческая] жизнедеятельность, а это-то и есть здоровье. После этого он уже не трудится над [правильным] выполнением отправлений и красотой, так как они обязательно появятся сами, даже и против желания мастера. У него нет совершенно никакой возможности им воспрепятствовать, раз было приобретено здоровье, однако в его власти помешать самому здоровью. Если же он каким-то образом подорвет здоровье, то уже не будет в силах предоставить телу [возможность] правильного выполнения отправлений или наделить его красотой. Итак, следует заключить, что связанное с телом искусство, какое бы оно ни было, само по себе и в самую первую очередь занимается здоровьем, а только потом, по некоторой случайности, выполнением отправлений и красотой. При этом несовершенные и недостаточные их разновидности не входят в сферу этого искусства: оно заботится о лучших, полноценных и высших образцах. Теперь мы в достаточной мере разъяснили, каким образом существует множество телесных благ и каким образом одновременно с этим такое благо всего одно, а также что

занимающееся телом искусство посвящено не всем телесным благам в равной мере, но одному из них в полном смысле, а прочим по воле случая.

XVII. Сейчас я попытаюсь показать и то, почему ни один предмет (ὅλη) не допускает существования одного искусства созидającego (по отношению к цели) и другого сохраняющего. Сперва я продемонстрирую, что это не согласуется с примером, [который приводят сторонники этой точки зрения], а затем что это не соответствует и самой природе вещей. Ибо даже если изготовлением обуви занимается одно искусство, а ее починкой другое, ими еще не доказано, что существует третье искусство, поддерживающее ее сохранность. То же самое и в случае с верхней одеждой: допустим, одно искусство шьет, а другое зашивает, но они не могут сказать, какое здесь третье искусство, занимающееся сохранностью платья. В случае же с нашими телами и вообще со всем, что управляется природой, природа является как бы мастером, подобным ткачу или сапожнику, а исправлением повреждений занимаются землепашец и врач, подобные, в свою очередь, тем, кто зашивает одежду или чинит старую обувь. Однако охранять лежащую дома одежду или обувь, чтобы их кто-нибудь не украл или чтобы их не погрызли мыши, не входит в область ни одного искусства, это дело [обычной] предусмотрительности. Если же некоторым так хочется, чтобы было искусство, посвященное сохранению этих вещей, то такие искусства у людей уже есть: полководческое, государственное и, если угодно, искусство привратников и других стражей. Ведь чтобы не быть во власти врагов и в целом дурных людей или диких зверей, мы построили жилища и города, окружили их стенами и назначили военачальников и правителей, но все это не имеет отношения к искомому искусству, сохраняющему здоровье. Нет, я полагаю, что такое искусство должно так или иначе печься о теле не по случаю, а вообще, поддерживая его здоровье и сохранность. Каждое из только что упомянутых искусств не является само по себе стражем здоровья, но становится таковым, когда вдруг удастся защитить чье-то здоровье и даже саму жизнь от диких зверей или убийц. Итак, все они становятся на страже здоровья только из-за

какой-то случайности, не будучи изначально и по сути своей к этому предназначены.

XVIII. В чем же в таком случае будет состоять предмет первичного [искусства], по определению занимающегося сохранением здоровья? Мне кажется, что не в том, с чем тело человека соприкасается не по необходимости, [а случайно], и не в том, что не оказывает на тело никакого влияния. Напротив, [он будет состоять] в том, с чем тело непрерывно взаимодействует даже против нашего желания, а точнее с теми из этих вещей, которые могут быть полезны или вредны. В них и вокруг них будет строиться деятельность [этого искусства]. Так, меч, дикий зверь, скала или петля – это не то, с чем тело человека неизбежно столкнется, в то время как с окружающим воздухом оно взаимодействует обязательно, причем двояким образом: во-первых, он разлит повсюду вокруг нас, во-вторых, мы втягиваем его в себя при вдохе. К этой же области относятся, конечно, сон и бодрствование, движение и покой, потому что [человек] обязательно спит или бодрствует, двигается или стоит на месте, равно как ест и пьет или испытывает голод и жажду или какое-то среднее между ними состояние. При этом всяческие разновидности кроватей и одежды не относятся к тому, что неизбежно [оказывает на человека влияние]. Ибо ложе с ножками слоновой кости ни полезно для здоровья, ни вредно, точно так же, как и простая походная койка. Носить скромные или роскошные одежды, пользоваться стеклянной, золотой или серебряной утварью, иметь в услужении красивых рабов или уродливых или обходиться вовсе без них и обслуживать себя самому – [для здоровья безразлично]. Все это существует не на пользу нам и не во вред ни как таковое и первичным образом, ни по случаю. Теплый или холодный воздух, в свою очередь, еда и напитки, покой и движение, бодрствование и сон с неизбежностью приносят пользу или вред сообразно со своими возможностями. Ветхое же рубище зимой или плотная и душная одежда в летнюю пору вредны не по необходимости, а по случаю, как пособники холода и зноя.

XIX. Итак, [человек], пекущийся о здоровье, следит именно за тем, что как таковое несет в себе возможность вреда или пользы. Как и каким образом [он это делает]? Когда тело уже достаточно опорожнено и есть опасность, что будет нанесен ощутимый вред, он предписывает питание. Когда тело высушено сверх меры и опасность исходит уже отсюда, он назначает питье. Таким же образом он велит упражняться, когда желает укрепить управляющую нами способность (*δύναμις*) или очистить мелкие поры, а если он чувствует, что тело или утомлено упражнениями или сверх меры обезвожено, он предписывает покой. Кроме того, он очистит желудок при застое, а при расстройстве, наоборот, сдержит его. Он будет действовать схожим образом и во всех прочих случаях, главное внимание уделяя тому, чтобы, во-первых, не вводить новшеств, пока тело совершенно здорово, во-вторых, лишь только каким-то образом нарушается полное равновесие, тотчас же возместить любую нехватку, прежде чем противоестественное отклонение станет слишком значительным. Это можно уподобить работе того, кто чинит одежду, нитки которой распускаются: он закрепляет не все их сразу и одновременно, но по одной каждый день, так что для большинства эта починка остается незаметной в силу своей незначительности. Чем-то похожим должен заниматься и поставленный надзирать за здоровыми мастер (*τεχνίτης*): подмечать и одновременно исправлять малую порчу или повреждение. Если бы [человеческое] тело было совершенно неподвержено вреду и было таким, каким его оставил его создатель (*ὁ ποιήσας αὐτὸ τεχνίτης*), оно бы вовсе не нуждалось в исправлении. Но коль скоро тело страдает от истечения и увядания, необходим некий бдительный страж, который будет распознавать качество и количество теряемого [вещества] и сразу же восполнять убыток тем же веществом в том же количестве. К примеру, происходит отток необходимой влаги: в таком случае следует возместить равный объем жидкости, предоставив питье. Растрачивается тепло – нужно вернуть его прежнее количество. Заметен недостаток сухости – теперь время для пищи. Одним

словом, убыток и утрата восстанавливаются понемногу, прежде чем они станут заметны большинству.

XX. Вот с чем это можно сравнить. Представь себе некие два сосуда со множеством проделанных в них отверстий. Будучи сперва оба наполнены, они в равной мере теряют вытекающую из них жидкость. Пусть у одного из них все время будет стоять наготове человек и подливать столько, сколько вытекает. Рядом с другим же, пока жидкости не станет заметно меньше, не будет никого, но потом мгновенно появится некто и наполнит сосуд до краев. Очевидно, что большая часть наблюдателей скажет, что первый сосуд не опорожняется и не наполняется, в то время как со вторым происходит и то, и другое. Точно так же обстоит дело и со здоровыми и больными телами. В обоих случаях исправления вносит одно и то же искусство, одинаковым образом восполняя недостающее: различие не в качестве исправления, но в его количестве.

XXI. Да и количественные различия во всех явлениях относятся к области одного искусства: принадлежность к области другого искусства с совершенной необходимостью означала бы и качественные изменения. Ты ошибаешься, если делаешь вывод о двояком способе исправления из того, что один сосуд потерял много жидкости до прихода мастера, а другой остается полным благодаря тому счастливому обстоятельству, что при нем постоянно находится [бдительный страж]. Замена одной распутившейся нитки или двух или четырех или пятисот – все это дело одного и того же искусства, равно как ремонт небольшого повреждения стены или значительного. В общем и целом, каким образом каждая из существующих [вещей] возникла, таким же и исправляется в случае порчи. Из переплетения [нитей] утка и основы получается [ткань] одежды. Возможно ли, чтобы повреждение или починка одежды обошлись без их участия? В любом случае какое бы то ни было повреждение означает, что страдает или уток, или основа, или и то, и другое, а исправление всегда одно: основа и уток переплетаются в подражание [изначальному способу] изготовления [ткани].

XXII. Однако частные действия вводят в заблуждение большинство, неспособное обозреть общую картину. Это [умение] относится к логическому методу, который не изучили и в котором не поупражнялись имеющие смелость ежедневно рассуждать о [диалектических] проблемах. Будь этот метод им известен, лучше бы, чем разбирать тысячи подобных проблем, они научили ему своих учеников раз и навсегда. Ибо усвоивший его более не нуждается в [знании] тысяч частных вопросов и способен прекрасно все сам для себя разъяснить. Тот же, кто с ним еще незнаком, вдобавок к неумению оценить, [хорошо или] плохо решены эти тысячи, лишен [возможности составить представление] о всем множестве [диалектических] проблем, [обсуждения] которых он еще не слышал. Следует немного отступить от темы и [высказаться] против тех, кто каждый день толкует с учениками о [диалектических] проблемах, сами не зная, о чем говорят, покуда остаются невыученными невежами в отношении логической теории и морочат своих учеников по незнанию мерила суждения. Ведь точно так же и здесь они болтают глупости сами не зная о чем, совсем не рассудив, следует ли отделять искусства друг от друга, руководствуясь частными действиями или общими, или же вместо этого [положить в основание разделения] предмет стремления и цель или не их, но материалы (ὑλη), орудия, начальные положения и умозрительные знания. Пожалуй, лучше будет и нам, раз уж я пообещал тебе пройти это испытание до конца, по возможности очень кратко обсудить вышесказанное, начав опять-таки с частных действий.

XXIII. Итак, существует некоторое частное действие, посредством которого мы накладываем шов на веки. При помощи другого, совершенно непохожего на предыдущее, мы снимаем катаракту. Путем третьего и четвертого, довольно отличных и от первых двух, и друг от друга, мы вырезаем сломанную кость из черепа или же – в случае [перелома] другой части тела, к примеру, предплечья или руки – делаем перевязку, растягивая [кость] и придавая ей [нужную] форму. Далеко от всех этих действий отстоит хирургическое лечение грыжи, от него, в свою очередь, отличается операция

при расширении вен, а удаление камней из мочевого пузыря – в стороне от всего вышеперечисленного. Большая часть упомянутых действий выполняется скальпелем. Однако нанести глазную мазь, вправить вывих, приклеить пластырь на какой-то участок тела, правильно использовать катетер, поставить банки – все эти действия производятся без скальпеля, при этом сильно отличаются и друг от друга, и от названных ранее. То же [можно сказать] и о разрезах вен, рассечениях артерий, надрезах кожи и проколах при водянке. И они, и великое множество других хирургических действий производятся непосредственно руками. Наконец, и виды лекарственных средств сильно отличаются друг от друга, а также от средств хирургических. Ибо нет ничего общего между питьем чемерицы, приемом пищи и голоданием и применением клистира или между массажем и купанием. Еще дальше от них отстоят промывание и очищение ран, употребление жидких, а затем и сухих снадобий, раскачивание на носилках, прогулки, борьба, питье скамония или смеси меда с молоком. Ничем на все [уже упомянутое] не похоже различие пульса и температуры, хоть оно производится кончиками пальцев, равно как и, я полагаю, [распознавание] жидкости, содержащейся в абсцессах, водяночных отеках, ганглиях, атеромах, меликеридах и стеатомах. Дело в том, что от случая к случаю мы очень по-разному ставим пальцы и двигаем ими, [различается] и направление движений и степень давления. Одним словом, мы, пожалуй, могли бы целый день рассуждать исключительно о различиях [частных] действий, столь велико их число.

XXIV. Всего приведенного выше уже вполне достаточно, чтобы понять, как сильно заблуждаются те, кто считает возможным пользоваться [различиями] частных действий для разделения искусств. Нет, конечно, такого глупца или безумца, который бы изъяс из ведения медицины упомянутые действия, назначив при этом для каждого из них отдельное искусство, к примеру, искусство рассечения грыж, как некоторые начали говорить, или камнесечения, или проколов при водянке. Ибо даже если один известен в первую очередь как мастер рассекать грыжи, второй – дробить камни, а третий

– делать проколы, их всех все равно называют врачами. То же, я полагаю, касается и тех, кто получил свое название от части тела, которую они главным образом врачуют: их называют глазными, ушными и зубными врачами. Других же в зависимости от употребляемых ими средств (ὑλῆ) объявили диетическими врачами, фармацевтами, а то и, клянусь Зевсом, травниками. Есть к тому же и те, кто прозвал некоторых лекарей «винными» или «чемеричными», из-за того, что часто видели их прибегающими к этим средствам.

Я считаю, что все люди по природе своей причастны началам логики и в большей или меньшей степени сознают, что в [частных] действиях есть как нечто общее, так и нечто различное. Конечная причина у них одна и та же, а предмет стремления у всех них – здоровье, но способы выполнения не одинаковы для всех, их число весьма велико. Если некто, назначив, как тот же Платон, для каждого случая отдельное искусство на основаниях образа действия и общего предмета стремления, затем разделил это искусство на виды и разновидности и каждую получившуюся часть опять назвал искусством, а потом захотел, соответственно, говорить о диетическом, фармацевтическом или хирургическом искусстве, я бы нисколько не стал возражать. Так, даже если бы он разделил каждое из упомянутых искусств и, к примеру, разбил диететику на такие четыре части как область принимаемого внутрь, (τὰ προσφερόμενα), область опорожняемого (τὰ κενούμενα), область деятельности (τὰ ποιούμενα) и область внешних воздействий (τὰ προσπίπτοντα) и назначил бы для каждой из частей собственное искусство, я бы и на это не сказал ни одного дурного слова. И даже если бы они снова были разделены на мельчайшие части вплоть до частных действий, я бы не воспретил утверждать, что в области принимаемого внутрь есть одно искусство для лекарств, другое для пищи, третье для питья. Наконец, я бы согласился, чтобы для каждого вида пищи, для каждого напитка, для каждого лекарства было свое собственное искусство. Однако если бы кто стал думать, что они отличаются друг от друга так же, как, допустим, арифметика от риторики или последняя от строительства или плотничества, вот с этим я бы уже не согласился. Ибо у них нет никакого

общего предмета стремления, а у названных ранее есть – он один, и это здоровье. Похожим образом обстоит дело с риторикой. Хотя это и единое искусство, я готов допустить существование отдельных искусств для [составления] вступления (προοίμιον), повествования (διήγησις), доказательств (πίστεις) и так называемого эпилога (ἐπίλογος) при сохранении того только условия, что они будут принадлежать одному искусству, называй их, как тебе угодно, разновидностями ли, частями ли. Полагаю, с медициной все точно так же: я признаю, что есть искусство хирургии, диететики и фармацевтики, но при том только, что у них всех один предмет стремления, благодаря которому все они с необходимостью являются частями одного искусства. Именно этот предмет стремления, по-видимому, собирает, связывает и принуждает несхожие [части] сложиться в единое искусство. Положим, один врач вырезает или отрезает [участок тела], подвергнувшийся гниению, а другой заращивает образовавшуюся полость и заполняет ее плотью. Кажется, будто это противоположные занятия, различные во всех отношениях, ведь и сами действия сильно разнятся, и результаты их разнонаправленны. Первый врач отнимает от уже существующего, в то время как дело второго состоит в порождении новой сущности. Однако ни в том, ни в другом случае действие, то есть вырезание или наращивание, не является целью само по себе. Точно так же прижигание, разрез и любое другое действие [врача] выполняются не ради самих себя, но так как без них невозможно достичь здоровья, к которому стремятся все, но разными путями. На основании различных видов действий, средств и частей тела выделяются хирурги, фармацевты и глазные врачи. Первые [называются так] на основании действий, вторые – средств, третьи – частей тела, однако из-за их общего предмета стремлений всех их зовут врачами. Ибо из-за различия врачуемых частей [тела] между собой, а также из-за того, что сами врачующие прибегают к различным действиям и средствам, в зависимости от этих частей, действий или средств одних называли глазными врачами, других хирургами, третьих фармацевтами, но все вместе они зовутся врачами благодаря [общей] конечной цели. Выше уже было показано, что

всякое искусство добивается блага для той сущности, к которой оно приставлено, при этом для каждой сущности есть одно первичное благо. Допустим, некто, прекрасно умея накладывать швы на веки, не разбирается в лекарствах, кто-то другой, замечательный знаток лекарственных средств, мало сведущ в диетических предписаниях, а иной, изучивший последние, не получил хирургической подготовки. Если мы, [руководствуясь этим], придем к выводу, что все это совершенно разные искусства, то сразу придется создать не три только искусства, а целых триста. Пусть один правильно применяет катетер, другой – клистир, третий превосходно рассекает вены, а четвертый артерии, но как только найдется тот, кто умеет делать все это, сразу же все [отдельные искусства] снова станут единым [искусством]. Безусловно, разделять ли единое искусство на множество частей из-за неумения его представителей или же, наоборот, собирать множество искусств воедино из-за чьих-то выдающихся способностей, – оба пути в равной степени порочны. Ибо в первом случае будет отказано в единстве риторике, арифметике, геометрии, музыке и прочим значительным искусствам, из-за объема которых люди, ими занимающиеся, не могут овладеть ими целиком. Второй путь позволит сводить воедино искусства, не имеющие ничего общего: так, если один человек окажется одновременно арифметиком, грамматиком и философом, кто-то может счесть, что [арифметика, грамматика и философия] суть части одного искусства.

XXV. Итак, давайте будем разделять искусства на основании установленных для них предметов стремления, а не числа людей, ими занимающихся, и смотреть не на частные действия, а на действия вообще. Ибо в каждом искусстве ты найдешь нечто общее для всех частных действий: по этой причине, хоть и кажется, что они очень сильно различаются, все же ничто не препятствует им быть частями одного искусства. Вот, изготовление [ткани] одежды есть не что иное, как переплетение [нитей] утка и основы. Отличается ли от него чем-нибудь шитье? Ничем, здесь тоже переплетаются [нити] основы с [нитями] утка. Поэтому если кто-то захотел бы переплести их с самого

начала, не прибегая к ткацкому делу, или тем способом, каким чинят теперь порванную одежду, или тем, каким плетут верши, корзины или сети, то у него получилась бы одежда ничуть не худшая, просто времени бы ушло больше. Все-таки не просто сообразуясь с целью, но стремясь достичь ее в кратчайший срок, люди изобрели [искусство] ткать на ткацком стане, отличающееся от прочего упомянутого выше частными действиями, а не действиями вообще. То же самое и с медициной: количество частных действий чуть ли не бесконечно, однако говоря вообще, задача у них всех одинаковая. Ведь тот, кто избавляет тело от чего-то лишнего, и тот, кто добавляет нечто недостающее, в целом оба заняты одним делом – придают телу естественную соразмерность, а это и есть здоровье. Тем же занимается и тот, кто согревает, охлаждает, сушит или увлажняет тело.

XXVI. Так, даже если бы у нас была возможность создать новое живое существо прямо с самого начала, то и в его появлении на свет, и в его исправлении мы бы действовали на одних и тех же основаниях. Закономерным образом, раз ни то, ни другое не является нашей первичной задачей, но природа главенствует и в сотворении животного, и в его исцелении во время болезни, она создает плоть одинаково, как изначально, так и теперь, одинаково снабжает питанием как зародыш, так и [взрослую особь]. Она действует схожим образом, и питает, и разделяет, и извергает, попросту говоря, природа все делает одинаково, как тогда, [в момент создания], так и сейчас. Что врач есть слуга природы, что прекрасно выражение «все во всем довольствуется природой», а также что она сама приводит болезни к разрешению и излечивает их, – обо всем этом достаточно сказано древними мужами, так что нужно ли мне об этом распространяться? Напомню только то, что важно для настоящего разговора, а именно, что созданием [нового] и исправлением изъянов занимается одно искусство, а не разные. А если даже и разные, то, как мы уже показали ранее, медицина похожа не на изготовление новой одежды, при котором появляется нечто ранее не существовавшее, но на починку порванной. Кроме того, мы показали, что сохранение чего бы то ни было бывает двух

видов и что первый вид, к которому и относится ставшее темой сегодняшнего обсуждения поддержание здоровья, подразумевает [настолько] постепенные и незначительные исправления повреждений, что от большинства оказывается скрытым его родовое отличие от врачевания (τὸ θεράπευτικόν).

XXVII. Мнение, будто постройка дома или изготовление одежды или сосуда или наделение [тела] здоровьем – это и есть цель [соответствующих искусств], изобличает людей, неспособных отделить цель от предшествующего ее достижению действия. Не само строительство дома является целью зодчества, но дом. То же и с другими искусствами: не само шитье одежды, строительство корабля, изготовление кровати и всего остального [выступает в качестве цели], но предмет, который остается и после завершения работы мастером. Таким именно образом созидательные искусства отделены от исключительно деятельных – в случае последних с прекращением деятельности исчезает и их цель. Ведь танцевальному искусству нечего показать, кроме непосредственного действия, тогда как плотничество [покажет] кровать, строительство дом, а медицина – здоровье. Стало быть, не возведение дома – цель строительства, как пляска – [цель танцевального искусства], а дом, нечто отличное от действия. Схожим образом цель ткацкого искусства – не ткачество и не ткань, а ткань, не создание или производство одежды, а одежда. Точно так же и создание, производство или исправление здоровья не является целью медицины. Все это целиком составляет деятельность врача, в то время как к частным действиям относятся разрезы, прижигания, вправление суставов и членов, придание [кости] нужной формы, перевязки или, на более высоком уровне родового обобщения, – хирургия, фармация и диететика. Цель же – здоровье, которое можно предъявить и после того, как врач закончил свое дело. Итак, не сохранение здоровья, не защита и не лечение вообще – это все виды деятельности – является целью, но [само] здоровье. Общий род деятельности, который объединяет все частные действия, разные люди называют по-разному, подразумевая одно и то же: кто-то говорит «лечить» (ὑγιάζω), кто-то «производить здоровье» (ὑγίειαν ποιεῖν), один говорит

«производство здоровья» (ποίησις ὑγείας), другой «оздоровление» (ὑγίανσις). Иные говорят то же самое, только выражаясь иначе: «лечение болезней» (ἱασις νοσημάτων), «врачевание» (θεραπεία), «уход за больными» (θεράπλευσις νοσούντων), «исцеление болезней» (ἰᾶσθαι) или, клянусь Зевсом, «избавление от болезней» (τὸ τὰς νόσους ἐκκόπτειν), «возвращение здоровья», [а кто-то говорит] «делать все необходимое» или «бороться с причинами, вызывающими болезни». Все они толкуют о деятельности, предшествующей цели, а не о самой цели, как если бы искусство, пекущееся о теле, было исключительно деятельным, подобно танцевальному или актерскому.

XXVIII. Что ж, теперь, когда мы привели разнообразные доказательства в пользу того, что не следует делить искусства исходя из частных действий, но возводить их к общим и наиболее близким к цели [искусства] действиям, а затем пытаться определить цель самих [частных] действий, пора выяснить, так ли обстоит дело и с различными материалами (ὕλαι).

Представляется, что один и тот же материал может, конечно, лежать в основании различных искусств, а одно искусство может пользоваться великим множеством материалов. Ведь дерево, к примеру, является общим материалом для корабельщика, плотника, изобретателя механизмов, зодчего и многих других, [точно так же] глина, камень и все прочее служат материалом самым разным искусствам. Медицина, в свою очередь, будучи единым искусством, пользуется тысячами материалов. [К ним можно отнести] само тело, принимающее здоровье, и различные виды пищи, напитков, лекарств и режимов. [Вернее], это-то и есть материалы, которыми пользуются врачи, а тело — это как бы то, из чего проистекает цель [медицины] и в чем она осуществляется. Очевидно, таким образом, что не следует разделять искусства и на основании материалов. Допустим, будет предложено считать одни материалы общими и применяемыми [разными искусствами], так сказать, по случаю (κατὰ συμβεβηκός), а другие частными и близкими одному искусству. Тогда наше тело как нечто естественное будет материалом естествознания, как нечто, способное стать здоровым (ὑγιαστόν), — медицины, как нечто,

наделенное телесным благосостоянием (εὐεκτήκός) или способное его достичь, – гимнастики. Но даже и в этом случае разделение искусств произведено не на каком другом основании, как на основании цели, ибо назвать тело «способным стать здоровым» значит отдавать себе отчет о цели [медицины]. Если, наконец, разделять искусства, руководствуясь их правилами (θεωρήμασι), то и здесь придется исходить не откуда-нибудь, а, в сущности, из цели, так как она определяет и выделяет правила, присущие каждому искусству. Разумеется, присущим (τὰ οἰκεῖα) искусству [следует считать] то, знание чего способствует достижению его цели. И в грамматике, и в музыке, и в риторике, и во всяком другом искусстве то, что позволяет непосредственно достичь цели [искусства] или то, что содействует лучшему и скорейшему приближению к ней, присуще этому искусству, а то, что никак не помогает на пути к его цели, – не присуще.

XXIX. Как ни посмотри, ход беседы вынуждает обратиться к понятию цели и проводить разделение искусств с помощью него, так как именно на основании [различия целей] искусства разнятся в общих своих действиях, присущих им правилах и началах. Ведь и эти последние, конечно, отличаются друг от друга в зависимости от целей искусств. Так, здоровье – это цель. Оно состоит из горячего, холодного, сухого и влажного [свойств]. Ясно, что в них [лежит] материальное начало [искусства] и что теоретическое начало связано со знанием о них, но для врача и для естествоиспытателя эти начала будут различны. Само это различие определено и выведено из [различия] целей наук [ἐπιστημῶν], и наше рассуждение, как и подобает, всегда изыскивает цель в качестве правила и мерила для всего, что касается искусств. Ибо учреждение всякого искусства берет начало именно в ней. Никто бы не стал хлопотать об учреждении медицины, не почувствовав прежде стремления к здоровью, об учреждении зодчества до возникновения желания [обзавестись] жилищем, об учреждении ткачества раньше [появления потребности] в одежде. Более того, искусство, учреждающее остальные искусства, также берет начало [из цели]. Способ, каким можно по заданной цели найти соответствующее ей искусство, руководствуясь [логическим] методом, показан в другом нашем сочинении.

Тому, кто хочет правильно следовать за нынешним рассуждением, надлежит сперва тщательно его изучить. Ибо тогда станет совершенно ясно, что и поддержание здоровья (τὸ ὑγίεινόν), и врачевание (τὸ θεραπευτικόν) оба подпадают под одно и то же теоретическое рассмотрение (θεωρία). А если б я стал переносить в настоящее сочинение все, подробно разъясненное в других трудах, то незаметно для самого себя растянул бы его сильнее писаний Менемаха и Менодота.

XXX. То, что в любом случае существует только одно искусство, пекущееся о благе для [человеческого] тела, достаточно, я полагаю, показано выше. Из рассуждений, представленных ниже, это же последует с ничуть не меньшей ясностью.

Еще нигде, собственно говоря, не было предложено подходящее название для этого искусства. Вполне возможно, что это не медицина и не гимнастика, а что-то третье. Вероятно также, что у него вообще нет названия, как и у многих других. Однако к этому мы обратимся чуть позже.

Итак, я объявляю истинными следующие суждения: во-первых, благо для нашего тела, каким бы оно было, едино, как и благо для всех прочих сущностей, во-вторых, едино посвященное ему искусство, даже если его благо отлично от всех прочих, в-третьих, к ним обоим, [благу и искусству], применим один и тот же метод [исследования].

Поскольку решено, что искусство, занимающееся телесным благом, едино, давайте теперь рассмотрим все его части, ибо в ходе этого рассмотрения мы, вне всякого сомнения, увидим, какой способностью (δύναμιν) обладает так называемое поддержание здоровья (τὸ ὑγίεινόν). А чтобы и сейчас произвести деление в соответствии с некоторым [логическим] методом, изучим сперва род, к которому относится искусство, посвященное телу. Совершенно очевидно, что его цель состоит не в одном только умозрении, как в случае арифметики, астрономии и естествознания, но и в некотором действии, направленном на тело. Я считаю не менее очевидным и то, что оно не полностью осуществляется в действии, как танцевальное искусство,

неспособное ничего показать после завершения своей деятельности. Ясно, стало быть, что оно относится или к созидательным (ποίητικάί) искусствам, или к приобретательным (κτητικάί), раз было выяснено, что оно не принадлежит ни к умозрительным (θεωρητικάί), ни к деятельным (πρακτικάί). Однако его нельзя отнести к приобретательным искусствам, как ужение или ловлю рыбу, или, говоря вообще, охоту, так как эти искусства заполучают или приобретают нечто из уже существующего, а не создают нечто, ранее не существовавшее. Остается [признать], что посвященное телу человека искусство относится к числу созидательных искусств.

Задача искусств подобного рода может быть двоякой: или нечто, не существовавшее ранее, создается целиком, или восстанавливается некоторая его часть, получившая повреждение. Исследуемое ныне искусство все-таки неспособно создать человеческое тело целиком, но в силах вносить частичные исправления, будучи схожим с портняжным искусством, правда, способ исправления у них очень разный. Природа как создает тело [человека], так затем и устраняет нанесенный ему урон, подобно искусству, занимающемуся одеждой. Интересующее нас искусство, в свою очередь, представляет собой как бы служанку природы. Итак, условимся ради продолжения разговора называть его восстановительным (ἐπανορθωτική). Вносить же исправления оно может или большие, или малые. Часть этого искусства, связанная со значительными исправлениями, пусть называется медицинской (ιατρικόν) или врачебной (θεραπευτικόν), а с малыми – предохранительной (φυλακτικόν). Конечно, первая часть сама по себе обладает великим разнообразием, ибо всякое количество (πᾶν πόσον) допускает бесконечное деление. Но так как ее обсуждение сегодня не входит в число наших намерений, отложим это и займемся делением второй части. Представляется, что на основании значимых различий ее можно разделить на три. В первом случае берется человек на самом пике здоровья, и в нем это [цветущее состояние] поддерживается: сам этот раздел [искусства] называют «забота о телесном благосостоянии» (τὸ εὐεχτικόν). Второй раздел занимается восстановлением здоровья недавних

больных, некоторые из новейших врачей называют его «укрепление» (τὸ ἀναληπτικόν). А уже между ними находится тот [раздел], который они называют именно «поддержанием здоровья» (τὸ ὑγίεινόν). Впрочем, в повседневной речи его называют и «поддержанием здоровья», и «предохранением» (τὸ φυλακτικόν). Итак, эти три раздела предохранительного [искусства], а именно укрепление, поддержания здоровья и забота о телесном благосостоянии, относятся к той части восстановительного искусства, которая занимается малыми исправлениями. При этом они отличаются друг от друга величиной исправлений: наименьшими занимается последний раздел, несколько большими – второй, еще более значительными – первый. Иные добавляют и четвертый раздел предохранительного искусства, вводя особое понятие «предупреждения болезней» (προφυλακτικόν). Его действие противоположно действию искусства, которое занимается восстановлением тех, кто недавно оправился от болезни. Очевидно, что два раздела, [укрепления и предупреждения], находятся как бы посередине между противоположными частями двух искусств, то есть того, которое занимается значительными исправлениями, и того, которое занимается малыми. Первые – вотчина врачевания, это всякому ясно, равно как и то, что вторым посвящены забота о телесном благосостоянии и поддержание здоровья. Между ними, [врачеванием и поддержанием здоровья] лежит то, что называется укреплением и предупреждением [болезней]: по сравнению с поддержанием здоровья они вносит большие исправления, а по сравнению с врачеванием – малые. По моему мнению, те, кто называет эти разделы «ни тем, ни другим» (οὐδέτερα), поступают довольно правильно. Однако об этом в другой раз.

XXXI. Для настоящего изыскания предохранительная часть посвященного человеческому телу искусства пусть будет разделена на три части: одна предназначается для людей в состоянии неустойчивого здоровья, другая для тех, чье здоровье устойчиво, третья же для обладающих телесным благосостоянием. Пусть первая – давайте сейчас не будем начинать спор о терминах – называется «укреплением» (τὸ ἀναληπτικόν), вторая –

«поддержанием здоровья», третья – «заботой о благосостоянии», при этом первые две занимаются улучшением, а последняя поддерживает существующее положение вещей. Условившись обо всем этом, давайте теперь припомним исходный вопрос. Звучал он, если память мне не изменяет, так: относится ли то, что мы называем поддержанием здоровья, к области медицины или к области гимнастики? Мы с самого начала не без оснований заметили, что все наше изыскание касается определений. Ведь зная, что же все-таки такое медицина и что такое гимнастика, мы бы без труда выяснили, кому из них принадлежит поддержание здоровья. Что же до того, что такое само поддержание здоровья, здесь, я полагаю, все уже сказано довольно отчетливо: это или то же самое, что предохранение здоровья (τὸ φυλακτικόν) вообще, или средняя из трех его частей, направленная на устойчивое здоровье. Дальнейший разговор, как мне кажется, касается исключительно терминов, в то время как насчет самого предмета не может быть разногласий, покуда признаются и остаются в силе приведенные ранее положения. Я бегло напомним их, а затем перейду к изложению терминологической части.

Итак, я утверждаю, что как для хорошей одежды, жилищ и обуви, так и для тела человека существует некоторое искусство, которое, будучи единым, состоит тем не менее из двух частей, созидающей и исправляющей. Обе они принадлежат в первую очередь природе, однако исправляющей части содействует человеческое искусство. Оно тоже делится на две части – медицину, или врачевание и предохранение. Последнее называется также и поддержанием здоровья. У него есть три раздела: первый – укрепление, второй – забота о телесном благосостоянии и третий, соименный ему самому, – поддержание здоровья. И вот, ежели кто-то желает выяснить насчет всего, [называемого] предохранением, или насчет его части, относятся ли они к медицине или гимнастике, ему следует разобрать вопрос целиком, как я это только что сделал. Затем необходимо сказать, что искусство, посвященное телу, едино, а называть его, дорогой мой, ты можешь, если пожелаешь, медициной, а если такое название тебе не по нраву, то гимнастикой. Если тебе

не подходит ни то, ни другое, скажи, что целиком это искусство не имеет имени, но одна его часть называется медициной, а другая гимнастикой. Если и с таким делением ты не согласен, противопоставь врачеванию некое искусство поддержания здоровья (ὑγίεινὴν τινα τέχνην), а его частями, если хочешь, объяви диететику и гимнастику. А когда будет рассмотрен каждый термин, все остальное станет тебе ясным само собой.

XXXII. «Постой-ка, – скажет кто-нибудь на это, – все же проводить терминологические различия нужно не как заблагорассудится, но на основании правильного положения дел». Что ж, ответить опять-таки мне следует примерно так: «Послушай, любезнейший, если ты собираешься указать мне, что речь идет уже не о вещах, поставленная же тобой задача состояла в разъяснении терминов, увиливать я не стану. Вместе с тем, признаюсь, о терминах, не только о тех, с которыми мы сейчас столкнулись, но и обо всех остальных, сказать мне совершенно нечего. Я полагаю, что если перед вами слово из ассирийского языка, то выяснять, какую вещь им обозначают, нужно у самих ассирийцев, если слово персидское, индийское, арабское, эфиопское или чье угодно другое, то спрашивать надо представителей соответствующего народа. Прозвучавшее слово само по себе не означает ничего». Итак, мое мнение ты услышал. Есть, правда, люди, утверждающие, будто само по себе слово обладает для них каким-то значением. Я представил им множество кельтских, фракийских, мизийских и фригийских слов и попросил назвать предмет, который обозначает каждое из них. Когда они заявили, что это им под силу только со словами греческого языка, я немедленно предложил [проделать то же] со словом λιμὴν (гавань). Они ответили, что это то место, куда причаливают корабли, но на это я возразил, что фессалийцы называют этим словом то, что у нас известно под названием «агора». Тогда они начали утверждать, что фессалийский диалект им незнаком, как если бы это не означало согласия с тем, что я высказал в начале, а именно, что нет никакого другого способа узнать, какому предмету соответствует понятие, кроме как спросить тех, кто это понятие установил. Для

людей, недалеких в этих вопросах, я написал отдельную книгу. Для тех же, кто хочет узнать в первую очередь именно само положение вещей и прикладывает усилия к этому полезному делу, а понятия, обозначающие эти вещи, желает изучить только для взаимопонимания, я расскажу о словоупотреблении, принятом у греков. Речь, конечно, пойдет не о всех греках и не о всех словах, в противном случае это было бы предприятие, достойное скорее толкователя или грамматика. Я отдаю себе должное в том, что я обладаю наибольшими познаниями в аттическом словоупотреблении, ионийское, дорийское, равно как и эолийское, известны мне в меньшей степени. Большинство терминов из этих диалектов мне скорее неизвестны, чем известны, а в случае с аттическим диалектом все, я бы сказал, наоборот.

Если все же хочешь обсудить термины, то вот что говорит Гомер:

Опытный врач драгоценнее многих других человеков,

Зная вырезывать стрелы и язвы целить врачевствами.

И в другом месте:

Много целительных снадобий, много губительных зелий,

Всякий же врач знает все о лекарствах и ядах смертельных.

Таким образом, по Гомеру, медицинское искусство занимается лечением больных как посредством лекарств, так и с помощью хирургических вмешательств.

XXXIII. Существовала ли во времена Гомера еще и третья, диететическая часть медицины, об этом я гадать не буду. Во всяком случае тот, кто превосходит меня одновременно и старшинством, и знанием жизни эллинов, – философ Платон – утверждает, что древние потомки Асклепия вовсе не прибегали к этой части медицинского искусства. Однако, полагаю, никто не станет спорить с тем, что, во-первых, существуют эти три раздела медицины, а во-вторых, что искусство, занимающееся лечением тела, пребывающего в неестественном состоянии, называется всеми греками медициной. Понятия гимнастического искусства у Гомера еще не было, и вообще ни один гимнаст, в отличие от врача, у него не упомянут. И даже у Платона, в свою очередь, это

понятие встречается не часто, при этом представителя этого искусства он предпочитает называть педотрибом, а не гимнастом. Дело в том, что искусство гимнастики появилось незадолго до Платона, именно тогда, когда было положено начало атлетическим занятиям. В древности один и тот же человек, занимавшийся естественными повседневными делами и обладавший подлинным телесным благосостоянием, мог не только участвовать в соревновании по борьбе, но и состязаться в беге. И зачастую такой человек одерживал победу в обоих этих состязаниях, а также в метании дротика, стрельбе из лука, метании диска и гонке колесниц. Позднее эти навыки были отделены друг от друга, и все уподобились гомеровскому Эпею, последнему во всех естественных занятиях, но сильному в кулачном бою, применение которому есть только на состязаниях. Они не способны ни пахать, ни копать, ни проделывать [длинный] путь, словом, предаваться каким бы то ни было мирным занятиям, не говоря уж о войне.

XXXIV. Против свойственного таким людям телесного благосостояния, равно как и против искусства гимнастики, поставленного над ними надзирателем, я уже ранее высказывался. При этом я одобрительно отзывался о другом виде телесного благосостояния, одновременно как безопасного, так и полезного для всех естественных человеческих занятий. Существуют два средства для его достижения и поддержания: так называемый здоровый образ жизни (ὑγιεινὴ διαίτα) и упражнения. Всего же есть четыре рода средств, с помощью которых в тело человека вносятся изменения, а именно хирургия, лекарства, диетические предписания и упражнения. Одно из них бесполезно для больных, а два для здоровых. Ибо больной может нуждаться в самых разных лекарственных средствах, хирургических вмешательствах и изменениях режима, но никакой нужды в упражнениях для него нет. Здоровому, напротив, точно потребны упражнения и соблюдение некоторого режима, но лекарства и хирургические операции ему ни к чему.

XXXV. Итак, гимнастика является частью искусства поддержания здоровья, а достаточные сведения о них обоих предоставил нам Гиппократ. Он самым тщательным образом описал все, что необходимо знать о [свойствах] воздуха и различных местностей, о ветрах и временах года, равно как и о видах пищи, напитках и повседневных занятиях: ведь именно они составляют образ жизни. Схожим образом он достаточно рассказал не только о подходящем для упражнений времени, их количестве и качестве, но и о массаже. Платон, как кажется, использует обозначение части для обозначения целого, называя искусство поддержания здоровья гимнастикой. [Делает он это] потому, что занимаются ею исключительно здоровые, так как больные к ней не прибегают вовсе, а также потому, что только она, по его мнению, нуждается в услугах надзирателя. Ведь в случае с телом, пребывающим в полном здравии и действующим согласно естественным позывам, вряд ли может быть какая-то ошибка относительно качества пищи или времени ее приема. Это, впрочем, заслуживает отдельного разговора. Однако та гимнастика, которую Платон считал частью искусства, посвященного телу, отличается от той, которая в почете ныне, и это станет совершенно понятно из приведенных ниже цитат. Вот, я выпишу для тебя его слова. Первый отрывок из «Горгия» звучит так: «Раз существуют два предмета, значит, и искусства тоже два. То, которое относится к душе, я зову государственным, то, которое к телу, не могу обозначить тебе сразу же одним словом, и, хоть оно одно, это искусство попечения о теле, я различаю в нем две части: гимнастику и врачебное искусство» (пер. С. П. Маркиша). Здесь Платон ясно показал, что есть только одно искусство, занимающееся лечением тела, и оно состоит из двух основных частей, а также что они имеют название, в отличие от этого искусства в целом. А то, что это искусство стремится к лучшему и что это и есть телесное благосостояние, явствует из следующего отрывка (Платон говорит обо всем этом в одном своем сочинении):

-Ты называешь нечто телом и нечто душой?

-Ну а как же?

-Стало быть, ты считаешь, что для них обоих существует некоторое благосостояние?

-Именно так.

-Что ж, не бывает ли мнимого благополучия, не существующего на самом деле? Вот что я имею в виду: кажется, что тела многих людей в полном порядке, и заметить, что это не так – сложная задача, которая под силу врачу или кому-нибудь из числа сведущих в гимнастике (τῶν γυμναστικῶν) (перевод мой).

Вслед за этим Платон объясняет, что цель врача и гимнаста состоит в стремлении к лучшему, в то время как повар или украшатель стремятся к наиболее приятному.

XXXVI. Гимнастика, которой занимаются те, кто тренирует атлетов, прикрывается почтенным именем, будучи на самом деле порочным искусством. Во времена Платона она еще не настолько отделилась от естественного порядка, насколько она далека от него ныне, но уже начинала отклоняться от стремления к лучшему. В третьей книге «Государства» Платон порицает ее, [исходя из того], что она является не чем иным, как способностью бросить соперника наземь: «Клянусь Зевсом, – сказал он, – мешает в высшей степени, если такая излишняя забота о своем теле выходит за пределы гимнастики: она приносит трудности и в домашних делах, и в военных походах, и в твердом исполнении служебных обязанностей в городе. Но самое главное, такая излишняя забота служит препятствием для приобретения любых знаний, для размышлений и работы над собой: ведь люди предполагают, что этим вызывается всегда какое-то чрезмерное напряжение ума и головокружение, и винят в этом философию, будто она, с помощью которой развивают и проверяют добродетель, всему помехой и будто именно она заставляет человека считать себя вечно больным и непрестанно мучиться состоянием своего здоровья» (пер. А. Н. Егунова с незначительными изменениями). В отрывке, который идет ниже, Платон с еще большей ясностью показал, что считает целью гимнастики не способность бросить [противника]

наземь, но занятие естественными делами: «Он будет заниматься гимнастическими упражнениями и преодолевать трудности во имя природной отваги и пылкости духа, ради их пробуждения, а не ради приобретения силы,— не то, что другие атлеты, которые и питаются, и переносят тяготы только для того, чтобы стать покрепче» (пер. А. Н. Егунова). Из всего этого видно, что насчет того гимнастического искусства, целью которого является атлетическое телесное благосостояние, Платон твердо придерживается мнения Гиппократата. Ибо он осуждает его бесполезность в государственных делах, о чем последний коротко сказал примерно так: «Состояние атлета не сообразно с природой, [обычное] здоровое состояние лучше». То, что доведенное до предела состояние атлетов, к которому они стремятся, опасно для здоровья, как и то, что и Гиппократ, и Платон знали об этом, упомянуто в других наших сочинениях.

XXXVII. Раз уж я в самом деле взял на себя задачу высказать окончательное мнение о порочном телесном благосостоянии и порочной же гимнастике, напомним, насколько возможно коротко, основные касающиеся их положения. В противоположность здоровью, которое состоит в некоторой соразмерности, такая гимнастика создает несоразмерность, увеличивая вес и плотность тела и наращивая объем чрезвычайно густой крови. Дело в том, что она стремится к увеличению не только силы, но и размеров и тяжести тела, чтобы и с их помощью одолеть соперника. Уже, конечно, нетрудно заметить, что по этой причине она бесполезна для естественных занятий, а также вредна и в других отношениях. Ведь во всех подлинных искусствах наивысший успех определяется полным достижением их цели, в то время как в случае с этой гимнастикой это и есть самое худшее, потому что она ведет не к естественному состоянию, но, как говорил Гиппократ, противоестественному. Ибо, развиваясь, увеличиваясь и умножаясь, естественное благо улучшается, а все противоестественное становится чем больше, тем хуже. Поэтому-то некоторые [атлеты] внезапно лишаются голоса, оказываются невосприимчивы и бездвижны, а то и совершенно разбиты параличом, из-за того, что эта

противоестественная тяжесть и этот объем гасят [в теле человека] природное тепло, а также преграждают путь дыханию. Самые незначительные последствия, с которыми они могут столкнуться, – это кровавая рвота и кровохарканье после разрыва сосуда. Что же до творцов подобного телесного благосостояния, чьи удивительные сочинения разносят нынче люди с изуродованными ушами, то их уже пора наконец спровадить от нашей книги. Ты, дорогой Фрасибул, конечно, и сам знаешь, что я даже не считаю их достойными моего ответа. Что в нем толку для тех, кто только вчера или позавчера перестал набивать сверх меры брюхо и храпеть? При этом они дошли до такой наглости, что без зазрения совести распространяются о том, о чем даже те, кто получил достаточную подготовку в распознавании следствий и противоречий, не могут дать быстрого ответа. Что бы они смогли понять, услышав глубокое, разумное и точное наблюдение? Учитывая, что не все люди, которые с детства занимались благороднейшими науками, способны быть хорошими судьями в этой области знания, было бы поистине удивительно, если бы необыкновенным умом отличались те, кто упражнялись ради побед на состязаниях, но из-за своей бездарности потерпели неудачу и здесь, после чего внезапно провозгласили себя гимнастами. Без сомнения, остроте ума скорее способствуют бодрствование и грамотное размышление, а не сон. И почти все люди согласны с пословицей, что «толстый живот ума не дает», потому как это совершенная правда. Возможно, конечно, что уже одна только пыль [палестры] наделила этих гимнастов мудростью. Впрочем, разве кто сочтет грязь, в которой они часто катаются, источником мудрости, глядя на валяющихся в ней свиней? Маловероятно, однако, и то, что отхожие места, где они коротают свои дни, возвращают в них проницательность. Но они, право же, ничем другим никогда и не занимались. Ибо вся их жизнь, как мы имели возможность наблюдать, представляет собой замкнутый круг: они или едят, или пьют, или спят, или испражняются, или катаются в пыли и грязи.

XXXVIII. Итак, прогнав их прочь, призовем наконец людей, сведущих в подлинной гимнастике (все-таки мы не собираемся исследовать порочные

искусства): Гиппократ, Диокла, Праксагора, Филотима, Эрасистрата, Герофила и всех прочих, которые полностью изучили искусство, посвященное телу человека. Ты, не правда ли, только что слышал слова Платона о том, что у этого искусства нет собственного имени. Поэтому не ищи одного названия для всего этого искусства – ты его не найдешь. Но если бы вдруг тебе пришлось говорить о нем, то достаточно было бы, следуя за Платоном, разъяснить, что хотя [искусство] лечения тела едино, у него есть две части, гимнастика и медицина, первая очевидным образом предназначена для здоровых, а вторая для больных. Однако большего внимания заслуживает то, что Платон не противопоставляет искусство поддержания здоровья медицине, как это делали все упомянутые выше мужи. Приведем, если желаешь, несколько мест из сочинений одного из них, тем более что они общедоступны. Вот что пишет Эрасистрат в первой книге своего труда «О поддержании здоровья»: «Невозможно найти врача, который бы посвятил себя занятиям по поддержанию здоровья». Затем: «Вызванные каким-то заболеванием расстройства пищеварения и их лечение относятся к области медицины, а не поддержания здоровья». В другом месте он продолжает: «Если в теле есть некий изъян, ведущий к постоянной порче того, что в него попадает, и из-за этого возвращается нездоровое состояние жидкостей тела (какохуμία), то облегчение такого состояния – дело врача, а не знатока поддержания здоровья». Далее: «Обсуждать такие состояния и облегчать их надлежит врачам, а не знатокам поддержания здоровья». Отчетливо видно, что Эрасистрат использует термин «поддержание здоровья» не только для обозначения некоторого искусства, подобно всем прочим, но и для обозначения представителя этого искусства, точно так же как занимающегося врачеванием называют врачом. [Делается это для того], чтобы разделить искусство лечения тела, для которого у греков нет отдельного названия, на две основные части. Раз мы называем их врачеванием и поддержанием здоровья, то таким же образом давайте служителей этих искусств называть врачами и

знатоками поддержания здоровья. Схожим образом пользовались этими терминами и многие другие врачи.

XXXIX. Впрочем, как кажется, во времена Платона употребление термина «поддержание здоровья» еще не закрепилось у греков ни по отношению к [упомянутому] искусству, ни по отношению к опытному в нем человеку. Более того, сочинения Гиппократов о поддержании здоровья не озаглавлены «Поддержание здоровья», но одно называется «О диете», а другое «О воздухе, водах и местностях». Возможно, как я уже говорил, Платон полагал, что здоровые люди не нуждаются в соблюдении режима и что им достаточно только гимнастики. Вероятно, он не считал также, что укрепление здоровья (ἀναληπτικόν) и предупреждение болезней (προφυλακτικόν) относятся к области гимнастического искусства. Выше отмечалось, что они занимают промежуточное положение, их можно произвольно отнести как к медицине, так и к поддержанию здоровья. Однако если и их препоручить врачам, то к области последнего будет относиться совсем немного: рассмотрение [свойств] воздуха, воды, местности, упражнений и пищи, причем, конечно, не всякой пищи, но только той, которая годится для здоровых. Можно предположить, что поскольку врачевание появилось первым, все, касающееся воздуха, местности и воды, было врачам уже известно, так что им оставалось изучить только то, что связано упражнениями, чтобы зваться не просто врачами, но еще и знатоками поддержания здоровья. Следовательно, вполне правдоподобно, что целое получило свое название благодаря названию части. Однако этот разговор касается терминов, а не сути дела.

XL. Если же некто, сознавая, что речь здесь, как я уже отметил выше, идет об именовании, а не о существе вопроса, попросил бы меня высказаться и об этом, то я бы сказал, что тем, кто утверждает существование двух первичных частей общего искусства, лучше называть их поддержанием здоровья и врачеванием, коль скоро [знакомство с] методами логического разделения научило нас разграничивать между собой явления, принадлежащие к одному роду. Ведь если кто-то скажет, допустим, что есть животные

воздушные и водные, то добавить [в это противопоставление] род животных разумных будет очевидным образом неуместно. Ибо первое разделение требует присовокупления огненных и земных животных, так как эти два рода соответствуют двум предыдущим. Второй способ разделения, в свою очередь, требует противопоставления разумным животным неразумных. Точно так же смертному животному противопоставлено бессмертное, дикому – ручное, сухопутному – летающее и водоплавающее. Верхом нелепости было бы заявить, к примеру, что одни животные бессмертные, другие сухопутные, а третьи двуногие. Схожим образом дело обстоит и с искусством, посвященным [человеческому] телу: если кто-то хочет изыскать его части путем деления, то часть, занимающаяся лечением больных, будет названа медицинским искусством, а часть, посвященная заботе о здоровых, – поддержанием здоровья. Было бы еще лучше, как упоминалось ранее, [ввести] некоторое восстановительное искусство, связанное с телом, и назвать ту его часть, которая занимается значительными исправлениями, медициной или лечением, а ту, чье дело исправления малые и потому незаметные, если сделаны вовремя, – предохранением. А еще лучше будет, если ты дашь им названия на основании предмета их заботы (ὑλη): одна [часть искусства] печется о больных (νοσέρων), а другая о здоровых. Если бы ты затем захотел подвергнуть дальнейшему делению поддержание здоровья (оно же предохранение, ведь, как уже было сказано, здесь позволительно двоякое именование), то ты бы разделил его на три уже упоминавшиеся части в зависимости от установленного для каждой предмета деятельности (ὑλη): укрепление (τὸ ἀναληπτικόν), собственно поддержание здоровья (τὸ ὑγίεινόν) и сверх того забота о телесном благосостоянии (τὸ εὐεκτικόν). Каждому из них поручен свой предмет: первому – тело в состоянии неустойчивого здоровья, второму – устойчивого, третьему – тело, наделенное телесным благосостоянием. Ибо так случилось, что сами названия видов тел одноименны названиям соответствующих частей. Если же разделение было бы произведено исходя из различий медицинских средств, то искусство предохранения, или поддержания здоровья имело бы четыре части.

Первая будет заниматься тем, что человек принимает в себя, вторая тем, какие действия он выполняет, третья всевозможными телесными выделениями, а четвертая внешними воздействиями. Ведь посредством наблюдения за этими четырьмя составляющими и сохраняется здоровье. Итак, часть поддержания здоровья, посвященная тому, что человек принимает в себя, есть знание полезных для здоровья видов еды и напитков. Часть, связанная с телесными выделениями, является знанием видов пота, испражнений, мочи и вообще всего того, от чего тело должно очищаться. Часть, предусмотренная для внешних воздействий, представляет собой знание [свойств] воздуха, [пресной] воды, соленой морской воды, оливкового масла и прочих подобных вещей. Наконец, суть последней, четвертой части, поставленной следить за человеческой деятельностью, состоит в упражнениях и так называемых повседневных занятиях. Бодрствование, бессонница и сон, любовные утехы, гнев и тревога, а также купание – все они относятся к этой области, и знаток поддержания здоровья должен распознавать [надлежащее] количество и качество и подходящее время для каждого из них.

XLI. Следовательно, знание гимнастических упражнений является лишь незначительной частью искусства поддержания здоровья. Правильнее было бы, я полагаю, назвать гимнастическим искусством знание свойств всех упражнений вообще, так как то, что касается только упражнений, принятых в палестре, – это знание в высшей степени частное и наименее полезное. В любом случае лучше грести, копать, косить, метать дротик, бегать, прыгать, ездить верхом, охотиться, сражаться, колоть дрова, носить тяжести, возделывать землю и заниматься любым другим естественным трудом, чем упражняться в палестре. Теперь у тебя есть возможность увидеть не только, что гимнастика есть малая часть искусства поддержания здоровья, но затем и то, что все, имеющее отношение к палестре, представляет, в свою очередь, ничтожнейшую часть гимнастики, а также, что с нею смежен род деятельности атлетов. Этот последний служит причиной противоестественного состоянию [тела] и имеет руководителем дурное искусство, которое прикрывается благой

целью телесного благосостояния, но на деле приводит к чему угодно, только не к нему. При этом бывшие атлеты-неудачники внезапно оказываются знатоками этого порочного искусства, но в подлинной гимнастике сведущими были все-таки Гиппократ и сонм его последователей, которых я называл выше. Впрочем, далеко не все их суждения, касающиеся медицинских вопросов, верны, равно как и их суждения относительно упражнений. Однако сейчас перед нами не стоит задача опровергать эти ошибочные мнения. [Вместо этого мы намерены] предложить толкование понятия «гимнастика», [сказав], что это некоторое знание присущих упражнениям свойств, точно так же как фармацевтика – это знание свойств лекарств. Название обеих восходит к предмету каждой из них, также как и названия многих других [частей искусств], которые упоминались совсем недавно.

XLII. Из этого ясно следует, что те, кто противопоставляют гимнастику медицине, поступают неправильно, так как первая берет свое название от своего предмета, а вторая от рода своей деятельности как такового. Первичные виды [медицинской] деятельности суть частные действия, такие как, например, очищение при помощи чемерицы или скамония, рассечение вены, вырезание части кости, предписывание голодания или, наоборот, питания. Над ними, на уровне родовых понятий, стоят непосредственно общие виды деятельности – фармацевтика, хирургия, диететика. Все они имеют общее занятие – лечение, подобно тому, я полагаю, как и все действия, связанные с попечением о здоровых людях, объединены общим занятием – предохранением. Тот, в свою очередь, кто противопоставляет медицине это последнее, утверждает противоположность понятий, относящихся к одному роду. Ибо оба они получили название от рода своей деятельности, точно так же опять-таки, как попечение о больных (νοσέρων) и поддержание здоровья названы в соответствии с предметом своей деятельности, а фармацевтика и гимнастика в соответствии с применяемыми каждой из них средствами. При этом первая является частью попечения о больных и врачевания, а вторая частью поддержания здоровья и предохранения.

XLIII. Здесь нам следует быть особенно внимательными, чтобы каким-то незаметным образом не объявить, что надзиратель палестры есть то же самое, что и знаток гимнастики, и не выделить тем самым некую часть общего гимнастического искусства, которую можно было бы назвать искусством палестры. Ибо человек, умеющий правильно выполнять приемы борьбы и все частные действия, связанные с массажем, подобен пекарю, повару и строителю, которые знают, как испечь хлеб, приготовить кушанье, построить дом, но при этом не имеют ни малейшего представления и понимания того, что в хлебе, кушанье или доме полезно или вредно и каковы их свойства по отношению к здоровью. Искусство, пекущееся о нашем теле, все-таки одно, как уже не раз было сказано, а другие искусства изготавливают для него средства. Ведь и сапожник не знает ни того, кому лучше ходить обутым, а кому разутым, ни того, какая именно нужна обувь тем, кто ее носит. А вот Гиппократу это известно, и одному человеку он предписывает ходить в грубых непромокаемых сапогах. Конечно, он не собирается изготавливать их собственноручно, равно как и полководец не станет сам ковать шлем, панцирь, наконечник копья, щит, меч или поножи. Да и строитель находится в полном неведении относительно того, какая польза или какой вред будет от дома, построенного на возвышении или в низине, во влажном месте или в сухом, смотрящего на восток или на запад, обращенного к северу и холодного или обращенного к югу и жаркого, хорошо или плохо освещенного, или того, чем полезен и вреден подвал или чердак. То же и в случае с пекарем: ему неизвестно, кого следует кормить хлебом из белой муки, а кого из непросеянной, кому давать много хлеба, а кому мало и в какое время, тем не менее печет он его на славу. Схожим образом повар может уметь готовить блюда из чечевицы, ячменя, полбы, свеклы или чего-нибудь другого, ничего не зная об их свойствах.

Искусства подобного рода занимаются изготовлением средств для нужд искусства, врачующего тело, точно так же как другие искусства занимаются тем же для них самих. Пшеницу пекарю предоставляет земледелец, печь —

печник, дрова – лесоруб, кухонную доску – плотник. Затем для самого плотника один делает топор, другой плотничный шнур, а третий опять-таки доски. Так же сапожника снабжает сапожным ножом кузнечное искусство, кожей – дубильное, колодкой – плотницкое. Строителю, наконец, каменщики и камнетесы поставляют камни, кирпичники – кирпичи, плотники – необходимые изделия из дерева. Итак, все такие искусства нуждаются друг в друге и изготавливают для стоящих выше искусств сами те материалы, с помощью которых последние идут к своей цели, и те полезные орудия, которые служат им для упорядочивания этих материалов.

XLIV. Над всеми ними как некий управитель возвышается искусство врачевания тела, которое дает строительному искусству указание построить такой именно дом, сапожному – изготовить такую именно обувь, пекарскому – испечь такой вот хлеб, поварскому – приготовить такое вот блюдо, и каждому другому подобному искусству оно указывает сделать то, для чего каждое из них предназначено. Однако же было показано, что искусство поддержания здоровья представляет собой часть этого искусства врачевания тела и что гимнастическое искусство является одной из четырех частей искусства поддержания здоровья. При этом сама гимнастика выступает в роли управителя для известного числа искусств. При необходимости ехать верхом она указывает меру, подходящее время и качество для искусства верховой езды и делает то же самое для искусства псовой охоты и вообще всех видов охоты, когда нужда будет уже в них. Схожим образом гимнастика будет начальствовать, руководить и давать указания для копания, жатвы, рубки дров, гребли, пляски и любого занятия, требующего усилий.

XLV. Искусство, посвященное приемам борьбы, – назовем его, если пожелаешь, искусством педотриба, – это одно из таких искусств. Оно не имеет никакого представления о том, что полезно или вредно для тела, но занимается выискиванием разнообразных видов захватов [противника] и движений, способных повергнуть его наземь с наименьшими усилиями. В этом оно подобно танцевальному искусству. Однако последнее не пытается оспаривать

у врачевания тела его вотчину, в то время как искусство педотриба, впад неизвестным мне образом в совершенное помешательство, восстает против гимнастики, слово безумный слуга, поднимающийся на господина. Это можно сравнить с тем, как если бы какой-нибудь гоплит, конник, лучник, пращник или копьеметатель стал бы спорить с полководцем, который выстраивает войско, приказывает ему вооружиться, выводит его на поле боя или затем назначает привал. Солдата, который предложил бы полководцу выполнить какое-нибудь частное действие, а затем, обнаружив, что в нем он превосходит своего командира, потребовал бы части его власти или объявил бы свое искусство частью полководческого, сочли бы в известной мере лишенным рассудка. Лишен рассудка в не меньшей, я полагаю, степени и педотриб, полагающий, будто он причастен гимнастическому искусству или будто некая его часть находится в его ведении. Ибо подобно тому, как воин является слугой полководческому искусству, так и педотриб находится в услужении у гимнастики, покуда он обучает гимнастическим упражнениям. А в той мере, в какой он учит искусству борцовских приемов, он подчиняется уже другому занятию, которое я называю «искусством повалить на землю» (καταβλητική). Впрочем, те, кто занимаются подготовкой атлетов, о своем занятии так не говорят, они называют себя гимнастами. На самом-то деле искусство педотриба, как искусство стрельбы из лука, бывает двух разных видов: оно может быть связано с опрокидыванием противника, как военное дело, или с гимнастическими упражнениями, как медицина, то есть оба эти искусства служат сразу двум поставленным над ними искусствам. Точно так же сапожному искусству, с одной стороны, полководческое искусство дает указания относительно обуви, подходящей для какого-то солдата, с другой же, искусство, посвященное телу, поручает ему изготовление обуви, полезной для здоровья. Совершенно таким же образом поварское искусство готовит как полезную пищу для нужд медицины или поддержания здоровья, так и пищу, призванную только доставить наслаждение. Последняя служит уже не нуждам какого-то искусства, а угодию, цель которого не здоровье, а

удовольствие. Наконец, и искусство палестры занимается полезным для здоровья делом по требованию врача или знатока поддержания здоровья, но также способствует и достижению состояния, свойственного атлетам, подчиняясь не раз упомянутому порочному искусству, которое называет само себя гимнастикой, хотя лучше было бы назвать его искусством повалить на землю. Кстати говоря, лаконцы используют для него именно такое слово из своего наречия (καβαλική), а человека, обученного этому делу, называют не сильным, а умело бросающим (καβαλικώτερος).

XLVI. Именно поэтому здоровое государство ненавидит это занятие и гнушается им: оно губит всякую необходимую для жизни силу и служит причиной дурного состояния тела. Я ведь и сам не раз доказывал на опыте, что я сильнее атлетов, считавшихся лучшими и обладавших множеством победных венков. Ибо они все были совершенно бесполезны и в любом путешествии, и в военных делах, а еще больше в делах государственных и сельских. А уж если когда-нибудь возникнет необходимость ходить за больным другом, то они и вовсе окажутся самыми негодными людьми, неспособными ни дать совет, ни поучаствовать в обсуждении, ни помочь делом. В сущности, они столь же бесполезны, что и свиньи. И при этом самые злополучные из них, не добившись ни одной победы, внезапно называют себя гимнастами, после чего начинают визжать нестройными и грубыми голосами ничуть не хуже свиней. Иные из них берутся даже писать или о массаже, или о телесном благосостоянии, или о здоровье, или об упражнениях, а потом осмеливаются вмешиваться не в свое дело и противоречить тем, о ком вообще ничего не знают. Недавно один такой обвинил Гиппократ в неправильных суждениях о массаже. Когда я явился на место спора, некоторые из присутствовавших врачей и философов попросили меня изложить им всю суть дела. Из моего выступления стало ясно, что Гиппократ первым дал наилучшие разъяснения относительно массажа. Тогда этот гимнаст-самоучка, внезапно выступив на середину, раздел мальчика и велел нам начать растирать его и тренировать или ничего не говорить о массаже и упражнениях. Затем он завопил: «Когда это

Гиппократ посещал площадку для борьбы? А палестру? Он, может, не умел даже правильно умащаться маслом!» И вот он кричал и был совершенно не в состоянии молча слушать и вникать в то, что ему говорят, я же в это время спокойно вел беседу со слушателями. [Я объяснил им], что этот безумец действовал подобно повару или пекарю, которые бы осмелились рассуждать о ячменной каше или хлебе, а затем бы заявили: «Когда это Гиппократ был на кухне или на мельнице? А ну-ка пусть приготовит пирог, испечет хлеб, сварит суп и подаст устриц, а потом уж о них болтает!»

XLVII. Так что же, спросишь ты, мы называем Гиппократа и сонм его последователей врачами, если это слово относится не ко всему искусству, посвященному телу, но только к его части, связанной с лечением больных? Ведь кажется, что они освоили это искусство целиком, не обойдя вниманием и того, что касается упражнений. Дело в том, что врачевание было первой учрежденной частью этого искусства, потому как в нем была срочная нужда. Позднее, когда уже не было такой спешки, к врачеванию прибавились так называемое предохранение или поддержание здоровья, и случилось так, что все искусство получило название от своей части. То же самое приключилось и со многими другими искусствами. К примеру, мы называем геометрами людей, сведущих не только в плоских фигурах, но и в объемных, и нет такого, что одного называют геометром, а другого стереометром, – последнее слово вышло из употребления. Подобное мы наблюдаем и в случае с поддержанием здоровья (сейчас я говорю не о телах, в которых поддерживается здоровье, и не об образе жизни, поддерживающем здоровье, но о поставленных заниматься поддержанием здоровья людях, которых Эрасистрат обособил от врачей). Точно так же древние называли триерархами капитанов триер, а теперь так называют уже любых судовых командиров, даже если их корабль это вовсе не триера. Нечто похожее произошло и с медициной и врачами: по названию своей первой появившейся части все искусство, посвященное телу, стало с течением времени называться медициной, а знаток этого искусства – врачом. Следовательно, теперь на вопрос, частью какого искусства является

поддержание здоровья, вполне естественно ответить, что частью медицины. Ибо это понятие стало гораздо шире и уже обозначает не часть, но целое, и Гиппократ и всех нынешних лекарей справедливо называют врачами, ведь им известны обе важнейшие части искусства, врачевание и поддержание здоровья. Как было показано выше, они знакомы и, в свою очередь, с гимнастикой, то есть с частью уже самого поддержания здоровья. Подобно тому, как Гиппократ, Диокл, Праксагор, Филотим и Герофил были знатоками всего искусства, пекущегося о теле, о чем свидетельствуют и их сочинения, так последователи Теона и Трифона, со своей стороны, занимаются порочным искусством, связанным с атлетами, что так же изобличается их писаниями. Они называют одно упражнение разминочным (*παρασκευή*), другое частичным (*μερίσμόν*), затем третье законченным (*τέλειον*), а четвертое восстановительным (*ἀποθεραπεῖα*) и рассуждают о том, следует ли тренировать и упражнять атлета согласно определенному циклу или как-то иначе. Поэтому меня всякий раз охватывает изумление, когда я слышу, как те, кто ныне тренирует атлетов, начинают запальчиво утверждать, что поддержание здоровья – это часть их искусства, тогда как оно не является частью даже подлинной гимнастики, а наоборот последняя есть часть поддержания здоровья. Так зачем спорить об их порочном искусстве, которое вообще не относится к искусству, посвященному телу, и которое руководит занятием, презренным не только для Платона или Гиппократа, но для всех врачей и философов?

Индекс атлетических терминов

- ἄγχειν 170
ἀγωνίζεσθαι 163–164
ἀθλητής 173
αἰώρα 92
αἰώρησις 90–93
ἀκονιτί 155–156
ἀκόντιον 111
ἀκροχειρίζεσθαι 109–111
ἀκροχειρισμός 109
ἄκων 111
ἀλείπτῃς 33
alipta (aliptes) 34
ἀλινδεῖν 129
ἀλίνδησις 129
ἄλλεσθαι 97
ἀλτῆρες 119–120
halteres 119
ἀμεσολάβητος 156–157
ἄμμα 137, 139
ἀμυδρός 124–125
ἄνεσις 149–150
ἀντίληψις 141–143
ἀποθεραπεία 148–149
ἀποστήριξις 143–146
ἀποτομάς 111–112
ἄπωσις 141
ἄρπαστόν 115–116
harpastum 115
ἀσκεῖν 174–180
ἄσκημα 83–84
ἄσκησις 83–84, 98
ἀσκήτωρ 174
ἄτονος 123–124
βαλβίς 160
βαρύς 120–122
γυμνάζειν 174–180
γυμνασία 84–85
γυμνάσιον 78–99
γύμνασμα 85
γυμναστής 26, 31, 50–54
γυμναστική 26, 32, 50–59
γυμναστικός 26, 53
δίαιλος 103, 158–159
δίσκος 96, 102, 104
δόλιχος 103, 108, 121, 158
ἐκπλεθρίζειν 106
ἐνειλεῖν 130
ἐπιστάτης 53–55
(τὸ) ἐπιτεῖνον 149–150
εὐεξία 39–40, 53, 58, 133 166
εὖτονος 122–125
ἐφάλλεσθαι 131
ἑώρα 93
ζωννύναι 137–138
ιατραλείπτῃς 34
iatralipta (iatraliptes, iatroalipta) 34
κάματος 81–82
καμπή 107–108, 158–159

καμπτήρ 108, 158
 καταβάλλειν 58, 165
 καταβλητική 58, 60
 κατασπᾶν 136–137
 κόνις 156, 171–172
 κοῦφος 120–122, 174
 κυλίειν 129
 κυλίνδειν 129–130, 170–171
 κύλισις 129
 κώρυκος 113–114
 λαβή 139, 141–142
 λυγίζειν 168–169
 μερισμός 149–150
 μεσάγκυλον 111
 μεσολαβεῖν 137, 156
 μέσον διαλαμβάνειν 137, 156
 μεσεύειν 150
 νύσσα 158–160
 ὁμοιόρροπος 131–132
 ὀπλῖται (δρόμοι) 103, 121
 ὀρύττειν 102
 παγκράτιον 95, 100–102, 110, 113, 121
 παιδοτρίβης 24, 26–27, 29, 47–49, 60, 69–70
 παιδοτριβική 24, 47–49, 166
 πάλαισμα 48–49, 70, 124, 166, 170
 παλαιστής 110, 165–167
 παλαιστικός 142, 153, 166
 παλαίστρα 27, 49–50, 61, 97, 99, 119, 129, 136
 παλαιστικός 153, 165–167
 πάλη 31, 33, 69, 95–97, 100, 121, 155
 (τὸ) παρασκευάζον 149–150
 παρασκευή 149–151
 (τὸ) παρασκευαστικόν 151
 περίθεσις 117, 138, 140
 περιπλέκειν 137
 πηδᾶν 97–98
 πηλός 172
 πήλωμα 171
 πιτυλεύειν 105–106
 πιτυλίζειν 105–106
 πλέθρον 106–107
 πόνος 78, 80–82
 προγυμναστής 62
 προσπαλαίειν 110, 165
 πυγμή 95, 101–103, 121, 155
 σκάμμα 126, 156
 σκιομαχεῖν 96, 104, 108–109
 σκιομαχία (σκιαμαχία) 108, 111
 στρέφειν 168
 σφαίρα 51, 61, 96, 114–118
 σφαιριστήριον 115

sphaeristerium 115

σφαιριστικός 51, 61, 116

σφοδρός 78, 86, 91, 94, 118, 122–125, 132

συγγυμναστής 35

ταλαιπωρία 82–83

(τὸ) τέλειον (γυμνάσιον) 146–147, 150

(τὸ) τελεώτατον (γυμνάσιον) 147

τραχηλισμός 139, 145

ὑποπαιδοτρίβης 63

ὑποπαιδοτριβῶν 63

ὕσπληξ 160

φαινίνδα 116

ῶθεῖν 137, 141

ῶθισμός 141